

ПОДВИГ ЖИВЕТ ВЕЧНО

Рассказы
о разведчиках

18

22

Эта книга рассказывает о советских разведчиках, антифашистах-интернациона-

ПОДВИГ

листах. Среди героев очерков: Игорь Аганин, внедрившийся в фашистскую тайную полевую полицию, радистки советских разведгрупп Александра Анисимова, Анна Болотова, Ксения Абалова, Александра Полякова, самоотверженно действовавшие в конце Великой Отечественной войны в тылу врага, антифашисты из разных стран — Кристина Янева, Карол Копалек, Альберт Пал и другие, своими подвигами приближавшие День победы. Читатель узнает о деятельности таких выдающихся бойцов невидимого фронта, как Рудольф Абель, Джордж Блейк. Смелым разведчиком предстает на страницах книги видный писатель Эммануил Казакевич. Один из очерков посвящен малоизвестному эпизоду из истории борьбы с Врангелем.

ЖИВЕТ ВЕЧНО

Рассказы
о разведчиках

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

Составитель И. Василевич

П44 **Подвиг живет вечно: Рассказы о разведчи-
ках/Сост. И. Василевич.— М.: Политиздат, 1990.—
336 с.: ил.
ISBN 5—250—00415—6**

Настоящий сборник документальных очерков является тематическим продолжением ранее вышедшей книги «Люди молчаливого подвига» и повествует о советских разведчиках и антифашистах-интернационалистах. Открывает сборник очерк, повествующий о К. Макошине, сумевшем вернуть на Родину бывших врангелевских солдат и офицеров, рассказано о подвиге И. Аганина, внедрившегося в гитлеровскую тайную полевую полицию, о боевых делах писателя Э. Казакевича. Много неизвестных фактов приводится о деятельности Я. Крикмана, Р. Абея, Дж. Блейна и других героев-разведчиков.

Книга рассчитана на массового читателя.

П 0503020600—165
079(02)—90 172—89

ББК 63.3(2)7+63.3(0)62

ISBN 5—250—00415—6

© И. ВАСИЛЕВИЧ,
составление, 1990

ПОМНИТЬ О ПОДВИГАХ СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ

Передо мной лежит рукопись сборника «Подвиг живет вечно». В него вошли документальные очерки о героических делах советских разведчиков, подпольщиков и антифашистов-интернационалистов ряда стран.

Рукопись только что прочитана, но что-то побуждает вновь и вновь вернуться к ней. Позднее понял, что перестроечные процессы, происходящие в нашей стране, позволили авторам рассказать о таких событиях и фактах из отечественной истории, о которых раньше в открытой печати упоминалось очень сдержанно, конспективно или вообще ничего не говорилось. В очерках нашел беспощадную, горькую и светлую, проникающую в душу жизненную правду, неизвестные или малоизвестные детали многогранной, сложной деятельности людей молчаливого подвига. Перечитывая рукопись, отчетливо вижу в борьбе, в действии молодых, активных, красивых героев очерков. Снова восхищаюсь мужеством сынов и дочерей нашего Отечества, волнуюсь, беспокоюсь за их судьбу, словно впервые в жизни прикоснулся к подвигам разведчиков.

Мысленно переживаю минувшее, вспоминаю свой собственный пройденный путь. Он начался в 1919 году в партизанском отряде под Иркутском. Потом была пехотная школа, военная служба в Забайкалье, бои на КВЖД в 1929 году. Опять учеба и снова Дальний Восток... Будто вижу многих солдат, офицеров и генералов, рядом шагавших по трудным дорогам Великой Отечественной войны...

Моя армейская служба сложилась так, что с октября 1941 года и до конца войны был на фронте — командовал

стрелковой дивизией, корпусом, а в мае 1944 года назначен командующим 43-й армией, входившей в состав 1-го Прибалтийского фронта. В августе — сентябре 1945 года командовал 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта, принимал участие в разгроме японской Квантунской армии. Таким образом, почти четыре года жизни отданы непрерывным боям. Сколько за эти суровые годы пришлось повидать, сколько пережить и передумать. С кем только солдатская судьба не сводила на фронтовых перекрестках! Среди знакомых были военнослужащие всех рангов и должностей, многие из которых в боях проявили мужество и героизм. Но наши разведчики, отважные, мужественные, сдержанные, вызывали особое восхищение. В большинстве своем разведчиками становились еще совсем молодые люди. Но на войне они, исполненные боли за Отечество, осознанной ответственности за его судьбу, быстро мужали. Иной раз приходилось удивляться, сколько же в них физических сил и разума, смелости и рассудительности, ненависти к врагу и любви к Родине. Суровое, тревожное время, опасная работа! Они накопили огромный духовный потенциал и достойно проявили себя при выполнении боевых заданий.

Для молодых читателей, не прошедших службы в армии, отмечу, что военная разведка представляет собой совокупность мероприятий командования всех степеней по сбору сведений о действующем или вероятном противнике. Она является одним из важных видов обеспечения боевых действий войск.

Разведка возникла одновременно с зарождением военных действий, и ее развитие тесно связано с изменениями в средствах и способах ведения вооруженной борьбы. Можно с уверенностью сказать, что профессия разведчика — одна из древнейших и во все времена она окружалась дымкой таинственности. Нередко имена разведчиков и их судьбы на многие годы остаются неизвестными широким массам и даже родным и близким, а ведь у каждого разведчика есть свое имя, у каждого остались жена или дети, брат или сестра, подруга или друг, продолжающие ждать дорогого им человека. Так, о знаменитом теперь разведчике Герое Советского Союза Рихарде Зорге советские люди узнали лишь через 20 лет после его гибели. Разведчик Лев Маневич был похоронен в чужой стране и под чужой фамилией. Только спустя многие годы слава нашла его, жена и дочь смогли побывать на могиле мужа и отца, по-смертно удостоенного высшей награды Родины — звания

Героя Советского Союза. К великому сожалению, надо сказать, что в годы массовых репрессий трагически оборвалась жизнь многих наших разведчиков, честно и героически выполнивших свой долг.

О многих бойцах невидимого фронта, проявивших беспредельную преданность Родине, все еще почти ничего не известно. Сборник «Подвиг живет вечно» послужит одним из источников новых сведений о подвигах наших соотечественников и патриотов-интернационалистов, в разные годы выполнявших ответственные задания.

В Великую Отечественную войну у меня была возможность в боевых условиях оценить труд разведчиков. Со всей ответственностью могу сказать, что, когда командиры и штабы уделяли разведке должное внимание, когда разведка действовала умело, наши войска упреждали противника в нанесении ударов, навязывали ему свою волю и били его наперняка. Хорошая, тщательная работа разведчиков — это всегда многие сохраненные жизни бойцов, посланных командирами в бой. И наоборот, плохая работа разведчиков, их ошибки, как правило, очень дорого нам обходились.

Мое личное участие в многочисленных сражениях — в битве под Москвой, в боях на Юго-Западном, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах и на Дальнем Востоке — дает основание со всей ответственностью сказать, что командиры и штабы всех степеней при подготовке и проведении боевых действий своих войск, как правило, делали все необходимое, чтобы иметь в своем распоряжении достоверные и достаточно полные сведения о противнике.

В связи с этим вспоминается битва под Москвой. Генерал Рокоссовский, командовавший 16-й армией, в состав которой входила и наша 78-я стрелковая дивизия, строго требовал усиления внимания разведке вражеских войск.

— Сейчас главный наш помощник — действенная разведка, — указывал он. — Разведка и еще раз разведка! Выясните конкретно, где группируется противник, что, хотя бы примерно, он замышляет.

И впоследствии Константин Константинович Рокоссовский напоминал:

— Обеспечьте непрерывную разведку!

Мы четко выполняли эти указания очень уважаемого нами командующего армией — систематически направляли в тыл немецко-фашистских войск разведывательные группы. Конечно, ставились им только посильные задачи: иначе они не выполнили бы ни одной.

Позднее, когда мне пришлось командовать корпусом и армиями, многократно убеждался, что успех боевых действий наших войск определялся не только боевым мастерством, количеством наших войск и качеством их вооружения. Для обеспечения успеха надо еще и точно знать, где противник находится, каковы его силы и резервы, что он делает, каков характер его обороны, каковы намерения. Без знания противника нельзя рассчитывать на успех сражения с ним. Разведчики должны вести сбор необходимых сведений непрерывно, активно, в любых условиях, в любой обстановке. Штабы обязаны умело и быстро проанализировать и обобщить добытые всеми видами разведки сведения и своевременно довести их до заинтересованных инстанций. Но как бы хорошо ни были подготовлены командиры и штабы, как бы хорошо ни были обучены разведчики, одни они не в состоянии добиться успеха. В конечном счете замысел командования непосредственно выполняют войска.

Вспоминается проведенная летом 1944 года Витебско-Оршанская наступательная операция войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. В боях принимала участие и наша 43-я армия. Благодаря усилиям разведчиков и помощи белорусских партизан, к началу операции удалось в полосе действий армии вскрыть оборону противника до деталей и на большую глубину. Это обеспечило успех нашего наступления.

Находясь в тылу врага, разведчикам приходилось вести жесточайшее противоборство с контрразведывательными органами противника, проявляя при этом находчивость, бесстрашие, стойкость и умение владеть собой. Именно поэтому в тыл врага направлялись самые смелые, ловкие, смелые, физически сильные, беззаветно преданные Родине люди.

Вспоминая ставшее уже далеким военное время, горжусь тем, что по-отечески относился к разведчикам и от подчиненных мне командиров требовал заботливого отношения к воинам этой труднейшей профессии. Разведчики у нас были всегда на особом счету.

Вместе с тем надо откровенно признать, что не во всех случаях действия разведчиков были безупречными: на войне всякое бывало. И как показал опыт, некоторые их ошибки становились известными противнику. В этом отношении заслуживают внимания показания на допросе одного взятого в плен вражеского генерала. Он, в частности, говорил, что действия советских войск, и особенно

разведчиков, достойны высокой оценки: смелость и решительность, хорошая подготовка и тренированность, дерзость при выполнении поставленных задач. Однако отрицательной стороной является тот факт, что разведчики при выполнении своих непосредственных задач часто отвлекаются — ввязываются в бой как обычные пехотные подразделения и поэтому несут излишние потери.

Действительно, к сожалению, нередко наши разведчики забывали, что, находясь в тылу врага, они обязаны прежде всего заниматься сбором сведений о противнике, решать те задачи, ради которых направлены за линию фронта. Они должны помогать своим войскам не автоматным огнем, а наблюдательностью, гибким умом, наметанным глазом, умением быстро оценить добытые сведения и своевременно доложить их по назначению.

У молодого читателя может возникнуть вопрос: где истоки подвигов наших разведчиков, их отваги, доблести, безграничного патриотизма, проявленных в годы Великой Отечественной войны? Что позволило им, совсем еще молодым людям, преодолеть страх, многочисленные трудности работы за линией фронта?

Конечно, для многих наших разведчиков прекрасным образцом преданности Отечеству были русские воины далекого прошлого. Общеизвестно, что история России богата героическими свершениями. Но бесспорно, истоки блистательных подвигов советских людей в годы минувшей войны следует искать не только в том, что наши воины являлись потомками своих сильных духом предков. Хотя забывать этого нельзя, когда думаешь об истоках отваги, высоких нравственных принципах, выносливости и силе нашего народа.

Мощные истоки доблести наших Вооруженных Сил, в том числе и воинов-разведчиков всех национальностей, — в революции, в Великом Октябре, в строе, во всем укладе жизни советских людей, в верности идеям партии.

А разве наша молодежь не продолжала славные традиции воинов, сражавшихся на фронтах в годы гражданской войны и военной интервенции? Разве нашу молодежь не звали к борьбе с врагом подвиги прославленного Михаила Васильевича Фрунзе и его соратников? Звали! И штурмовые ночи Спасска, и волочаевские дни светили им. Слава Хасана и Халхин-Гола шумела в боевых знаменах наших полков и дивизий, воодушевляла защитников Родины.

Уже в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны проявился замечательный патриотизм всех народов

нашей страны. В тяжелейших условиях Красная Армия остановила врага. Славными вехами на пути к разгрому фашизма стали победы под Москвой и на Волге, под Курском и на Днепре, на Висле и Одере, в Восточной Пруссии и в Берлине. Перешагнув рубежи своей Родины, выполняя свой интернациональный долг, наши войны шли на помощь народам оккупированных фашистами и японскими милитаристами стран. Знали, что кровь проливают за правое дело. Великая цель рождала великую энергию, стремление сражаться, не зная страха, не щадя ни крови, ни самой жизни.

Следует вновь сказать, что о советских разведчиках, подпольщиках и антифашистах-интернационалистах, об их подвигах на невидимом фронте в нашей печати появлялось очень мало документальных произведений. Книга «Подвиг живет вечно» с искренними и правдивыми очерками в какой-то мере восполняет этот пробел. Теперь читатель узнает новые имена отважных бойцов «тихого фронта» или расширит знания о тех, о ком уже что-то читал или слышал. Может быть, очерки дополнят сложившееся о ком-то представление ранее неизвестными, важными штрихами.

Не могу не отметить, что уже в первые годы Советской власти в нашей стране были созданы новые разведывательная служба Красной Армии и органы государственной безопасности. В них добровольно пришли стойкие и убежденные защитники революции. Среди тех, кто в те годы выполнял задания в тылу врага, был Константин Макошин, о котором рассказано в очерке писателя Михаила Колесникова «За солдатами на Лемнос». Большинство читателей, надо полагать, немного знают о Константине Алексеевиче. Ветераны Вооруженных Сил, особенно участники гражданской войны, конечно же слышали о нем. Многим из них известно, что Макошин служил в царской армии, окончил военное училище и участвовал в первой мировой войне в чине штабс-капитана. В 1919 году вступил в Коммунистическую партию, в том же году по партийной мобилизации направлен в Красную Армию: был военным комиссаром штаба Южного, затем Юго-Западного фронтов. В 1920 году — член реввоенсовета 2-й Конной армии. После гражданской войны трудился на партийно-политической и хозяйственной работе.

Когда хотя бы кратко ознакомишься с основными вехами жизни Константина Макошина, становится понятным, почему командование Южного фронта остановилось на кандидатуре этого коммуниста, когда потребовалось сроч-

но найти человека, который смог бы выполнить рискованнейшее задание в стане врагелевских войск, бежавших из Крыма за пределы нашей страны. Автор очерка донес до читателя правдивый образ славного сына нашего народа.

На меня произвели глубокое впечатление воспоминания Николая Пономарева. Автор, сам в войну занимавший одну из руководящих должностей в штабе 47-й армии, поведал нам о боевых делах во время Великой Отечественной войны Эммануила Казакевича. С середины 30-х годов он, увлеченный поэзией, успешно выступал в печати со стихами, песнями, поэмами. Но когда на страну обрушилась страшная беда, Эммануил Генрихович ушел на фронт, защищал страну с оружием в руках. Значительное время служил в военной разведке. И не случайно, уже демобилизовавшись после войны, он написал повесть «Звезда» — великолепное произведение о героизме войсковых разведчиков, удостоенное Государственной премии СССР. Бывший разведчик стал известным писателем, для прозы которого военная тематика оставалась главной.

Вызывает уважение мужественный чекист Игорь Аганин, в годы минувшей войны по заданию Центра внедрившийся в одно из подразделений гитлеровской тайной полевой полиции и получивший чин фашистского офицера. Журналисты Михаил Кореневский и Александр Сгибнев рассказали о нем в очерке «Прошу пригласить свидетеля Аганина!».

За годы войны мне приходилось на фронте видеть многих девушек. Они были медсестрами, телефонистками, снайперами. Были летчицы. Знал разведчиц и не переставал восхищаться их мужеству.

Многие девушки прыгали с парашютом в тыл врага, работали там в составе разведгрупп. Они мастерски вели радиопередачи, участвовали в минировании железных и шоссейных дорог, перевязывали раненых товарищей, добывали интересовавшие командование сведения о войсках противника, а когда требовала обстановка, брали в руки автомат, пулемет, пистолет, гранату...

Очень хорошо, что в сборнике рассказывается о ряде славных девушек. С искренней благодарностью вспоминаем о мужественной работе разведчиц Анны Болотовой, Александры Анисимовой, Ксении Абаловой, Александры Поляковой-Новиковой.

Не могу не сказать об очерках, подготовленных журналистами-международниками Вадимом Кассисом и Сергеем

Колосовым. Убежден, никого не оставят равнодушными мужественные действия и яркие судьбы Василия Рощина, Рудольфа Абеля, Джорджа Блейка. Авторы показали волнующие, в ряде случаев весьма драматические события, связанные с ними. Презирая опасность, они с честью оправдали оказанное им доверие.

Несомненно большой интерес вызовут очерки, рассказывающие о смелой работе антифашистов-интернационалистов, в частности, о болгарке Кристине Яневой, словаке Кароле Копалеке, венгре Альберте Пале и других.

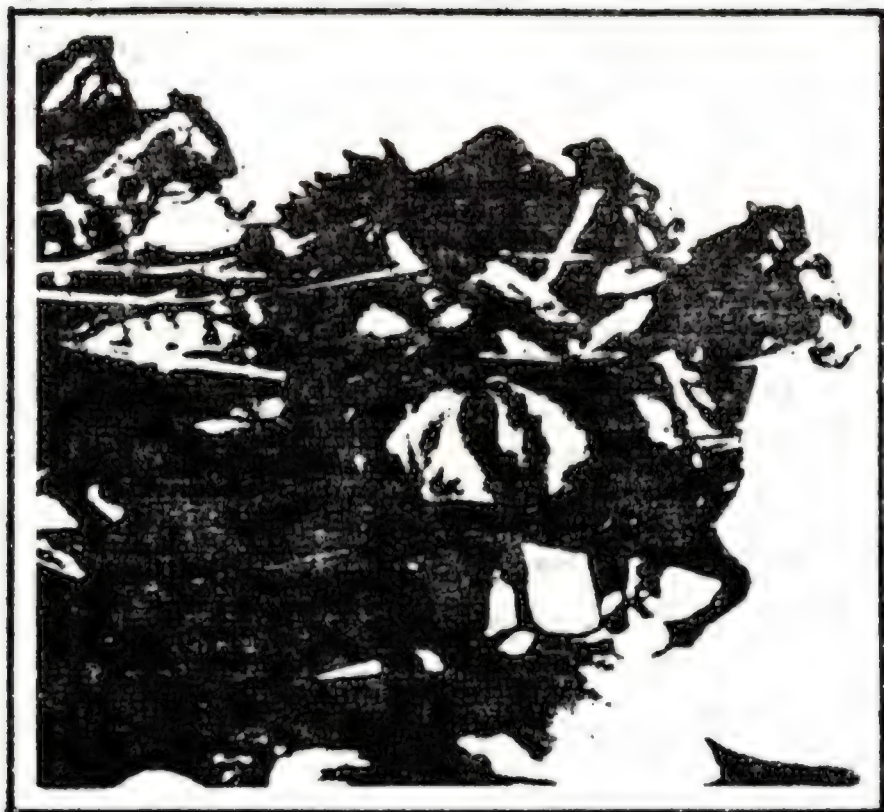
Уверен, что книгу «Подвиг живет вечно» с увлечением прочитают ветераны. А молодым читателям настоятельно рекомендую читать эту книгу внимательно. Вдумайтесь, мои юные друзья, в биографии и подвиги патриотов Родины, проследите пути, по которым они настойчиво продвигались к своей цели. Их беззаветная верность долгу, преданность идее, ради которой боролись, сражались на фронтах, нестигаемая воля и стремление, преодолевая все сложности и трудности, добиться выполнения поставленных им задач, несомненно, вызовут у вас чувство уважения к этим славным людям, стремление быть похожими на них.

Читая книгу, вы как бы прикоснетесь к живой, конкретной истории страны. Но сборник не следует воспринимать как историческое исследование о разведке. Книгу составляют документально-публицистические материалы, живые портреты ряда разведчиков, подпольщиков и антифашистов-интернационалистов. (Упомянем, что некоторые фамилии авторы сочли нужным изменить.)

Высокие чувства рождает в душе сборник. Хочется надеяться, что у молодых читателей, познакомившихся с книгой, постучится в сердце потребность к самосовершенствованию, усилится желание быть идейно богаче, нравственно выше. Приверженность высоким гуманистическим целям позволит им обрести духовное богатство, в котором одно из центральных мест занимает готовность к трудовому и боевому подвигу во имя нашей державы.

Очень радуюсь, что эта книга придет к читателю в год 45-летия Великой Победы над германским фашизмом. Ведь в подвиг советского народа, Советских Вооруженных Сил влились полноправно доблестные дела сотен и сотен разведчиков — любимых героев нашей молодежи, верных сынов и дочерей социалистического Отечества.

Дважды Герой Советского Союза
генерал армии А. П. Белобородов

Михаил
Колесников

ЗА СОЛДАТАМИ НА ЛЕМНОС

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ
ИЗ ЖИЗНИ
КОНСТАНТИНА
МАКОШИНА

1

Когда 8 ноября 1920 года части Красной Армии штурмовали Перекоп и Чонгар, Врангель все еще не сомневался в неприступности своего крымского «Вердена». Именно в этот день он созвал в Симферополе экономическое совещание, на котором заверил промышленников: «Крым в безопасности, армия перезимует на твердых Вердена, а весной с божьей помощью выйдем из крымской клетки...» От длинной сухопарой фигуры главкома в черкеске с серебряными газырями исходила спокойная уверенность. Он надеялся, что Франция в случае чего решительно вмешается, начнет новую интервенцию против Советской России. У Франции — экономические интересы. Ведь Врангель, по сути, продал ей Россию, которую еще пужно освободить от Советов и большевизма. Врангель верил в французов, французские империалисты верили в «черного барона». Отсюда и беспечность главкома: эвакуироваться он не собирался.

Но после того как пали перекопские и ишуньские укрепления, Врангель наконец понял: все кончено! Никакая сила не в состоянии остановить обезумевшее стадо, в которое превратилось его бежавшее под натиском красных войско.

Казалось, красный вихрь несется по равнинам Крыма. Не дать врагу опомниться! Догнать, сокрушить!

А с юга партизаны перерезали все пути отступления...

Врангель отдал своим генералам приказ уничтожать все, ничего не оставлять красным. Все, все, все!..

...11 ноября в полночь Михаил Васильевич Фрунзе обратился по радио к Врангелю с предложением: «Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, предлагаю вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками армии и флота».

Врангель скрыл радиogramму даже от генералов ставки, все армейские радиостанции прихлопнул, а радистам приказал под угрозой расстрела молчать. Он все еще надеялся на какое-то чудо. Лишь бы добраться до Севастополя... Оставил только одну радиостанцию, и она посылала сигналы бедствия всему империалистическому миру: «Наша основная задача — спасти ядро наших сил. Помогите! Помогите!..» Он хотел спасти хотя бы генералитет и часть офицеров.

Покинув бегущие войска на произвол судьбы, главком на автомобиле добрался до Севастополя. Ему казалось, что в тылу, узнав о катастрофе на фронте, уже принимают меры для эвакуации остатков армии и ценного заводского оборудования. Но тыловики думали лишь о собственном спасении, загружали пароходы и закупленные баркасы своим добром. На пристанях царил хаос: грузили мебель, автомобили, кареты, лошадей, фарфоровую посуду, сундуки с одеждой.

— Расстреляю! — кричал барон, дергаясь в нервном тике. Но на него никто больше не обращал внимания: ведь он проиграл, погубил судьбу белого движения, этот жалкий лифляндский барон, — недаром Деникин противился его назначению...

Французы отказались высадить морскую пехоту на встречу красным. Верховный комиссар Франции в Крыму граф де Мартель с печалью в голосе сказал главкому:

— Мы не предполагали, что вы так слабы... Интервенция невозможна. Мы не хотим мятежа на своих кораблях, как то было в прошлом году. Но наша эскадра к услугам вашей армии, если речь идет о доставке ее в Константинополь.

А ведь совсем недавно, 8 мая, французское правительство уведомило Врангеля о том, что не допустит высадки советских войск в Крыму.

— Противоречия нет, — мягко разъяснил сопровождавший графа адмирал де Бон. — Мы и сейчас не допустили бы высадки десантов, если бы корабли красных подошли к берегам Крыма. Но они идут со стороны материка через голову ваших войск...

Горькая гримаса искривила тонкие губы Врангеля, его крупный нос побелел — так бывало всегда, когда барон приходил в бешенство. Значит, все кончено! «Может быть, ваше правительство тоже решило торговать с большевиками, чтоб задушить их своими товарами?!» — хотелось спросить у адмирала. Но приходилось держать язык за зубами. На интервенцию надежды лопнули. За короткий срок его предали дважды. Сначала англичане, теперь — французы. Приходилось благодарить хотя бы за помощь в эвакуации. Для спасения белых генералов и офицеров в Севастополь прибыли французские суда «Вальдек Руссо» и «Алжерьен». На одном из них пожаловал адмирал де Ребек.

— Я беру на себя посредничество в переговорах между вами и Фрунзе, — напыщенно заявил он.

— О чем вы собираетесь говорить с большевиками? — с раздражением спросил барон. — У русских это называется махать кулаками после драки. Мы разбиты, понимаете, разбиты...

Врангелю еле-еле удалось наскрести по всем бухтам около ста тридцати судов разного водоизмещения, но этого не хватило бы даже для эвакуации офицеров и солдат. О вывозе оборудования заводов нечего и думать. Офицерские семьи тоже придется оставить на милость красных. Пусть остаются и госпитали с ранеными.

Он махнул на все рукой, заперся у себя в каюте на крейсере «Генерал Корнилов» и написал свой последний приказ разбитой армии. Это были горькие, но трезвые слова: «У нас нет ни казны, ни денег, ни родины. Кто не чувствует за собой вины перед красными, пусть останется до лучших времен... Аминь».

Врангель распорядился также потопить в море всю технику, артиллерию, обозы, автомобили... С французами договорился: все уцелевшие войска поступают под покровительство Франции.

На Графской пристани происходили настоящие бои за место на пароходе или на корабле. Кому не повезло в этой схватке за жизнь, срывали с себя погоны, аксельбанты, ордена, стрелялись.

Над городом металась весть: конница Буденного вот-вот ворвется в Севастополь, отсекает своими саблями путь к спасению... А рядом с Буденным — Блюхер, отнявший у Врангеля «сверхоружие» — танки... Ужас возмездия заставлял некоторых офицеров добираться вплавь до стоящих на рейде французских кораблей, их, изнемогавших от

усталости и жажды, подбирали, поднимали на палубу. Казаки пристреливали любимых коней, артиллеристы сбрасывали с обрывов пушки...

Глава американской миссии Мак-Келли считал своим долгом подняться на борт крейсера «Генерал Корнилов», чтобы засвидетельствовать свое расположение к главному, пребывавшему в глубоком унынии.

— Я всегда был поклонником вашего дела и более чем когда-либо являюсь таковым сегодня, — сказал Мак-Келли. — Миноносцы американского Красного Креста готовы внести свой посильный вклад в эвакуацию ваших войск в Турцию и на Балканы.

— Американцы — наши истинные друзья, — угрюмо отозвался Врангель. Безразличие и вялость окончательно завладели им.

Однако даже американские миноносцы не в состоянии были вывезти имущество, медикаменты и продукты питания, скопившиеся на складах миссии американского Красного Креста, обслуживавшего врангелевскую армию: муку, сахар, масло, детскую одежду, обувь, лекарства, медицинское оборудование. Склады размещались у Южной бухты, в здании мельницы Родоконаки.

— Все, что нельзя увезти, уничтожить! — распорядился Мак-Келли. Он был спокоен, меланхолично дымил трубкой, но ни на шаг не отходил от своего сверкающего автомобиля с охраной: а вдруг здесь, на Графской пристани, покажутся красные кавалеристы! В этой проклятой России возможно все!..

В стане белых царило отчаяние.

Транспортные суда, на борту которых были изгнанные из Крыма остатки врангелевской армии, под прикрытием кораблей Аптанты вышли в море. Они взяли курс на Константинополь.

Корреспондент берлинской эмигрантской газеты «Руль», наблюдавший за событиями в Крыму, позже вспоминал, что число покончивших самоубийством во время эвакуации и сброшенных при погрузке в море не поддается учету: «На некоторых судах, рассчитанных на 600 человек, находилось до трех тысяч пассажиров, каюты, трюмы, командирские мостики, спасательные лодки были битком набиты народом. Шесть дней многие должны были провести стоя». Конечно же кто-то за время пути сошел с ума или умер от голода и жажды, и никому не было дела до них, еще недавно проливавших кровь за «белое дело».

...Каштановые аллеи Харькова. Оголенные, застывшие. Малиновый звон курантов Успенского собора. Стайки молодежи на Университетской горе. Пронзительная синева неба. Ранняя весна.

Наконец-то у Михаила Васильевича Фрунзе появилась возможность осмотреть достопримечательности столицы Украины, постоять на берегу Лопани. Мир, тишина. Прошло уже четыре месяца с того дня, как барон Врангель со своим недобитым воинством бежал в Турцию. Давно вернулась в Екатеринославль на зимние квартиры Первая Конная. Блюхер со своей 51-й дивизией — в Одессе.

Командир крымских партизан Мокроусов остался в Симферополе, занят восстановлением хозяйства в Крыму.

Владимир Ильич назвал разгром Врангеля «одной из самых блестящих страниц в истории Красной Армии». И военные специалисты, бывшие генералы считают, что это именно так: ведь Красная Армия впервые столь стремительно совершила прорыв заблаговременно подготовленной, мощной и современной обороны противника! Командующий вооруженными силами Украины и Крыма, уполномоченный Реввоенсовета Республики на Украине Фрунзе мог бы гордиться столь высокой оценкой операции, проведенной им и, по сути, завершавшей гражданскую войну. И он конечно же гордился. Но мрачная тень нет-нет да и набегала на его лицо: становился задумчивым, морщил лоб, меланхолично крутил ус. Адъютант Сиротинский в такие минуты настораживался: опять чем-то недоволен Михаил Васильевич!

— Чайку? — спрашивал он.

— Можно и чайку, — нехотя соглашался Фрунзе. — Вот скажи, Сергей Аркадьевич, Врангеля мы разбили...

— В пух и прах!

— Принято считать так. Но если смотреть правде в глаза: ушел Врангель, упустили...

— Ну и шут с ним. Стоит ли из-за такого добра печалиться?

— Барон с собой остатки армии увел. Вот в чем беда.

— Сидит Врангель за синим морем и поглядывает на нас, как коза на мясника, — утешал Сиротинский.

Но Фрунзе становился еще мрачнее.

— Эта коза-дереза еще доставит нам хлопот. Врангель недавно заявил, что до 1 мая этого года соберет многотысячную армию и высадится на Черноморском побережье

России. Доходит? А до 1 мая осталось-то всего ничего.

— Бахвальство!

— Если бы... Нет, «Врангелиада» еще не закончена. Прошляпили барона. Никогда себе этого не прощу!

Фрунзе было известно то, чего не знал адъютант.

Барону удалось-таки с помощью иностранных держав спасти ядро своей разбитой армии: примерно семьдесят тысяч офицеров и солдат; а всего эмигрировало в Константинополь до ста пятидесяти тысяч человек. Из этой массы беженцев вполне можно было слепить армию. Не зря Ильич не раз напоминал Фрунзе о такой опасности, как остатки армии Врангеля.

Совсем недавно Владимир Ильич на Восьмом Всероссийском съезде Советов вновь обратил внимание на тот факт, что белогвардейские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Советскую Россию.

Очутившись в водах Босфора, на виду у древних стен и минаретов Константинополя, Врангель перевел дух и собрал в кают-компании генералов Шатилова, Слащева, Кутепова, Секретева, Барбовича, старших офицеров, представителей Союза торговли и промышленности. Изобличив своего предшественника Деникина в «бездарности» и «непростительных стратегических ошибках», за которые приходится расплачиваться ему, Врангелю, барон заявил, что еще не все потеряно. Война будет продолжена до победного конца.

Остатки армии он свел в три корпуса и разместил их в лагерях на Галлипольском полуострове, на острове Лемнос и в районе Чатаджи, в 40 километрах западнее Константинополя. Жили в сараях и палатках. Турция была оккупирована союзниками, и врангелевцы творили всякие бесчинства над населением, массовые грабежи стали нормой поведения белогвардейцев. Три корпуса — 1-й армейский, Донской и Кубанский... В Галлиполи врангелевские лагеря окружили колючей проволокой, выложили камнями устрашающую надпись: «Только смерть может избавить тебя от исполнения долга». Всех, кто хотел «вернуться в Совдепию», военный трибунал приговаривал к смертной казни или к каторжным работам. Генерал Кутепов заявил, что ему нужны такие судьи, которые могли бы по его приказанию немедленно повесить любого, виновного и невиновного.

Официальное сообщение из Парижа тех дней: «Напрасно было бы думать, что большевиков можно победить русскими или иностранными вооруженными силами, опорная база которых находилась вне пределов России, и вдобавок победить с помощью солдат, которые в момент наилучшего состояния армии в Крыму на родной почве не оказались в состоянии защитить его от прямого нападения советских войск». То был запоздалый голос рассудка. Французские франки, как говорится, плакали... Правда, кое-что французы все же получили в качестве платы: в Константинополе Врангель передал им два русских линкора, два крейсера, десять миноносцев, четыре подводные лодки и еще двенадцать судов.

...Впрочем, как бы там ни было, но врангелевское войско продолжало существовать, и Фрунзе мучила мысль о том, как его ликвидировать, как раз и навсегда закрыть «врангелевский вопрос». Ломал над этим голову, как оказалось, не он один.

По вызову Фрунзе в Харьков приехал Константин Макошин. Михаил Васильевич вручил члену реввоенсовета Второй Конной армии Макошину орден Красного Знамени, которым он был награжден «за исключительную энергию и выдающуюся храбрость, проявленные в последних боях против Врангеля».

После разгрома Врангеля закончилась короткая, но славная история Второй Конной армии — на ее базе был сформирован конный корпус. Макошин заскучал. Даже высокая награда не воодушевила его. Что-то осталось незавершенным. Он привык находиться в самом пекле битвы, дышать ее раскаленным воздухом, а теперь вдруг ощутил как бы пустоту, какую-то свою ненужность. Дел, конечно, хватало, но то была будничная работа, без привкуса постоянной смертельной опасности. Но давно засел в голове Макошина поставленный самим Фрунзе вопрос: как устранить остающуюся врангелевскую угрозу?

Все обдумав, Макошин пришел к Михаилу Васильевичу Фрунзе и сказал, что он мог бы попытаться ликвидировать этот проклятый «врангелевский вопрос!».

— Каким образом? — поднял брови Фрунзе. — Пока не вижу реальных путей. — Он, однако, хорошо знал Макошина и верил в то, что этот человек с железной хваткой способен на многое.

Константин Алексеевич поделился планами: должен отправиться в Константинополь, к генералу Гравицкому, он его «давний знакомый» еще по империалистической,

дальше — на Лемнос к генералу Слащеву, ну и разъяснить офицерам и казакам политику Советской власти... обещать всем амнистию.

— Так вас генерал Слащев или кто-нибудь другой, наподобие Кутепова, сразу же прихлопнет как большевистского агитатора. А вам до трех десятков еще тянуть да тянуть... Безрассудство молодости...

— У меня там, на туретчине, есть «зацепки». Тот же генерал Гравицкий. Теперь у Врангеля он числится начальником дивизии, а когда-то собственноручно нацепил мне Георгиевский крест. «Ты, говорит, солдат, молодец, истинный патриот. Если просьбы какие будут, разыщи меня. Вывелись настоящие патриоты, каждый норовит в кусты». Вот я его разыщу и попрошу... вернуться со своей дивизией домой. Это, как говорится, для начала...

Михаил Васильевич даже покрутил головой. Заинтересовался.

— Докладывайте план конкретнее.

И вскоре понял: план разработан тщательно, с учетом всех неожиданностей. Для вывоза из Турции всех желающих вернуться на родину следует заранее зафрахтовать турецкий пароход, например «Решид-паша»...

Макошин продолжал горячо, в деталях излагать дерзкий замысел.

— План хороший, — одобрил Фрунзе. — Дело за небольшим: Дзержинский должен санкционировать ваш опасный вояж... Сегодня же поговорю с ним. Да, удивительная пора — молодость... Будь я не при исполнении обязанностей, с удовольствием присоединился бы к вам, Константин Алексеевич: очень уж хочется взглянуть на Турцию! Я ведь неравнодушен к истории древнего мира. А Малая Азия — самый яркий цветок истории. Троя, греко-персидские войны, походы Александра Македонского, Византия... Говорят, Эфес очень хорошо сохранился... Ладно. Вернетесь — расскажете о Константинополе. Есть там такая Галатская башня...

Макошин с изумлением слушал командующего.

— Я бы вам пригодился, — не то в шутку, не то всерьез сказал Михаил Васильевич, прищурив глаз, — немного знаю тюркские языки...

— Не взял бы я вас, Михаил Васильевич.

— Почему?

— А вас никто не освободит от обязанностей, да и Врангель с Кутеповым сразу бы узнали. Так что с визитом в Турцию придется обождать. Слышал, у Врангеля на сте-

не кабинета ваш портрет висит — на память: ударили ему ниже пояса!

Михаил Васильевич расхохотался:

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, Константин Алексеевич. В Турцию, придет время, обязательно поеду!

И непонятно было, что он имел в виду.

— Вам добрый совет, — посерьезнев, продолжал Фрунзе, — разыщите в Симферополе Папанина. Он там с бандами воюет.

— Я знаком с ним.

— Отлично. Папанин бывал в Турции, кое-что расскажет.

...Дзержинский, который тогда находился в Харькове, предварительно переговорив с Москвой, санкционировал опасный вояж Макошина. Он все же тревожился за успех предприятия: сцапают Макошина и его товарищей — и все! Конечно же врангелевская контрразведка зорко следит за тем, чтобы в военные лагеря не проникали большевистские агитаторы. И в то же время риск Макошина следовало считать оправданным: если ему удастся хотя бы сообщить казакам, солдатам и офицерам, всем, кто дрался против Советской власти, о широкой политической амнистии, половина дела будет сделана!

Решимость Макошина в игре со смертью восхищала Фрунзе. Известно, что Франция отказалась финансировать содержание белых команд, находившихся в лагерях под Константинополем. Фрунзе подумал, что шансы Макошина намного возросли. Михаилу Васильевичу очень хотелось знать: а что там на самом деле происходит, в стане поверженного врага? Не из газет, а со слов очевидцев. Удалось ли Врангелю собрать семидесятитысячную армию? Сведения, поступающие от разведчиков, крайне разноречивые. Стремительно меняется и обстановка в Турции. По-прежнему существует две Турции: новая во главе с Мустафой Кемалем и Великим национальным собранием — эта Турция борется за свою национальную независимость против империалистов всех мастей, и Турция, где хозяйничают англичане и покорное им правительство султана, опирающееся на халифат. Еще летом прошлого года в Трапезунд были отправлены из Советской России первые партии оружия; турецким представителям передали большое количество золота.

Только что подписан Договор о дружбе и братстве между Москвой и Ангорой. В Ангоре и Москве открыты дипломатические представительства обеих стран. Посколь-

ку перевес в силах сейчас на стороне Кемалья, англичане и французы решили использовать против него армию греческого короля. Собственно, война между греками и турками уже ведется. Бессмысленная война...

Напутствуя Макошина, Фрунзе сказал полушутливо:

— Мы с вами учились в одном институте, курс истории читали нам, по всей видимости, одни и те же выдающиеся профессора. Но древнюю историю я почему-то лучше запомнил по верненской гимназии. Был седенький учитель, влюбленный в свой предмет, знал древнегреческий и латынь. Урок всякий раз открывал одними и теми же словами из Овидия: гутта кават лапидем! — капля и камень точит. По всей видимости, то было обращение к вечности. А возможно, он имел в виду наши неподатливые на исторические даты головы. Но как увлекательно рассказывал он о походах Олега, Святослава, о поездке княгини Ольги в Константинополь! Святослав спал, положив себе под голову конское седло. В детстве такие детали поражают воображение. Ну а предупреждение Святослава врагам: «Иду на вы!» Помню, рассказ о походе войска Олега в далекую Византию прямо-таки потряс меня. Я спал и видел Златые врата Цареграда, на которые князь Олег прибил свой багряный щит. Учитель бывал в Константинополе и утверждал, будто Златые врата уцелели. Признаться, просто не верится!

Командарм помрачнел:

— Вернемся к предстоящему рейсу. Ведь это, Константин Алексеевич, путешествие прямиком в пасть к волку. Продумайте все досконально. Это ведь безумие: добираться до Константинополя на турецком пароходе. А проскочить надо...

Вспоминалась Косте и встреча с Дзержинским. Феликс Эдмундович дал конкретные указания Макошину.

— Поезжайте в Симферополь, свяжитесь с Павлом Макаровым, бывшим адъютантом скончавшегося в октябре 1920 года генерала Май-Маевского. Сейчас он работает в ЧК, со своими отрядами вылавливает и разоружает вражеские банды...

Невероятную историю Макарова Макошин знал хорошо, но до сих пор с ним не встречался. Не так уж давно барон Врангель обменивался рукопожатиями с советским разведчиком, штабс-капитаном Макаровым, адъютантом генерала Май-Маевского. Перед Макаровым заискивали и высшие офицеры.

— Все последнее время Макаров был занят ликвида-

цией так называемой «южной группы» «особого корпуса», которую возглавлял врангелевский полковник Мамуладзе, — сказал Дзержинский. — Разумеется, «особого корпуса» в природе не существует и не существовало — он плод воображения Мамуладзе: нужно было создать у иностранцев впечатление, будто в Крыму в настоящее время действует крупное воинское соединение. Чтоб раскошеливались. Ну а «южная группа» — это штаб, которому должны подчиняться все контрреволюционные силы. Мамуладзе установил связь с Константинополем, Врангель пообещал выслать крупный десант к берегам Крыма во главе с генералом Слащевым. Но потом выяснилось: Слащев наотрез отказался поднять свой четырехтысячный корпус, базирующийся на острове Лемнос. Врангель, явившийся лично к взбунтовавшемуся генералу, пригрозил предать военному суду Слащева, но сам едва унес ноги с Лемноса. Слащев пригрозил: будет уничтожать любое судно, которое осмелится приблизиться к острову. В лагере барона раскол: целая группа видных генералов, в том числе и Гравицкий, ратует за возвращение на родину с повинной. Они послали своих связных к Мамуладзе. Полковник понял: никакого десанта не будет! И принял трезвое решение — явился с повинной.

— Вам нужно заручиться письмом полковника Мамуладзе к оппозиционерам: генералам Гравицкому, Секретеву, Клочкову. Но примкнет ли к этой группе Слащев? В этом главный вопрос. Мамуладзе в глазах названных генералов как бы заменял в Крыму бежавшего Врангеля, и то, что он пришел с повинной, должно произвести впечатление. Но надо постоянно помнить, письмо Мамуладзе — не гарантия: среди белых генералов может оказаться и такой, который сразу же подаст сигнал врангелевской контрразведке...

В ходе беседы Макошин постепенно начинал осознавать: миссия окажется намного труднее, чем ему представлялось вначале. Но страха он не испытывал. Понимал одно: нужно было действительно предельно конкретное знание обстановки.

Вот почему, приехав в Симферополь, Макошин повстречался с Иваном Папаниным. Завел разговор о возможной поездке в Константинополь. Расспрашивал о Турции. Как ему удалось преодолеть исключительно опасный путь от Синопа до Трапезунда? Папанин решил, будто Макошин едет к Мустафе Кемалю.

— Есть один симпатичный товарищ, — сказал он, — да

ты, наверное, его знаешь или слышал о нем: венгр Матэ Залка. Храбрый, верный, испытанный не раз. Рвется в армию Кемаль-паши. Не навоевался. Я, говорит, хочу бороться за новую Турцию. Возьми его с собой.

— Ну а что из себя представляет полковник Мамуладзе? Слышал, будто пришел с повинной.

— Да ничего особенного. Высокий, сухой, как хворостина, усы торчат, как у таракана, глаза навывкате. В черкеске с газырями. Мы ему кинжал оставили — очень уж просил. Я, говорит, без кинжала не могу — от предков кинжал-то. Так, ничего особенного, даже без серебряной оправы.

— Ты назвал приметы, а мне нужны его взгляды.

— Ну это тебе Павлуша Макаров лучше моего обрисует.

Макошин испытывал к Папанину большую симпатию, жалел, что невозможно взять его с собой (отзывают «наверх» — в Харьков). А ведь не так уж давно, в ноябре прошлого года, они разругались в дым. Потом, правда, помирились. А дело было так: части Второй Конной шли от Симферополя в направлении Ялты. Наступление развивалось стремительно, и Макошин не сомневался: к 15 ноября все будет закончено. Тревожился об одном: миновав Ангарский перевал, беяки могут покатиться прямо в Алушту, где их, несомненно, поджидают американские или французские суда. От Симферополя до Алушты всего каких-нибудь сорок пять верст. Но оказывается, партизаны учли все: перерезали шоссе. Когда отступающие врангелевцы стали подниматься на перевал, морские десантники Папанина открыли по ним огонь из всех видов оружия. Белые оказались в ловушке: с севера наседали конники Макошина, с юга их расстреливали в упор бойцы Папанина.

Но командир отступающей врангелевской дивизии генерал Гравицкий, «давний знакомый» Макошина, учел то, чего не учел комиссар Макошин: он проявил исключительное хладнокровие, рассредоточив под огнем дивизию на небольшие отряды и приказав им скрытыми тропами пробираться по горам к морю, в Гурзуф, Ялту, Алупку и даже на восток в Судак. Пока основные силы белогвардейского корпуса пробивались на Алушту, пытаясь сломить сопротивление партизан и моряков Папанина, генерал Гравицкий повел конные офицерские отряды в обход горы Чатыр-Даг и вышел в тыл Папанину. Нападать на десантников не стал, а устремился к морю. Ему удалось опередить Вторую Конную буквально на несколько часов и спешно по-

грузиться на небольшие суда. Когда до комиссара Макошина дошло, как ловко обвел его вокруг пальца «знакомый» генерал Гравицкий, он прямо-таки пришел в бешенство. Макошин во всем обвинял Папанина, Папанин — Макошина. Чуть до драки не дошло. А птичка упорхнула. Вот так и познакомились.

— Ротозей мы с тобой оба, — остывая, сказал Папанин. Они помирились. Но в сердце Макошина вошла заноза. С той поры сколько раз представлял он себе этого генерала Гравицкого попивающим турецкий кофе в роскошном отеле на берегах Босфора. Сидит в кругу битых генералов, своих друзей и похваляется, как ему удалось натянуть нос большевикам. Хвалиться больше нечем, но ходит в героях: сумел сохранить столько офицеров. А другие генералы спасали лишь собственную шкуру.

И вот теперь Макошин отправлялся «на свидание» с этим самым Гравицким. Ирония судьбы...

Папанин познакомил Макошина с Макаровым. Много полезного дала эта встреча. Он передал Константину толстый конверт с письмом полковника Мамуладзе.

— А вам приходилось встречаться с генералом Гравицким? — спросил Макошин.

— Много раз. Начальство его недолюбливало за острый язычок, больше дивизии не доверяло. Он ведь, пожалуй, монархист больше самого Врангеля. Но — своеобразный. Врангелю хотелось стать диктатором в России — не царем, а своего рода канцлером при безвольном императоре. А Гравицкий мечтал о сильном самодержце, наподобие Петра Первого. России нужна сильная власть, без этого она не может быть великой державой. Керенский сразу же вызвал у него отвращение, одно время возлагал надежды на Деникина, но быстро в нем разочаровался. Колчак и Врангель — для него просто узурпаторы власти. Просто кипит недовольством.

— Крепкий орешек.

— Человек крайностей. Он слыл за скандалиста в генеральской среде, и когда в сильном подпитии орал, что лучше уж большевики, сумевшие организовать разгром белых армий, чем импотенты колчаки и врангели, этому не придавали значения, даже контрразведка не хотела с ним связываться: мол, протрезвится — опомнится! Весь изрешечен красными нулями, грудь в иностранных орденах — кому и верить, как не Гравицкому?

Макошин облегченно вздохнул; знал он эту породу людей: на предательство они не способны. Может накри-

чать, грубо выставить за дверь, но доносить не станет — аристократическая брезгливость. Впрочем, всяко может быть, когда борьба не на жизнь, а на смерть...

Макошину Павел Макаров правился своей рассудительностью, манерой неторопливо взвешивать факты. Во всей его плотной фигуре с набыченной лобастой головой было что-то боксерское.

...Все трое постояли на берегу Салгира. В кожанках, в фуражках с красными звездочками. «Солдаты революции»... Каждый из них нес в себе свою необыкновенную судьбу, о которой они сейчас даже и помышлять не могли: пока еще было скрыто за плотной пеленой времени. Павел Макаров, к примеру, представления не имел, кем будет в мирной жизни, если жизнь вдруг в самом деле обретет устойчивость. Наверное, это предвидела его молодая жена с золотистыми косами Мария. Однажды сказала: «В тебе, Павлуша, сидит писатель. Отвоюешься — и сядешь за письменный стол!» Откуда она взяла это? Павлу даже сделалось смешно. Но пройдет каких-нибудь пять-шесть лет, и на прилавках магазинов появится книга воспоминаний Павла Макарова «Адъютант генерала Май-Маевского». Во время Великой Отечественной войны Макарову было суждено воевать опять же в Крыму, вместе и под началом Мокроусова, а рядом с ними будут старые испытанные в годы гражданской войны друзья и их сыновья. В первые месяцы войны Алексей Мокроусов будет назначен командующим партизанским движением в Крыму, и пойдут они с Павлом Макаровым и внуками Кособродова, того самого, лесообъездчика, который с опасностью для жизни помогал партизанам, пойдут по горным тропам, будут проводить бессонные ночи над разработкой боевых операций против войск гитлеровского генерала Манштейна, отслеживать и уничтожать врага. Многим мокроусовцам, сражавшимся на других фронтах Великой Отечественной, доведется сохранить живую связь с Мокроусовым и Макаровым. После войны появятся мемуары П. Макарова «Партизаны Таврии» — книга, вобравшая многие яркие эпизоды борьбы за Крым.

А Иван Папанин? Мог ли он знать, что станет знаменитым полярником, покорителем Северного полюса, доктором географических наук, контр-адмиралом, дважды Героем Советского Союза?..

И Константина Макошина судьба не обойдет. Но в ближайшее время на его долю выпадет отчаянно дерзкая игра со смертью — рейд на Лемнос.

Как молоды они были, все трое! Старший из них — Папанин: недавно исполнилось двадцать шесть. Ни один не знал настоящего детства: бедность, тяжкий труд, царская казарма, война, революция и снова война... Кровь, беда народная, лишения и страдания... Но у каждого из них, как и у миллионов других пролетариев, было ощущение своей необходимости, значимости в общем потоке революционных событий...

3

...На море свирепствовал шторм. Отплытие состоялось только через пять томительных дней. В огромные трюмы «Решид-паши» грузили бочки и ящики. Несмотря на неопределенность отношений между Республикой Советов и Константинополем, торговля между ними не прекращалась. И тут не было ничего странного: ведь с Советской Россией торговала и Англия, войска которой оккупировали Константинополь. Торговля есть торговля. В Константинополе находилась торговая миссия русско-украинского Центросоюза, сотни две совслужащих. Советские грузы на турецких пароходах обычно сопровождали сотрудники Центросоюза.

Макошина и его товарищей разместили в каютах. Капитан парохода Абдул-бей, мрачный, замкнутый турок, был строго официален. Он не задал Макошину ни одного вопроса. Он отвечал лишь за рейс. За сохранность грузов несли ответственность полицейские, прикомандированные к «Решид-паше». Они вели также и политический надзор, следили за тем, чтоб на пароход не проникли посторонние. «Решид-паша» перевозил грузы, и только грузы...

Наконец море улеглось. «Решид-паша» отдал концы и снялся с якоря. Макошин вышел на верхнюю палубу. Яркое светило весеннее солнце. Хребет Варада, видневшийся впереди, сделался словно бы выше, величественнее, его лысына сияла нежным светом. А на юге и юго-западе небо по-прежнему затягивала тяжелая грозовая хмарь. Черный полог свешивался с неба до самой воды, и в эту крошечную тьму держал курс «Решид-паша». До Константинополя почти восемьсот пятьдесят километров. Пространство, «засоренное» судами Антанты и греческими военными кораблями, которые охотятся за турецкими пароходами и фелюгами. «Решид-паше» запрещено заходить в другие турецкие порты, в такие, скажем, как Трапезунд или Самсун, где распоряжаются революционные власти Мустафы

Кемаля. Даже в случае опасной аварии пароход не должен подходить к тем, враждебным султану берегам.

Как медленно ползет старый «Решид-паша»! Что за судно идет ему наперерез? Нет, ничего страшного: просто маршруты двух пароходов пересеклись.

Макошин почувствовал, что за его спиной кто-то остановился. Обернулся. Это был турецкий полицейский.

— Хорошая погода, не правда ли? — спросил на русском без малейшего акцента. Щурился от слепящего солнца, иронически улыбался.

— Вы прекрасно говорите по-русски, — лениво отозвался Константин.

— Еще бы! Я воевал против большевиков на Каспии в восемнадцатом. В составе мусаватистского флота. Попал к вам, большевикам, в плен, бежал. Устроился в полицию. Поручили наблюдать за такими вот, из Центросоюза.

Макошин усмехнулся.

— Каждый из нас занимается своим делом. Мне даже приятно иметь вас всегда под рукой: сейчас без бодигара * советскому человеку прямо-таки опасно ходить в Константинополь.

— На меня можешь положиться: в обиду не дам, — деланно добродушно произнес полицейский. И добавил: — Если, конечно, не угодишь в руки врангелевской контрразведки. За советскими они охотятся, даже премию обещают тому, кто выдаст или изловит.

— Спасибо за предупреждение. Век живи... А сколько премия-то?

— Смотря какая птичка попадется. За тебя я, например, и двух пиастров не дал бы: физиономия в дырках. Белые продырявили?

— Гораздо раньше: в Куликовской битве. А потом в Бородинском сражении добавили. Навешали крестов и списали вчистую.

Полицейский понимающе закивал головой: мол, слышал, слышал!

— А в большевики как попал?

— Да никак. Кому я нужен с перебитыми ребрами? Полицейский снял фуражку, почесал затылок.

— Я вот тоже оказался никому не нужным. А служил на корабле. Капудан!

— Буду звать вас капудан-паша.

* Бодигар (турецк.) — охранник, телохранитель.

— Зови, как хочешь. Последние константинопольские новости слышал?

— Откуда мне?

Полицейский надел фуражку, лицо сделалось жестким.

— Боюсь, не доберешься ты, да и твои друзья, до Константинополя. А если и доберетесь, то не позавидую вам.

Макошин насторожился: неужели этому типу что-то известно, чего не знали чекисты?

— Что так? — спросил он нарочито испуганно.

— А вот что: англичане решили всех ваших из Центросоюза арестовать! Ну всех из Совдепии, красных.

Трудно было понять, шутит он или говорит всерьез.

— Почему? Мы с англичанами торгуем. Почти что друзья.

— Вы торгуете с другими англичанами, с теми, которые в Лондоне. А тут другие англичане, военные; они с Лондоном не советуются, хватают вашего брата — и за решетку.

— Но должна же быть причина? Нельзя же ни за что, ни про что?..

— Причина? — полицейский зло рассмеялся. — Кемаль-паша готовится наступать на султана — вот тебе и причина!

— Ну а Центросоюз тут при чем?

Хитро сощурившись, полицейский погрозил Макошину пальцем.

— Слышал в своем полицейском участке: ваши сотрудники из Центросоюза готовят восстание в Константинополе, хотят установить там Советскую власть.

Макошин потер лоб.

— Так это же глупость! Турки сами установят то, что им захочется. Навоевались, хватит, пора за плуг...

— Это ты так рассуждаешь... Англичане рассуждают по-другому: раз человек из Совдепии, значит, он большевик, хочет установить Советы на всей земле. Мировая революция! А может, ты и твои товарищи едете делать мировую революцию?

Можно было бы посмеяться над полицейским-политиканом, но Макошин вдруг почувствовал реальную угрозу. Он понимал: все будет зависеть не от турецкой полиции, а от намерений англичан и французов. Они могут устроить любую провокацию, подкрепив ее фальшивками. Чем ни руководствовался полицейский, он, несомненно, был посвящен в затею англичан и теперь, возможно, издевался над Макошиным: ведь тот и его товарищи, по сути, нахо-

дились у него в руках. Константина даже пот прошиб: залезли в ловушку... и на помощь рассчитывать не приходится. Англичане могут задержать пароход в открытом море или же у входа в Босфор... суть от того не меняется. Оставалось только ждать и надеяться на случай. До сих пор случай был родным братом Макошина: в какие только передраги ни попадал, а выходил сухим из воды. Он окинул тревожным взглядом море и подумал: «Из этой воды можно и не выплыть...»

Полицейский произнес с усмешкой:

— А ты не из пугливых. Слышал от знакомого человека: аллах сейчас за красных!

«Он почему-то недолюбливает англичан и французов, — подумал Константин, — надо учесть это».

— С каких это пор?

— Как только вы дали Кемалю золото и оружие, тут и дураку стало понятно: аллах сделал своим орудием большевиков. Хвала аллаху, господу миров, води нас по дороге прямой...

Макошин с изумлением слушал его: дурачится, что ли? Но полицейский, словно бы потеряв интерес к политическому разговору, стал всматриваться в горизонт. Ткнул пальцем в сгущающуюся тьму, из которой выкатывались взлохмаченные, ревущие волны.

— Новый шторм идет!

Пароход закачался на крутых черных валах с седыми гривами. Хлынул холодный ливень.

Макошин спустился в каюту, крепко задумался. Неужели их миссию ждет неудача?.. Он не стал делиться своими соображениями с товарищами, чтоб не тревожить их напрасну. И в то же время продолжал размышлять над словами полицейского: почему он сообщил Макошину о планах англичан? Почему? Запугать? Задавал пустяковые вопросы, на которые можно было и не отвечать. Поведение полицейского прямо-таки сбивало с толку. Этот грудастый, свирепый на вид детина вовсе не походил на болтуна или шутника. Судя по всему, он хорошо знал права англичан, знал и расстановку сил в их лагере. Как бы мимоходом помянул Керзона, британского военного министра Черчилля — заклятых врагов Советской России... Да, тут было над чем поломать голову.

А старый «Решид-паша», упрямо пробиваясь сквозь крошечную тьму и ливни, все качался и качался на волнах, неуклонно приближаясь к заветной цели.

Константинополь... Рим Востока. Сказочный город на бу-ро-красных холмах: одной ногой стоит в Европе, в Румелии, другой — в Азии, в Анатолии. Пролив Босфор, как сабля из синей стали, разрубил страну на два континента. И только на фелюгах да на пароме можно перебраться с западного берега Босфора на восточный, из Европы в Азию, из Румелии в Анатолию, в район Ускюдар. Босфор в переводе с древнегреческого значит «коровий проход» — через него переправлялась Ио, превращенная в корову. Он кажется искусственным сооружением — каналом, и как-то забывается, что именно по нему в мифические времена плыли аргонавты из Эгейского моря в Черное, в Колхиду за золотым руном. Крутые обрывистые берега, вода чистая, как слеза, на много метров просматриваются глубины, где лениво плавают рыбы. Кое-где дома подступают к самой воде.

Деловая жизнь в общем-то сосредоточена на европейском берегу. Здесь часть города, в свою очередь, разрезана заливом Золотой Рог. А через залив переброшен знаменитый Галатский мост, почти сто метров ширины и полкилометра длины. В южном районе, собственно Стамбуле, — целое гнездо величественных серых мечетей с куполами и темно-голубыми минаретами, и среди них великий храм — Айя-София. Неудержимый людской поток, поток экипажей переливаются по мосту из южного района в Галату — самое бойкое место Константинополя.

...Макошин затерялся в людском муравейнике. Ему нужно было пробраться в аристократический район Бейоглу, на холм Перы, поскольку он, как было задумано, высадился не в главном порту, а в грузовом. Утро еще только занималось, а город кипел, бурлил. Турки в засаленных красных фесках, тюрбанах, чалмах, турчанки с темной чадрой на лицах, в черных одеждах, армяне, евреи, болгары, греки, сербы; толпы нищих с тарелочками у мечетей, водоносы и торговцы фруктами; бесконечный крытый рынок, лавчонки, кофейни, харчевни; стаи желтых псов, грызущихся между собой, ревущие ослики; дворцы, древние крепостные стены и башни — все плыло мимо сознания Макошина, хотя его всегда манил Восток — с его экзотикой, непонятной жизнью, непонятными верованиями и причудливыми письменами. Сейчас его мысли были заняты совсем другим.

Сурово-сосредоточенный, он неторопливо брел по ули-

цам, пристально вглядываясь в лица встречных белогвардейских офицеров и солдат. В своей помятой шинели, в фуражке без кокарды, в сильно стоптанных сапогах он ни у кого не вызывал интереса. Просто не существовал. Таких здесь было слишком много, чтобы обращать на них внимание. Когда ветер распахивал шинель, на гимнастерке можно было видеть белый Георгиевский крест. Константин Макошин находился здесь под собственной фамилией, имел подлинные бумаги, подтверждающие, что ушел он на фронт в 1915 году добровольно, был дважды ранен и контужен, награжден за храбрость. Затем после продолжительного лечения освобожден от военной службы. Солдат третьего сорта, инвалид, увечный воин... Имелись, правда, у него и другие документы, которые могли бы привести в смятение офицеров врангелевской контрразведки, окажись они у них в руках.

Макошин был интуитивным психологом, замечал многое, что проскальзывало мимо внимания других. За годы войны и революции перед ним прошли тысячи людей, и он как-то исподволь научился читать таинственную книгу души человеческой. Потом уже осознанно стал интересоваться психологическими загадками. Почему, например, разные люди в одних и тех же обстоятельствах поступают или одинаково, или по-разному?..

Недавно еще Константин носил густую черную бороду, которая скрывала шрамы на лице. Борода придавала ему величественный вид. Рослый, бородатый, с гневным изломом густых бровей и яростным взглядом темно-серых глаз — таким знали красноармейцы Макошина, лихого рубаку и прекрасного наездника. Теперь бороду и усы пришлось сбрить. Обнажились бугристые шрамы, лицо стало словно бы короче — и Макошин не узнал себя. Да ведь он, оказывается, совсем еще молодой человек, просто мальчишка! Даже испугался, что с исчезновением бороды улетучится и его самоуверенность. Но ничего такого, разумеется, не произошло. Он по-прежнему оставался твердым и хладнокровным, исполненным презрения и ненависти к врагам.

В детстве Костя считался заводилой ребят во всем рабочем районе Серпухова. Вихрастый паренек, чего греха таить, любил подраться и, когда набожная мать приводила в церковь на исповедь, попу всякий раз отвечал: «Грешен, батюшка», — и начинал рассказывать о драках. Поп нетерпеливо прерывал: «Хватит! Каждый раз об одном и том же... Отпускаю!» Возможно, в детстве и поп тоже любил

подраться. Потом Макошин встречал святого отца, когда вернулся после ранения в Серпухов. Даже завел с ним дружбу и позже подбил уйти на фронт гражданской войны с рабочим отрядом. «Пропади он пропадом такой всевышний, — в сердцах сказал поп. — У меня брата убили белые... Расквитаться надо. Мне отмщение...» И они ушли с отрядом. Поп дрался отчаянно, погиб от пули. С тех пор Макошин стал судить о людях не по роду их занятий, не по профессии, а по их совести, по отношению к жизни, к эксплуататорскому классу. В каждом он искал сердцевину, то, что движет поступками.

В гимназии Костя верховодил; учился только на пятерки, к наукам относился серьезно. Учителя восхищались его способностями, начальство освободило от платы за учение. Он рано начал зарабатывать на жизнь. После уроков натаскивал тупиц из состоятельных семей. Деньги приносил матери: ведь у него были малолетние братья и сестры, все хотели есть. Возможно, нужда и заставила крутиться-вертеться волчком, ценить каждую минуту, стремиться «выйти в люди». Сын рабочего окончил гимназию с золотой медалью! Уехал в Петербург, мечтая стать корабелом. Почему корабелом? Вид пароходов на Оке вызывал сладостное томление, тоску по далеким неизведанным краям, мечту о свободе. Дядя Филипп был кочегаром на пароходе, сюда пускали и Костю. Вид мощных машин поразил, но, как оказалось, он очень быстро понял принцип их устройства. Физически сильный, во время летних каникул помогал дяде Филиппу кочегарить, ходил в рейсы подручным до Волги, почти до Нижнего Новгорода. В институте, куда все же удалось поступить, Костю больше всего привлекали корабельные силовые установки, главные корабельные механизмы, вооружение.

Но все это — в прошлом, которое кажется таким далеким. Даже во время гражданской войны продолжал совершенствоваться, так как не доучился в институте из-за войны, возил с собой учебники. Потом увлекся авиацией. Решил: после войны уйду в авиацию!

После войны... Вот она и кончилась, война... Для многих. Но не для Макошина. Он идет по Константинополю. Во многом от его находчивости, выдержки зависит исход труднейшей операции, какую когда-либо приходилось ему проводить. Ответственное задание — вот как это называется! И Макошин вновь вспоминал о беседе с Дзержинским. «Мы обсудили ваш план. Приняли его... — сказал ему Дзержинский. — У вас будут надежные помощники. Да вы

их, разумеется, всех знаете». Он предупредил Макошина, что в Константинополе действует так называемая «межсоюзная разведка», ведущая шпионаж против Советской России. «Межсоюзной» и следует опасаться прежде всего.

«Мы не сомневаемся в благоприятном исходе операции...» И то были не просто слова одобрения, Дзержинский давал понять: задание должно быть выполнено любой ценой!

...То и дело Константину встречались военные: белогвардейские офицеры, французы, англичане, американские матросы в белых накрахмаленных шапочках, сдвинутых на затылки. Янки поглядывали на белогвардейцев с презрением. Были тут итальянские и греческие офицеры, сенегальцы в синих французских мундирах. Оккупированный союзниками город кишел военными, они тут хозяйничали, а точнее, бесчинствовали. На расправу с непокорными турками обычно посылали сенегальцев, которые охраняли и беженские военные лагеря белогвардейцев в Галлиполи и Чаталдже. Подвал отеля «Арапьянхан» британская контрразведка превратила в следственную тюрьму, там арестованных подвергают, по слухам, ужасным пыткам.

Ему было известно также: гостиница «Пера», где проживают белые генералы, наводнена контрразведчиками, шпиками, наверное, существует и подвал, где «занимаются» всеми подозрительными. Но Макошину предстояло проникнуть именно сюда, в «Пера палас отель», иначе проведение операции сорвется, а это исключено.

Властителей Константинополя терзала тревога. На том берегу Босфора, за Ускюдаром, за темными кипарисовыми лесами, по сути, начиналась зона Мустафы Кемаля. Вот почему союзники приходили в неистовство, подозревая в каждом прохожем, даже в каждом турецком полицейском сочувствующего. Посредине пролива, у выхода в Мраморное море, ближе к восточному берегу, высилась Девичья башня. Здесь зорко нес охрану французский патруль, задерживая для досмотра каждое судно, каждую фелюгу. Задерживают не только турок, но и русских, так как солдаты и казаки, бежавшие из военных лагерей, норовят переправиться в Ускюдар, лелея несбыточную мечту пешком по горам добраться до Кавказа. Каждый солдат или казак, разгуливающий по Константинополю, считается беглым. Да и кем он еще может быть? По городу расставлены патрули, то и дело проезжают в грузовых автомобилях вооруженные полицейские. В самом воздухе, казалось, разлита опасность. Константин шел, не оглядываясь. Оглядывается

тот, кто боится слезки. Инстинкт, которому он верил, успокаивал: все обойдется...

Не исключено, Макошина уже взяли под наблюдение: те самые, из «межсоюзной разведки», из врангелевской контрразведки или британской. Да мало ли в здешней людской кутерьме всякой пакости. Где-то тут же — Кутепов, Фостиков, Секретев и другие генералы, еле унесшие поги из Крыма. Где-то размещается штаб недобитого воинства Врангеля.

Показалась ватага пьяных офицеров. Макошин смиренно вытянулся, вскинул руку к козырьку. Но на него никто даже и не взглянул.

Миновав рынок, он перешел по Галатскому мосту на северную сторону. На минуту задержался у Галатской башни. Так вот она какая! Это о ней упоминал Михаил Васильевич Фрунзе. Очень высокая, метров семьдесят — не меньше. Круглая, с узкими окнами-бойницами, с остроконечной кровлей. Что в ней, в этой серой каменной башне? Галата значит Молочная.

Он поднялся по Галатской лестнице в район многолюдной Перы, где в гостиницах квартируют только европейцы. Золотой Рог и Босфор лежали далеко внизу. Синие искрящиеся ленты. По ним ползут фелюги с черными парусами, суда, уходящие в Мраморное море, которое поднялось до неба, слилось с ним. Мармара денизи... — так называют его турки. Отсюда пепельно-серые мечети Стамбула кажутся лежащими одnogорбыми верблюдами. А дальше — Дарданеллы, Эгейское море, остров Лемнос, где находятся беженские военные лагеря генерала Слащева. Его цель...

Вот у этого генерала, человека крутого, жестокого, Макошин и его товарищи, идя фактически навстречу гибели, и должны отвоевать солдат и казаков, добиться их возвращения на родину. Задача фантастическая. Уравнение со многими неизвестными.

Вначале нужно добраться до греческого острова Лемнос, проскочить через все белогвардейские, британские, французские, греческие заслоны. Это невероятно трудно. Но сейчас главное — успех встречи с Гравицким. От этого зависит все. Макошин завернул в пустынный переулок, огляделся, затаился. Убедившись, что за ним никто не идет, свернул в другой переулок. В путанице узких кривых переулков легко можно было заблудиться. И хотя он никогда не был раньше в Константинополе, но карту изучил добросовестно и в конце концов «понял» его планировку, твердо усвоил направление, которого следует

держаться. На всякий случай вызубрил греческую фразу: «Пу врискетэ то ксэно-дохио «Пера»?» («Где находится гостиница «Пера»?»). Лучше всего обращаться к грекам. Хотелось есть и пить. Полез в карман, выгреб хлебные крошки, бросил в рот. Если бы за ним наблюдали, то увидели: понуро бредет бездомный, голодный человек, а куда идет, сам не знает: не все ли равно, куда идти, если в кармане ни одного пиастра?

Однако, очутившись перед тяжелыми дверями шикарной гостиницы, облицованной мрамором, у которых стояли швейцары с золотыми буквами на фуражках, Макошин преобразился: снял потрепанную шинель (на гимнастике блеснул «Георгий»), вскинул гордо голову, сверкнул глазами и, щедрой рукой раздавая направо и налево те самые пиастры, уверенно перешагнул порог. Церберы отступили. Подскочившему служащему с быстрыми глазами рыси небрежно сунул несколько лир, посмотрел сквозь него и спокойно стал подниматься по мраморной лестнице на нужный этаж. Здесь всюду был голубоватый мрамор, вся гостиница представляла собой мраморный дворец с десятками, а то и сотнями комнат, с отдельными роскошными апартаментами в бельэтаже. Несмотря на раннюю весну, повсюду цветы в вазах.

При взгляде на худое, исполненное внутренней силы лицо Макошина как-то забывалась убогость его одежды — встречные офицеры приветствовали его легким кивком головы. У солдата был тонкий нос и выдающийся вперед энергичный подбородок; он снял фуражку, обнажив мощный лоб с глубокими залысинами. Смелое, открытое лицо человека, уверенного в себе. Кто он? Эмиссар... агент... мало ли кто... В оккупированном городе всегда много подобных волевых личностей, которые постоянно куда-то спешат, совершая что-то таинственное.

Но чем ближе подходил Макошин к заветной двери, тем учащенней билось его сердце. Через несколько минут все решится. «Решится...» Странное слово. Решится. Орел или решка?.. Извечная игра случая. Остановился возле двери. Тихо постучал. Нажал на ручку. Дверь открылась. Вошел.

Генерал Гравицкий лежал на диване, курил. Услышав шаги, гаркнул:

— Кто? Какого черта?! Вон!

Макошин замер на месте. Наконец генерал повернул голову и с изумлением уставился на Константина. Положил дымящуюся трубку на мраморный столик.

— Вы ко мне, любезный?

— Так что к вам, господин генерал. Надумал проведать по старой памяти.

Генерал вгляделся в лицо Макошина, увидел безобразный шрам. Возможно, он в самом деле раньше встречал этого человека, но где? И какое это может иметь значение сейчас? Гравицкому было за сорок, людские потоки в гимнастерках, френчах, кителях утомили его.

— Так где же мы с вами встречались? — спросил он безразличным голосом. А про себя думал: как этому солдату удалось пройти мимо швейцаров и вестибюльных черберов? Обычно таких не подпускали даже близко к гостинице.

— Я был тогда в бинтах. Вы вряд ли могли запомнить и мою фамилию. Макошин. Разрывная пуля в лицо, контузия. Списали вчистую. А «Георгия» нацепили мне вы. И сказали: будет трудно — разыщи.

Гравицкий досадливо поморщился: сколько он нацепил Георгиевских крестов серым героям-солдатыкам! Разве всех упомнишь?..

Он не предложил Макошину сесть, и тот стоял перед ним и молчал. Генерал начинал терять терпение.

— Так чего же вы хотите, любезный? Денежной помощи? Французы нас всех посадили на голодный паек. Предлагают вступить во французский иностранный легион.

— А вы, господин генерал, уже решили вступить в иностранный легион?

— С какой стати? Гнить в ямах Туниса или Киликии? Увольте... Да и вам не советую. Во французском иностранном легионе с русскими офицерами и солдатами обращаются, как с каторжниками, за отказ служить заставляют работать на свинцовых рудниках. Французишки дрянь... Мы опустили, утратили чувство собственного достоинства и чувство реальности. Воевали за Россию, а оказалось — за интересы Антанты. Теперь казакам предлагают собачью службу в Африке или на Ближнем Востоке. Нас надули-с, молодой человек... Показали кукиш...

Не дождавшись приглашения, Макошин опустился в кресло, но генерал этого не заметил или сделал вид, что не заметил.

Константин сказал:

— А если вернуться домой, в Россию?

Генерал тяжело засопел, нервно потер подбородок.

— На какие шиши ехать? Да и кому мы там нужны?

Меня первого вздернут на первой же осине. Как изменника родины.

Генерал побледнел, скрипнул зубами.

— А ведь я не изменял ей, не изменял! Я не эмигрант, я беженец... — вдруг истерически закричал он и разрыдался.

— Выслушайте меня внимательно, Юрий Александрович, — сказал Макошин медленно и глухо, — я не тот, за кого себя выдаю. Вернее, я тот самый солдат, которому вы нацепили «Георгия». Это тогда. А нынче я — член реввоенсовета 2-й Конной армии Макошин. Наступал на Ялту против вашей дивизии. Прибыл сюда от Дзержинского и Фрунзе с чрезвычайным правительственным заданием. Помогите мне. Помогите всем, кто раскаялся. Полная амнистия... Даже если бы и генерал Слащев надумал вернуться... Повинную голову меч не сечет.

Гравицкий был ошарашен словами Макошина: он глядел на Константина выпученными глазами и, задыхаясь, рвал ворот кителя. Наконец успокоился, сел на диван и уже деловым голосом спросил:

— Почему я должен вам верить, не знаю, как величать вас, молодой человек? Может быть, вы провокатор, подосланный Кутеповым?

— Называйте Константином Алексеевичем. Или просто Костей. Как вам удобнее. Конечно же я прибыл не с пустыми руками: есть документы с советским гербом и печатями, есть гарантии Советского правительства лично вам и другим генералам и офицерам. И казакам и солдатам, разумеется. Вот письмо известного вам полковника Мамуладзе.

Генерал разжег погасшую трубку, нервно затанулся:

— А как мы выберемся отсюда? На каком транспорте, если вдруг генерал Слащев согласится поднять свой четырехтысячный корпус, дислоцирующийся на Лемносе? Вы над этим не задумывались?

— Все предусмотрено. Пароход зафрахтован.

— Ну в таком случае... едем на Лемнос к генералу Слащеву... — вдруг с горячностью произнес Гравицкий. — Я сам поговорю с ним. Он ненавидит Врангеля, Врангель ненавидит его. У них постоянно грызня. Месяц назад Врангель заявился на Лемнос, произвел смотр войск и остался недоволен, пригрозил сместить Слащева. Сейчас белое движение — это клубок скорпионов в банке. Нет, нет, не пауков, не змей, а именно скорпионов. Нам стыдно от своего безволия, слабости. Едем на Лемнос!

Он возбуждался все больше, беспокойно шагал по комнате, нервно разглаживал курчавящиеся бакенбарды, выкатывал голубые глаза, стучал трубкой о мраморный столик.

Макошин заколебался: дело принимало не совсем тот оборот, какого ожидали. Вот так прямо на Лемнос, с визитом к генералу Слащеву? Поднимай, Слащев, свой корпус — и на пароход. Поедешь в красную Россию, где тебя хорошо помнят за содеянные злодеяния в Николаеве и Крыму. А нет ли тут подвоха?

Очень уж легко сдался генерал Гравицкий. Такая податливость не может не наводить на подозрения. Конечно же, выдать Врангелю посланца Дзержинского и Фрунзе — значит получить повышение в звании и в должности. Дивизию Гравицкого расколошматили, самого вышвырнули вон за пределы России, почему бы ему не считать себя вправе отомстить за все?

Гравицкий позвонил коридорному, приказал принести коньяк, кофе, фруктов. И помидоров. Недозрелых помидоров, какими торговали на лотках. Гравицкий обожал помидоры.

Только теперь Макошин сообразил, что их разговор могли подслушать: чего не учел, того не учел. Дырявая шляпа — вот ты кто, Макошин! Обрадовался, сразу все выложил... Чекист называется...

И вдруг без всякого перехода, словно смущаясь и от этого спеша, Гравицкий заговорил о несчастной жизни эмигрантов, о тяжелых условиях на Лемносе.

— Там много офицеров. Из тех, кто до войны играл в теннис, гольф или бридж, катался верхом, танцевал и считал себя аристократом или на три четверти аристократом. Каждый из них с умилением вспоминает, как в последнее воскресенье масленой недели — в канун чистого понедельника — обжирался блинами и участвовал в маскараде, изображая какого-нибудь дона Родриго, и курил конечно же только Масаксуди. Их учили хорошим манерам, языкам. Сейчас сутками дуются в карты, проигрывая все, что только можно проиграть. Остаются без подштанников. Психические расстройства, поножовщина. Грабеж греческого населения, убийства, насилия... Ото всего этого можно спятить...

Генерал вел себя как-то странно, бормотал, словно бы не замечая присутствия Макошина:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды...

«Уж в своем ли уме?» — невольно подумал Макошин, ему стало не по себе. Будто угадав его мысли, Гравицкий сказал с улыбкой:

— От вашего признания и предложения какой-то ералаш в голове... И в то же время задаюсь вопросом: почему вы явились именно ко мне? Кто послал вас? Значит, есть тут, под боком, кто-то, знающий меня и мои умонастроения лучше, чем я себя! Очень мило.

Макошин ничего не ответил. Глаза его напряженно следили за генералом.

Они пили кофе из крошечных серебряных чашек, коньяк закусывали незрелыми помидорами, неизвестно когда и где успевшими вырасти: возможно, их привозили из южных провинций бывшей Оттоманской империи. В окно, задергивающееся серыми бархатными портьерами, виднелись еще оголенные миндальные деревья, сквер с прошлогодними клумбами. Макошин реагировал на каждый шорох за дверью, хотя и старался не подавать вида. История, которую он затеял, нравилась ему все меньше. Какую игру играет Гравицкий?

Генерал бросил взгляд на часы-браслет.

— До вечера вам лучше не выходить из номера. Вы не имеете права рисковать.

— Но кому нужен увечный воин? — с легким смешком отозвался Константин.

— Все так. Но дело, видите ли, в том, что в Константинополе свирепствует жандармерия государств, оккупировавших город. Они часто устраивают облавы на русских беженцев — будь то солдаты или штатские люди, схваченных сразу же отправляют в беженский лагерь для выяснения обстоятельств. Они не знают русского языка, а потому никакие документы не помогут. Лучше уж переоделись бы в офицерскую форму. Поручиков и штабс-капитанов здесь, как нерезанных собак. Можете прилечь, а я тем временем раздобуду вам подходящую одежду и золотые погоны.

— Обойдусь. Владею английским и французским. Буду сопровождать вас. Кто посмеет задержать лицо, сопровождающее генерала?

Гравицкий спрятал усмешку в усах.

— Ну а если вас успели выследить и ждут, чем все кончится? Если поймут, зачем вы пожаловали, то могут просто и скоро убить. У них большой опыт в таких делах. Они не хотели вас трогать, когда вы шли сюда. Но теперь идеальная обстановка, никто не узнает, кто рас-

правился с вами: убийцы сразу же испарятся. Что вы на это скажете?

— Ничего не скажу. В самом деле: если бы я был таким беспечным человеком, то не стоило бы ходить сюда. Думаю, вы поймете смысл этих слов.

И сменил тему разговора.

— Чем занят Врангель?

— В основном интригами и заигрываниями с королем Александром. Хочет перенести свой штаб в Югославию. С англичанами разругался в пух и прах. С французами — тоже. Торговое соглашение между Великобританией и Советами, подписанное несколько дней назад, вызвало шок в белых кругах... Барон грозитя перебросить войска в Болгарию и Сербию, срочно направил к Александру генерала Шатилова для переговоров о передислокации русской белой армии. На этом настаивает и генерал Кутепов, еще зимой прошлого года задумавший бросить Врангеля и перейти на службу к Александру...

Слушать Гравицкого было интересно и полезно.

После его слов исчезло представление об изолированности белой эмиграции в Турции от других стран. Это не так. Врангель имел возможность насылать своих эмиссаров в Париж, в Берлин, в Мюнхен, в Белград, Варшаву, Прагу. И делал это. Где-то там, в странах Восточной Европы, создавались монархические союзы, контрреволюционные группировки, борющиеся между собой за лидерство и создающие свои «сферы влияния» и свои газеты; где-то генерал Краснов пытается сколотить из остатков белой армии несколько корпусов, чтобы в подходящий момент двинуть их на Петроград; где-то возникают новые офицерские союзы; бывший командующий «западной добровольческой армией» Авалов-Бермонт, проживающий в Гамбурге, планирует поход на Москву; великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович никак не могут поделить несуществующий престол; но ведь его им обещают?! Эсеры и кадеты, Керенский и Милюков собирают «коалицию»; вся пестрая эмигрантская публика пытается объединиться, сплотиться, но из этой затеи пока ничего не получается.

Макошин внимательно слушал. Но тревога почему-то не покидала его. Трубка часто гасла, генерал то и дело вновь разжигал ее, с волнением затягивался и тонкой струйкой выпускал дым сквозь пышные светлые усы.

— Пытался курить кальян, но стеклянный пузырь меня раздражает. Куришь, словно клизму ставишь. Тьфу!

И неожиданно взял серьезный тон:

— Я мог бы познакомить вас, Константин Алексеевич, с генералами Секретьевым, Ключковым, Зелениным... С высшими офицерами. Мои друзья. Вернее, единомышленники.

— В каком смысле — единомышленники?

— Думаю, вот парадокс. Они рады были бы встретиться с вами! Мы ненавидим Врангеля и готовы хоть сегодня перейти на службу в Красную Армию. Если нас примут, разумеется. И не расстреляют.

— Примут.

Голос генерала звучал естественно. А Макошин задумывался все сильнее: лжет или говорит правду? Почему он назвал именно тех генералов, которые были опорой Врангеля? Не могли же они за каких-нибудь четыре месяца разочароваться в своем кумире до такой степени, что готовы признать Советское правительство? А может быть, в белом стане идут пока еще невидимые постороннему глазу процессы?

Подумав, генерал взял перо, лист бумаги, потом что-то стал быстро писать. Протянул исписанный листок Макошину.

— До нынешнего дня мы колебались, — произнес он как-то торжественно, — теперь колебаниям конец!

— Что это? — спросил Константин.

— То, что я задумал давно: «Обращение к войскам белых армий». Его хоть сегодня подпишут генералы, названные мной. Читайте!

Макошин прочел: «Отныне мы признаем нынешнее правительство Российской Советской Республики и готовы перейти на службу в Российскую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, так как идеология белого движения потерпела полный крах...»

Макошин почувствовал, как на лбу проступила обильная испарина. Нервы были на пределе. Это всерьез или?..

— Мы можем, как я уже сказал, хоть сегодня подписать и опубликовать обращение, разослать в войска, — продолжал генерал все тем же крепнущим голосом. — Но теперь подобная поспешность была бы непростительной глупостью. По здравому размышлению пришел вот к чему: «Обращение» должно быть бомбой, разорвавшейся во врангелевском стане. Я хотел бы уехать с вами в Россию. Поверьте. Очень хочу. Но придется на какое-то время остаться здесь, чтоб опубликовать «Обращение», когда вас и вашего судна уже не будет в Босфоре.

Что генерал имеет в виду, вновь загадка...

— Вы надеетесь, что после опубликования «Обращения» Врангель оставит вас в покое? — Макошин хотел уточнить позицию Гравицкого.

— Смешно было бы надеяться. Наша единственная задача — спасти обманутых людей. Их место на родине, а не на заграничных свалках. Мы отрезвели. Понимаете? И если даже пожертвовать придется собой, я готов. Так и передайте Дзержинскому и Фрунзе. Я останусь здесь как бы вашим уполномоченным по репатриации. Привычка доводить любое дело до конца. И доведу. У вас усталый вид, Константин Алексеевич. Прилягте на диван, вздремните.

— Не извольте беспокоиться, — сказал Макошин. — А отдыхать некогда. Я должен уйти...

5

Решено было считать, будто пароход «Решид-паша» должен перебазировать с Лемноса корпус Слащева в какое-то другое место. Присутствие на борту генерала Гравицкого и его бодигаров — личной охраны — имело целью исключить нападение греческих кораблей на турецкое судно.

«Личная охрана» — Макошин и два его товарища — Веденеев и Зайцев.

Поздно ночью «Решид-паша» тихо покинул бухту Золотой Рог и вышел в Мраморное море. Макошин и генерал находились на верхней палубе. Веденеев и Зайцев остались в каюте. Южная ночь плотно окутывала берега и море. Только звездное небо ярко сияло, дымилось, и его струящийся блеск порождал ощущение оторванности от мира.

— Главное — проскочить Дарданеллы, — говорил, размышляя, Гравицкий. — Англичане бдительно контролируют их. Узкая щель. И вообще, скажу вам, по Дарданеллам проход ночью запрещен. Так же, как и по Босфору.

И, словно стряхнув тревогу, добавил беспечным тоном:

— Мы совершаем с вами, Константин Алексеевич, увлекательное путешествие. Не так ли? Как аргонавты в старину, только наоборот. Если бы «Решид-паша» шел не в чернильной темени, а при солнце, то увидели бы слева Принцевы острова с их пышными садами, где до недавнего времени любила отдыхать турецкая знать. В византийскую эпоху здесь веселился император. Теперь на остров Буюк иногда наведывается Врангель, проводит совещания в гостинице «Акация» с лидерами белого движения: членом

ЦК кадетской партии князем Долгоруковым, генералами Шатиловым, Львовым, Кусонским, Алексинским, представителем торгового и промышленного капитала Ростовцевым. О чем совещаются? В Берлине создан Высший монархический совет во главе с Марковым, совет занят разработкой «норм временного управления Россией после падения большевиков». Так вот, Врангель и его «Русский совет», «Общество офицеров генштаба» после разрыва с англичанами и французами тяготеют к немецкому генералу Людендорфу, вносят свою лепту в разработку «норм».

Впрочем, я отвлекаюсь. Дальше на юге — Мизийский Олимп, покрытый вечными снегами, обиталище Зевса и его божественной свиты. Но мы пойдем не на юг, а на юго-запад, вдоль Галлиполийского полуострова, где так же, как и на Лемносе, находятся беженские военные лагеря. Нам предстоит проскочить мимо этого полуострова с его пристанью Галлиполи, мимо Чанаккале на анатолийском берегу — тут англичане; мимо Кумкале, где греки. Потом возьмем мористее, к западу...

Речь генерала лилась вполне беспечно, но Макошин видел, что Гравицкий, судя по всему, был озабочен. И не тем, что пароход могут остановить, задержать, проверить документы. Он опасался, что англичане или греки, задержав пароход при выходе из Дарданелл, сразу же сделают запрос в штаб Врангеля или в Галлиполи: почему пароход нарушает установленные правила? Чрезвычайные обстоятельства? А это уже было бы опасно!

— Я в некотором смысле на подозрении у Врангеля, — признался он. — Вот когда выйдем в Эгейское море, тогда будет легче. При неблагоприятном исходе дела капитан «Решид-паши» может попасть в тюрьму... Но это уже не мои заботы.

...Когда небо посерело, они прошли мимо Чанаккале, мимо огромных крепостных башен, опоясанных красным орнаментом — меандром. Башни были неправдоподобно огромные, круглые, толстые.

— Вот оно, Эгейское море! — сказал Гравицкий, резко выкинув руку вперед. Макошин видел перед собой только мутную лиловую пелену.

— А слева — Гиссарлыкский холм. Троада. Святой Илион... Там развалины Трои. А лесистый хребет за Гиссарлыком — гора Ида. Та самая, где сидел Зевс и наблюдал за ходом Троянской битвы.

Зевс от Иды горы, в колеснице красивоколесной,
Коней к Олимпу погнал и принеся к собору бессмертных...

Все происходило именно там. Равная вихрям Ирида устремляется к Трое, священному граду. Бог ты мой, из каких битв мы вышли! Что в сравнении с ними Троянская! А вот поди ж ты — все то, что происходило на заре человечества, почему-то представляется в багряно-золотом блеске, в ореоле величия. Какие звезды наблюдали за гражданской войной?.. Мы — не ахейцы, не троянцы. Белогвардейский сброд, как называют нас в ваших газетах... Больше всего меня радует, что мы проскочили Дарданеллы! Проскочили! Чудо.

Макошин молча слушал, понимал: не эрудицией хочется блеснуть Гравицкому. В истории он ищет какие-то объяснения настоящему. Охваченный смятением, он хотел уяснить что-то для себя. Почему все кончилось катастрофой?

Не то чтоб он раскаялся — он не чувствовал себя виноватым: честно старался служить своему классу, вместе с солдатами гнил в окопах, а класс оказался несостоятельным, не смог удержать власть. Зато Рябушинский нагреб на поставках миллионы. Французы с презрением за всех сформулировали главное: если уж вы не смогли победить раздетых, разутых большевиков, имея в изобилии все, чем снабдила вас Антанта, то чего, какого чуда ждать от вас дальше? Вы разбиты, рассеяны, потерпели полное крушение... Вот почему даже сейчас, в Эгейском море, оскорбленный союзниками Гравицкий упорно продолжал редактировать и дополнять «Обращение к войскам белых армий». Это — документ! «Наша родина вышла из революционного хаоса и вступила на путь творческой созидательной работы. На международной политической арене Советское правительство является единственным защитником интересов России и ее государственного суверенитета...» Пожалуй, тут сформулировано самое важное, а точнее, обозначены непреложные факты.

Собираясь вместе небольшим кружком, образовавшимся произвольно, генералы вначале с оговорками, а потом прямо пытались осмыслить свое положение. Российские военные интеллигенты — так они себя называли, генералы Клочков, Секретев, Зеленин. К ним примкнули полковники Лялин, Оржановский, Житкевич, Климович. И в конце концов пришли к выстраданному выводу: нужно вернуться на родину; самое тяжелое — чувствовать себя никчемным и ненужным. Свою жизнь починить трудно, но необходимо, чтобы не впасть окончательно в духовное бессилие, не окостенеть.

По всей видимости, так или примерно так размышлял Гравицкий. Он испытывал невольную симпатию к несколько угрюмому, с пронизательными и умными глазами посланцу Дзержинского и Фрунзе, понимая: это новая порода людей, таких еще не было...

А Макошин, искренне взволнованный встречей с мифами детства и юности, с теми временами, которые познавал воображением, не отрывая глаз от Гиссарлыкского холма, пронизанного красными лучами утреннего солнца. За всю ночь Константин не сомкнул глаз ни на минуту, но был бодр, без всякой сонливости. Фронтальная жизнь приучила к умеренности: он спал и ел мало. А сейчас провалился в далекое прошлое, был взбудоражен. Святой Илиоп... Отсюда началась осмысленная история человечества. Когда Гомер, живший в незапамятные времена, посетил Трою, она уже лежала в развалинах много веков. Как стара память человечества, как давно люди воюют... Они продолжали воевать, никак не могут угомониться, и кровавый угар по-прежнему дурманит им головы. Но ведь настанет такой день, когда все итоги будут подведены и разум торжествует навсегда!

Ему вдруг захотелось вернуться в Политехнический институт. Из солидного члена реввоенсовета превратиться в мальчишку-студента, завершить курс кораблестроительных наук. Неужели это когда-нибудь сбудется? Или он плывет навстречу смерти, своей роковой судьбе?..

...Да, все было именно здесь: Троя, Пергам, родина Гераклита — Эфес, родина великого Гомера — Смирна, или Измир.

— В Эфесе находился тот самый храм Артемиды, сожженный Геростратом, — продолжал Гравицкий. — Крез тоже из здешних мест. Геродот, Эскулап, врач Гален — все в одной мраморной чаше...

Даже на верхней палубе воздух казался застоявшимся. Пахло машинным маслом и горячим дымом. Обоим казалось, что опасность уже миновала: Эгейское море было перед ними, а там другие законы и правила.

Неожиданно с азиатского берега, от Кумкале, где, собственно, и находился Гиссарлыкский холм, отделился сторожевой катер. Тревога! Из рупора неслась ругань на греческом и плохом английском.

— Греки, — с облегчением произнес генерал.

— Сас паракало, милатэ ихё! — крикнул он в свою очередь грекам в рупор. — Калос сас врикамэ!

— Что вы сказали?

— Я сказал, чтобы говорили медленнее, а то ничего не понять. И поприветствовал: мол, рады вас видеть.

Макошин невольно улыбнулся.

Пароход остановился, греки замолчали. Видимо, звуки родной речи произвели на них впечатление. Моряки были во френчах и затейливых головных уборах, расшитых золотой вязью.

— Можно подумать, будто пожаловали швейцары из нашей гостиницы.

Грудь Гравицкого была украшена царскими и иностранными орденами и медалями. Бельгийский крест Леопольда I с лавровым венком и девизом «В единении сила»; серебряный английский орден; французский военный крест; итальянская и еще какие-то медали. Он специально нацепил все регалии, чтоб иностранный патруль сразу видел, с кем имеет дело.

Патруль с примкнутыми к винтовкам штыками поднялся на палубу. При виде врангелевского генерала в полном параде произошло замешательство.

— Калимэра... Доброе утро,— пробормотал офицер. Генерал не стал ждать, пока у него потребуют документы, протянул их офицеру.

— О, росс кире генераль Гравицкий! Врангель, Слащев...

На хорошем греческом генерал объяснил, что послан с заданием вывезти с Лемноса корпус Слащева в Константинополь.

Это произвело настоящий фурор. Греки оживились, загалдели. Наконец-то греческий остров будет свободен от непрощенных постояльцев! По всей видимости, предполагаемую эвакуацию они связали с обострением отношений между Врангелем, англичанами и французами.

— Выход судов в море из Дарданелл разрешен ровно в шесть часов,— поспешно сказал офицер,— сейчас пятый час. Но в данном случае можно пренебречь правилом, существующим для пассажирских судов. Вы — судно военное. Счастливого пути!

Катер ушел. «Решид-паша» устремился в Эгейское море.

Эгейское море... Наконец-то! Что-то шевельнулось в душе Макошина: а ведь это действительно из юности, из сказок и мифов!

Макошин глядел на юго-запад в белесую дымку, из которой проступали очертания островов, и вдруг тревога снова завладела им. Сейчас все предприятие вдруг показалось

ему сплошным безумием. Эгейское море. А дальше — Средиземное... Три советских чекиста стоят на палубе турецкого парохода, плывущего в неизвестность, и находятся они, по сути, в самом центре враждебных сил. В случае чего, уйти некуда. У них нет с собой оружия — таковы правила игры. Сообщат ли греки в Константинополь о следовании «Решид-паши» на Лемнос? А через несколько часов — встреча с вешателем Слащевым, он-то и прикажет всех нас немедленно арестовать и к стенке... Эх, маузер бы да пару гранат! Он даже заскрипел зубами от сознания своего бессилия.

Английский миноносец шел им навстречу, все увеличиваясь в размерах. Неприветливая серая туша надвигалась стремительно.

— На левый борт! — скомандовал Гравицкий. — Пусть видят, как мы приветствуем союзничков.

Когда миноносец поравнялся с ними, «Решид-паша» приветственно загудел. Гравицкий приложил руку к фуражке. Но англичанин не удостоил их вниманием, прошел молча и вскоре растаял в сизой дымке.

Они все время шли на юго-запад, в сторону Греции, огибая небольшие острова. Имброс и Тендос как бы прикрывали вход в Дарданеллы. Из-за туч ослепительно брызнуло солнце, и Макошин увидел впереди по курсу лиловую скалистую вершину.

— Лемнос... — сказал Гравицкий. — Мы у цели.

Лемносский бог тебя сковал...

Для рук бессмертной Немезиды...

До мировой войны такие острова, как Лемнос, Самофракия, Имброс и Тендос, не считались «проклятыми дырами». Они занимали доминирующее положение над пространством перед Дарданеллами. Глава кадетов Милюков старался уверить царское правительство: «...стратегическая задача обеспечения нашего выхода в Средиземное море не может быть разрешена безотносительно к судьбе этих островов». Слащев придерживался такого же мнения. И вот ирония судьбы: Слащев оказался словно бы хозяином Лемноса. Он мог контролировать и Самофракию и Тендос вместе с Имбросом. Но царской России больше не существовало, а выход в Средиземное море контролировали все-таки англичане и французы.

Унылый, пустынный Лемнос превратился в белоэмигрантскую дыру, по сути, в место страшного заключения почти четырех тысяч человек, загнанных в бараки и зем-

лянки, построенные наспех. Бежать отсюда невозможно. Но бегут. Нападают на местных рыбаков, отнимают лодки и уплывают в неизвестном направлении. А стратег Милюков сидит в Париже, продолжает плести интриги против красных, подстрекать. Но даже до твердолобого Милюкова наконец дошло. Генерал Гравицкий прихватил с собой газетку «Парижские новости». В ней опубликовано интервью с Милюковым: «Вы вновь спрашиваете, что делать после Крымской катастрофы? Не знаю. Я лишь считаю невозможным продолжение вооруженной борьбы под командой Врангеля, его офицерства и его политиков-чиновников». Давно ли Милюков и Врангель обменивались любезными телеграммами! Ну а что обо всем этом думает генерал Слащев, оказавшийся, по существу, в самой дрянной мышеловке?! Врангель ведь тоже может улизнуть из Константинополя в Сербию или в Париж, бросив Слащева и его корпус на произвол судьбы: выпутывайтесь, мол, господа, как знаете!

...Старый, как мир, Лемнос. Выветренные скалы, покрытые кое-где колючим тамариском и желтыми цветами бессмертника. Некая унылость во всем облике острова. Он возвышается как бы в центре морского пространства между Дарданеллами и греческим полуостровом Айок-Орос; а чуть дальше — Салоники, материковая Греция. Но близость материка не ощущается. Медленно вздымается и опускается маслянистое море.

«Решид-паша», вспугивая стаи чаек, подошел к каменному причалу. Загрохотала якорная цепь. Появление большого судна в здешних водах вызвало на берегу оживление. Его, наверное, давно заметили и гадали: завернет на остров или пройдет мимо? Даже здесь, на сороковой широте, было холодно, солдаты на берегу еще не сняли шинелей.

Они стояли, солдаты, казаки, офицеры, и ждали: кого принесло? А на палубе — никого, кроме турецких матросов. Ничего особенного так и не случилось. Один-единственный человек спустился по трапу: генерал Гравицкий. Без всякого сопровождения.

Гравицкий направился в штаб Слащева, расположенный в приземистом бело-голубом домике с колоннами, закрытом утесами от всех ветров. Ему доводилось здесь бывать. Не взглянув на часового у дверей штаба, он прошел в помещение. Офицеры уже были заняты, по всей видимости, игрой в железку. Как знал Гравицкий, в карты садились играть с утра.

Вечером обычно пили, перебивая друг друга, говорили о женщинах, за циничными замечаниями скрывая тоску по дому и тревожные мысли о своей судьбе; отрезанность от всего мира, нудное бездействие, полное неведение того, что творится вокруг, томило каждого из них. Тут уже никто не вспоминал об офицерской чести, рассказывали сальные анекдоты, все надоело друг другу, у всех истрепались нервы от напрасных ожиданий и тревоги.

Никто не взял на себя труд доложить о прибытии генерала Гравицкого Слащеву. Он был озадачен, но не стал ставить их по команде «смирно» — они могли и не выполнить команду, что поставило бы его в совсем неудобное положение. Офицеры во главе с адъютантом продолжали резаться в железку. «Разложение зашло слишком далеко, — раздраженно отметил про себя Гравицкий. — Сброд...» Он знал, что среди офицеров корпуса участились случаи самоубийства. Ночью вскакивают с постели и начинают палить по всем направлениям — это уже безумие, порожденное войной. Пять раз пытались застрелить Слащева, но он создал целую сеть доносчиков, которые заблаговременно упреждали генерала о готовящемся на него очередном покушении.

Гравицкий постучал в дверь кабинета. Долго никто не откликался. Гравицкий громко назвал себя. Дверь приоткрылась, показалось встревоженное изжелта-бледное небритое лицо Слащева.

— А, это вы! Милости прошу. Прибыли на пароходе? А я сижу и пью виски. Приготовился на всякий случай к самообороне. Верные люди донесли: есть приказ Врангеля доставить меня в Константинополь якобы для урегулирования разногласий. После нашей ссоры сместить задумал, подлец! На мое место прочит немчика полковника фон Цицендорфа.

— Знаю эту рыжую собаку. Сгусток карьеризма и грязи. Более ловкий, чем умный. Впрочем, я на вашем месте только радовался бы.

Слащев удивленно вскинул брови.

— Чему же радоваться?

— Есть чему. Отдайте свою должность фон Цицендорфу, фон Лампе, всем этим фон-баронам, заготовьте приказ... и адью!

— Не понимаю вас, Юрий Александрович. Вы от Врангеля? — он посмотрел на Гравицкого испытующе и недоверчиво, с мрачным любопытством.

— Я, извольте видеть, от Дзержинского и Фрунзе...

Чекисты сидели в салоне «Решид-паши» и молчаливо ждали возвращения Гравицкого, отпавившегося на переговоры к Слащеву. Макошин внешне оставался спокоен, правда, иногда вынимал часы и бросал на них беглый взгляд.

— Генерал Слащев не торопится воспользоваться амнистией, напрасно только тратим время... — саркастически произнес Николай, разглаживая усы.

— Авоська веревку вьет, небоська петлю закидывает, — мрачно отозвался Василий. — Всяко бывало, но чтоб вот так по-глупому залезть в котел с макаронами и ждать от вербы яблоков...

Макошин подумал: эх их крутит! Ситуация, конечно, не из веселых. Но ведь ничего другого и не ожидали. И твердо сказал:

— Вы же знаете, я никогда зря не тратил ни чужого времени, ни своего собственного. Я верю в успех. Стоянь-ем города берут.

У Николая и Василия были, разумеется, фамилии. Очень известные фамилии. Во всяком случае, кое-кто из беляков их хорошо запомнил еще по Северной Таврии. Но сюда прибыли с документами вахмистров неких подразделений, отныне, после разгрома Врангеля в Крыму, в природе несуществующих. Риск, конечно, существовал. Глупая случайность. «Вы утверждаете, будто вы и есть фельд-фебель Веденеев? Я прекрасно знал Ники. Вы похожи на него, как уксус на колесо...» — и в том же духе.

Дзержинский и Фрунзе сами подбирали людей для проведения необычайной операции. Подбирали в строжайшей тайне. И послали с Макошиным самых отважных, не раз испытанных в трудных ситуациях. Веденеев и Зайцев... Усатые, со скуластыми сухими лицами, плечистые и мрачные. Такими и должны быть вахмистры. Они безотрывно смотрели в иллюминатор.

— Вижу казачков с красными башлыками на спинах, — сказал Зайцев. — Может, выйти, побалакать, выявить па-строй? В казаках уверен: им тут небось обрыдло, готовы вплавь добираться до своих станиц и куреней. Я ведь сам кубанский.

— Успеется, — отозвался Макошин. — Ты лучше так сделай: затаись вон за тем пологом и слушай, о чем у нас будет разговор с представителями Слащева. Если крикну: «Мы — парламентареры!», выбирайся на берег. А там знаешь, что нужно делать. А тебе, вахмистр Веденеев, тоже не следует присутствовать при переговорах с неопределен-

ным исходом. Если трап уберут и выставят часового, перемахнешь через леера — и сразу вон в те скалы. Уцелеть хотя бы один должен! Уцелеть и продолжать действовать.

— А вы, Константин Алексеевич?

Макошин погладил несуществующую бороду.

— Если распространится слух, что на Лемнос прибыли советские уполномоченные по репатриации, Слащеву со мной не сладить. Казаки и солдаты весь лагерь разнесут, кинутся на пароход. Ну а если не получится, то ведь знаете: могу плыть целыми часами. Вырвусь...

Он остался в салоне один. Бездействие и неопределенность томили. Стоило ли отпускать Гравицкого на «предварительные» переговоры без сопровождения? Однако таково было его условие. Ну а если ни до чего не договорятся и Слащев отдаст приказ захватить пароход?

...На берегу произошло какое-то движение, зеваки подались в разные стороны. У пристани остановился автомобиль. Из него проворно выскочили два офицера. За ними показались Гравицкий и другой генерал. Может быть, сам Слащев?.. Все четверо направились к трапу. Константин сразу же обрел равновесие: тут, кажется, намерены вести переговоры!..

Когда генералы и офицеры вошли в салон, Макошин поднялся. Никто никому руки не подал. Некоторое время стояли с плотно сжатыми ртами, надменные, не спуская друг с друга внимательных, настороженных глаз. Они должны были прежде всего хотя бы внутренне преодолеть резкую враждебность, подавить личное отношение. Сейчас любая мелочь в поведении имела значение.

Молчание нарушил Гравицкий.

— Генерал-лейтенант Слащев Яков Александрович! — представил он подтянутого, моложавого генерала.

Слащеву могло быть и тридцать пять, и все сорок. Он значился одним из деятельных организаторов контрреволюции, командовал корпусом в деникинской армии, в Крыму прославился своими жестокостями. Макошину казалось: появится этаким монументальный солдафон с закрученными усами, неподвижными глазами навывкате, с презрительно оттопыренными губами, спесивый и вздорный, но сразу понял: перед ним — желчный неврастеник, истерик. По щекам перекатывались желваки, опухшие глаза блуждали. Растерянность и отчаяние владели генералом.

По всей видимости, внешность Макошина тоже поразила Слащева:

— Вы так молоды... — произнес он удивленно. — Юрий Александрович говорил о вас. Просту бумаги.

Макошин молча протянул приготовленные документы, в которых говорилось о целях поездки в Турцию и о гарантиях перешедшим на сторону Красной Армии белогвардейцам.

— Можно, я оставляю кое-что у себя? На всякий случай, — попросил Слащев. — Там, где говорится об амнистии.

— Пожалуйста.

Мышцы лица Слащева дрогнули.

— Я тревожусь не за собственную судьбу, — сказал он с горькой улыбкой. — Мое место, знаю, на самой высокой перекладине. Глупо было бы претендовать на снисхождение Советской власти, которой я нанес столь большой урон. Я был убежденным монархистом. Был... Верил в добрую волю союзников. Но теперь мне больше не с кем воевать. Народ нас не поддержал, союзники предали. Я беспокоюсь за будущее молодых людей, офицеров, солдат, казаков моего корпуса. Их более трех тысяч. Получилось так, будто я их всех обманул, вверг в несчастье. Если им будет дарована милость, я могу сам решить свою участь...

Глаза его потухли, он наклонил голову.

— Для беспокойства нет оснований. Советское правительство гарантирует неприкосновенность, амнистию. Желающие будут приняты на службу в Красную Армию.

— Мы должны погрузить на пароход и оружие? — неожиданно резко и настойчиво спросил Слащев.

Макошин должен был принять решение за какие-то секунды: корпус вооружен, конечно, до зубов. Наверное, есть и пушки и пулеметы. Оставить все Врангелю, греческому королю, наконец? Или взять с собой, погрузить в трюм?.. И привезешь ты, Макошин, к крымским берегам превосходно вооруженный четырехтысячный врангелевский десант! То, что не удалось Врангелю, сделаешь ты. Неужели этого ждет от тебя Фрунзе? Передать бы все добро Мустафе Кемалю... Но такая акция выходит далеко за рамки задания, да и прорваться к Мустафе вряд ли удастся, если за «Решид-пашой» увяжется английский или французский хвост...

— Вы можете оставить себе личное оружие, — ответил Макошин, — и огнестрельное и холодное. Офицеры сохраняют именное оружие. На верхней палубе следует закрепить и зачехлить две пушки с боезапасом — для самообороны судна. Два пулемета. Остальное вооружение сбросить в море!

Он ждал возражений. Но Слащев тут же передал приказ начальнику штаба полковнику Дубяго: прежде всего демонтировать, взорвать радиостанции, чтоб ни один сигнал не долетел до Константинополя, до англичан, до штаба Врангеля. Оружие потопить! За утайку оружия — расстрел! Оружие — значит, непредсказуемые инциденты. Инцидентов не должно быть, поскольку речь идет о судьбе тысяч людей, рвущихся домой.

Веденеев и Зайцев должны были наблюдать, как выполняется приказ. Досмотр за погрузкой Макошин взял на себя. Ему нравилась решительность Слащева. Генерал сжигал за собой все мосты. В один миг остаться без пушек, без винтовок... Отказаться от власти над людьми. Это шаг мужественного, многое пережившего и понявшего человека.

— Мы приступаем немедленно! — заторопился Слащев и холодно улынулся.

...Веденеев и Зайцев видели, как группы казаков и солдат с лихорадочным воодушевлением сбрасывали с высокого рыжего утеса орудия. В воду летели пулеметы, винтовки, ящики с патронами и снарядами. Глубины тут были большие, и вряд ли кто из местных жителей-греков рискнет нырять за минами и снарядами. Рыбачий поселок находился за семь километров.

Потопив проклятое оружие, казаки и солдаты обнимались, плакали; забрав скромные пожитки, торопились на пароход. Коней у них не было. Коней потопили еще в прошлом году, когда бежали из Крыма. Потопили, пристрелили, объятые ужасом перед большевиками. Изведав прелести лемносской жизни, поняли: их крепко одурачили, отняли все, а главное — свободу, родину, возможность вернуться к родным и земле. Теперь все рвались на пароход.

Настроение офицеров было подавленное, но обстановка не оставляла им права на выбор. Началась погрузка. Громыхали по палубе сапоги. Казаки втащили ящики со снарядами, закатили пушки, укрыли брезентом. Все, как говорится, деловито, без суеты. А ведь погрузка целого армейского корпуса, насчитывающего чуть ли не четыре тысячи человек, дело не простое.

Слащеву выделили каюту, но он в нее не зашел. Главное: приказания отданы. Остальное сделают офицеры. Остаться на Лемносе многие не пожелали. Макошин стоял на капитанском мостике и наблюдал, как завершается погрузка. Люди были крайне возбуждены, трудились изо всех сил. Счастливые, улыбающиеся лица. Сейчас бы обратиться к

ним с речью... Рано, рано... Еще неизвестно, чем все обернется. Может оказаться лазутчик, давно сюда подосланный следить за Слащевым; лазутчик во время короткой стоянки в Константинополе незаметно прошмыгнет на берег, поставит обо всем в известность первого же английского офицера или самого Врангеля... Вот когда «Решид-паша» выйдет в Черное море... Но до этого еще далеко. Ох как далеко... не по расстоянию. По психологической нагрузке. Что их ждет в Дарданеллах, в Константинополе, при выходе из Босфора в Черное море?..

Человек, искушенный в делах войсковой разведки, Макошин сейчас действовал в ранге неизмеримо более высоком. Он отвечал за исход операции, размеры которой только сейчас смог оценить по достоинству: он должен привезти к берегам Крыма четырехтысячное белогвардейское войско во главе с офицерами, и помогал ему другой белый генерал — Гравицкий.

...Можно себе представить, что творилось в кабинете Слащева, когда к нему вошел Гравицкий и заговорил о репатриации. Извольте, мол, прямо на пароход! Можете взять с собой имущество. Даже ваш автомобиль погрузят. И коня.

— Послушайте, Гравицкий, вы поддались на большевистскую агитацию! Нас хотят заманить в Совдепию...

— Зачем?

— Чтоб прикончить.

— И за этим послали огромный пароход? Есть гарантии Советского правительства, я своими глазами видел бумаги. Они имеют законную силу. Кроме того, вы ведь можете остаться на Лемносе, Яков Александрович. Если ваши люди узнают, а они непременно узнают, и очень скоро, что на борту парохода — уполномоченные по репатриации, они обойдутся и без вас. Что вы им можете предложить взамен? Вечное поселение на Лемносе, продуваемом круглый год свирепыми ветрами, или иностранный легион? То же. И Врангель ничего путного предложить не в состоянии и не хочет. Мы — отверженные. Прошу прочитать составленное мной «Обращение», оно будет подписано целой группой генералов и офицеров. Можете поставить и свою подпись...

В конце концов Слащев сдался, всех желающих отправили.

...Лемнос опустел.

Весенний день разгорался все ярче. Колыхалась мор-

ская лазурь. С криками носились чайки, садились на воду, что было хорошим признаком. Лемнос поднимался синевенной громадой к безоблачному небу, словно памятник страданиям людей, покинувших его. Гравицкий нацепил дымчатые очки, защищающие глаза от яркого солнца.

Легкий бриз, никакого движения, и древняя синева вокруг... Очень древняя.

Вон там, на северо-западе, снова Гиссарлыкский холм, руины Трои...

Я обитателям Трои высокие степы воздвигнул,
Крепкую славную твердь, нерушимую града защиту...

Думалось ли когда-нибудь Косте Макошину из Серпухова, что увидит Лемнос и землю Трояды, и при таких странных обстоятельствах? А южнее, за Измиром, — Эфес, со стен которого Гераклит оплакивал народную участь: «Родившись, они хотят жить и умереть, или, скорее, найти покой, и оставляют детей, чтобы и те умирали... Пределы души ты не сможешь обнаружить, даже если ты пройдешь все пути — столь глубокую сущность имеет она...» А совсем неподалеку от стен Трои, ушедших глубоко в землю, находятся руины еще одного древнего города — Пергама. Этот город давно завладел воображением Макошина, даже больше, чем Троя и Эфес. Сейчас было странно осознавать, что именно в здешних местах, в Пергаме, разыгрывалась драма мятежного Аристоника, мечтавшего создать «Государство Солнца». Гелиополиты три года держали власть в руках, сдерживая напор римских легионов. Верил ли сам Аристоник, что ему удастся создать государство, в котором не будет угнетателей, где все будут равны?.. Аристоника казнили в Риме.

Солнце забралось в зенит. Теперь Макошин понял сущность древнего мифа о Сизифе: Сизифь закатывает на гору не камень, не скалу, а солнце — и это бесконечная работа, и не такая уж бессмысленная... Снова и снова закатить солнце в зенит... Сизифь трудится для всего рода людского, даже не осознавая этого...

Возле берега из воды поднималась корма затопленного еще во время мировой войны броненосца. Значит, и здесь были боевые дела.

«Решид-паша», войдя в Дарданеллы, вновь продвигался вдоль Галлипольского полуострова, голой равнины, кое-где покрытой красными маками; на пристани Галлиполи стояли солдаты в серых шинелях, махали пароходу руками, даже не подозревая, куда направляются их товарищи, разместившиеся на всех палубах.

И хотя самое трудное, как он считал, осталось позади, расслабляться было нельзя. Он снова жил той натянутой, как струна, жизнью, какой привык жить на фронте, и нервы его не шалили больше, несмотря на сильнейший психический накал. Одно беспокоило: все шло как-то слишком уж гладко. На войне он привык ко всякого рода поворотам судьбы, подчас трагическим. Не ждет ли их такой поворот?

«Решид-паша» не стал заходить в бухту Золотой Рог, не пришвартовался к Галатской набережной, как обычно, выбрал почему-то заброшенную грузовую пристань на мысу в Стамбуле. Он прибыл сюда поздно ночью с погашенными огнями и, высадив на берег генерала Гравицкого, стал втягиваться в Босфор. При потушенных огнях прошел мимо султанского дворца Топкапы. Фелюги с косыми парусами жались к берегу, уступая дорогу пароходу.

Макошин не сходил с капитанского мостика. Он размышлял: как только разнесется весть о бегстве целого корпуса белогвардейцев, сразу начнется стремительное разложение врангелевского лагеря...

С генералом Гравицким распрощались дружески: он решил остаться в Константинополе для того, чтобы распространить свое «Обращение» среди войск. Хорошо, если так... Впрочем, пока действия Гравицкого не расходились с делами.

— До новых встреч, — сказал Гравицкий, — что вас беспокоит, Константин Алексеевич?

— Главные беспокойства позади, — ответил Макошин. — Хотел спросить у вас, Юрий Александрович, да все было недосуг: где находились Золотые ворота, на которые веший Олег в 907 году якобы прибил свой щит? Осталось ли от них хоть что-нибудь? Хотелось камень на память взять.

Гравицкий тихонько рассмеялся.

— Если вам потребуется прислать ко мне верного человека, пусть заговорит о Золотых воротах. Пароль. Следующий раз покажу вам крепость Румели Хисары и квадратные башни, между которыми в ту пору находились Златые врата Цареграда. Башни уцелели. И крепостные стены той поры кое-где сохранились. Те, на которые воины Олега прибили свои щиты...

До выхода в Черное море им предстояло пройти каких-нибудь двадцать семь километров. Там, словно Сцилла и Харибда, с обеих сторон пролива, на берегах двух континентов стоят два маяка — неусыпных стража Босфора — Румелифенери и Анадолуфенери. И там — французские

заставы. На верхних галереях маяков установлены пулеметы. Вход в Босфор и выход из него наглухо закрыт. Если патруль Девичьей башни у Мраморного моря несет службу спустя рукава, неизменно пребывая в нетрезвом состоянии, то у маяков несут охрану беспощадные сенегальцы и офицеры с особыми инструкциями. Они головой отвечают за дорогу, ведущую через море в РСФСР.

И если на краткой стоянке в Константинополе Макошину показалось, будто самое трудное позади, то теперь враждебная пастороженность ночи вновь наводила его на тревожные размышления. На рейде горели сигнальные огни военных кораблей, любой из них мог прижать «Решид-пашу» к берегу, остановить.

Но для него и для его товарищей обратной дороги нет. При любых обстоятельствах «Решид-паша» должен пробраться в Черное море. Если даже придется открыть огонь по патрулю. В случае преследования военными кораблями тоже придется отбиваться. Капитан парохода, по-видимому, понимал ситуацию. Он был из турецких патриотов, сторонников Кемаля, и быстро уяснил смысл происходящего. Да и то, что белогвардейцы убираются вон из Турции, вызывало радость в его душе. При нем всегда находились два или три полицейских — якобы для надзора, но полицейские тоже ненавидели оккупантов, их марионетку султана и готовы были всячески содействовать смертельно опасному предприятию Макошина и его товарищей. Так была настроена и вся команда парохода, успевшая не раз побывать в Новороссийске и Одессе. Турция вела торговлю с РСФСР, в Константинополе даже имелось неофициальное советское торговое представительство. Англичане смотрели на такое положение вещей сквозь пальцы: ведь они тоже установили торговые отношения с Советами, а если говорить откровенно, то через Турцию торговали опять же англичане и итальянцы. Ну а с Врангелем тут мало кто считался.

Капитан старался держаться азиатского берега. В случае чего, репатриантов можно высадить на сушу, и они соединятся с армией Кемаль-паши или найдут укрытие в поселениях, горах и лесах. Он все учел, этот капитан. Абдул-бей, человек неразговорчивый и суровый. Но для оккупационных властей он был просто капитаном, далеким от политики, так как его дело даже не фрахт, а выполнение рейса. Хозяева лучше знают, каких пассажиров и какой груз он должен перевозить. За разъяснением обращайтесь к фрахтовщикам, которые на грани разорения...

Когда Макошин спросил, когда они будут в Одессе, Абдул-бей без улыбки ответил:

— Это займет столько времени, сколько вы найдете нужным.

Макошину казалось, что часы испортились, остановились — стрелки не двигались. Он даже встряхивал часы, прикладывая к уху, стараясь уловить тиканье. Но, похоже, остановилось само время. Застыло. Когда стали приближаться к некоему невидимому Бейкозу, «Решид-паша» выбрался на середину пролива. И с двух сторон его повсюду подстерегала опасность.

Глухая тишина стояла вокруг. Ни огонька. Лишь скопления звезд продолжают клубиться дымными облаками. Что там чернеет слева на холмах? Крепость Кавак. За ее мощными стенами спрятаны французские пушки. До выхода в открытое море считанные мили — уже виден бледно-голубой свет маяков. Макошин сжался в комок, сердце зануло: именно в Каваче находится французский патруль. Здесь производят и таможенный досмотр. После захода солнца проход в море заперт... До крепости осталось несколько кабельтовых. Со стороны форта грохнул сигнальный выстрел. Здесь не шутят. Абдул-бей знает, упрямиться бесполезно, и приказывает бросить якорь.

К пароходу подошел катер. Патруль в синих шинелях во главе с лейтенантом, таможенные чиновники поднялись на борт. Сухая французская речь. Официальный вид. На палубе показался капитан судна. Увидев множество русских солдат, лейтенант откозырял, безоговорочно дал добро на выход, увел с собой и таможенников и патруль. Какой может быть досмотр у целого армейского корпуса? Французский лейтенант не вправе задавать нелепые вопросы о пути следования: может, задуман очередной десант к Крымским берегам?.. На борту — укрытые брезентом пушки... И конечно же вышли ночью неспроста. Необходимая предосторожность.

Оказавшись в крепости, лейтенант всего лишь для порядка доложил обо всем по телефону своему начальству в Константинополь.

Вот тут-то и началось!

Французское командование оккупационных войск запросило штаб Врангеля. Тот пребывал в растерянности. Куда это подался Слащев? В Болгарию? В Югославию? Удрать задумал, отделиться, так сказать!.. Ничего удивительного. В прошлом году самый надежный генерал Куте-

пов и тот намеревался удрать на службу к принцу Александру, и это в самое трудное время...

Не мог же Врангель полагать, будто Слащев со всем своим корпусом снялся с Лемноса, проследовал на виду всего Константинополя через Босфор для того, чтобы отправиться в Совдепию?.. Абсурд!..

И все же беглецов следовало вернуть. В противном случае авторитет барона упадет до самой последней черты. Время еще не потеряно. В распоряжении барона находился миноносец «Отважный», на нем несколько сот вооруженных офицеров. То были люди преданные, своего рода гвардия. Возглавлял отряд полковник фон Цицендорф.

Миноносец «Отважный» кинулся в погоню. Полковник Цицендорф не сомневался в успешном исходе операции. На борту «Отважного» имелись пулеметы и пушки. В случае неповиновения «Решид-паша» будет потоплен вместе с пассажирами.

...Когда «Решид-паша» миновал маяки на краю Босфора, занималось мутное утро. Судя по серой полосе на востоке и белым гребешкам на волнах, надвигался шторм. Море сделалось черно-синим, тяжелым. Ветер посвежел. Капитан Абдул-бей дал команду «больше ход». Пароход выбрался из территориальных вод Турции.

Капитан не знал, что параллельным курсом с «Решид-пашой» уже идет миноносец «Отважный», но и не исключал возможности преследования.

А море раскачивалось и раскачивалось. Все выше поднимались валы. «Решид-паша» плавно скользил на зыбях. Такой шторм ему был не страшен. Гонимый волнами, пароход делал скачки вперед. Суровая синяя туча, полоса тумана — все радовало капитана.

Преследователей Абдул-бей заметил на следующее утро. Черная точка, то выныривающая из пучины, то исчезающая из поля зрения. Но капитан догадался: идут за «Решид-пашой». Сказал Макошину. Макошин распорядился приготовить пушки и пулеметы к бою.

Шторм делал свое дело. Давно уже готовый к списанию, миноносец трещал по всем швам. «Отважный» никогда еще не попадал в шторм такой силы. Он вертелся в пенящейся водяной круговерти. Тяжело взлетал и нырял, волны захлестывали, перекатывались через палубу. Полковник фон Цицендорф лежал в каюте в полном изнеможении — он был подвержен морской болезни. Но продолжал слабо выкрикивать:

— Марш! Марш! Догнать, обстрелять!..

Он был настойчив и груб, но командир миноносца сказал ему прямо, что лучше повернуть обратно. Цицендорф в порыве ярости чуть не застрелил его. Командир корабля понял, что перед ним явный психопат. Сообразив, с кем имеет дело, командир корабля поднялся в свою рубку и, спасая миноносец от гибели, приказал сбавить ход, лечь в дрейф.

А «Решид-паша» уверенно шел курсом на Одессу — напрямик от Константинополя! Он тяжело переваливался с борта на борт, клевал носом, но казаки, пристроившиеся на верхней палубе и вглядывавшиеся вдаль, вроде даже не замечали качки.

Кто-то из казаков наизусть прочитал манифест-сатиру на барона Врангеля, сочиненный Демьяном Бедным. Год назад советские аэропланы сбрасывали «Манифест» на позиции белых, на города. Он тысячами экземпляров расходился по всему Крыму, его читали и шепотом и на митингах; для желающих сдать в плен красным «Манифест» служил пропуском. И конечно же казаки и солдаты, даже офицеры заучивали «Манифест», хохотали, когда кто-нибудь смелый читал его вслух:

Их фанге ан. Я нашинаю.
Эс ист для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Их бин фон Врангель, герр барон.
Я самый лючий, самый шестный
Есть кандидат на царский трон...

Говорят, когда Врангель поднялся на борт «Генерала Корнилова» перед отплытием в Константинополь, то у себя в кабинете нашел «Манифест». Возможно, ему тогда подумалось, что это последний «воздушный поцелуй», посланный Михаилом Фрунзе. Но он ошибался.

Последний «воздушный поцелуй» сейчас ему послал соратник М. В. Фрунзе Макошин, который стоял на палубе и бормотал вслед за молодым казаком, который возвращался к себе в станицу:

Их фанге ан...

Но это уже было прошлое. Впереди каждого ждало будущее, и все волновались, хотя и старались казаться веселыми. Как сложится будущая жизнь? Да как бы ни повернулась — хуже не будет, хуже просто не может быть...

Минуты? Часы? Вечность? Бугрилась вспененная вода за бортом. Вода, ветер, тьма... А потом справа по борту —

малиновый рассвет, а впереди — видение бело-розового города, встающего из воды...

Заложив руки за спину, Макошин стоял на носу парохода со своими товарищами-чекистами и тихо радовался тому, что экспедиция заканчивается. Все обошлось. Он вдруг вспомнил слова Фрунзе: «Вернетесь, расскажете о Константинополе»... Улыбнулся.

Мысленно оглянулся назад, и только теперь пришло в голову: а что рассказывать? Константинополя, по сути, и не видел. Не успел посмотреть. Не до этого было. Крутые берега Босфора остались далеко позади, будто во сне. Залив Золотой Рог, Галатская пристань в устье залива, Анатолия... Там Макошин не бывал. Не был он и у Айя-Софии, видел издалика купол — и все. Галату пришлось пересечь, когда пошел к Гравицкому. У Галатской башни постоял немного. Башня как башня...

Голова уцелела — и то ладно. А ведь могла запросто слететь... Зато создал в Константинополе как бы опорный пункт для репатриации. «Ни одного солдата и офицера на новую авантюру!..» — слова Гравицкого. Оказывается, солдаты врангелевской армии раскиданы по разным сторонам: много их на Балканах. Следовало бы послать туда миссии советского Красного Креста, которые вели бы работу по репатриации. Уже сейчас, несмотря на террор, в Болгарии возникает «Союз возвращения на Родину».

Дело сделано.

Капитан «Решид-паши» Абдул-бей находился на мостике. Нелегко далось ему это последнее морское путешествие: лицо почернело, глаза ввалились. Но он улыбался. Увидев Макошина, приветственно помахал ему рукой. Теперь-то Макошин все осознал: всю меру ответственности за этот смертельно опасный рейс в Одессу мужественный капитан взял на себя. И вся команда, все они, все были за него и вместе с ним, вместе с Макошиным и его товарищами!.. Когда капитан вернется в Константинополь, его, скорее всего, арестуют и бросят в тюрьму. Его и его «сообщников». И они знают, что их ждет. Но вопреки всему они совершили подвиг во имя жизни, во имя междупародной солидарности. У многих в Константинополе семьи, дети. И все же они отважились... Спасибо вам, турецкие друзья. Спасибо за все.

...6 апреля 1921 года газета «Правда» сообщила: турецкий пароход «Решид-паша» доставил в Одессу 3800 пассажиров, подавляющее большинство которых — казаки и солдаты, служившие в армиях Врангеля и Деникина.

Солдаты настойчиво требовали возвращения на родину с острова Лемнос...

Только в июле смог Макошин попасть на прием к Фрунзе. Михаил Васильевич был нездоров. Худой, с запавшими глазами, с землисто-серым лицом сидел он в своем кабинете. Поздравил Макошина с блестящим завершением «немыслимой» операции. Неожиданно сказал:

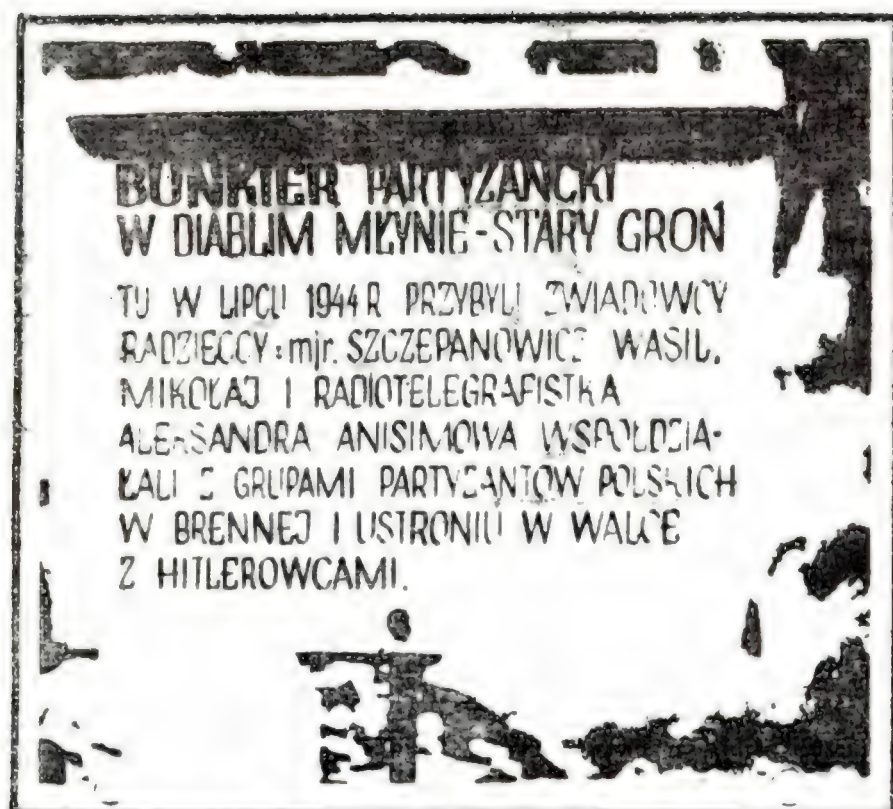
— Военная промышленность — вот что нам нужно сегодня! Попробуйте свои силы на этом поприще, Константин Алексеевич. Я уже дал со своей стороны рекомендацию... Пойдете в воздушный флот... Желаю успеха! Или вы не рады?

На мгновение Макошин смутился, затем глаза его загорелись:

— Отчего же? Рад. Большое спасибо. Именно об авиации я и мечтал.

— Завидую. А мне, судя по всему, экономистом, как мечталось, не суждено стать. Мы всегда тоскуем о том, чего не имеем, и нам всегда хочется быть не там, где мы есть. Я испытал это на себе...

И трудно было понять, сожалеет он об утраченных возможностях или шутит.

Александра
Анисимова

В ЯНВАРЕ
СОРОК ПЯТОГО...

«...Во второй половине января 1945 года Бренна, занятая партизанами, окруженная со всех сторон немецкими войсками, была практически Партизанской республикой с командованием, разместившимся в начальной школе № 1. Возглавил партизанский штаб майор «Степанович» — командир советской разведывательной группы».

Матушчик Анджей. В долине Бренницы. Государственное агентство печати. Катовице. ПНР. 1981

«...23 января 1945 года майор «Степанович» создал партизанский штаб в школе № 1, на которой с того момента развевались бело-красный и красный флаги».

Геллер Михал. Движение Сопротивления в Силезии Тешинской в 1939—1945 гг. Институт Силезии в Ополе. ПНР. 1982

Яничка горестно вздохнула, покачала головой и сказала:

— Как сейчас, все помню... Привели тебя тогда, а ты — вся мокрая, грязная, в глине...

«Ну уж откуда было взяться глине?! — мысленно не согласилась я. — Придумывает Яничка. Зима ведь стояла. Январь, самая середина». Но перебивать не стала и всем своим видом не выразила я и малейшего сомнения в правдивости ее слов. Возможно, что была и глина. У того дерева, где мы с Франеком плашмя на землю бросились, снег лежал неглубокий. А нам не до того было, чтобы землю рассматривать. Метнуться к ней скорее, прижаться, вращи в нее — единственное было желание. Мгновения решали нашу судьбу. Кто-либо из немцев мог выглянуть на улицу и увидеть нас — бегущих что есть силы через открытое поле. У меня через плечо — сумка с радиостанцией. А в небе — луница. Огромная, ясная!

Франек Завада сам вызвался выполнить просьбу майора — поместить меня на время у кого-либо из связных в Устрони, сам и договорился обо всем. Но в доме, куда мы пришли, неожиданно оказались немцы — нагрянули с обыском. Нам просто чудом удалось ретироваться. Оставалась одна надежда — бункер у Янички. Небольшой партизанский бункер, вмещающий не более шести-семи человек.

— Такая ты замерзшая была... — все тем же сочувственным тоном продолжает Яничка, глядя на меня, но явно в расчете на других гостей — бывших партизан и работников повятового комитета партии. — Грязная и замерзшая... Вся дрожала...

«Интересный человек — Яничка. — Я только улыбаюсь и не мешаю ее рассказу. — Интересный она человек. Замерзшая была, говорит. Еще бы не замерзшая! Дрожала с тех пор, как выскочила из бункера на Орловой — в легоньком жакетике. В чем сидела за радиостанцией, в том и выскочила. Хорошо, что платок был накинут на плечи. И счастье безмерное — «Северок» на время сеанса связи из сумки не вытащила. Словно что-то предчувствовала. Рывком отключила шланг питания, схватила сумку за ремень — и ходу! Наушники на бегу в сумку затолкала. Если бы промедлили несколько секунд — могло от нашего бункера ничего не остаться. И от нас самих — тоже. Ведь немцы уже в пяти шагах от входа были. Шли со связками гранат... Франек сразу автоматной очередью этих, первых, навечно на землю уложил. Майор, как услышал выстрелы, тут же сорвался с нар, схватил автомат и — наверх.

Когда вслед за партизанами я выскочила из бункера, вокруг уже повсюду грохотали взрывы, строчили автоматы. Сквозь этот гром и шум слышался голос майора, приказывающего занять круговую оборону, чтобы мы все успели подняться наверх. Он, наверное, предвидел, что я буду последней...»

Яничка говорит медленно, чуть растягивая слова. Болезнь — тяжелая, продолжительная — дает знать о себе. А в тот январский вечер сорок пятого была Янина Жердкова стройной, гибкой, быстрой и поразительно веселой. «Какая смелая! — подумала я тогда с завистью. — Ничего-то она не боится!»

Боялась, конечно, понимаю сейчас, но держалась очень мужественно. Завидно мужественно. Мне пример подавала.

Я тоже вообще-то старалась держаться. Все шесть с половиной месяцев, что довелось пробыть в глубоком ты-

лу врага на территории Горного Шленска. Но в те январские дни мне пришлось особенно туго. Правда, некоторые знакомые утверждают сейчас, что счастливая я, что светила в моей боевой жизни особая, высокая звезда...

Светить-то она, может, и светила — все-таки живой я осталась. Но до сих пор не знаю, что произошло со мной после того, как прорвали мы, вся наша маленькая группа в восемнадцать человек, тройное кольцо окружения. Больше сотни гитлеровцев охотились на нас: и полиция, и гестапо...

Как же это случилось, что я отстала от товарищей?

Помню какую-то глухоту... Наверное, при очередной перебежке не заметила преграды и ударилась головой о пень, а может, о выступ на неровной земле? Тяжело было очень. В гору бежали. Майор сразу сообразил, что в долине нас поджидают специально оставленные солдаты, поэтому повел группу вверх, в гору. А мне подъемы всегда с трудом давались. Хотя тут еще и страх подгонял, конечно.

Стараясь не отстать, я бежала вслед за партизанами. Бежала и падала на землю, как они. Бежала и падала. Какая-то глухота охватила меня мгновенно. А когда очнулась — вокруг звенела тишина... Возможно, это в голове у меня звенело. Тишина стояла вокруг. Не слышалось никакой стрельбы, никого из партизан не было видно. Но я тут же почувствовала, что немцы приближаются. Странно, сначала почувствовала, а потом уж услышала. Рывком приподнялась, спряталась за дерево.

Они громко о чем-то спорили резкими, злыми голосами. Все ближе и ближе подходят...

Я сжалась от ужаса. Догадывалась, почему они злые. Накануне партизаны и разведчики подстерегли большую группу солдат, которые направлялись к Моравской Остраве. Схватка была короткой, но, как сказал майор, горячей. После нее у нас в отряде прибавилось шесть автоматов и сорок карабинов. И патронов много... Но может, и оттого злые эти псы, что не удалось нас живыми в бункере взорвать?..

Что же делать? Что делать?..

В сумке, которая, как никогда, оттягивает плечо, — радиостанция и рулоны шифра. Да, рабочие волны, позывные Центра — все-все мое, радистское, у меня в памяти, в голове... Но если сейчас схватят, если начнут пытаться — конец известен... Лучше — самой. Сразу...

Немцы все ближе. Совсем рядом. Вот они уже на пути к моему дереву... Но чудо! Шаги немцев слышались все глуше, и наконец все стихло.

Светила, сверкала в тот момент моя звезда! Светила!..

— Вот по этой ложбинке приходили к нам в дом партизаны, — говорит Яничка секретарю райкома партии, показывая на неширокий овраг, примыкающий чуть ли не вплотную к дому. По нему и сейчас можно незаметно для соседей подойти к сараю.

Стою рядом с партизанами, вспоминаю, как по этой ложбинке, стараясь неслышно ступать по твердому грунту, приближались мы с Франеком к дому, как тревожились, нет ли и здесь немцев... И была я тогда, действительно, грязная, мокрая, замерзшая. Возможно, что и в глине. Столько мы с Франеком помыкались по устроньским улицам и закоулкам, прежде чем с окраины добрались до Янички!..

А в зрительной памяти, перекрывая эти воспоминания, возникает другая ложбина.

Та ложбина — скорее крутой, глубокий и страшный овраг. Я скатилась в него... Скатилась на самое дно и сжалась в комочек, судорожно прижав к груди сумку с радиостанцией. И сидела так — неподвижно, медленно приходя в себя после только что пережитого.

Вместо выстрела прозвучал какой-то щелчок... Осечка! Горное эхо отнесло этот щелчок чуть в сторону. Немцы, словно споткнувшись на ровном месте от металлического звука, приостановились... и тут же бросились в противоположном от меня направлении...

А я скатилась в овраг.

Долго не могла поверить, что осталась живой. Понимала: нужно, очень нужно скорее встать на ноги и идти! Куда? Пока не знаю. Я не знаю, куда мне идти, где искать дом Хежыков, живущих на Орловой горе! И в этом сейчас самое большое несчастье...

Мы с майором так уверовали в то, что около меня всегда будет кто-либо из своих! Но вот в темноте густого леса, в отчаянном прорыве окружения, среди хаоса и стрельбы товарищи не заметили, что я отстала.

Мучительно напрягая память, начинаю вспоминать те моменты из рассказов партизан, майора, наших разведчиков, в которых упоминались хоть какие-либо сведения о расположении дома Хежыков на Орловой. Чтобы как-то

определить свое местонахождение, восстанавливаю в памяти направление, в котором мы уходили от облавы: сначала — густой кустарник, затем — просека... высокий редкий лес. Сейчас отсюда — от оврага — в какую сторону мне идти?..

Как это трудно и ответственно — самой принимать решение.

Конечно, большим опытом ориентирования в горах я не обладаю. Крутизна склонов, разреженный воздух на вершинах для меня, москвички, тяжелы. Да и рисковать радиостанцией лишний раз ни к чему.

— Твоя самая главная боевая задача — связь с Центром. Как можно дольше — исправная связь с Центром, — не раз говорил мне майор. Поэтому очень часто я оставалась на целые ночи одна в бункере. Это, конечно, тоже был не мед. Могли и на одну меня вот так же угодить с облавой.

Жутко в овраге. Темно, холодно и жутко. Чуть белеют засыпанные снегом высокие ели и буки...

Если сейчас же не выберусь отсюда, не тронусь с места — я замерзну, застыну, превращусь в сосульку, в снежный сугроб. И к этому сугробу утром мои следы приведут немцев...

Если бы майор знал, как мне сейчас плохо...

Тоненько-тоненько ноет сердце.

Пусть со мной будет что будет, но пусть майор останется живым...

...Надо встать. Надо подняться! Надо вылезти из оврага и найти укрытие для себя и для радиостанции! Замерзнуть я не имею права.

Какое это холодное и жестокое слово — «надо»...

Неправду говорил инструктор: будто в сумке с радиостанцией всего шесть килограммов. Голыми, задубелыми руками я цепляюсь за тонкие, обледеневшие ветви кустарников. Ноги в кирзовых сапогах скользят по застывшей, припорошенной снегом листве. И радиостанция все время тянет и тянет снова вниз, в овраг, в темноту.

Я знаю сейчас точно — она весит не менее десяти пудов!

Высоко над оврагом, надо мной и вокруг меня — горы, горы, горы... И пусть у меня на глазах проступают слезы от злости на малость моих физических сил, я стараюсь не

жалеть себя, не оглядываться на то, что выросла в центре Москвы, на площади Коммуны, что Бескиды — это огромный горный массив, а я — такая одинокая и маленькая в этом массиве... Я — радистка! И этим сказано все.

«Отчаиваться можно бесконечно, — упрекаю сама себя, все же как-то выбравшись из оврага. — Надо действовать! Я — такой же разведчик, как майор, Николай и Василий. Я — такой же партизан, как Франек, Алойзы, Людвик, Юрек, как другие партизаны. Я должна найти дом наших связных, и я найду его! Сколько бы ни пришлось преодолеть крутых склонов и оврагов...»

— Вот здесь стояла плита, на которой я готовила еду для партизан, — говорит Яничка, проводя гостей на кухню, — а вот здесь, — она показывает на лестницу, прислоненную в коридоре к стене, — здесь я поднималась наверх и по потолку переходила в сарай...

...Я помню эту плиту. В ней горячо горел огонь в тот вечер. Я грелась у огня, а Франек рассказывал об облаве:

— Выдал наш бункер немцам лесник, случайно обнаруживший наше расположение. Он и привел их к самому входу. Но... наши все ушли благополучно, все живы и здоровы. А немцев человек пятнадцать, говорят, убито. Их много собралось недалеко от входа. Майор бросил несколько гранат, и они сразу кто повалился, кто отступил. Сами рассказывали потом в участке... Были сегодня партизаны на Орловой — все в бункере осталось на месте. Видно, эти «смельчаки» так перепугались, что даже и не заглянули в него больше... Сейчас группа майора разбрелась по другим бункерам: где два, где три человека разместили. А снова вместе жить пока негде. Нужно новый бункер сооружать, но зимой это очень сложно! Тем более сейчас, когда вокруг столько немецкого войска...

Сквозь маленькую дверцу плиты виднелись горящие полешки, раскалившиеся до нежно-алого цвета. Яничка, рассказывая, то ахала, всплескивая руками, то молча качала головой.

А у меня перед глазами все пылало зарево в полнеба. В половину Бескидского неба.

...Я плутала, плутала по отрогам, отыскивая большую крутую поляну, и в какой-то момент оказалась на вершине Орловой горы. И здесь, открытая всем ветрам, чуть живая от холода, забыв о смертельной опасности, с восхищением засмотрелась на зрелище, представшее моим глазам. В половину неба разлилось зарево: густо-алое у горизонта, постепенно темнея, оно поднималось вверх, в бездонную

глубину небесного свода над Верхней Силезией. Далекие глухие удары медленно раскатывались, расходились от истоков этого зарева. И я поняла в этот момент, с какими тяжелыми боями и потерями пробивается на запад, к победе, наша Красная Армия...

Мне так захотелось крикнуть ее бойцам: «Скорее, скорее освободите эту землю! Мы так вас ждем: советские разведчики, польские партизаны! Скорее освободите нас! Спасите, помогите мне! Здесь так холодно и страшно в этом лесу!»

Я еще не знала, что, оторвавшись от преследования, партизаны обнаружили мое отсутствие и у майора потемнело в глазах... Перенесший тринадцать ранений и три контузии, он приказал «не своим», дрогнувшим голосом:

— Немедленно оповестить всех связных! Взять под наблюдение выходы из леса к полицейским постам и участкам! Немедленно... На рассвете обследовать район бункера...

И никак не могла я знать, что в армии, которая, в огненном зареве, с тяжелейшими боями, идет в Горный Шленск, чтобы освободить его из-под гитлеровской оккупации, что именно в этой армии — рядом с сотнями тысяч бойцов — идет помочь мне, выручить из беды мой родной брат, лейтенант...

— О чем задумалась? — мягко улыбаясь, обращается ко мне Яничка. — Вспомнила то время, да?

Вспомнила... Всегда помню. Все прошедшие годы помню, как в свисте ветра, в кружении снежных хлопьев шла по открытой крутой поляне. Большой темный дом затаился в молчании. И словно кто-то шептал мне тихо: это чужой дом. Чужой дом...

Уже после узнала: хозяева «чужого» дома следили за мной от самой опушки леса и, когда увидели, что я пошла в сторону Хежыков, тут же позвонили в гестапо.

Могу ли я когда-нибудь забыть, как Хежыки укутывали меня в какие-то теплые одежки, поили горячим кофе, накладывали повязки на мои обмороженные, израненные руки? Как я цеплялась за Павла Хежыка, порой буквально висла на его руке, когда мы спускались с Орловой горы в долину, к Устроени...

Оставив меня на окраине города, Павел быстро пошел, почти побежал обратно домой, чтобы соседи-фольксдойчи не заметили его отсутствия. На какие-то минуты ему уда-

лось упредить гестаповцев. И это, наверное, спасло обоих Хежыков.

Павла и его жену Зузанну держали в гестапо несколько дней, пытали, били, ставили к стенке и инсценировали расстрел.

Хежыки не выдали меня.

Об этом я тоже цомню всю жизнь.

Дом показался мне надежнее, чем глубокий и черный овраг, на дне которого я так дрожала. Но едва я рискнула приклонить голову к подушке, хоть немного отдохнуть на деревянном топчане, как почти тут же хозяйка всполошенно разбудила меня:

— Вставай скорей! Вставай! Немцы!

С остановившимся сердцем мы вместе смотрели в окно на серый рассвет. Глядели и цепенели... По той же тропинке, по которой ночью мы с Павлом Хежыком пробирались в город, сейчас медленно, вглядываясь в следы на снегу, спускалась цепочкой группа солдат в отвратной, мышиного цвета, форме.

А в доме находились лишь хозяйка, две ее дочери-подростка и я...

Да, светила, стойко держалась на боевом посту моя солдатская звезда!

Вечером, чуть слышно постучав в дверь, за мной пришел Франек Завада.

Майор уже знал, что я у поляков. Посоветовавшись с партизанами, он решил, что безопаснее для меня будет укрыться на этот раз не в горах, а в городе или в селе — словом, в населенном пункте... Франек Завада предложил свою помощь.

И снова опасный, как всегда в тылу врага, на грани жизни и смерти, переход по городу, оккупированному фашистами.

— А вот здесь и находился бункер... — Яничка широко распахивает дверь. Секретарь райкома, впервые приехавший к Жердковой, слегка отодвигает плечом стоящего рядом Алойзы Яворского, вглядывается в темное, мрачное помещение.

...Тогда, в январе сорок пятого, левую сторону сарая занимала поленица дров, заготовленных на зиму. А в самом дальнем правом углу, у стены, находился вход в бункер. Хотя небольшое отверстие в земляном полу называть входом можно лишь условно. Да и сам бункер больше по-

ходил на обыкновенный погреб. Как все партизанские бункера в Бескидах, он был сырым и холодным. От этой сырости таяла энергия в знаменитых батареях БАС-80 и элементах З-С. Таяла энергия в электропитании к радиостанции. Дрожала на панели чуть видная индикаторная лампочка... «Слышу вас на три балла! Слышу на три балла!» — кричал мне радист из Центра, пока я могла его слышать. Приемник продержался немного дольше передатчика...

Сейчас мы столпились у входа в сарай. Я оглядывалась вокруг. Перемены, происшедшие за годы после войны, изменили памятные места. Но по-прежнему синела на горизонте гора Чантория...

В тот день, когда в доме поселились солдаты с фаустпатронами, Яничка улучила минутку и забежала ко мне. Мы с ней стояли тогда у этих же дверей, только были они не распахнуты, а чуть-чуть приоткрыты. И синела, манила к себе зеленой шапкой лесов такая желанная Чантория!

— Добежишь... в случае чего?.. — спросила Яничка, с затаенной тревогой всматриваясь в меня.

— Нет, не добегу, — честно и обреченно призналась я.

Никак не смогла бы я убежать от немцев «в случае чего»: семь километров до Чантории, и все — по открытой ровной долине. А рация — не пушинка. Не очень-то с ней побегаешь!

Так и так выходило: и жизнь моя, и смерть, если случится, — все выпадает на этот бункер у Янички. И должна я здесь находиться до тех пор, пока не отменит свой приказ майор — командир нашей маленькой, всего четыре человека, советской разведывательной группы.

Я знаю, он жалеет меня, бережет. И это понятно. Я — одна радистка в группе, одна радистка в объединенном партизанском отряде.

Вскоре после нашего приземления в этом районе Бескид поляки приняли нас в свою партизанскую жизнь. Они помогли нам устроиться в их бункере и вот уже пять месяцев помогают в сборе разведывательных сведений. Сплоченнее стали их разрозненные группы с тех пор, как представители этих групп предложили майору взять на себя руководство боевой деятельностью партизанского отряда. Высоко оценивают партизаны фронтовой опыт офицера Красной Армии, с уважением относятся к майору. Понимают важность каждого нашего сообщения отсюда, из тыла врага, в Центр, в штаб 1-го Украинского фронта.

Старательно развесив антенну по бункеру, прослушав предварительно эфир, я установила связь с Центром и передала зашифрованную радиограмму: «На горе Климчок производятся оборонительные работы. На станцию Бельско-Бяла прибыли четыре эшелона с боеприпасами: авиабомбы, снаряды, патроны. Боеприпасы ежедневно подвозят и автотранспортом. Склады с боеприпасами — в центре Бельско на улице Элизабеты. Три склада около железнодорожной станции».

Мои познания в военном деле, понятно, скромны — в объеме школы военных разведчиков-радистов. Но думаю, что сейчас я правильно разбираюсь в обстановке: немецкий гарнизон готовится изо всех сил оборонять город Бельско-Бяла. И может, эта моя радиограмма — прямая и конкретная помощь нашей армии в ее стремительном продвижении на запад.

От Бельска до Бренны — около тридцати километров. Так уже близко освобождение, встреча с командирами и инструкторами части, письма из дома. Все это так желанно и близко, и так хочется дожить до счастливых дней... Но я уже немало пережила и видела за месяцы работы в тылу врага и понимаю: последние минуты перед освобождением могут стать и последними минутами жизни. Наверное, поэтому особенно долго тянутся напряженные бессонные ночи, когда остаюсь в бункере одна. Здесь, в городе, чувствую себя в меньшей безопасности, чем в лесу, в горах. Но не раскисаю, не плачу. Просто мне очень тревожно и грустно. Я должна и стараюсь быть сильной. Так мы договорились с майором. «У нас впереди еще целая жизнь! — успокаивал меня майор, когда во время подготовки к заданию мы обсуждали наше будущее и даже выбрали имя для первого сына... — Мы будем долго-долго жить вместе после войны! И ни в какой отпуск отдельно ездить не будем, так? — А я только кивала и счастливо улыбалась... — Если в какие-то дни мы не сможем быть рядом — не падай духом! — продолжал он. — Ты у нас в отряде одна, на тебя все партизаны равняются. Ты улыбнешься — всем весело. Ты держишься мужественно — у всех отваги прибавляется».

«А я и не плачу, — мысленно отвечаю сейчас майору, глядя в темноту бункера. — Мне только очень грустно... Мог бы когда и маленькую записочку прислать. Хоть бы одно слово...»

Глухо в бункере. И темно. И никого-никого, ничьего дыхания рядом. А там, наверху, в городе, — напряженный

гул от проезжающих по дороге мимо дома автомашин, танков и другой военной техники. Устрой в прифронтовой полосе, и в городе все больше немецких солдат, все опаснее наше пребывание в нем...

— Ура! — тихо кричит Яничка, спускаясь утром ко мне в бункер. — Ура! Фронт вовсю движется к нам! А в Бренне такое творится! Говорят, что-то невозможное: будто начальство немецкое все сбежало и село заняли партизаны!.. Хотя что-то из этих разговоров должно быть близко к правде, как ты думаешь?! Вечером обещали приехать от Завадов. Узнаем подробности. А пока вот тебе еще одно послание, майор передал для тебя...

Ну так и есть: опять только радиограмма, только текст для шифровки. А мне, лично мне — ни слова! Ну что он за человек?! Понимаю, конечно, что вокруг него все время люди, что посылать со связным какие-то личные записки неудобно. Я все понимаю. Но сердце опять ноет — тихонько-тихонько...

Яничка уходит. Осторожно, бережно настраиваю рацию. Как-то сегодня услышат меня в Центре? Еле-еле светится индикаторная лампочка. Ну конечно, опять слышимость на три балла! Тороплюсь передать радиограмму, выстукиваю ключом четко и с возможно большей скоростью. Надо учитывать, что в городе меня легче запеленговать, чем прежде, когда рация располагалась в горах.

Передаю последние новости: «Отдельный гренадерский маршевый батальон сформирован в городе Цешин. В составе — тысяча человек. Командир батальона капитан Эмке. Вооружены винтовками и пулеметами МГ-34...»

Переключаю рацию на прием — убедиться, что первая часть радиограммы принята. Какое-то время Центр молчит, потом слышу торопливые сигналы: «КИМ, КИМ, КИМ, как слышите нас, КИМ?..» «КИМ» — это я. Переключаюсь на передачу, спешу ответить, но... Это значит, что передатчик не работает. Снова перехожу на прием, в наушниках — тишина... тишина... тишина... Несколько раз щелкаю переключателем — бесполезно. Все! Отслужил мой «Северок». Скорей всего, отслужили батареи питания. Без них и рация, и вся наша разведывательная группа бесполезная, безголосая...

Сижу, пригорюнившись, возле своего дорогого и бесценного «Севера». Не дотянул он до освобождения. А был со мной и на первом задании — возле Томашув-Любельски. И майор был там с нами. Также командиром разведгруппы...

Что же теперь делать? Даже не знаю, успели ли в Центре принять тот текст, что я передала. Что же делать?.. Скорей бы пришла Яничка. Необходимо срочно сообщить майору: рация работать не может.

Господи, какая же я несчастная! В самое горячее для разведки время передавать сведения не на чем! А они сейчас так нужны командованию!

Яничка наконец спускается ко мне, взволнованно говорит, улыбается восторженно:

— Еще один фашист сбежал! Такой был важный начальник — шеф сельской организации НСДАП, ходил «над землей», людей — поляков — в упор не видел. Сволочь такая! А сейчас сбежал со всем семейством. Вот как испугался Красной Армии!..

Увидев, что я сижу расстроенная, Яничка тут же прониклась сочувствием:

— О, Матка Боска! Что же теперь делать?! Я передам партизанам, чтобы кто-то из них срочно пришел к тебе. Почтальонка появится — она из наших — с ней и передам. Она знает, кому и что сказать. Ой, минуточку... — Яничка чутко прислушивается, делает мне знак молчать и почти неслышно выскальзывает из бункера, поднимается по лестнице к потолку.

Почти тут же послышалась немецкая речь, громыханье в дверь дома. Мысленно я видела Яничку, легко бегущую по потолку, отсчитывала секунды, необходимые ей, чтобы спуститься по лестнице и открыть непрошеным гостям.

Я очень надеялась, что никто не войдет в сарай неожиданно — Яничка все предусмотрит, и... невольно сжалась, когда почти надо мной послышались резкие окрики, глухой перестук копыт, конский храп... Кто-то из немцев, видно, задел край поленницы, дрова посыпались, грохоча, заваливая вход в бункер. Потом мне показалось, что все затихло, лишь изредка переступали, постукивая подковами по утрамбованному земляному полу, лошади...

Сколько времени я пробыла в бункере, засыпанном дровами, не знаю. От недостатка кислорода стала вялой, захотелось спать... я привалилась к стене. Как в тумане, слышала окрики солдат, топот выводимых из сарая лошадей, скрип отъезжающей повозки. Через какое-то время вдруг сладко повеяло свежим воздухом, я задышала глубоко, жадно...

Живая, быстрая спустилась в бункер Яничка, чиркнула спичкой, зажгла карбидку, склонилась надо мной участливо:

— Ну, как ты здесь? Живая? Очень перепугалась?

— Да так, немножко. Хорошо, что дрова рассыпались, загородили вход...

— Это я их рассыпала, — призналась Яничка. — Другого выхода не было. Извини, пожалуйста. Но иначе нельзя было. Немцы бы увидели бункер...

— Спасибо, — только и выговорила я. Потом повторила: — Спасибо, Яничка.

А она все всматривалась в меня:

— Ну, как ты — отошла? Я боялась, что не выдержишь столько времени без воздуха, бросишься разбирать завал... Если бы знала, каких трудов стоило выдворить отсюда эту сволочную ораву! — Она с отвращением махнула рукой.

— Ничего, я терпеливая... Только очень беспокоилась: вдруг придут партизаны, а здесь — немцы! — призналась я.

— Ну, для подобной ситуации у нас предусмотрен особый сигнал, — ответила Яничка. — Партизаны всегда, приближаясь к дому, уже знают, есть ли кто посторонний в нем или нет. — И, отходя от пережитой только что опасности, сказала спокойным, «домашним» голосом: — Пойду, приготовлю что-нибудь поесть, а то, наверное, ты проголодалась.

Яничка ушла. Я погасила карбидку. Уж очень она нудно гудела. К тому же ее специфический запах за полгода порядком опротивел и порой вызывал раздражение. Одно благо — она не коптила. С керосиновой лампой было бы сложнее...

Опять темнота в бункере. Опять я наедине со своими мыслями. И, как всегда в таких случаях, мысленно разговариваю с майором. Сейчас мне есть в чем упрекнуть его. Говорю: «Ну и «надежное» укрытие подобрал! Ничего не скажешь... Взял бы лучше меня в горы, в лес. Там и дышать можно сколько хочешь, и убежать, спрятаться — за деревом, в кустарнике, в овраге...»

Майор, конечно, ответит так:

— Подожди еще немного. Сейчас взять тебя не могу. В горах все склоны под наблюдением у немцев. Две ночи подряд нигде не рискуем ночевать, то и дело переходим с места на место. Вот, например, вчера, когда возвращались с задания, такая завязалась перестрелка! Нас было трое, а их — целое отделение. Если бы не лес — вряд ли бы удалось нам оторваться от преследования. А бежали за нами долго...

Вот так всегда! Всегда он оказывается прав.

Эх, мне сейчас только бы батареи достать! Да где их здесь достанешь?! Батареи... Питание к радиостанции. Какое правильное слово: п и т а н и е! Без этого питания «Северок» — просто маленькая серая коробка, наполненная разноцветными проводами, дросселями, сопротивлениями, конденсаторами... Безголосая коробочка...

Что-то теперь думают о нас в Центре? Беспокоятся — это точно. Наверное, считают погибшими...

Скорей бы пришли партизаны. Хотя бы Николай и Василий. А самое лучшее — майор! Посидеть бы с ним рядышком. Просто — посидеть рядышком... Пусть бы ничего не говорил. Только бы рядом был...

Какой-то гарью потянуло с улицы. Опять эти гады жгут что-то... Почему так знобит? Холодно... Надо бы дотянуться до противоположных нар, взять оттуда кем-то из партизан оставленную куртку, укрыться, но сил нет, огнем обжигает дыхание. Холодно...

Яничка тормозит меня, протягивает кружку горячего молока, что-то говорит, но я плохо воспринимаю ее слова, она прикасается холодной рукой к моему лбу, ахает, поит меня молоком, поправляет подушку, на которой с трудом находит удобное положение моя тяжеленная огненная голова. Спустя какое-то время Яничка появляется в бункере снова, дает запить таблетку, укрывает меня, что-то шепчет, а у меня все плывет перед глазами и в голове пусто и невероятно тяжело. И — холодно...

Спасибо, спасибо, спасибо Яничке! Утром я встала с постели, хоть и была еще слаба, но смогла подняться наверх, подышала свежим воздухом, выглянула в щелку между створками дверей на улицу, усмехнулась про себя: убедиться хочу, стоит ли на месте Чантория?.. Стоит, дорогая, стоит, непокорная! Уперлась пологой вершиной в небо — прочная, надежная! Вот бы мне такую стойкость! Выдержать бы все, что еще доведется, что выпадет на мою долю на этой земле!

Яничкина «почта» сработала четко. Следующей же ночью целой гурьбой пришли партизаны и разведчик из нашей группы Василий. Заполнили маленький бункер до отказа.

Я скорей бросилась к Василию:

— Где майор? Что с ним? Почему не пришел?

— Майор сейчас очень занят, — ответил Василий, а по глазам было видно: что-то скрывает. Но что-то очень, кажется, хорошее...

— Ну говори же, говори, — тормошу его.

И тогда Алойзы Яворский, один из самых молодых партизан, не выдерживает и выпаливает со всем возможным торжеством:

— В Бренне сейчас — Партизанская республика! На школе наши флаги вывешены — польский и советский!

— Майор там, партизанский штаб организован, — добавляет Василий.

— Как это — республика?.. — Не могу поверить я. — Ведь кругом — немцы! А вы — штаб... флаги...

— Народная власть в Бренне! — снова вставляет ликующий Алойзы, которого мое недоверие приводит в дикий восторг. — Как ты не понимаешь?! — возмущается он и повторяет: — Народная власть в Бренне! Красная Армия придет, а Бренна уже свободна! Фашистов в ней нету!..

Невероятно, фантастично то, что они говорят! Здесь, в доме Янички, буквально над нами, живут немецкие солдаты.

В городе расквартирована большая воинская часть... А всего через какие-то семь километров от Устроны, в Бренне — народная власть! Партизанская республика! Мысли стремительно проносятся в моей голове — и тревожные и радостные.

Бренна, насколько мне известно по рассказам партизан, — очень большое село. Его главная улица тянется на пятнадцать километров.

По последним данным, Красная Армия находится на подступах к Бельско — ближайшему от Бренны крупному городу, расположенному от села в тридцати километрах. И эти тридцать километров прифронтовой полосы конечно же нашпигованы гитлеровцами...

Ой, да что это я вымеряю километры — и так ясно, что вокруг Бренны, вокруг всей Бренны полно немецких воинских частей, подразделений гестапо, полиции...

— Послушайте, ребята! — обращаюсь я к Василию и Алойзы. — Расскажите все снова. Так трудно поверить тому, о чем вы говорите. Давайте уж расскажите все, пожалуйста, снова и по порядку: что происходит в Бренне?

— А чего же непонятного? — все такой же радостный, улыбается Алойзы. — В Бренне над школой — наш государственный флаг, мы, партизаны, осуществляем в своем селе народную власть, чего же здесь непонятного?.. — Он

выпрямился, почти касаясь головой невысокого потолка бункера, и негромко, торжественно запел, а партизаны подхватили так же тихо, так же торжественно: «Еще Польска не сгинела, пока мы живем!..»

— О, Матка Боска! — вздохнула радостно Яничка. — Неужели дожили до свободы? Неужели это правда?!

— Хватит испытывать мое терпение, — сказала я Василию, когда партизаны закончили петь. — Говори немедленно: что в Бренне? Что с майором?

— Майор чувствует себя нормально, только очень устал, — ответил серьезно Василий и пояснил: — Последние трое суток он почти ни на минутку не сомкнул глаз... А Бренну ты сейчас не узнала бы — там настоящий партизанский штаб! Столько народу прибывает в наш отряд!

Постепенно партизаны успокаиваются, рассаживаются и начинают рассказывать — все-все, с самого начала. И о том, что происходило в Бренне после облавы на Орловой горе, и о том, как группа, в которую входили трое моих товарищей во главе с командиром, нашла временное пристанище в бункерах других разрозненных групп, представляющих движение Сопротивления в Силезских Бескидах...

Оказывается, возвратившись в свои подразделения после неудавшейся облавы, и гестаповцы, и полицейские были вынуждены утром снова побывать на Орловой. Они, конечно, боялись идти в лес, в гору, да начальство заставило. И что же эти гады гестаповцы придумали?! Собрали трупы убитых, уложили их на повозки и повезли так, чтобы все село видело. И всем жителям говорили, что везут убитых партизан! Каково было людям удержаться, не выдать себя — ведь у многих родственники скрываются в горах! Гестаповцы и надеялись, что гуралы бросятся к повозкам, чтобы опознать отца, брата, мужа. Но никто не поддался на провокацию! Выстояли!

— Какие же сволочи эти гестаповцы! — горячо возмущался Алойзы. — Им нужны новые и новые жертвы! Разве мало они наших людей загубили?! И правильно решил майор, когда ваша армия перешла в наступление: как только фронт придвинется к Бельско, арестовать всю немецкую администрацию Бренны и передать этих злодеев в руки народной власти. Пусть ответят за свои измышательства над нашим народом!

Я слушаю Алойзы и одновременно восстанавливаю в памяти сообщения о схватках партизан с гитлеровцами, которые через связных доходили до Янички, а та передавала мне. Да, говорили и о том, что после 12 января пар-

тизаны в Бренне действуют все решительнее и смелее. Целую колонну немецких солдат, направлявшуюся в сторону фронта, они обстреляли почти в центре села. Урон тогда врагу был нанесен значительный, партизаны захватили много оружия, патронов. А потом были ликвидированы две группы гитлеровцев — около двадцати человек, немало отдельных лазутчиков, стремившихся проникнуть в бункера, чтобы разведать силы партизан, их планы.

Ближе к 20 января уже было видно, что в Бренне немцы чувствуют себя все неуверенней. Фронт продвигался ближе и ближе к Бескидам.

— ...Наверное, все-таки через кого-то гестапо стало известно о намеченной нами акции! — сказал с нескрываемой злостью Алойзы. — За день до назначенного срока эти сволочи отобрали у наших односельчан лошадей, повозки и спешно умчались из Бренны на запад! — Живое, выразительное лицо Алойзы преображается, и новые — такие недавние! — воспоминания освещают его радостным блеском глаз. Совсем другим тоном он продолжает: — Когда в нашем бункере стало известно о том, что немцы дали деру из Бренны, мы тут же выбрались все наверх и от радости устроили настоящий, «партизанский» салют! Из автоматов, карабинов, винтовок, пистолетов... Затем собрали свои пожитки и начали спускаться с горы вниз, в долину, к центру Бренны. А по дороге пели во весь голос! Все мы были увешаны оружием, но чувствовали себя так легко, будто на нас ничего нет. После шести лет гитлеровской оккупации впервые шли открыто по воле, шли уверенно, в надежде, что начинается новая жизнь, что народ наш должен взять власть в стране в свои руки!..

Сначала, понятно, все побежали по домам, повидаться с родными. И я тоже бросился к своему дому. Когда переступил порог, то слезы потекли у меня из глаз... Потом уже узнал: нет у меня ни отца, ни матери — замучили их изверги в лагерях смерти...

Никто не нарушил наступившей в бункере тишины. Алойзы после недолгого молчания заговорил вновь:

— Усидеть дома, конечно, из нас никто не мог. Жизнь звала к действию. Вскоре мы собрались возле школы. Подошли партизаны из других бункеров. И решили мы промаршировать по центральной улице Бренны. Жители тех домов, что стоят возле шоссе, выбежали нам навстречу, приветствовали нас, махали руками, шапками... многие плакали от радости, что видят нас живыми и здоровыми... Уцелевшими!..

А враги наши — те, которые доносили на нас полиция, выслеживали и предавали нас и наших родных, — враги наши попрятались в подвалах, сараях, на чердаках. А иные даже убежали в горы. Вот как изменились роли! Фольксдойчи и немцы искали в горах партизанские бункера, чтобы спрятаться в них!

— Езус, Мария, — покачала головой Яничка. — Вот что такое война...

Оглянувшись на нее, Алойзы продолжал:

— И вот так маршируем мы по шоссе, а навстречу нам — большая группа вермахтовцев. Мы не растерялись, скомандовали: «Хенде хох!» Они сразу руки вверх. Если бы вы видели, как они перепугались. Мы отобрали у них оружие, солдатские книжки... Но как они были перепуганы. Наверное, подумали, что уже пришла Красная Армия! Больше тридцати немецких солдат мы разоружили в тот день...

— По порядку рассказывай, по порядку, — напомнила я. Алойзы спохватился, кивнул согласно:

— Пошли мы дальше по шоссе и вскоре снова увидели немцев. Они ехали на повозке. Как заметили нас, сразу же попытались скрыться. Мы открыли по ним огонь. Завязалась перестрелка. Трое солдат были убиты, остальные разбежались. Нам достались лошади и повозка.

Пошли обратно к школе. Когда собрались, решили, что самое удобное — это расположиться в помещении школы. Но прежде всего надо создать руководящий орган — штаб, чтобы была строгая дисциплина и все действовали по одному плану. Вот тогда мы и решили: все партизанские группы Бренны, Устрони, Скочува, Цешина объединяются в один партизанский отряд, который подчиняется партизанскому штабу. И когда начали обсуждать кандидатуры членов штаба, то все первым назвали майора и все проголосовали за то, чтобы он стал начальником штаба. А потом уже кто-то из наших предложил с этого времени объявить Бренну Партизанской республикой.

Ту первую ночь в школе я особенно запомнил. Выставили мы по всем направлениям усиленные караулы, разослали патрули. Все, кто остались, расположились в классах. Долго не могли уснуть. Непривычно как-то после бункера. Но помню, что было во мне какое-то очень хорошее чувство. Долго не спал. Все как-то не очень верилось, что мы — в селе, в школе. Что Партизанская республика... — Алойзы замолк, задумался. Все с нетерпением ожидали продолжения рассказа.

Я никогда не была на горе Лесница, но так живо представила ее крутой, лесистый склон, двухэтажное кирпичное здание школы на опушке леса, у подножия горы... Представила классы, из которых вынесены парты, а на полу на охапках соломы и сена — спящих партизан. И где-то в уголке — именно так мне увиделось — в уголке комнаты примостился возле лампы у расстеленной на полу карты мой майор... Я знаю — он и сейчас не спит. Не сможет уснуть, когда вместе с отрядом партизан выйдет вот так — лицом к лицу — против ненавистного врага...

— Но ведь вокруг вас немцы! — воскликнула я, обращаясь к Алойзы, все еще находясь под впечатлением представшей в моем воображении картины. — А вас — всего горстка партизан!

— Ну не такая уж горстка! — ответил вместо Алойзы Карличек Рудицкий. — И люди в отряд все идут и идут... Тогда же, на второй день нашей республики, пришла в штаб из Устроны семья Завадов. А потом стали приходить из окрестных сел, из соседних районов целыми группами: и наши — поляки, и ваши — русские военнопленные, сбежавшие из рабочих лагерей, и украинцы, итальянцы, югославы, немцы-антифашисты — их много дезертирует сейчас из вермахта. Так что у нас — самый настоящий интернациональный отряд! И нас не так уж мало!

— Да, человек сто пятьдесят уже есть, — уточнил Василий.

— Но столько человек нужно где-то разместить. И есть им что-то надо... — Я нарочно приводила свои контрдоводы, чтобы надежнее убедиться в защищенности отряда, в его боеспособности, готовности отразить внезапное нападение гитлеровцев. Убедиться в защищенности дорогого мне человека. Любимого...

— Майор и это все продумал, — ответил Карличек Рудицкий. — По его приказу мы раскрыли немецкие продовольственные склады, взяли на учет имеющиеся там продукты. Часть оставили в резерве, часть выделили на питание отряду, а остальное роздали жителям Бренны, в первую очередь семьям погибших партизан, нашим связным и в те дома, где есть малолетние дети...

— Поваром в отряде — ваш Николай, — вставил Алойзы. — Конечно, он не один на такую армию готовит, есть у него помощники, но как в бункере, так и сейчас главный повар — Николай.

Мне очень хотелось узнать еще какие-либо подробности из жизни Партизанской республики, но уже несколь-

ко раз поглядывавший на часы Василий решительно заявил:

— Пора! А то не успеем до рассвета проскочить мост через Вислу.— Пожимая мне руку, сказал: — Говорят, что на Бараньей горе действует советская разведывательная группа. Командиром у них Миша Надежный. Майор направил партизан в тот район связаться с этой группой. Может, у них найдутся батареи. А связь сейчас так нужна! Столько сведений скопилось! Майор ужасно расстроен.

— Может, он сам выберется как-нибудь сюда? — сказала я робко.

— Как же он штаб оставит?! — Василий сурово поглядел на меня. Помолчал, пожал еще раз руку, кивнул и вслед за партизанами полез из бункера.

Яничка понимающе глянула на меня, сказала:

— Провожу их, приготовлю завтрак своим квартирантам и потом приду, ладно?

— Ладно,— ответила я тихо. У меня вроде бы как не осталось голоса. Как не стало и никакой надежды на скорую встречу с майором.

И опять в бункере темнота. Глухая и тяжелая. Я физически ощущаю ее тяжесть. И сама себе кажусь маленькой, слабой...

Но нет! Не хочу соглашаться с тем, что слабая! Возле меня — всегда рядом — моя радиостанция. Пусть она временно молчит, все равно она сейчас — мое главное дело и моя главная цель.

И стоит лишь дотронуться рукой до кармана жакета, убедиться, что револьвер на месте, как становится спокойнее на душе и не так страшно. Словно этот револьвер — живое существо и сам по себе является моей защитой...

Утром Яничка принесла мне завтрак, а к обеду — важную новость:

— Какую-то солидную «птицу» перехватили партизаны в Бренне. Возле каменоломни. Похоже, что это был полковник. Он, видно, сбился с пути. Пытался проскочить заслон, но кто-то из партизан бросил вслед машине гранату. Полковник и шофер убиты. И говорят, что очень ценные штабные документы были при них. Если я правильно поняла, то карта нашего района с пометками, где что расположено, где проходит линия обороны. Так мне передали... Да, еще — в его же планшете были приказы воинским частям, какие-то донесения.

Рассказ Янички вызывает во мне чувство величайшего отчаяния: как это ужасно, что не работает рация! Такие ценнейшие сведения нет возможности передать командованию! Ведь и приказы, и донесения, и пометки на карте — это же «хлеб» разведывательного отдела! А номера воинских частей, их состав, дислокация — все, что стало известно в последние дни майору от немцев-дезертиров, — это все такое ценное и... «бесценное», если мы не можем сообщить своевременно в Центр! Вот каким несчастьем для нас обернулась неудачная выброска группы, при которой грузовой мешок, где были запасные комплекты питания к радиостанции, попал в руки полиции!..

А Яничка продолжает перечислять другие стычки партизан: и с конным патрулем, во время которого убито трое немецких солдат, и с большим отрядом солдат и офицеров вермахта, пытавшихся пробиться к фронту через Бренну.

И после, до того момента, когда ей нужно возвращаться к себе на кухню, готовить ужин немцам-квартирантам, мы с Яничкой сидим в бункере и неторопливо разговариваем, предполагаем и воображаем, как там идет жизнь — в Партизанской республике... Иногда наш разговор прерывается ненадолго, иногда мы обмениваемся лишь короткими фразами. Да нам, собственно, и не надо говорить много. Мы обе понимаем, как им там трудно, нам обоим одинаково дороги и партизаны и республика, и обе мы, наверное, одинаково понимаем хрупкость этой отчаянной, почти безрассудной попытки приблизить победу над фашизмом, приблизить освобождение Горного Шленска... Мы обе понимаем, что красный и красно-белый флаги над школой в Бренне-Леснице — это дерзкий вызов всему фашистскому воинству, напоминание о близком конце третьего рейха. А когда враг чувствует свой конец, он наиболее опасен. И мы и гордимся дерзостью, отвагой наших товарищей, друзей, любимых, и заранее скорбим о тех утратах, которые предстоят обычно как расплата за дерзость.

Так бывает в жизни: ждешь, ждешь чего-то как необыкновенное счастье, а потом уже перестанешь ждать, махнешь рукой... а оно, счастье, тут как тут, долгожданное.

Так случилось и со мной.

В один из вечеров, уже поздно, почти в полночь, вдруг раздались легкие шаги по потолку бункера, потом кто-то начал тихо спускаться в бункер. В приглушенном свете

карбидки я увидела сначала знакомые сапоги... потом — край полупальто... потом — дорогие глаза и улыбку.

— Ну, полуночица, почему не спишь? — спросил ласково майор. — Береги силы. До дому еще далеко!..

Я не ответила. Сидела улыбалась. Тихо стучало сердце.

Что можно ответить на шуточки насчет дома? И сама понимаю, что до «дому» — до победы, до полного освобождения из тыла врага, до нашей будущей совместной жизни — еще очень и очень далеко. Пусть не по времени далеко — по обстоятельствам.

— Ну, что молчишь? — спросил майор, располагаясь близко возле меня, чтобы дать место Франеку Заваде, Василию и двум другим незнакомым мне партизанам. — Как ты здесь живешь? — снова спросил майор.

— Ничего, живу... — ответила сдержанно. Не могу же я при посторонних говорить ему о том, как скучаю, тоскую, как с ума схожу от горя и что рация не работает.

Спрашиваю в свою очередь:

— Как вы-то там? Трудно, наверное?

Майор оглянулся на товарищей, рассмеялся:

— Трудно? Ну чего же трудного? Обычная партизанская жизнь. Вот, например, вчера. Почти к самой школе прорвался сквозь заслон «форд» — битком набитый!.. Можешь себе представить, что творилось, если среди убитых одних офицеров — семь человек! А документы! Какие документы мы захватили: карты, донесения, инструкции!..

— Оружия много, патронов! — добавил Василий.

Но майор не отреагировал на его слова; он с огорчением покачал головой, вздохнул:

— Что же делать, Саша?! Что же делать? Связались мы с Надежным. Были наши ребята на Бараньей горе. Большая группа действует там. Свой район у них под защитой. А рация... тоже не работает! Кончилось питание. Отработали батареи. Где же их, окаянных, найти?! Ничего не придумаю. В районе Бренны ничего похожего не обнаружено. Партизаны этим уже занимались. Но вообще-то вышли они на след какой-то советской разведывательной группы в районе Чантории. Стараются сейчас завязать контакты с ней. Хоть бы это удалось! Может, у тех есть связь в Центром?

Позже, когда партизаны начали располагаться на ночлег, мы с майором поднялись из бункера наверх, в сарай. Прошли к двери, приоткрыли ее, прислушались — тишина. Лишь где-то недалеко пролаяла одинокая собака. И снова все смолкло.

Майор притворил дверь, проверил надежность запора. На всякий случай укрепил в металлические скобы засов. После этого мы присели возле поленницы дров. Майор обнял меня за плечи, привлек к себе. Ничего не говорил. Я была счастлива...

Потом, слегка высвобождаясь из его рук, спросила:

— Ну а направду — как вы там?

— Направду? — слегка усмехнулся майор. Ответил серьезно. — Если направду, то трудно. Пока держимся. Но очень трудно. Немцы насаждают по несколько раз в день. Но шоссе на всем протяжении Бренны — с тех пор, как мы заняли село, — контролируется нами постоянно. И по этому шоссе к фронту пока еще не удалось прорваться ни одной машине, ни одному подразделению солдат, гестапо или полиции... Да сил у нас маловато: не только оружия и патронов, а — стоящих, боеспособных партизан не хватает. Людей прибывает в отряд много. Мы даже не предполагали, что так увеличится наш состав. Потянулась к нам молодежь. Вот она-то и требует особого внимания. Ведь всех этих парней мало распределить по группам, их еще надо учить, как обращаться с оружием, учить основам боевого дела, конспирации, партизанской борьбы. На все это нужно время, а его-то у нас как раз и дефицит... В караулах, в патрулировании почти бессменно заняты одни и те же люди — старые партизаны да кое-кто из бывших военнопленных. Недосыпаем, конечно, не всегда успеваем поесть, иногда и мерзнем порядком — всего хватает. В школе — тесно, новичков уже расселяем в ближайших от штаба домах. А тут еще лошади, автомашины. Хозяйство расширяется... Ну совсем отдельная воинская часть! А живем все время — как на вулкане. Всегда готовы к бою, готовы и к отступлению. В любой момент поднимемся и — в гору! Благо, она у нас за спиной. Шпионы надоели — каждый день какого-нибудь, да приводят ко мне. Вчера «вашего», устроньского, поймали. Ходил в Бренне по домам, расспрашивал о партизанах, старался добыть их фотографии...

Откуда-то издалека, постепенно нарастая, приближался тяжелый, металлический гул. Чуть слышно подрагивал земляной пол, на котором мы сидели.

— Танки... — сказал майор и крепче обнял меня. Я уткнулась лицом в колючий ворс его полупальто.

А гул приближался. Вот уже загрохотало, казалось, все вокруг, и только тонкая дощатая стенка сарая отгораживала нас от этих грозных махин.

«Неужели есть где-то на свете Москва и в ней — мой дом, над которым уже не летают фашистские бомбардировщики? Неужели где-то на свете есть тишина и никто не грохочет вот так жутко вокруг тебя и над тобой?! Как же мне страшно!..» Я не призналась майору в этих мыслях, ничего не сказала ему ни о моем доме, ни о Москве. Он, наверное, понял все и без слов, потому что, когда вновь возвратилась тишина, не отстранился от меня, а, слегка укачивая, как маленького ребенка, тихо, шепотом запел свою любимую песню:

Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета —
Все грустишь обо мне.
Одержим победу —
К тебе я приеду
На горячем, боевом коне...

Я рассмеялась и сказала:

— Это будет очень впечатляюще: в Москву, на улицу Достоевского — «на горячем, боевом коне»!..

Утром Яничка торопливо передала нам завтрак и, не спускаясь в бункер, шепнула сверху:

— Сидите тихо. Пришли солдаты — семь человек. Ищут квартиру. Постараюсь отказать. Сейчас я их усадила за стол, подала бутылку шнапса...

Мы примолкли. Потянулись минуты ожидания — долгие и напряженные, как бывает в подобной ситуации. Вскоре послышались голоса, громкая, резкая речь — сначала у входа в сарай, потом ближе, но немного в стороне от бункера. Мы разом посмотрели наверх и... обмерли: убегая, Яничка впопыхах не прикрыла вход в бункер. А разве какой-нибудь солдат пройдет мимо черной квадратной дыры в полу того сарая, где собирается разместиться? Мы пропали!

Шаги Янички и солдат приближались, их разговор становился слышнее. Мы встали, молча сгрудились у входа. Майор, как всегда, впереди. Приготовил лимонку. Слегка загородил меня плечом. Я достала из кармана жакета револьвер. Взвела курок. Партизаны и Василий тоже стояли наготове. Оставались считанные секунды до того страшного, что должно было произойти вот-вот сейчас... Мы хорошо знали, что ни одному из нас не уцелеть. Но майор неслышно переступил с места на место, чтобы полностью загородить меня собой. Спорить с ним не было возможности. Мы все стояли не дыша...

Голос Янички приближался, вот он раздался совсем рядом... у входа... И тут же мы услышали ее быстрые удаляющиеся шаги и медленный тяжелый топот сапог следом.

Увела!

Мы переглянулись, еще боясь поверить, что опасность миновала. Потихоньку присели на нары, все еще держа оружие в руках. Столько решалось в эти минуты, что шутить по поводу пережитого ни у кого не возникло желания. И потому, что очень хотелось жить, и потому, что дело еще не было завершено. Очень всем нам хотелось увидеть победу, увидеть лично полный разгром врага. И не только увидеть, но и руку приложить к этому разгрому, самым в нем участвовать. И для этого нам нужно было остаться живыми!..

Весь день майор был немногословен, сдержан. После обеда Яничка пришла за ним и так же, как ходила сама, по потолку увела его в свою комнату. Для переговоров с фабрикантом. Из-за этих-то переговоров майор и остался на сутки в бункере Янички.

Один из богачей Устроини, фабрикант, с самого возникновения в Бескидах движения Сопротивления сочувствовал партизанам, помогал им деньгами и продуктами. Вот этот фабрикант и упросил Яничку организовать ему встречу с майором, о котором с самого момента выброски нашей группы знал от местных партизан. С одной стороны, фабриканту очень импонировало, что в Бренне действует Партизанская республика, народная власть, с другой... Приближается фронт, а это значит, что приближается конец войны, начало новой жизни в Польше, как-то она сложится?.. Было много вопросов, на которые он хотел получить ответы от советского майора, получить уже сейчас. Может быть, и такие: что нужно сделать, чтобы скорее пришла Красная Армия, какое участие он может принять в этом? Какая помощь необходима Партизанской республике — он готов оказать ее...

Вероятно, были и какие-то другие вопросы у фабриканта, но, когда майор возвратился в бункер, я не стала расспрашивать его о подробностях разговора, да он, наверное, не стал бы их передавать. Меня уже тревожило другое: предстоящая нам разлука и отсутствие даже малейшей надежды на скорую связь с Центром. Но майор сказал неожиданно:

— Просил поляка достать батареи типа БАС-80. По-

обещал. Посмотрим, как удастся.— Долго молчал, потом добавил: — Он сказал, что на днях в Устронь прибывает еще одна воинская часть. Значит, тебе находиться здесь никак нельзя...

Вероятно, я не смогла скрыть и растерянность, и огорчение, и тревогу: опять эти ужасные переходы в горах. Майор попытался успокоить меня:

— Найдем для тебя такое место, куда ни один немец не доберется! Есть у меня на примете. Достанем тебе батареи — стучи на своем ключе тогда хоть целые сутки! Столько скопилось сведений, что хоть роман пиши!..

Василий вдруг почему-то засиял, обрадовался, понимающе переглянулся с майором. Мне совершенно безразлично, чему они улыбаются. Мне очень трудно отрываться сердцем от Янички. Такой она стала для меня близкой!..

И снова я одна в бункере. Снова ночь и темнота — густая, беспросветная. Никак не удастся уснуть. Тревожит предстоящая разлука с этим хоть и не очень надежным, но приветливым домом.

Бункера... Бункера... Бункера... Сколько их было за эти месяцы? Почти полгода я все под землей и под землей. В подполье. Шестой месяц дневной свет украдкой: кусочек неба, кусочек леса...

Постепенно сквозь густую темноту в воображении возникает белое двухэтажное здание школы, никогда мною не виданное. И десятки, десятки людей, входящих в этот дом, выбегающих из него, обвешанных оружием, торопящихся на очередную схватку с оккупантами. А возле школы — немецкие автомашины. В сарае за школой перестукивают копытами лошади... Есть ли сарай в действительности — не знаю. Но он видится в моем воображении. Не на снежном же поле пасутся лошади, отбитые партизанами у немцев!

А главное — в школе люди... Партизаны... Десятки людей. Может быть, уже около двух сотен...

Когда в августе прошлого года мы приземлились в этом районе и постепенно наладили связь с партизанами, они жили в бункерах разрозненными небольшими группами. Где три-четыре человека, где — тринадцать-четырнадцать. И действовали каждая по своему плану.

По рассказам знаю, как нелегко им приходилось порой. Многих товарищей, близких потеряли в кровавых схватках с гитлеровцами и их пособниками. Очень часто

не хватало у партизан оружия, боевого опыта. Может быть, поэтому и потянулись они душой к опытному фронтовику, кадровому офицеру — советскому майору? И автоматы ИППШ, которыми были вооружены члены нашей группы, оказались очень кстати: не раз выручали партизан в трудную минуту. А у них еще встречались и флинт-ты — двустволки...

Всего четверо собралось нас тогда, в августе, после выброски. И то не сразу. Самым удачливым оказался Василий. Надо же было так угадать — приземлиться с парашютом прямо на поляне перед домом партизанских связных! Майор с Николаем две недели скитались в горах, прежде чем смогли добраться до партизан. Помогли пастухи, высоко в горах пасшие овец.

А я... О моей горькой, одинокой неделе в горах лучше не вспоминать! Досталось всего... Хорошо, что рацию и батареи успела спрятать. Закопала в землю сразу после того, как спустилась с дерева, на котором остался мой парашют. Белая круглая шапка на высокой темно-зеленой ели. А если бы я хоть секунду промедлила с тем выстрелом?.. Если бы хозяин дома, куда я зашла узнать название села, если бы он опередил меня — не быть бы мне сейчас живой, не уйти от полиции!.. Как не удалось избежать подобной участи заместителю майора Петру, замученному в гестапо... А тех наших четверых товарищей, что первыми выскользнули из самолета, мы так и не нашли за все прошедшие месяцы. Хоть искали во всей округе. Как в воду канули.

Вот и получилось, что из девяти человек, готовившихся на задание, собрались в тылу врага только четверо, и выполнять задание приходится нам, четверым. Да еще задача: грузовой мешок, в котором были и патроны, и продукты, и запасные батареи для радиостанции, этот мешок попал в руки полиции. А ведь приземлился он недалеко от партизанского бункера на Старом Гроне. Но если бы партизаны своевременно знали о нем!..

Всего шесть неполных месяцев мы находимся здесь, а вон сколько народу объединилось возле нашей маленькой группки — целый партизанский отряд. Только вот опять беда — остановился здесь фронт! Стороной от нас, севернее, движется родной 1-й Украинский. Уже и Освенцим освободили. А Бельско, Живец, Венгерская Гурка еще в руках фашистов...

Но белая двухэтажная школа с красным и красно-белым флагами над ней видится мне, как живая. Вот уже

две недели парят, алеют на снежно-зеленом фоне Бренны-Лесницы красные полотнища. Уже две недели живет в Бренне Партизанская республика, действует в селе народная власть!..

Судьба, звезда солдатская, если ты есть на белом свете — обереги народную республику, обереги партизан, обереги майора...

Вечером следующего дня вместе с Яничкой спустился в бункер немногословный, серьезный Франек Завада. Я так была расстроена, что не стала спрашивать, куда он поведет меня. Кажется, Франека несколько удивило мое безразличие, и он сказал:

— Сейчас пойдем к моему другу. У него проведем весь завтрашний день. А следующей ночью пойдем дальше. — И, видя, что я опять не уточняю ничего, пояснил: — За одну ночь не успеем пройти весь путь.

Мы с Яничкой лишь, чуть сдерживая слезы, взглядываем друг на друга.

Я быстро собрала свои вещи в рюкзак, взяла сумку с рацией, и все вместе мы вылезли из бункера. Крепко-крепко обнялись с Яничкой, ничего не говоря. Она приоткрыла дверь сарая. Мы с Франеком быстро спустились в ложбину и пошли по ней. Я старалась ступать как можно легче и тише. Франек шел неслышно, будто парил над землей. У меня не хватило даже секунды, чтобы оглянуться на милый Яничкин дом...

Луны не было видно, но небо светилось таким ясным белесым светом, что город просматривался далеко вокруг со всеми своими улицами и переулками. На ветвях деревьев, на штакетниках возле домов, на перилах мостов и переходов лежал густой, пушистый иней, и все вокруг выглядело необычайно красивым, как в сказке. И было жутко оттого, что эта сказка в любую минуту может взорваться неожиданным гулким выстрелом или резким окриком: «Хальт!»

Не знаю, каким чутьем руководствовался Франек Завада, может, ему очень помог опыт конспирации, приобретенный за годы борьбы против оккупантов, но нам удалось благополучно добраться до нужного дома.

Дверь открыла молодая женщина с грудным ребенком на руках. По разговору я поняла, что это старшая дочь хозяина дома.

— Милька дома? — спросил Франек.

— Сейчас позову, — ответила женщина.

Почти тут же из соседней комнаты вышла Милька, и,

пока Франек разговаривал с ней о чем-то своем, я в восхищении не могла отвести глаз. Да-а... Красивая девушка... Очень! Легкая, стройная, в нарядном платье, в модных туфлях. А я? Как я одета?! Грубые сапоги, мужская, большая, не по мне куртка, голова обмотана большим шарфом... Но ничего! Если доживу до конца войны — тоже буду носить и туфельки, и нарядные платья! Майор говорит, что у меня будет все самое красивое!..

Франек спускается в бункер, устроенный в подвале под домом, а мне хозяева предлагают остаться наверху, в комнате.

— Только, пожалуйста, где-нибудь поближе к бункеру, — прошу я: ненадежными кажутся мне все жилые дома!

Хозяин усмехается, успокаивает:

— Не бойся! У нас давно никаких обысков не проводят. Не до нас им сейчас. А тебе не все ж под землей сидеть, побудь хоть немного в комнате. Еще успеешь, наживешься в бункерах... Но уж если очень беспокоишься, то можешь переночевать на кухне...

Я подумала: и правда, должно быть, хорошо лечь свободно, вытянувшись во весь рост, свободно положить руки. Не то что в бункере: почти всегда сжавшись, в тесноте...

Как тепло и светло на кухне! Все чисто, прибрано, все бело. Как я отвыкла от такой белизны!

Охотно располагаюсь на широкой лавке. Сумка с радиостанцией — рядом. С наслаждением быстро засыпаю. Но хозяин трясет меня за плечо, смотрит встревоженно, шепчет:

— Скорей, скорей в бункер! Немцы!..

Вскакиваю, хватаю сумку с рацией, одновременно оглядываюсь на окно. Видно, как в предутреннем тумане, пробираясь меж сугробов, к дому идет группа солдат.

По цементным ступеням мы быстро спускаемся в подвал — большой, заставленный всевозможными бочками, кадками, ящиками. В углу насыпана куча каменного угля. Светит электрическая лампочка. В одном из закоулков подвала — вход в бункер. Как похожа эта черная квадратная дыра на входы, а вернее, лазы во всех тех бункерах, где уже довелось мне быть!

А в дверь дома уже колотят прикладами, требуют открывать...

Пролезаю в бункер, вижу там настороженных, изготавившихся к возможной схватке Франека, Людвига...

Слышно, как хозяин закрывает декой вход в бункер, на-
двигает на деку большую тяжелую бочку с капустой, бы-
стро гасит свет и выбирается из подвала.

Молча сидим в темном бункере, тесно прижавшись
друг к другу. Слышим шаги немцев в доме — почти над
нашими головами. Слышим голоса солдат, шум передви-
гаемой мебели. А потом стук сапог доносится с цемент-
ных ступеней подвала. Кто-то из немцев включает элек-
трический свет, решительно ходит по подвалу... И почему-
то Милька тоже... ходит рядом с немцем... Шутит, смеется
заливисто. Ее легкие шаги раздаются совсем рядом со вхо-
дом в бункер. Во всяком случае, кажется, что она где-то
возле нас: или рядом с бочкой, или... на самой бочке? Да,
именно так и есть: Милька сидит на бочке, хохочет, за-
ливается вовсю и кокетничает с тем самым немцем. По-
хоже, что он старший здесь: отдает какие-то команды.
А Милька смеется и кричит солдатам, почти издеваясь над
ними:

— Смотрите! Лучше смотрите! Возьмите лопаты и пе-
ресыпьте уголь, да весь по крупинкам!..— Она с трудом
отбивается от смелого ухаживания своего «кавалера» и
все хохочет!..

А солдаты тем временем действительно пересыпают
уголь — мы слышим его почти металлический шелест,
слышим, как лопаты вгрызаются в черную жесткую гору,
ворошат ее... Потом раздается стук переставляемых кадок,
ящиков, бочек... И тут до нас доносится звук поцелуя...

— До завтра! — говорит нежно Милька. — До зав-
тра! — Говорит, наверное, этому старшему. Потому что
почти тут же рядом с легким постукиванием ее удаляю-
щихся каблучков слышится и тяжелое цоканье подковок
на солдатских сапогах, затихающие мужские голоса...

— Ну и отчаянная девица Милька! — вздыхает облег-
ченно и качает головой Франек Завада. — Как она умеет
провести этих солдафонов!

— Вылезайте, обошлось! — говорит хозяин, отодви-
гая бочку и открывая деку. — Спасибо Мильке. Не расте-
рялась. Я уж было приготовился... к самому худшему...

Мужчины с шутками, распрямляясь, словно сбрасывая
с себя напряжение пережитого, вылезают из бункера, ухо-
дят в комнаты. А я забиваюсь в самый уголок бункера,
устраиваюсь в нем вместе со своей заветной подругой —
радиостанцией и думаю: сколько мне еще испытывать
судьбу? Не может бесконечно везти! Это — война. Надо
понимать. Вряд ли удастся возвратиться домой, в свою

любимую Москву. К этому тоже нужно трезво отнестись. Рыдать нечего. Война... Ну что ж... Если такое случится, я готова. Готова отдать жизнь за Родину, за нашу победу. Была готова к этому с той самой минуты, когда в сорок первом услышала слово «война». Хотя тогда мне не было и пятнадцати. Готова была и в семнадцать, вылетая сюда, в Силезию, на второе задание командования. И если моя жизнь хоть на какую-то малость поможет приблизить нашу победу, я не дрогну... Хотя, конечно, будет лучше, если я успею еще что-либо полезное сделать. Еще хоть бы одну хорошую радиogramму передать в Центр!..

Уже добрых три часа мы с Франеком идем по горе — хотя и не очень крутой, но достаточно высокой. Я дышу, как паровоз. Приходится то и дело останавливаться, отдыхать. На одной из остановок Франек просит задержаться. Несколько раз поглядывает на часы, заметно беспокоится. Но вот почти внезапно раздвинулись кусты чуть в стороне от нас и на поляне появился Василий. Франек тихонько свистнул, Василий быстро подошел к нам. Взяв меня под руку, снял с моего плеча сумку с рацией, повесил на себя, сказал:

— Если что — успеешь перехватить ее...

Я пошла быстрее, задышала легче.

В клубах морозного пара мы вошли в дом. И сейчас же стоявшая у печи девушка подошла ко мне, протянула руку:

— Здравствуйте. Меня зовут Эльза.

Я крепко сжала ее руку, она улыбнулась в ответ. В эти короткие минуты, пока мы с ней смотрели друг на друга, я поняла: мы станем друзьями. Эльза была такого же роста, что и я, только более хрупкая, легкая в движениях. Светлые волосы, заплетенные в две косы, пышно взбиты над высоким чистым лбом.

Не находя еще первых слов, мы стояли и улыбались. Подошел Василий. Эльза вспыхнула. А я смотрела и удивлялась: Василий на глазах похорошел до неузнаваемости. Что-то новое, особо привлекательное появилось в выражении его тонкого, бледного лица.

Только теперь я поняла, чему улыбались в бункере у Янички майор и Василий...

Так непривычно стало мне, удивительно и тревожно жить в доме, ходить по комнатам... Бункера не было.

В первый же вечер Эльза повергла меня в страшное

замешательство: провела в спальню и предложила располагаться на кровати с двумя пышными перинами.

— Как можно ложиться спать раздетой?! — недоумевала я. — А вдруг — облава? Вдруг — обыск, внезапный приход солдат или полиции?! Все эти месяцы в бункерах я спала, почти не раздеваясь, всегда готовая в любую минуту вскочить и бежать или защищаться... А здесь?!

— Если кто-то будет приближаться к дому — мы услышим, — успокаивала меня Эльза. — У нас хорошая собака — чужих не подпустит к дому просто так. Пока кто-то поднимается от шоссе, успеешь и одеться, и спрятаться в лесу. А из лесу ночью только партизаны могут прийти. Полиция и немцы ночью в лес не ходят...

Ах, если бы в самом деле в доме было так безопасно, как утверждала Эльза! Довольно скоро жизнь опровергла ее доводы...

Но было и что-то символическое в том, что из бункеров я перебралась в жилой дом. Что-то было! Что-то — предвещавшее скорый переход к нормальным условиям жизни.

Пребывание здесь сделало более тесной мою связь с Партизанской республикой. Всевозможные сообщения, указания от майора начали поступать быстрее.

— Разоружили немецкий отряд в Щырке. Взяли в плен одиннадцать эсэсовцев... — докладывал нам в один из вечеров Василий, изображая официального связного. Он пользовался сейчас любой возможностью, лишь бы появиться здесь, повидаться с Эльзой.

— В Голешуве схватились с полицией, убили двух полицейских... Но и сами понесли потери... — сказал он, придя в следующий раз.

— Кого наших, кого не стало? — спросила встревоженная Эльза.

— Погибли Тадеуш Мах и Ян Барабаш, — тихо ответил Василий.

— О, Матка Боска! — вздохнула Эльза. — Когда же она кончится — эта война?! Сколько уже людей погибло... — и посмотрела на Василия таким вопросительным взглядом, словно именно от него зависел конец войны.

Василий нахмурился, виновато опустил голову. Потом распрямился, ответил твердо:

— Скоро уже, Эльза! Скоро! Последние дни доживает Гитлер, потому так и беснуется...

А потом целых три дня не было никаких известий. Ни откуда. Мы с Эльзой очень переживали, беспокоились: не случилось ли чего с майором, Василием, с другими парти-

занами? Тоскливо с утра до вечера посматривать в окно: может, от шоссе кто-нибудь из односельчан поднимется? Но даже почтальонка не появлялась...

Пришло известие опять же из лесу — из большого лесного массива, охраняющего нас сверху, с вершины горы. Известие грустное, тяжелое, хотя нельзя сказать, что было оно неожиданным.

С тех пор как приостановилось наступление Красной Армии в районе Бескид, мы втайне скапливали внутренние силы для дальнейшей, на неизвестный теперь срок, борьбы против гитлеровцев. Всем было понятно, что в сложившейся ситуации Партизанская республика долго не продержится. Зажатая в кольцо немецкими воинскими частями, она целых три недели жила, действовала, наносила заметный урон врагу, вдохновляла жителей Горного Шленска на активную борьбу против оккупантов, вселяла в них надежду на скорое освобождение. Но силы ее были слишком малы. А враг, ожесточенно сопротивлявшийся Красной Армии, был еще достаточно силен и жесток.

12 февраля 1945 года после четырехдневных ожесточенных боев советские войска освободили город Бельско-Бяла.

13 февраля патрульные группы Партизанской республики обнаружили движущиеся от Бельско в сторону Бренны подразделения 144-й горной дивизии и специальные отряды СС. Из Устроны и Скочува обстрел Бренны-Лесницы начала артиллерия.

— ...Пришлось нам отступить в горы... — с горечью в голосе говорил майор, вместе с Василием и другими партизанами пришедший, чтобы не только обогреться и поведаться с нами, но и обсудить сложившуюся обстановку, уточнить сообщения связных из соседних районов, которые передавались сюда через односельчан. — Некоторые наши старые бункера оказались «засвеченными», — продолжал майор. — Новые соорудить нет ни времени, ни возможности. До линии фронта — пятнадцать — двадцать километров, немцы на пятки нам наступают. Совсем они бешеные стали, зверствуют жутко!.. Народу нас собралось много, а жить негде. Вначале, после школы, заняли мы несколько домов высоко в горах, пробыли там два дня, потом перешли в другое местечко — за Бескиды. И с тех пор каждый день переходы, переходы... Задержаться нигде не можем. Полиция, солдаты со всех сторон обступают.

— Куда же вы сейчас? — спросила я майора, выходя вместе с ним на крыльцо.

Вокруг было темно. Партизаны и Василий отошли немного в сторону от дома и там остановились, поджидая майора.

Холодный ветер бил в лицо. Мне стало жаль майора, который должен был идти сейчас в этот холодный ветер, в темноту, в неизвестность...

— Рация хорошо спрятана? — спросил майор.

Мне очень хотелось хоть чем-нибудь обрадовать его, и я сказала гордо:

— Да... Дом сгорит, мы все сгорим, а она останется целой!

Майор посмотрел на меня молча. В темноте не было видно выражения его глаз.

— Постарайся... не сгореть... — сказал он тихо.

Я поняла неуместность моей глупой гордости и сказала тоже тихо, но уже без пафоса, показывая в сторону одиноко стоящего на опушке дерева:

— Вон под тем буком зарыта. Со стороны леса.

Майор молча глянул в ту сторону, запоминая место. Я повторила свой вопрос:

— Куда же вы сейчас пойдете?

— Пока не знаю... — ответил майор. — Решим по дороге. — И вдруг совсем-совсем откровенно признался: — Понимаешь, Саша, не знаю, как быть... Столько ценных сведений скопилось!.. Подумывал: может, Василия послать с ними через линию фронта? Но вдруг не пройдет? А документы такие важные!.. На батарее для рации надежда слабая. Пока лишь обещания...

Я молчала. Мне очень хотелось сказать, что люблю его. Но можно ли говорить об этом в такой момент?

— Ну, мне пора, — сказал майор, оглянувшись на темные фигуры ожидавших его товарищей. — Держись, Саша! Мы все о тебе помним...

Он крепко обнял меня, кивнул и молча, легко, не оглядываясь, пошел к партизанам. Вскоре они скрылись в темноте леса.

«Держись!» — сказал мне майор. И я держусь. Не раскисаю. Не впадаю в панику от тех слухов, которые доходят до дома в Кисельце.

А было от чего сжиматься сердцу. Страшные события происходили в Бренне и ее окрестностях.

Озлобившиеся, доживавшие последние дни гитлеровцы творили кровавую расправу над жителями села, мстили им за Партизанскую республику, за красный флаг над Бескидами.

Регулярно посещавшая костел Эльза приходила почти каждый раз со слезами на глазах. Рассказывала:

— Что делается, что делается на свете! Хватают всех подряд! Замучили Яна Москала, хотя у него сын в немецкой армии! Забили Адама Гавляса — кто-то донес в гестапо, что у него сыновья в партизанах...

Через день — новые зверства:

— Загнали в сарай одиннадцать человек и всех сожгли! Они так кричали!.. — Эльза металась по комнате, не находя места себе от возмущения и гнева. — Звери!

Ее младшая сестра, ходившая в этот день вместе с Эльзой в костел, также горячо к сердцу приняла трагедию односельчан. Обнимая Эльзу, стараясь успокоить ее, сама восклицала, обращаясь ко мне:

— Ну разве это люди?! Человеческие страдания и муки для них — ничто. Зверски расправились с братьями Кароля Москала — Виктором и Адольфом...

Я помнила Кароля Москала. На всякий случай уточнила:

— Это тот, который входил в состав штаба Партизанской республики?

— Да, он, — ответила Эльза...

Мы горевали, переживали за всех замученных, расстрелянных, сожженных живьем плензаков и не знали, не предполагали, что и дом Эльзы уже на заметке у местной полиции и гестапо.

Лающая по ночам возле дома собака, радостно встречавшая партизан, одновременно выдавала и их, и хозяев дома, привлекая внимание жившего неподалеку фольксдойче к этому «внеурочному» лаю...

Мы заранее обговорили возможные варианты прихода нежелательных посетителей, договорились между собой, кому и что делать в подобных случаях. Полицейские нагрянули неожиданно, и именно в тот момент, когда мы меньше всего были готовы к их приходу.

Стоял воскресный день. Вся семья, кроме Густика, ушла в костел.

Конечно, о каком жизненном опыте и элементарной предусмотрительности можно говорить, если мне лишь недавно исполнилось восемнадцать, а Густика — четырнадцать лет?!

Мы сидели возле окна и разговаривали. Вообще-то наша задача заключалась в том, чтобы смотреть в окно и, если вдруг кто-то начнет подниматься по тропинке к нашему дому, уточнить, кто идет, и в соответствии с этим принять меры предосторожности. Так мы должны были поступить. Но... Пристально, внимательно мы смотрели в окно не более тридцати—сорока минут. А потом взглядывали в него лишь изредка, а сами увлеченно разговаривали.

Если бы страх, сковавший меня немного позже, был не так велик, возможно, я смогла бы вспомнить, о чем мы разговаривали. Сейчас могу сказать лишь одно: мы сидели на лавке возле окна и очень увлеченно разговаривали...

Наверное, черные фигуры на снегу настолько стали близки, что выделились уже довольно отчетливо и помимо нашей воли попали в поле нашего зрения. Когда мы опомнились и одновременно глянули в окно... двое полицейских уже подходили к дому!

Не только раздумывать, как поступить, словом обмолвиться было некогда. Мы разом сорвались с места и бросились через тамбур во внутренний двор. Густик распахнул дверь какого-то сарая. Это был небольшой хлев, хлевушок для двух коров. Все так же молча Густик вскочил в хлев, раздвинул коров по сторонам, призывая меня взглядом следовать за ним. Быстро приподняв в колоде охапку сена, он также взглядом приказал, и я легла на дно колоды. Густик забросал меня сеном и помчался в дом, потому что в дверь уже стучали полицейские...

Сказать, что мне было страшно,— это слишком мало!

В темноте хлева я лежала навзничь на дне колоды, выдолбленной из большого ствола какого-то дерева. Руки были вытянуты по швам, в правой я держала револьвер. Но теснота колоды не позволяла шевельнуть рукой. И страшно было предположить, как на мои попытки пошевелинуться отреагируют коровы.

Шумно дыша в лицо мне, они жевали и жевали сено, постепенно уменьшая мое укрытие. И лишь одна мысль жила во мне: а вдруг, стараясь достать остатки сена, на которых я лежу, коровы подденут меня рогами, приподнимут и... отбросят к ногам полицейских?! Успею ли я оказать хоть какое-либо сопротивление?..

Эта горькая мысль так забивала все остальные мысли и чувства, что и тогда, когда полицейские, осмотрев весь дом и хозяйственный двор, раскрыли дверь хлева и включили свои фонари-прожекторы, я следила только за тем,

как все тоньше и тоньше надо мной становится слой сена, как все яснее видится свет от полицейских фонарей...

Морды коров почти касались моего лица, их губы, хватающие пучки сена, обнажающие мое покрытие, были так страшны, что я ни слова не понимала из того, о чем полицейские спрашивали Густика, что он отвечал им... Только слышала его спокойный — на всю жизнь запомнившийся! — спокойный голос.

Каким мужеством обладал этот четырнадцатилетний польский мальчишка!

Через несколько дней снова был обыск. А потом еще и еще... И каждый раз от нас требовались не только мужество и отвага, но прежде всего находчивость, изобретательность, настоящая «актерская игра», потому что провести полицейских, сбить их со следа было очень непросто.

* * *

— Что-то ты сегодня совсем «не с нами», — сказал Алойзы, принимая от Янички чашку кофе и обращаясь ко мне. — Вроде бы глядишь на нас, а взгляд у тебя какой-то посторонний... Витаешь мысленно где-то там...

— Виновата, — отвечаю в смущении. — Все воспоминания...

— Больше сорока лет прошло, неужели все помнишь, все тревожишься? — с мягкой улыбкой спросила Яничка.

— Все помню... — сказала, улыбаясь ей в ответ. — Такая память — на всю жизнь!

Предчувствую, что это свидание с Яничкой — последнее, и стараюсь лучше запомнить, сохранить в памяти образ дорогой для меня польской женщины: ее грузную фигуру, седые волосы, ордена-кресты на черном шерстяном платье с белым кружевным воротничком и то, какой заботой окружают Яничку ее сын, невестка и внук — молодой, двадцатилетний шахтер...

Алойзы, вероятно, решил отвести наши мысли от горьких предчувствий, сказал бодро:

— Не знаю, кому как, а мне больше всего запомнился наш переход через линию фронта... По самой крутизне пробирались. Большая группа шла — больше ста человек... Помнишь тот ледяной обрыв? — спросил меня.

— Помню, конечно. Еще бы не помнить?!

...Мы подошли к обрыву и остановились... Весь его склон был покрыт ледяной коркой, а внизу, в теснине,

чернела протока и журчала, струясь по камням, ледяная горная вода.

Я боялась спускаться по льду — из него кое-где торчали деревья, и я боялась налететь на дерево при спуске, изуродоваться боялась... Мужчины были смелее. Они за просто садились на лед и скатывались вниз, посмеиваясь при этом. Не знаю, не видела, когда и как спустился майор, но в том, что он был одним из первых, не сомневалась. Ему ведь везде надо было показать пример! Уходили драгоценные минуты... Около меня суетился Завада. Он взял у меня сумку с радиостанцией, уговаривал быть смелее, решиться... И вижу, майор зовет снизу! Почти не глядя перед собой, я села на лед — и... скатилась прямо к речке, к ледяной воде. Майор тут же подхватил меня, поднял...

— А помнишь, какой большой мешок немецких документов мы передали советским командирам в Бельско? — спросил Алойзы с гордостью, сверкнув улыбкой.

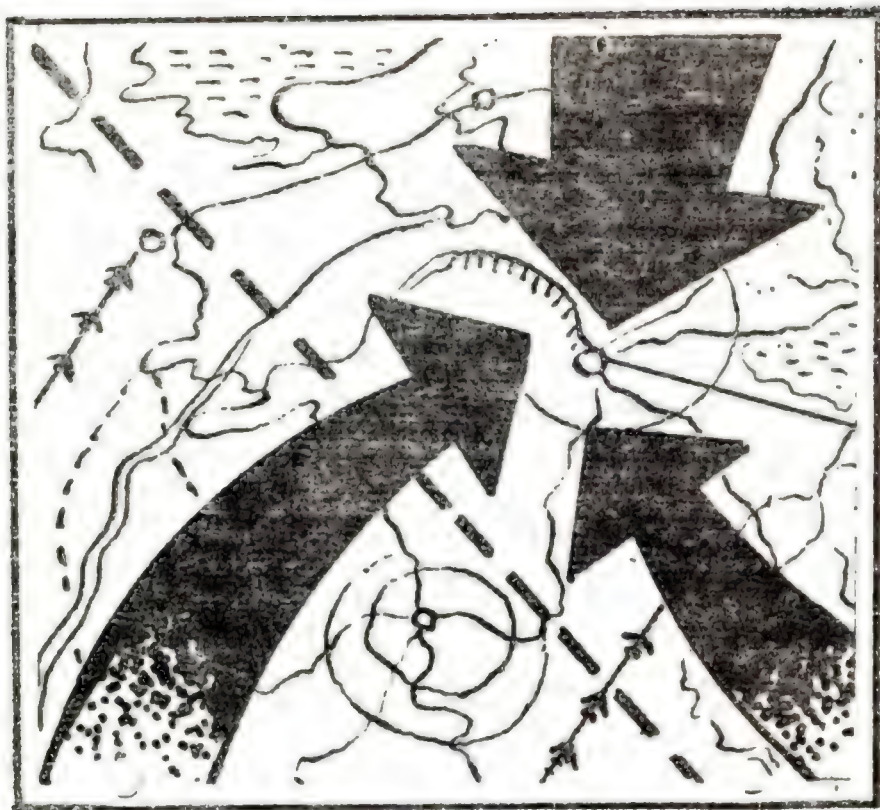
Я молча кивнула. А партийный секретарь начал расспрашивать, что было в том мешке, какие документы?..

Мы с Алойзы переглянулись: мы-то знали, сколько было там приказов, донесений, штабных карт со всевозможными пометками, чертежей линии обороны, которая строилась немцами буквально за домом Эльзы, сведений о дислокации и численности воинских частей, отделений гестапо, полиции — много-много всего, что удалось добыть.

И еще мы с Алойзы помнили, как полковник, командир встретившей нас на советской стороне части, пригласил майора к себе в штаб для личного доклада об обстановке за линией фронта, то есть обстановке в Бренне, Устрони, Скочуве, Цешине, Голешуве, Щырке — в том самом районе, где за шесть с половиной месяцев майор изучил каждую тропинку, каждый мостик через Вислу, Бренницу, Лесницу...

А когда они вышли из штаба, то оба весело улыбались, и полковник, прощаясь с нами, сказал: «До свидания!», а майору крепко пожал руку.

В те дни я была во власти одной мысли: неужели наступает время, когда я и майор будем вместе... вместе...

Николай
Пономарев
**ИСПЫТАНИЕ
МУЖЕСТВОМ**

Военный прокурор 76-й Ельнинской стрелковой дивизии капитан юстиции Агабеков переписывал ответ на повторный запрос прокуратуры Московского военного округа в отношении офицера штаба дивизии старшего лейтенанта Казакевича Эммануила Генриховича, 1913 года рождения, кандидата в члены ВКП(б) с 28 марта 1942 года, которому, по-видимому, могло быть предъявлено обвинение по статье 246 Уголовного кодекса РСФСР. Ответ надо было согласовать с командиром дивизии и направить в Москву не позднее 24 апреля 1944 года.

Из запроса следовало, что Казакевич 26 июня 1943 года самовольно оставил свою воинскую часть (4-ю курсантскую запасную стрелковую бригаду, находившуюся в г. Владимире) и с тех пор не вернулся к месту службы. По закону военного времени самовольное оставление части или места службы лицом офицерского состава продолжительностью более десяти суток каралось лишением свободы на срок от пяти до десяти лет, а Казакевич находился в «беггах» уже около года.

В момент запроса центральной прокуратуры соединения 47-й армии действовали под Ковелем в очень сложной обстановке. Немецким войскам удалось деблокировать город, введя в бой танковую дивизию СС «Викинг». Весенняя распутица, лесисто-болотистая местность до крайности затрудняли решение боевых задач.

Незадолго до этого в командование нашей армией вступил генерал-лейтенант В. С. Поленов — тринадцатый по счету командующий за два с небольшим года существова-

ния 47-й армии. Надо было привыкать к новому командующему. Генерал Поленов был человек решительный, но весьма своеобразный и крайне нетерпеливый. Он доставлял немало хлопот разведчикам, поскольку в любой момент мог потребовать исчерпывающие данные о противнике, несмотря на то что не всегда толком было известно точное расположение даже своих собственных войск. Следует иметь в виду, что в тот период сведения из войск поступали в штаб армии с большими перебоями: банды бандеровцев, орудовавшие в полосе армии, систематически уничтожали линии связи и нападали на связистов.

Особенно неясное положение сложилось перед фронтом 76-й стрелковой дивизии, начальник разведки которой был освобожден от занимаемой должности. 76-я дивизия в составе войск 47-й армии, ведя тяжелые бои в районе Ковеля, понесла большие потери в личном составе. Каждый солдат и офицер, способный оставаться в строю, был незаменим. Командир дивизии понимал, что в сложившихся обстоятельствах рассчитывать на успех боя, не имея точных разведывательных данных о противнике, дело безнадежное. Разведку следовало немедленно усилить и заменить бывшего начальника дивизионной разведки более опытным и энергичным офицером, способным разобраться в мешанине многочисленных разрозненных немецких и венгерских частей, отошедших в район Ковеля и продолжавших упорно оборонять занимаемые позиции. И тогда, в начале апреля 1944 года, старший лейтенант Э. Г. Казакевич был назначен начальником 2-го (разведывательного) отделения штаба дивизии. В общем виде группировку войск противника на Ковельском выступе он представлял. Дивизионной разведке необходимо было точно установить боевой и численный состав противника непосредственно в полосе 76-й стрелковой дивизии. Новый начальник разведотделения штаба дивизии энергично взялся за дело. План разведки успешно выполнялся. Казакевич лично участвовал в организации ночных поисков и захвате контрольных пленных. Претензий к нему со стороны командования не было.

Все это о новом начальнике 2-го отделения дивизионный прокурор знал и по-человечески понимал, что дело о самовольном оставлении Казакевичем своей части в городе Владимире следовало бы прекратить, но как юрист обязан был руководствоваться законом.

Проще всего в ответе прокуратуре Московского военного округа было бы ограничиться подтверждением прохож-

дения службы старшим лейтенантом Казакевичем в 76-й стрелковой дивизии, его собственным объяснением по этому поводу и официальной справкой о прохождении военной службы, утвержденной командиром дивизии. Личное дело Казакевича осталось в штабе курсантской бригады и в дивизию не поступало.

На основании имеющихся материалов Агабеков готовил обстоятельную справку, согласовав ее с начальником штаба и с уполномоченным особого отдела СМЕРШ.

В справке указывалось, что член Союза писателей СССР Э. Г. Казакевич 10 июля 1941 года добровольно вступил рядовым в 22-й полк 8-й Краснопресненской дивизии московского народного ополчения, в сентябре проходил подготовку на краткосрочных курсах младших командиров учебной бригады Западного фронта, в качестве командира взвода участвовал в боях под Гжатском, 8 октября 1941 года контужен, после переформирования учебной бригады в 4-ю курсантскую запасную стрелковую бригаду вместе с ней прибыл в город Владимир. В январе 1942 года ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Некоторое время он исполнял обязанности адъютанта командира 354-го курсантского запасного стрелкового полка подполковника З. П. Выдригана, затем назначен заместителем редактора газеты «Боевые резервы» 4-й курсантской бригады.

26 июня 1943 года самовольно выехал на фронт, получив выписку из приказа по личному составу 51-й стрелковой дивизии 21-й армии Западного фронта, которую ему лично вручил приехавший специально для этого в город Владимир сержант из штаба этой дивизии.

В выписке из приказа говорилось, что «прибывший из 4-й запасной стрелковой бригады младший лейтенант Казакевич Э. Г. допущен к исполнению должности помощника начальника 2-го отделения штаба 51-й стрелковой дивизии». Заручившись таким документом и не поставив в известность командование бригады, Казакевич самовольно уехал на фронт. Однако, на всякий случай, оставил у хозяйки квартиры письма на имя командира бригады, начальника политотдела, секретаря парткомиссии и редактора газеты «Боевые резервы». На следующий день после отъезда письма были переданы адресатам. В письмах Казакевич сообщал, что уехал на фронт в 51-ю дивизию, и просил не обижаться на него за самовольный отъезд.

Коменданту железнодорожной станции Владимир и отделу контрразведки СМЕРШ сразу же было направлено

донесение с просьбой задержать Казакевича, дезертировавшего из части. Одновременно делом о его побеге занялась прокуратура Московского военного округа.

В начале июля 1943 года Казакевич прибыл в штаб 21-й армии (51-я стрелковая дивизия входила в ее состав), где уже было получено указание о его немедленном откомандировании в управление кадров Московского военного округа. 13 июля он прибыл в Москву и получил предписание срочно вернуться в 4-ю запасную стрелковую бригаду. Вопрос о самовольном оставлении части приказано было разобратить в партийном и служебном порядке. Но во Владимир Казакевич не выехал, так как случайно в этот день встретил своего бывшего командира 354-го запасного полка подполковника Выдригана, назначенного заместителем командира 174-й стрелковой дивизии, и по его ходатайству получил разрешение вместе с ним уехать на фронт.

В сентябре Казакевич был назначен помощником начальника разведотделения штаба этой дивизии. 10 сентября возглавил разведгруппу и днем принял участие в захвате в плен немецкого унтер-офицера, за что был награжден медалью «За отвагу».

В октябре 1943 года был переведен на должность помощника начальника оперативного отделения штаба 76-й стрелковой дивизии. В ноябре дивизия вела бои в районе города Орши. Казакевич находился на переднем крае, своими смелыми действиями воодушевлял бойцов дивизии и способствовал овладению сильно укрепленным пунктом Боброво. Награжден за участие в этих боях орденом Красной Звезды.

В марте 1944 года, после пополнения на станции Бологое, 76-я дивизия прибыла под Ковель.

Такова была воинская биография Казакевича с начала войны до весны 1944 года.

Забрав все документы, Агабеков явился к командиру дивизии, который бегло просмотрел заготовленную справку и, немного подумав, сказал:

— Я не вижу серьезных оснований для беспокойства следователей Московской прокуратуры. Казакевич неплохо воюет, да и уехал он на фронт не самовольно, а по вызову командира 174-й стрелковой дивизии. В конце концов, вызов подтвердило управление кадров Наркомата обороны. Что же от нас еще хотят?

— Дело в том, товарищ полковник, что с юридической точки зрения этот вызов фиктивный. Командир 174-й ди-

визии не имел права подписывать такой документ. Запасная бригада во Владимире ему не подчинена, и Казакевич должен был об этом знать. Так что ссылка на выписку из приказа оправдать его не может. Факт самовольного оставления части налицо!

Командир дивизии встал из-за стола и с раздражением заметил:

— Факт, факт, при чем тут факт! А согласия управления кадров на его поездку на фронт вам недостаточно?

— Устное распоряжение управления кадров не означает снятия вины за самовольное оставление части. Запрос прокуратуры Московского военного округа это подтверждает.

Прокурор по тону разговора чувствовал, что командир дивизии если бы мог, то вообще бы уклонился от ответа на запрос о Казакевиче. Но отвечать надо, запрашивают вторично. Агабекову важно было твердо знать, может ли он, отвечая своим московским коллегам, сослаться на мнение командования и просить прекратить расследование. Поэтому он решил продолжать разговор, переведя его на выяснение дополнительных обстоятельств.

— Я не могу понять, каким образом Казакевич, не имея ни командировочного предписания, ни продовольственного аттестата, сумел приобрести железнодорожный билет, выехать на фронт и без необходимых документов пройти тщательные проверки на контрольно-пропускных пунктах? Не тянется ли за ним и здесь хвост нарушений, и может быть не только административных?

— Ничего, товарищ прокурор, не тянется. Железнодорожный билет военный комендант на станции Владимир выдал без проездных документов. Казакевич предъявил ему членский билет Союза писателей СССР и сказал, что срочно должен выехать на совещание корреспондентов фронтовых газет. Как видишь, писателей уважают не только у нас на фронте, но и в тылу. Продукты кой-какие у него были, а благополучно миновать контрольно-пропускные пункты для находчивого разведчика дело несложное. Все остальное в вашей справке правильно.

— Откуда, товарищ полковник, вы все это знаете?

— Да все оттуда же, из приказа по личному составу 51-й дивизии, из выписки, которую вы именуете фиктивной. Это я лично, будучи тогда заместителем командира дивизии, попросил полковника Телкова подписать этот документ и командировать во Владимир одного сержанта, который и передал эту выписку в запечатанном конверте

Казакевичу. Потом я узнал, что сержанта во Владимире арестовали, но, выяснив, что он действительно не знал содержание пакета, отпустили. Таковы дела, и никакого административного или того хуже хвоста за Казакевичем не тянется. А что касается ответа на запрос Московской военной прокуратуры, то напишите: Казакевич воюет. Попросите дело прекратить. Командир нашего корпуса, а также член военного совета армии генерал-майор Королев И. Н. и начальник политотдела армии полковник Калашник М. Х. такую просьбу поддерживают.

Дело о самовольном оставлении части старшим лейтенантом Казакевичем на этот раз было закрыто. Однако менее чем через полгода аналогичное дело в новом варианте возникло еще раз, о чем будет рассказано в свое время.

А пока 76-я дивизия продолжала воевать и разведчик Казакевич продолжал свое нелегкое фронтовое дело.

В конце апреля 1944 года под давлением превосходящих сил противника части дивизии отошли на восточный берег реки Турья. Под угрозой окружения оказался командный пункт дивизии, Казакевич был ранен. Месяц пробыл в полевом госпитале и снова заспешил в свою часть, хотя и вынужден был продолжать амбулаторное лечение. Получил очередное воинское звание капитана и в июле 1944 года, как смелый и решительный боевой офицер, хорошо проявивший себя в разведывательной службе, был принят в члены ВКП(б).

Фронтная биография Казакевича во многом необычна — пройти путь от бойца народного ополчения до помощника начальника разведотдела армии дело непростое, особенно для человека, по состоянию здоровья вообще непригодного к военной службе. Эммануил Генрихович подавляющую часть своего ратного пути прошел в полковой и дивизионной разведке, где средняя продолжительность жизни солдат и офицеров одна из самых коротких на войне. Дважды раненный в боях, дважды побывавший в госпиталях, он снова стремился на фронт, и не просто на фронт, а в войсковую разведку. Это о многом говорит и дорого стоит.

Сохранилось очень мало материалов, которые бы позволили более или менее полно воссоздать его кропотливую работу по вскрытию группировок немецких войск перед фронтом частей и соединений, где ему приходилось служить. К тому же в официальных штабных документах и разведсводках зафиксирован лишь конечный результат повседневного самоотверженного труда солдат и офицеров

войсковой разведки. В них почти не говорится о том, как действовали все эти разведгруппы, разведвзводы и разведроты, состоявшие из ярославских, иркутских, владимирских ребят, таких разных и непохожих один на другого, но постоянно готовых прийти на помощь товарищу и, рискуя жизнью, добиваться выполнения боевой задачи.

Эммануил Генрихович, пожалуй, выделялся этой непохожестью больше, чем другие. Она проявлялась и в поведении, и в манере разговора, и, наконец, в сохранении чувства юмора в самых, казалось бы, неподходящих для этого обстоятельствах. Непохожесть особенно отчетливо видна не в том, что делает разведчик, а в том, как он это делает и каким образом себя ведет. Казакевич вел себя не то что необычно, а немножечко не так, как бы вел себя на его месте другой офицер-разведчик. Попытаюсь пояснить это на некоторых примерах, не придерживаясь точной хронологии, а так, как это навсегда запечатлелось в моей памяти.

Для уточнения положения дел на места выезжали офицеры штаба армии и принимали непосредственное участие в организации разведки. С подобной задачей однажды мы добрались до штаба 76-й дивизии и разыскали нового начальника разведки. Мне приходилось видеть немало начальников разведок полков и дивизий. Большинство из них обычно в чем-то отличалось от других офицеров — то ли наличием трофейного оружия, то ли особой манерой носить военную форму, — одним словом, начальника разведки не так трудно было узнать.

Однако старший лейтенант Казакевич в этом отношении был на редкость нетипичен. Перед нами появился не очень складно обмундированный офицер — в больших очках, с тульским наганом на каком-то неуставном поясочке, — больше похожий на лесного обходчика, чем на руководителя разведки боевой дивизии.

Пошли в штаб. Эммануил Генрихович принес свою рабочую карту, на которую он наносил разведданные, не очень сообразуясь с требованиями «Наставления полевой службы» штабов в отношении общепринятых условных обозначений. Докладывал он о сложившейся обстановке и замыслах противника обстоятельно, стараясь обратить особое внимание на моральные и боевые качества личного состава противостоящих частей противника. Группировка войск была действительно пестрой. Перед фронтом 76-й дивизии, по данным Казакевича, находились боевые группы войск СС, венгерские дивизии, немецкие полицейские

и саперные батальоны, некоторые другие подразделения.

Закончив доклад и спрятав карту в полевую сумку, Эммануил Генрихович внимательно посмотрел на нас и с серьезным видом, очень доверительно добавил:

— Все, что я вам доложил, относится к фактической стороне дела, а юридически перед фронтом дивизии противника вроде бы нет. По той простой причине, что если судить о его потерях по всем нашим донесениям о результатах боев за последние недели, то каждый противостоящий нам немец убит дважды, а некоторым, по-видимому, особенно не повезло, и их вывели из строя трижды. — Затем, подумав немного, добавил — опять-таки вполне серьезно: — Не исключено, что к общей сумме потерь по ошибке могли приписать немцев, погибших в боях с русскими войсками, наступавшими здесь под командованием А. А. Брусилова в 1916 году...

Упоминание о брусиловском прорыве дало нам понять, что он хорошо знает не только настоящее положение дел, но и боевое прошлое района действий своих разведывательных групп.

Став начальником разведки дивизии, Э. Г. Казакевич строго придерживался своего излюбленного правила — при первом же удобном случае отправиться на передний край и вместе со своими разведчиками принимать участие в поисках и засадах. Добывать данные о противнике нередко приходилось дорогой ценой. Бои на Ковельском направлении в апреле и июле 1944 года стоили Эммануилу Генриховичу двух тяжелых ранений. Но, едва встав на ноги, он снова возвращался в строй.

Упорные бои за Ковель продолжались до 6 июля, когда немцы, не выдержав натиска частей нашей 47-й армии, начали поспешно отходить за реку Западный Буг. 76-я дивизия была отмечена в приказе Верховного Главнокомандующего в числе других частей и соединений, отличившихся в боях за овладение важным опорным пунктом вражеской обороны — городом Ковелем. Капитан Казакевич был награжден орденом Отечественной войны II степени за самоотверженные действия по вскрытию группировки и замысла противника, способствовавшие успеху дивизии в боях за этот город.

Заняв Ковель и преследуя противника, части 76-й дивизии на отдельных участках форсировали реку Западный Буг и вышли на территорию Польши. Наступление успешно развивалось. Этому немало способствовали разведывательные отряды, действовавшие на путях отхода против-

ника. Захватывая мосты и переправы, они обеспечивали быстрое продвижение наших войск.

Один из таких конных отрядов возглавил Казакевич.

22 июля в отряд из дивизионных разведчиков отобрали восемь человек. Перед отрядом стояла задача: захватить мост на шоссе на дороге через речку Влодавка западнее населенного пункта Орхувек и постараться удержать его до подхода частей дивизии.

Оседлали лошадей, проверили оружие и по болотным тропам благополучно перешли линию фронта. Верхом продвигались быстро, переправились через Влодавку, оставили в кустарнике лошадей и направились к мосту. На мосту два немца, вооруженные автоматами. Рядом у блиндажа на берегу еще несколько солдат сушат обмундирование. Других не видно.

Атаковать немцев решили одновременно с двух сторон, скрытно, по-пластунски, подобравшись к мосту почти вплотную. Казакевич, вооружившись гранатами, пробирался сквозь кустарники, старался не отстать. Сильно ныла раненая нога. Думал, что напрасно оставили лошадей так далеко.

Мост атаковали внезапно, охрана разбежалась. Заняли оборону. Немцы численностью до взвода, вооруженные автоматами и крупнокалиберным пулеметом, увидев, что, кроме небольшой группы разведчиков, в районе моста никого нет, перешли в контратаку. Завязался неравный бой. Соотношение сил примерно один к пяти в пользу немцев. Казакевич понимал, что удержать мост он не сможет. Двое разведчиков были убиты, двое ранены, сам командир группы тяжело ранен осколком гранаты в бедро. Пришлось отступать, унося с собой погибших и оружие. Просто чудом удалось прорваться к своим.

Я не очень уверен в том, что была крайняя необходимость принимать участие в такой рискованной операции самому начальнику разведки дивизии, поскольку перед ним стояли и другие немаловажные задачи. Но дело здесь не в какой-то особой отваге и лихости Эммануила Генриховича — человека безусловно смелого и умеющего сохранять выдержку в трудные минуты. Для него всего важнее было дело, и ему он подчинял все остальное, в том числе и самого себя. Позднее он сам рассказывал мне, что вообще-то было чертовски жутко, «но уж очень нужен был этот мост, да к тому же попутно надеялись прихватить одного-двух контрольных пленных, которых вы от нас требовали».

Опять госпиталь, третий по счету. На этот раз тыловой — в далеком Барнауле. В начале октября Казакевича выписали из госпиталя и зачислили в офицерский резерв Сибирского военного округа в Омске. Ходил, опираясь на кедровую трость. Перспективы дальнейшей службы были весьма смутны. Ждать окончания войны в тылу считал делом для себя бессмысленным и глупым.

Через две недели пребывания в офицерском резерве терпение Казакевича иссякло. 6 октября написал обстоятельный рапорт на имя начальника отдела кадров штаба Сибирского военного округа и попросился на фронт. В рапорте изложил многочисленные доводы бесполезности своего пребывания в резерве, взывал к чувству справедливости, надеялся на благосклонность и понимание со стороны командования, просил помочь ему вновь применить на деле накопленный опыт разведчика. Это был документ, мало похожий на армейские рапорты. И может быть, поэтому надеялся Казакевич, на него обратят более пристальное внимание и выделят из множества других рапортов офицеров, оказавшихся в резерве и, так же как и он, рвавшихся на фронт. Но ответа на рапорт не последовало.

В то время, когда санитарные поезда увозили в тыловые госпитали на восток раненных в боях за Ковель бойцов и командиров, войска 47-й армии быстро продвигались с боями на запад. К 1 августа 1944 года, пройдя более трехсот километров, они заняли польские города Седльце, Миньск-Мазовецки, Лукув, Бяла-Подляска и достигли Варшавского воеводства, овладев пригородами польской столицы Радзиминном и Воломинном. Но дальше, встретив упорное сопротивление, продвинуться не смогли и перешли к обороне. Войска пополнялись и приводили себя в порядок, а для разведчиков наступило самое трудное и ответственное время — вскрыть группировку и систему обороны немцев на подступах к Варшаве в районе ее правобережного пригорода — Праги.

В добывании сведений о противнике помогали разведчики 1-й армии Войска Польского, действовавшие на этом направлении, а также местные жители и партизаны.

10 сентября, после мощной артиллерийской подготовки, 47-я армия перешла в наступление, а через четыре дня тяжелых боев овладела Прагой и на широком фронте вышла к Висле.

Из разговоров с местными жителями, из показаний пленных было известно, что в Варшаве 1 августа началось восстание, в городе идут бои, но ясного представления об

истинном положении дел мы не имели. Организаторы восстания не сочли нужным поставить о нем в известность Советское командование. Нашим разведчикам удалось установить связь с отдельными группами повстанцев только в середине сентября.

Варшавянам советскими войсками была оказана помощь активными боевыми действиями, оружием, боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Участниками восстания стали многие тысячи людей, желавших сражаться с врагом.

Но трагический финал был предрешен.

...2 октября восстание было подавлено немецко-фашистскими войсками.

А наша 47-я армия, заняв Прагу, продолжала попытки с боями выйти на Вислу севернее Варшавы в направлении крепости Модлин, но не смогла преодолеть сопротивление противника, усилившего свои войска частями дивизии СС «Герман Геринг», и перешла к обороне.

Разведотдел штаба армии находился в Рембертуве, недалеко от Праги, и занимал три небольших коттеджа дачного типа. Рембертув хорошо сохранился, разрушений в поселке почти не было, но не было и жителей. Изредка появлялись немногочисленные владельцы дач, просили разрешения забрать некоторые вещи и опять уходили.

Надо сказать, что разведотделы армейских штабов на заключительных этапах Великой Отечественной войны представляли собой небольшие по численности личного состава подразделения. Большинство офицеров отдела обычно находилось в войсках, в штабе оставались несколько офицеров, занятых анализом и обобщением поступающих данных о противнике от всех видов разведки, подготовкой отчетных документов и сводок, информированием командования войск соседних армий и вышестоящих штабов.

Вечером 12 ноября, как обычно, подписав у начальника штаба армии очередную разведсводку и передав ее в штаб фронта, офицеры разведотдела занимались текущими делами. Чертежник сержант Григорий Лямин отправился на поиски угля, чтобы растопить небольшую чугунную печь. Осень была ранней, и в дачных домиках было довольно холодно. Наша машинистка не снимала теплых перчаток, чтобы можно было сразу же начинать печатать очередную разведсводку. Лямин вернулся довольно быстро, принес полведра угля и сказал, что сейчас к нам придет пополнение — новый офицер отдела. Фамилию его

он не знает, звание — капитан, недавно выписался из госпиталя, разведчик, служил в одной из дивизий нашей армии. Сведения достоверны, получены в столовой военторга, где и была добыта очередная порция угля.

Сообщение Лямина приняли к сведению, но отнеслись скептически, зная склонность Лямина несколько преувеличивать свою осведомленность в штабных новостях, хотя и знали, что иной раз в кругу армейского военторга какими-то неведомыми путями информация о кадровых перемещениях поступала раньше, чем к лицам, непосредственно ею затрагиваемым.

Однако не прошло и получаса, как к нам в информационное отделение пришел начальник отдела полковник М. Б. Малкин в сопровождении... капитана Э. Г. Казакевича. Мы готовы были ожидать кого угодно, только не Казакевича, который, как хорошо было нам известно, находился на излечении где-то в далеком сибирском тыловом госпитале.

— Вот,— сказал Малкин,— прошу любить и жаловать, капитан Казакевич, бывший начальник разведки 76-й дивизии, а отныне помощник начальника 2-го отделения нашего разведотдела. Приказ о его назначении завтра будет подписан. А пока введите его в курс дела. Не исключено, что вам придется в партийном порядке обсудить его серьезный дисциплинарный проступок, который он совершил, будучи в резерве офицерского состава Сибирского военного округа. Указание члена военного совета армии имеется.

Полковник Малкин ушел. Казакевич снял шинель, положил на скамейку вещевой мешок, поздоровался и сказал, что очень рад быть снова вместе со старыми знакомыми. Затем достал из полевой сумки завернутый в газету небольшой пакет и разложил на столе два изрядно потрепанных документа. Первый — справка из Барнаульского эвакогоспиталя № 1511 о том, что, раненный в боях за Советскую Родину, капитан Казакевич Э. Г.— начальник разведки Ельнинско-Ковельской стрелковой дивизии — находился на излечении в связи с ранением осколком гранаты правого бедра. Вторая бумага — отпускной билет, выданный сроком на две недели для поездки из Омска в Москву.

— Вот все,— сказал он,— чем я располагаю для подтверждения своей личности. Партбилет и офицерское удостоверение, разумеется, при мне.

— Не густо,— заметил наш переводчик капитан Аглатов,— неплохо было бы иметь еще и командировочное

предписание и выписку из приказа о назначении. Но па нет и суда нет. Только одно не ясно, как с такими документами, минуя Москву, пограничный контроль в Бресте, да и многие другие контрольно-пропускные пункты на фронтовых дорогах, удалось тебе добраться до нас?

— Особых сложностей не возникало, продовольственный аттестат у меня был, проездные билеты от Омска до Москвы тоже, а все остальное зависело от опыта. В свое время примерно таким же порядком я добирался по личной инициативе из древнего града Владимира на фронт. Правда, в Бресте кой-какие трудности возникли, но и пограничная комендатура не без добрых людей.

— Понятно, значит, самоволка. Не ее ли имел в виду Малкин, когда говорил о дисциплинарном проступке?

Казакевич немного помолчал, неторопливо протер очки и каким-то очень доверительным тоном ответил:

— Именно об этом и шла речь. Но только поймите меня правильно. Война идет к концу, а я сижу в офицерском резерве, да еще где — в Омске! Для пребывания в тылу я по всем статьям непригоден, ибо слеп, хром и стопроцентный белобилетник. Так что самое подходящее место для меня — фронт. Ведь есть же такая у медицины формулировка: в мирное время к службе в армии непригоден, а для войны хорош!

Боевая солидарность разведчиков и на этот раз оказалась на высоте — к очередному бегству на фронт отнеслись с пониманием. Разбор персонального дела завершился товарищеским обсуждением, без каких-либо взысканий. Казакевич отлично «вписался» в слаженный коллектив разведотдела.

Хозяин дома в Рембертуве отнесся к нашему вселению без особого восторга, по-видимому, он опасался за сохранность своей библиотеки, которую Эммануил Генрихович сразу же стал внимательно изучать, переставляя книги по какому-то своему принципу. На чердаке дома Казакевич набрал большую кипу брошенных там немецких и польских газет, журналов и толстенных каталогов.

Весь этот бумажный ворох на ночь заворачивал в шинель и спал как на подушке. В свободные минуты просматривал журналы, вырезал какие-то фотографии и, разложив их на полу, с видом заправского экскурсовода давал необходимые, по его мнению, пояснения.

— Вот перед вами, — говорил он, — выдающийся польский пианист и композитор Игнацы Ян Падеревский, бывший одно время по совместительству премьером и ми-

нистром иностранных дел Польши. История пана Игнацы — наглядный пример того, что ничего хорошего не получается, если человек начинает заниматься не своим делом. Вместо того чтобы писать оперы, господин Падеревский утвердил уйму законов, повергших в уныние не только любителей музыки, но и всех остальных поляков, которые сеют и жнут, куют и строят...

В таком плане Эммануил Генрихович комментировал и другие фотографии.

О крупных польских и немецких городах, через которые с боями проходили наши части, у Казакевича в памяти был большой запас интересных подробностей — чем этот город знаменит, кто из видных деятелей науки и культуры в нем жил и работал. Все эти факты сообщались попутно, как бы между прочим, и выслушивались всеми присутствующими сотрудниками разведотдела с большим вниманием и интересом. Знал Казакевич действительно очень много и при каждом удобном случае стремился расширить наш кругозор. Делал он это как-то незаметно и тактично, часто сопровождая беседу шуткой.

Отмечу, что в разведотделе слаженно и дружно занимались своим нелегким ратным делом люди разных национальностей и разного образования, оказавшиеся в рядах разведчиков кто по призванию, кто по воле фронтового случая.

Начальником отдела был кадровый офицер, окончивший Военную академию имени М. В. Фрунзе, полковник М. Б. Малкин, еврей по национальности, человек большого мужества и личной храбрости. Войну начал капитаном, в 1941 году воевал в Крыму. Твердый и принципиальный командир, он умел беспристрастно докладывать командующему армией свою оценку противника во всех случаях, даже когда она не совпадала с мнением начальников.

Начальником 1-го отделения разведотдела был подполковник Н. С. Шевченко — украинец, агроном по довоенной профессии, а на войне — разведчик по призванию. Его семья не смогла эвакуироваться, осталась на оккупированной территории. Все ближайшие родственники погибли, а единственную дочь немцы угнали на работу в Германию, и Шевченко упорно искал ее во многих освобождаемых немецких лагерях.

Начальник 2-го отделения был русский, до войны — студент Московского института востоковедения.

Неунывающий шофер отдела Аветик Читьян — армянин. Переводчик — самая колоритная фигура среди офи-

церов разведотдела — капитан Михаил Аглатов. Свою собственную национальную принадлежность он считал «точно не установленной». Родился, вырос и учился в Баку. Весной 1942 года прибыл на Крымский фронт и был зачислен на должность переводчика разведотдела. Человек сугубо штатский, бережно всю войну он хранил свой гражданский парадно-выходной костюм, в котором прибыл на фронт. Бакинские интенданты по какой-то неизвестной причине не успели его обмундировать, и свою первую в жизни военную форму он получил уже на фронте в штабе армии. Великолепный знаток немецкого языка, знавший все его основные диалекты, Аглатов приводил в изумление пленных немцев своей способностью разговаривать с ними на их собственном родном наречии, с первых же фраз безошибочно определяя, в каком районе Германии они родились и выросли.

Катастрофа Крымского фронта в мае 1942 года настолько глубоко потрясла его, что он до конца войны не мог спокойно говорить о ней, голос начинал дрожать. Миша весь сжимался как пружина и, заикаясь, с возмущением выдавливая из себя обрывки фраз, говорил:

— Разве можно так бездарно командовать фронтом? В Крыму у нас было немало сил. А мы позорно бежим. На второй день я уже не мог догнать полевое управление штаба армии. Как переправился через Керченский пролив — одному богу известно. Штаб свой разыскал только в конце мая. На Таманском полуострове, в Темрюке.

Свою крымскую эпопею Аглатов рассказывал неоднократно. Казакевич беседовал с ним всегда очень охотно и подробно расспрашивал его: что он чувствовал и как вел себя, затерявшись в массе отступающих войск, как переправился через пролив, видел ли он противотанковый ров, в котором гитлеровцы осенью 1941 года расстреляли более семи тысяч мирных жителей Керчи.

День за днем восстанавливал Аглатов в памяти трагические события в Крыму в мае сорок второго года. Казакевич сосредоточенно его слушал, долго молчал. Потом, словно думая вслух, говорил:

— Дорого нам обходится неумение воевать, всем нам — и кадровым и штатским. Но штатским людям даже проще — мы учимся, а кадровики переучиваются, это трудней!

Эммануил Генрихович продиктовал Аглатову несколько стихотворений разных советских поэтов, которые Миша заучивал на память. Особенно понравилось ему сти-

хотворение Багрицкого о том, как три грека в Одессу везли контрабанду. Заключительные строки — «Ай, Черное море, хорошее море!» — Аглатов произносил с особым нажимом, повторяя их к месту и не к месту, и изрядно всем надоел.

Однако, набравшись терпения, мы не прерывали эти декламационные упражнения, а Эммануил Генрихович говорил: «Миша Аглатов личность историческая — это Афанасий Никитин нашего времени, он тоже ходил за три моря — Каспийское, Азовское и Черное. Правда, не по своей воле». Во время отступления, не умея плавать, Аглатов переправился через Керченский пролив на автомобильной камере, так что с Черным морем у него были связаны самые драматические воспоминания военного времени.

Весь облик Аглаторова и его характер удивительно напоминают Оганесяна из «Весны на Одере», и все, что было интересного и привлекательного в нашем замечательном переводчике, можно найти на страницах этого романа.

Организация и ведение разведки на территории Польши неизбежно приводили к многочисленным контактам с местными жителями, хорошо знающими обстановку в городах и населенных пунктах, состав гарнизонов которых необходимо было выяснить. Вся работа разведотдела в этом отношении была возложена на Казакевича, и мы полностью на него полагались, зная его пристрастие «покопаться в психологии», которое мы к личным достоинствам не относили. О том, что Казакевич писатель, знал, может быть, только начальник отдела. Казакевич редко говорил о своей довоенной жизни, да и у нас она не была предметом частых размышлений. Война стала нашим повседневным делом и смыслом существования. В редкие минуты отдыха мы предпочитали размышлять о том, как все великолепно будет у нас после войны. Мы из отрывочных разговоров знали, что до войны Казакевич был председателем колхоза, а потом директором театра где-то на Дальнем Востоке. И это все. Важно было не то, кто и кем когда-то был «на гражданке», а кем он стал на войне и как воюет.

Казакевич добросовестно делал свое нелегкое фронтовое дело, был отличным боевым товарищем и остался в памяти его армейских друзей хорошим разведчиком, спокойным и рассудительным, не любившим рассказывать о себе.

Внимательно перечитывая его книги «Весна на Одере», «Дом на площади», «Сердце друга» и все, что он написал о людях на войне, убеждаешься, насколько глубоко и детально он знал фронтовую жизнь. Для того чтобы написать такие книги, мало быть очевидцем событий, надо быть их непосредственным участником и рассказать о них честно и правдиво, без прикрас.

Уже после войны, когда была опубликована замечательная повесть Казакевича о разведчиках «Звезда», Аглатов, с которым мы повстречались, с гордостью говорил:

— Вот смотрите, что значит разведчик: что ни поручат, делает хорошо и своевременно! Фронтовая закалка — великая вещь, она приучила ничего не просить и ни от чего не отказываться.

На войне бывает всякое — героические сражения огромных масс людей, подобно тем, которые отображены в «Весне на Одере», и трагические положения отдельных солдат и офицеров, оказавшихся наедине со своей совестью, как те «двое в степи». Эммануил Генрихович был редкостно правдив, доброжелателен и честен во взаимоотношениях с товарищами. Он всегда иронически отзывался о тех офицерах-разведчиках, которые, докладывая о результатах выполнения поставленных задач, старательно подчеркивали эффективность своего личного участия и не проявляли склонности обращать внимание на свои промахи и упущения, тяжело отразившиеся на других.

После форсирования Вислы в середине января 1945 года наши войска вышли на северо-западные окраины Варшавы, а в сам город с боями вошла 1-я армия Войска Польского, затем части 47-й и 61-й армий советских войск. Казакевич попросил разрешения осмотреть город, уточнить с разведчиками польской армии последние данные о противнике и его потерях и, если удастся, побеседовать с местными жителями.

Вернулся он в крайне подавленном настроении:

— Варшавы как города нет, — рассказывал он, — сплошные руины. Видел несколько небольших групп жителей — преимущественно женщин, что-то разыскивающих в развалинах. Это страшно...

Польские разведчики сообщили, что принято решение назначить начальником варшавского гарнизона командира 2-й польской пехотной дивизии, которая принимала участие в освобождении столицы, генерала бригады Яна Роткевича. Новых данных о противнике у поляков нет. Они

подтвердили наши сведения о том, что Гитлер обвинил командующего группой армий «А» генерал-полковника Гарпе в поражении в районе Варшавы и заменил его генерал-полковником Шернером.

В работе разведотдела с трофейными документами и в допросах пленных часто принимал участие офицер политотдела штаба армии Конрад Вольф — сын известного антифашиста, видного немецкого писателя Фридриха Вольфа, эмигрировавшего в Советский Союз после захвата гитлеровцами власти в Германии. Конрад учился в московской средней школе, в сорок втором году добровольно вступил в Красную Армию и вместе с ней дошел до Берлина. (После войны он вернулся на родину и был президентом Академии искусств ГДР.)

Работать с такими людьми было легко и интересно. Наш дружный многонациональный состав разведотдела пользовался большим авторитетом в штабе, легко устанавливал и поддерживал хорошие деловые отношения с офицерами, что очень помогало нам в решении служебных задач.

Всегда было любопытно наблюдать, как эти трое совершенно не похожих друг на друга офицеров — Казакевич, Аглатов и Конрад Вольф — беседовали с пленными, превращая допрос в обстоятельную и внешне непринужденную беседу, умудряясь в ходе ее получить уйму полезных для нас сведений, многие из которых выходили за рамки обычных разведданных.

В своих разведсводках Казакевич был предельно точен, сомнительные данные стремился перепроверить, если возможно, лично. Когда у него возникали опасения в том, что в донесениях, поступающих от разведгрупп, эмоции и факты находятся не в должной пропорции, он коротенькой запиской в своей обычной шутливой манере сообщал: «Сегодня ночью в районе высоты 213,3 наши ребята якобы захватили пленного, которого якобы допросили и якобы выяснили, что он по меньшей мере из личной охраны фюрера». Это означало, что Казакевич отправился в разведподразделение полка для перепроверки и уточнения данных. Так было во время боев на ковельском направлении, так капитан действовал и под Варшавой, и при стремительном продвижении советских войск к Одру.

За время работы в разведотделе штаба армии ярко проявилась особая грань таланта Казакевича как войскового разведчика — умение быстро анализировать и обобщать большое количество зачастую противоречивых све-

дений и материалов о противнике. У него была способность быстро сопоставлять различные факты и быстро дополнять недостающие сведения — черта, особенно ценная для разведчика.

Оценивая обстановку, разведчику зачастую приходится иметь дело с противоречивыми данными и различными неопределенностями, на основе которых надо делать конкретные выводы, преодолевая ряд трудностей, в том числе и психологического порядка.

У некоторых командиров на основе различных предпосылок складывается свое субъективное представление о намерениях противника и перспективах развития обстановки в целом. И если данные разведки укладываются в рамки этого представления, то они легко принимаются к сведению и с удовлетворением учитываются. В противном случае всегда есть опасность того, что их могут расценить как необоснованные, неубедительные или даже дезинформационные. Разведчик, формулируя свою оценку противника, не имеет права на неопределенность и просчет, ибо слишком дорогой ценой приходилось за это расплачиваться — жизнями солдат и офицеров.

Казакевич обладал способностью убедительно докладывать, доказательно мотивировать свои нередко неожиданные выводы и соображения, в чем ему помогали отличная память и разносторонние знания.

Умение Эммануила Генриховича на основе разрозненной информации создавать достаточно полную картину положения противника во многом предопределило решение командования вскоре после возвращения из госпиталя в ноябре 1944 года перевести его из дивизии в разведотдел штаба армии.

Разносторонние способности хорошо помогали капитану Казакевичу выполнять свои новые служебные обязанности. Он должен был ежедневно, на основе поступающих в разведотдел данных о противнике от всех видов разведки частей и соединений армии, а также от соседних армий и из штаба фронта, готовить обобщенные информационные материалы для доклада командованию. Практически это означало составление весьма ответственных документов.

Работа над разведсводками сопровождалась сетованиями Эммануила Генриховича на тяжеловесный язык поступающих с мест донесений. Однажды он с самым серьезным видом предложил, например, начинать очередную сводку бодрым утверждением о том, что наши войска,

преодолевая упорное сопротивление противника, продвигались «по Тюрингии дубовой, по Саксонии сосновой, по Вестфалии бузиной, по Баварии хмельной».

Он полагал, что польза от этого будет несомненной: во-первых, в разведуправлении фронта попутно познакомиться со стихами хорошего поэта, о котором и нам следовало бы кое-что знать, а во-вторых, повторят административное деление третьего рейха, что тоже не вредно для разведчиков.

На Казакевича также возлагалось систематическое ведение карты группировки противника, накопление данных о его боевом и численном составе, вооружении, политикоморальном состоянии, характере оборонительных сооружений, потерях и полученных пополнениях, характеристиках командного состава, планах и намерениях противника и т. п. По всем этим вопросам нужно было быть готовым в любой момент дать исчерпывающий ответ командующему армией, начальнику штаба, начальнику оперативного отдела и другим заинтересованным лицам.

Обобщенные сведения о противнике с оценкой его реальных возможностей и вероятным характером действий ежедневно к 18.00 в виде разведсводки подписывались начальником штаба армии и передавались в штаб фронта. В ходе наступательных операций все вновь поступающие сведения о противнике обрабатывались и докладывались немедленно.

Кроме того, к восьми часам утра Казакевич должен был подготовить последние данные о противнике перед фронтом армии и ее соседей справа и слева, нанести их на отчетную карту командующего армией. А на основе материалов, полученных из штаба фронта, отразить изменения в основных группировках немецко-фашистских войск на всем советско-германском фронте. Если начальник разведотдела и начальник 2-го отделения были в штабе, то подготовленные материалы командованию армией докладывали они. Но так как зачастую они находились в войсках, то делать это должен был кто-либо из офицеров информационного отделения.

За время войны сменилось четырнадцать командующих нашей армией и более десяти начальников штабов. У каждого из них были свои особенности и свои требования к содержанию и форме докладов о противнике. Это надо было также учитывать и стараться сохранить выдержку и спокойствие в условиях напряженной обстановки, когда в отдельные периоды сведения не только о против-

нике, но и о положении собственных войск поступали с опозданием и не всегда объективно отражали истинное состояние дел. В таких случаях Казакевичу хорошо помогало умение думать за противника и приходить к мотивированному заключению о возможном характере его действий.

Аналитическая работа органов разведки исключительно важна. Добыть данные о противнике — это еще полдела, а иногда и того меньше. Не менее важно их объективно оценить, отделить дезинформацию от истины и своевременно довести до сведения тех, кто принимает оперативные решения.

Казакевич отлично понимал всю ответственность возложенных на него задач по оценке поступающих разведданных, важность глубокой внутренней убежденности в обоснованности своих заключений и смелости при их докладе командованию.

В начале Великой Отечественной войны не было еще особых проблем с организацией опроса контрольных пленных как средства для уточнения численного и боевого состава противника перед фронтом армии и подтверждения наличия тех или иных частей. Достаточно четкая система комплектования и пополнения личным составом немецких частей и соединений (примерно до середины 1944 года) позволяла обоснованно предполагать, что если, например, захвачен пленный с личными документами 213-го полка 73-й пехотной дивизии, то этот полк и находится на позициях.

Однако к концу войны, в условиях быстрого продвижения наших войск, положение резко изменилось. Зачастую на одном и том же участке фронта захватывали пленных, принадлежащих к различным частям и соединениям. Поэтому легко было впасть в ошибку, сделав вывод, что перед фронтом находятся все эти части в более или менее полном составе.

На самом деле теперь, когда немецкие войска несли большие потери, для пополнения частей срочным порядком формировались маршевые батальоны и создавались сводные боевые группы из солдат разных частей. Многие из них толком не знали, в какую часть они зачислены, и уверенно утверждали, что служат в той части, которая указана в их личных документах, тем более что соответствующие изменения в них вносились не всегда своевременно. Все это создавало дополнительные трудности для разведчиков. Поэтому во всех случаях, когда данные в

протоколах допроса пленных, переданные из войск в разведотдел, вызывали сомнение, Казакевич проводил повторный допрос, проштудировав, насколько это было возможным, весь боевой путь дивизии, в которой служил захваченный в плен солдат.

Казакевич считал, что для успешного допроса пленных необходимо заранее хорошо знать не только где и в каких боях принимала участие их дивизия, но и кто ею командовал, где она формировалась, где находилась до последнего времени.

Эммануил Генрихович обычно проводил допрос пленных с Аглатовым. Хотя он сам говорил по-немецки, по Мишу брал с собой для создания непринужденной обстановки, позволявшей получить больше ценных сведений. Когда попадался не очень сведущий немец, фольксштурмист или резервист самых старших возрастов (ничего не знающий, кроме имени командира своей роты), Эммануил Генрихович беседовал с ним на разные житейские темы. После допроса он возвращался вместе с Аглатовым в разведотдел и докладывал, что немец, к сожалению, знает очень мало.

Приемы допроса пленных видоизменялись в зависимости от конкретной цели. Скажем, требовалось уточнить, почему солдат 213-й охранной дивизии оказался на переднем крае в полку 75-й пехотной дивизии? Либо произошла смена частей, либо противник усиливает свою группировку на этом направлении?

Казакевич с Аглатовым вызывали пленного и, не обращая на него внимания, начинали по-немецки обсуждать между собой различные вопросы, относящиеся к истории 213-й дивизии, называя нумерацию ее полков, фамилии и звания командного состава и т. п. В результате обмена мнениями делали вид, что собственно об этой дивизии они достаточно хорошо осведомлены и показания пленного существенного интереса не представляют. Пленный внимательно следил за беседой двух советских офицеров, не понимая, зачем собственно его вызвали, что от него хотят и что с ним собираются делать.

Казакевич вставал из-за стола и, как бы собираясь уходить, предлагал Аглатову: «Если у тебя есть время и желание, спроси у немца, может быть, он сам хочет добавить что-нибудь к нашему разговору?»

Пленный с готовностью подтверждал все, что услышал о своей дивизии, но где точно она сейчас находится, сказать не может, был ранен, лечили, после госпиталя в

свою часть не попал, оказался в срочно сформированной маршевой роте, которая три дня назад заняла оборону на опушке леса рядом с небольшим хутором, названия которого не знает... Таким образом становилось очевидным, что в положении противника перед фронтом армии существенных изменений не произошло.

Квалифицированному опросу пленных Казакевичем и Аглатовым помогало не только хорошее знание немецкого языка, но и знание истории, литературы Германии, достопримечательных мест, особенностей быта и нравов населения.

Один немецкий унтер-офицер, захваченный в плен на модлинском направлении, был крайне удивлен и обескуражен тем, что на допросе Казакевич спрашивал его не о боевом и численном составе части, в которой он проходил службу, а о том, правильно ли считать, что Потсдам находится в самом центре Европы, и сохранился ли там соответствующий знак. Действует ли фармацевтическая фабрика на реке Хафель и что сейчас с дворцом Сан-Суси, известным архитектурным ансамблем? Из личных писем унтер-офицера было известно, что его семья живет в Потсдаме. И такое начало беседы создавало хорошие предпосылки для откровенного разговора. А нас тогда очень интересовало политико-моральное состояние немецких солдат.

Нужно было, далее, не потерять из виду ни одну из отходящих немецких частей и обоснованно рассчитать, на каком рубеже и в каком составе они могут оказать упорное сопротивление нашим войскам.

Немало хлопот доставляли анализ и оценка данных о потерях противника. В ежедневных боевых донесениях из войск подробно перечислялись захваченные трофеи и указывались потери противника в живой силе — убитыми, ранеными и пленными. Склонность некоторых командиров к преувеличению потерь противника была нам по опыту прошлых боев хорошо известна. К тому же неопределенность таких распространенных формулировок, как «выведены из строя», «огневые точки и артбатареи подавлены», мало помогала уяснить реальное положение дел.

В конце января 1945 года оперативный отдел штаба нашей армии, на основе боевых донесений из частей и соединений, подводил итоги двухнедельных боев. Казакевич принес оттуда данные о том, что с 15 по 31 января 1945 года только войсками нашей армии уничтожено свыше 17 тысяч солдат противника, 5680 захвачено в плен, взято

множество оружия и боевой техники, в том числе более 5 тысяч винтовок и автоматов.

— Вот только посмотрите, какова статистика,— говорил он.— Пленных почти 6 тысяч, а винтовок и автоматов на тысячу меньше. Куда же они девались? Немцы сдавались в плен без оружия? Или, может быть, у них его вообще не было? Надо бы все это еще раз перепроверить.

Подполковник Шевченко спокойно убеждал его, что, может быть, кое-какие неточности есть; после войны, если потребуется, во всех потерях точно разберемся. А сейчас главное — воевать, а не перепроверять полученные данные.

Но Казакевич стоял на своем. Вообще он имел свою, особую точку зрения по вопросу о пленных.

— Если бы меня спросили,— говорил Эммануил Генрихович,— какой командир лучше воюет — тот, кто нанес большой урон противнику убитыми и ранеными, или тот, который захватил больше пленных,— то я бы отдал предпочтение второму, как более умелому.

Такое утверждение в штабе решительно отвергали. Цель боя — разгром противника, а не подготовка его к эвакуации в лагерь военнопленных. Однако Казакевич продолжал отстаивать свою позицию, доказывая, что там, где больше захвачено пленных, обычно существенно меньше собственных потерь и вообще предпочтительнее воевать не числом, а умением.

— Если это правило,— говорил он,— применить к оценке нашей работы, то надо будет признать, что разведка боем — не самый лучший способ ее ведения.

— Ну, знаешь,— возмущался Шевченко,— определять вообще, какой способ разведки лучше или хуже,— занятие бессмысленное. Все зависит от обстановки и поставленных задач. Если надо вскрыть систему огня противника, уточнить передний край его обороны, да и прихватить пленных, проведение разведки боем необходимо и целесообразно, и ты сам это хорошо знаешь.

— Знаю, но знаю и другое — чем полнее мы вскроем систему огня, тем большие потери понесут наши разведчики.

— Как правило, да, потери понесут. Но без потерь еще никто не воевал, и лучше потерять батальон во время разведки боем, чем потом дивизию!

— Не в том дело, что лучше или хуже, а в том, что целесообразнее.

Впрочем, при необходимости он сам становился сторонником организации разведки боем.

Так, например, произошло в начале февраля 1945 года, когда 125-му стрелковому корпусу было приказано сменить части 61-й армии, окружившие город и крепость Шнайдемюль (ныне город Пила). В разведотделе армии точных данных о составе немецкого гарнизона не было, если не считать собственных расчетных материалов в отношении того, какие подразделения из состава окруженных немецких войск могли быть оставлены в Шнайдемюле. Известно было, что командует обороной крепости и города фанатичный нацист Ремлингер, расстреливавший своих собственных солдат по малейшему подозрению в попытках уклониться от боя. Предстояло разведданные получить в штабе 61-й армии и уточнить их на месте. Задачи по разведке были разработаны и переданы начальнику разведки корпуса. В район Шнайдемюля был командирован Казакевич, с тем чтобы он на месте организовал необходимую помощь в работе разведки.

Смелыми боевыми действиями разведгрупп были достаточно полно вскрыты боевой и численный состав немецкого гарнизона в Шнайдемюле.

...Положение Шнайдемюля было безнадежно, город был полностью блокирован нашими войсками. Гарнизон крепости практически не имел возможности ни удержать город, ни вырваться из окружения. Во избежание напрасного кровопролития советское командование решило предъявить ультиматум коменданту крепости и начальнику гарнизона полковнику Ремлингеру. Узнав об этом решении, Казакевич сказал, что попытаться вручить ультиматум с помощью захваченных в плен немецких солдат можно, однако он очень сомневается в успехе, поскольку такой фанатик, как Ремлингер, на переговоры о капитуляции не пойдет. Эммануил Генрихович рассказывал, что в крепости комендант расклеил приказ, в котором коротко объявил: «Кто покинет поле боя — будет расстрелян». Наши разведчики на трунах немецких солдат в крепости находили записки следующего содержания: «Этих солдат расстрелял я, и так буду поступать с каждым, кто побежит с поля боя. Комендант Ремлингер». Одну из таких записок Казакевич привез в штаб армии и уверял, что ее текст говорит о намерениях немецкого командования больше, чем данные о численности окруженного гарнизона.

И действительно, комендант крепости отклонил наш ультиматум. Бои продолжались десять дней и стоили боль-

ших потерь. Город взяли только 14 февраля штурмом, так как надо было любой ценой прикрыть правый фланг 1-го Белорусского фронта, быстро продвигавшегося к Одеру. Завершив операцию в районе Шнайдемюля, 47-я армия вошла в состав ударной группировки, нацеленной на Берлин. Для офицеров разведотдела наступили горячие дни. Армия прорывала фронт на узком участке. Немцы вводили в бой все, что можно было собрать. Не имело смысла тщательно выяснять, какие немецкие части противостоят нашим войскам, важнее было знать, сколько их.

Для выяснения этого приходилось добывать отдельные разрозненные сведения и соединять их постепенно вместе, как в мозаичных работах, для получения целого. Опрашивали пленных, перебежчиков и местных жителей. Интересные для разведки данные вырисовывались из писем пленных солдат и офицеров. Этим занимались, по нашему заданию, люди из мэрии города Шнайдемюля, чиновники различных ведомств. Использовались даже сообщения из пивного цеха, обслуживавшего ранее немецкие войска. Там учитывалось количество пошитого обмундирования.

Таким образом из отдельных фактов создавалась общая картина состояния и численности немецких войск, в тот момент противостоявших 47-й армии.

Во время боев на подступах к Берлину одна из наших частей заняла Кунерсдорф. Казакевич напомнил нам, что это тот самый город, где в 1759 году русские войска разбили армию Фридриха II. Потом, подумав, сказал: «Жаль, что на этот раз бои за этот город Кунерсдорф не войдут в историю — его с ходу взяли всего два батальона наших солдат и, не задерживаясь, пошли дальше».

Последние недели войны — когда наши войска стремительно продвигались к Одеру и затем приняли участие в штурме Берлина — были крайне напряженными для всех сотрудников разведотдела. Особенно много хлопот было у офицеров информационного отделения, в котором работал Эммануил Генрихович. Не спали сутками, сменяя друг друга у телефонов и на узле связи, организовывали прием и отправку многочисленных пленных, не говоря уже о самом главном — непрерывном анализе разведданных и составлении донесений для командования, штаба фронта и информации войск.

27 апреля 1945 года советские войска овладели городом Потсдамом. Кольцо окружения было замкнуто. Впереди за Эльбой находились союзные англо-американские войска. Разведчики получили долгожданную передышку.

В самые последние дни войны произошел трагикомический эпизод, едва не закончившийся печально для Казакевича и Аглатова.

В ночь с первого на второе мая из окруженного Берлина прорвалась через реку Хафель крупная группировка немцев и ринулась на запад к Эльбе, через расположение тыловых служб нашей армии. Отдельные группы вооруженных немцев проникли в пункт дислокации штаба армии и оказались около дома, в котором разместился разведотдел.

Казакевич с Аглатовым отправились на узел связи и в темноте неожиданно столкнулись с немецкими солдатами. Не растерявшись, на отличном немецком языке Аглатов приказал им сдать оружие, сославшись на соответствующее распоряжение какого-то тут же выдуманного немецкого генерала. Солдаты сдали оружие и были доставлены в разведотдел. Эммануил Генрихович считал, что это был самый удачный его ночной поиск за время войны.

Таков был характер работы фронтовой разведки и ее офицера Казакевича.

И вот — капитуляция! Берлин взят. Части 47-й армии вышли на Эльбу и соединились с войсками союзников.

Для разведчиков наступило необычное время. Не стало противника, а потому кончилась тревожная боевая жизнь, полная риска. И к этому тоже надо было привыкнуть. Ведь начиная с 22 июня 1941 года разведчики ни на один день не прекращали тайной и явной борьбы, ни на минуту не теряли врага из вида и были подлинными глазами и ушами нашей армии.

Завершился боевой путь разведчика капитана Казакевича, начался стремительный взлет замечательного таланта писателя Казакевича.

**Михаил
Корневский,
Александр
Сгибнев**

**«ПРОШУ
ПРИГЛАСИТЬ
СВИДЕТЕЛЯ
АГАНИНА!»**

Из письма военного юриста генерала С. М. Синельника военному историку С. О. Асанову: «С большим удовольствием прочел в «Красной звезде» изложение вашего рассказа о работе разведчика И. Х. Аганина в контрразведывательном органе гитлеровцев ГФП-312. Честь и хвала ему — мужественному советскому человеку. Никогда не забуду его показаний на судебном процессе в Краснодаре по делу изменников и предателей Родины — Михельсона, Шепфа и др. Перед нами раскрывались действительно малоизвестные страницы войны...»

ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО...

Высветить очерком все стороны воинского и гражданского подвигов И. Х. Аганина — это так непросто. Мы имеем в виду не извечные сложности документального жанра, требующего крепко держать в узде творческое воображение, — дело в другом. Случай совершенно особый, и редкие для очеркистов затруднения возникали начиная с первого шага — с первого же пункта всем привычной анкеты: «Фамилия, имя, отчество» — и кончая тем, что борьбу с фашизмом отважный разведчик не прекращал и много лет спустя после войны.

...Давно это было, да вот не позабылось, оставило рубец на памяти. Кадровик бросил на вызванного в канцелярский закуток доцента Аганина сочувственно-укоризненный взгляд и спросил:

— Что же это вы, мой дорогой, в Игорях Харитоновичах ходите? Смотрим, мой дорогой, первичные документы — Ибрагим Хатямович. Интеллигентный человек стес-

няется своей национальной принадлежности? Напрасно... Вы из каких татар — казанских, крымских?

— Из московских, мой дорогой! — в тон чиновнику ответил Аганин, едва сдерживая возмущение. — И сразу же заметим, Ибрагимом Хатямовичем я значусь во всех без исключения документах моего личного дела. А Ибрагим — Игорь... Что ж, попробую объяснить. Когда зачислили в полковую разведку, командир взвода сказал: «Длинное у тебя имя, Аганин. Пока прокричишь, предостерегая от опасности, немец трижды выстрелить успеет. И-бра-гим — три пули! Будешь у нас Игорем!» Так и звали, так и помнят меня однополчане. Хатямович — Харитонович? Тут тоже есть свой резон. Скажем, студентам запомнить легче, не надо отвлекаться мыслью на угадывание национальности преподавателя — ни к чему это на занятиях. Такая вот картина, мой дорогой! Еще вопросы будут?

— Не исключено, что возникнут... Поступил сигнал — мы обязаны проверить.

— Мой привет сигнальщику! — и ушел, чтобы не наговорить лишнего.

Как выяснилось много позже, насчет «сигнала» чинуша, мягко выражаясь, придумал на ходу — не было никаких сигналов об Аганине в отдел кадров. А был в институте лаборант, которого хлебом не корми, но дай ему прочесть что-нибудь о разведке и контрразведке. И вот, сопоставив несколько остросюжетных повестей и газетных публикаций, установил дотошный товарищ, что у разных авторов один и тот же, судя по-многому, человек именуется то Агаповым, то Аганиным, то Мироновым. Он же «на той стороне», среди гитлеровцев, выступает то Бауэром, то Вебером, то Клюгером. А свои на тайных встречах называли его по имени — Игорем. И этот Игорь, ставший после войны специалистом в области автоматики и телемеханики, кандидатом технических наук, преподавателем вуза, целыми периодами своей биографии «один к одному совпадает» с доцентом Аганиным...

Лаборант поделился открытием с коллегами.

— Конгруэнтны, говоришь? Да еще один к одному... Сомневаюсь! — заметил кто-то из них. — Учти, по паспорту Аганин не Игорь, сам видел.

— Ну и что? А блестящее знание немецкого, а диплом бауманца, работа в опытно-конструкторском бюро автоматики химпрома? Вот сколько совпадений! Главное же — участие в Краснодарском судебном процессе над

военными преступниками, помните, обмолвился как-то на митинге? — поддержал открытие другой.

— А чего гадать, давайте у него спросим при случае, — предложил третий.

Случай предоставился быстро: на большом перерыве в очереди к буфетной стойке с кофеваркой.

— Игорь Харитонович, мы тут заспорили — рассудите! Виктор Миронов — Георг Бауэр из повести Гинзбурга «Бездна» — это вы?

— Нет. «Бездна» — произведение художественное, в нем разведчик Миронов — образ собирательный.

— Но основной прототип вы?

— Как вам сказать... Лев Владимирович Гинзбург, отличный, по-моему, писатель и переводчик немецкой поэзии. Долгими часами, иногда ночь напролет, «допрашивал» меня в Краснодаре — нас там в одной гостинице поселили. Многое из того, что рассказал ему, нашел потом в «Бездне» — в поступках и раздумьях Миронова — Бауэра. Но, повторяю, это персонаж литературный.

— А не литературный, реальный? Путаница какая-то, — огорчился лаборант. — В одной газете — Клюгер, в другой — Вебер. Выступили бы на тематическом вечере, что ли. Дабы все ясно стало.

— Почему же путаница? Бауэр, Клюгер или Вебер — разве это существенно? А на вечере когда-нибудь выступлю. Но пока не время.

— Не очень понятная скромность, — не унимался приверженец точности в книгах про разведчиков.

— Да отцепись ты от человека! — сказал тот, который с самого начала сомневался в «конгруэнтности» Агапова, Аганина и Миронова. — Наверное, есть у Ибрагима Хатямовича веские основания притемнить свое действительное имя и многочисленные немецкие псевдонимы. Не так ли, доцент Аганин?

— Так. Вы очень догадливы! — с потой досады ответил Аганин.

Тот разговор, точнее сказать, конец того разговора и зацепился за ухо сотрудника отдела кадров, который тоже не отказывал себе в чашечке кофе после обеда. «Что-что? Притемнить свое имя? Странно...» Вот и весь, оказалось на проверку, «сигнал».

Объяснение доцента, «склонного запутать национальность, имя и отчество» (формулировочка из докладной записки), не удовлетворило кадровика, и он немало крови попортил преподавателю, за глаза выставляя его перед

руководством института как «темную личность, создающую себе ореол таинственности», как индивидуума, который почему-то «уклоняется от ряда прямых вопросов по биографии и определенно что-то скрывает».

Все это не вымышленные и не подправленные в духе сегодняшнего дня, хочется сказать, не свободно-очерковые детали давней истории. Нам тогда, двадцать с лишним лет назад, по заданию редакции «Красной звезды» довелось разбираться в конфликте офицера запаса с чересчур ретивыми администраторами; записи того времени сохранились, в них предостаточно деталей подлинных. Собственно, с тех пор во всех проявлениях и знаем Ибрагима Хатямовича — Игоря Харитоновича, его друзей и недругов. Последних убежденно разделяем на люто ненавидевших Аганина по особым причинам и тех, кто по недомыслию или из тупой бюрократической придирчивости мешал ему исполнять свой долг — да, именно так!

Наэлектризованная атмосфера вокруг «не такого, как все» и действительно в чем-то непонятного коллегам доцента разрядилась в один миг. В тот день, когда в институт — в гости к организованной там группе следопытов подвига — пришел военный историк Сулейман Османович Асанов, которому уполномоченные на то органы разрешили «рассекретить Аганина» — в публичных выступлениях, в телепередаче на военно-патриотическую тему.

Начинал Асанов издавека...

КАК СКВОЗЬ ПОРОХОВОЙ ДЫМ...

Увлеченный искатель, прояснивший не одну малоизвестную страницу войны, Асанов ярким рассказом разжигал ту же страсть в других.

— Подключайтесь, — призывал он, — и перед вами откроется широчайшее поле поиска! Когда мы говорим, что в борьбе против фашизма проявился массовый героизм советского народа, — это не просто констатация исторического факта. Это конкретные судьбы миллионов людей. Славные судьбы! И о многих из них мы пока всего не знаем. Не знаем отчасти потому, что не всегда в живых оставались свидетели подвига — друзья. Редко ли подвиг совершался на глазах у врагов, только врагов? И тогда очень скудные, искаженные сведения о нем сохранились разве что в уцелевших вражеских документах да в памяти фашистских недобитков. Попробуй докопайся! Но идет время, и нежданно-негаданно возникает такое стечение

обстоятельств, когда, будто сквозь пороховой дым, проступают, обрисовываются образы героев, о которых, казалось, никто и никогда не узнает.

...Несколько лет назад, рассказывал далее историк, в Краснодаре состоялся судебный процесс над военными преступниками — агентами гитлеровского контрразведывательного органа ГФП-312. Краснодарские чекисты положили на стол правосудия двенадцать объемистых томов с материалами, что собирались по крупицам: гестаповцы умели замечать за собой следы. Те материалы не только до конца изобличали злодейскую группку предателей, но и раскрывали картины массового сопротивления оккупантам. Драматические картины! В двенадцати томах назывались сотни имен, достойных восхищения.

«Да, припоминаю, ее звали Аня, — нехотя выдавил из себя один подсудимый. Речь шла о девушке, которую пытали в застенках ГФП. — Аня. Больше она ничего о себе не сказала...»

Кем была девушка, назвавшаяся Аней? Почему гестаповцы не расправились с ней там, где схватили, — в деревне Джермай Кашик, под сильной охраной привезли в Старый Крым к самому полицей-комиссару Отто Каушу, а затем отправили в Симферополь, где обосновалось тогда еще более высокое гестаповское начальство?

Асанов решил выяснить все до конца. На это ушли годы. Но теперь знает историк, что военная разведчица Отдельной Приморской армии Алиме Абденнанова — Софья, связь с которой прервалась в феврале 1944 года, и Аня, ничего не сказавшая палачам, — одно и то же лицо. Во всей полноте раскрыт Асановым подвиг Алиме — Софьи, восемьдесят одно донесение которой дало советскому командованию ценнейшие сведения о численности, расположении, перемещении частей противника на Керченском полуострове.

«Радиограмма № 16 от 19.10.43 г. В деревне Семь Колодезей — штаб третьей румынской пехотной дивизии. Здание штаба выделяется цинковой крышей — 200 метров от шоссе к северу. 400 метров юго-западнее железнодорожной станции Семь Колодезей, за школой — склад горючего...»

«Радиограмма № 39 от 26.11.43 г. Район Султановки окружен патрулями, объявлен запретной зоной. Там штаб немецкой армии...»

«Радиограмма № 7 от 14.01.44 г. На аэродром Багерово в транспортных самолетах прибывают войска... 13.01 по

шоссе в сторону фронта прошло 8 автомашин со снарядами...»

Представляя Алиме Абденнанову к ордену Красного Знамени, разведотдел штаба Отдельной Приморской армии отмечал: «В момент отхода частей противника с Таманского полуострова точно ориентировала командование о направлении их движения... По ее данным, авиация неоднократно бомбила боевые порядки и скопления фашистских войск...»

В ходе Краснодарского процесса были выявлены некоторые фамилии патриотов, арестованных тем же 312-м отделением ГФП: Наголов, Касьянов, Белоненко, Влачуга, Савченко... Андрей Наголов и Александр Касьянов умерли под пытками. Анна Белоненко и Лидия Влачуга расстреляны фашистами на станции Семь Колодезей в декабре 1943 года. Василия Савченко изверги обернули красным знаменем и подожгли...

В те самые дни, когда Софинформбюро сообщало о подвиге трагически погибших молодогвардейцев Краснодона, еще одна боевая подпольная организация, тоже назвавшая себя «Молодой гвардией», родилась в оккупированном селе Марфовка Приморского района Крымской области. Молодогвардейцы Крыма уничтожали оккупантов, перерезали телефонные провода, распространяли антифашистские листовки, снабжали боеприпасами и медикаментами партизан, что обосновались в Багеровских катакомбах.

Трудно, невероятно трудно приходилось подпольщикам. Отделения ГФП, выслеживавшие их, комплектовались из числа коварных и многоопытных выкормышей Гиммлера. Железные нервы, неистощимая провокаторская изобретательность, отличный нюх. Прежде чем попасть в ГФП, каждый ее сотрудник многократно испытывался и проверялся по различным каналам. Впрочем...

— Впрочем, послушайте, — перебил сам себя Асапов, — что произвело на меня очень сильное впечатление во время все того же Краснодарского процесса.

Ежится на скамье подсудимых гестаповец Альфред Михельсон — один из тех, чьи руки обогреты кровью крымских молодогвардейцев. На допросах он лгал, отрицал свои преступления. Но вот трибунал вызывает свидетеля обвинения, и Михельсон узнает в нем старого знакомого. Да, ошибки нет, это Рудольф. Тот самый зондерфюрер, который был адъютантом полицей-комиссара Кауша. Как он здесь очутился? Михельсону страшно: этот свиде-

тель знает о нем немало. Еще бы! В Старом Крыму они жили под одной крышей...

— Сидящего передо мной гражданина, — говорит тем временем свидетель, — я хорошо знаю. Это Альфред Михельсон. Он известен мне по совместной службе в гитлеровском контрразведывательном органе гэ-эф-пэ триста двенадцать. Наши взаимоотношения складывались нормально, личных счетов у нас нет...

Эти слова вроде бы успокаивают Михельсона: может быть, именно Рудольф и выгородит, не скажет всего. Но тут же мизерная надежда рушится.

— Я отчетливо помню, — продолжает свидетель, — как 29 декабря 1943 года Михельсон, Шепф, Хуцлер в крытой машине повезли к горе Агармыш мужчину и женщину, арестованных в Феодосии. У подножия горы машина остановилась. Я все хорошо видел из окна: гора Агармыш — в шестистах метрах от здания, где размещался штаб гэ-эф-пэ. Михельсон, Шепф, Хуцлер вытащили обреченных из машины, поволокли к яме. Затем донеслись хлопки выстрелов. Вечером, разбирая для чистки пистолет, Альфред хвастал, что ему ничего не стоит «расколоть» партизана, что тех двоих, из Феодосии, он «расколол» в считанные минуты...

Многое рассказал далее трибуналу бывший адъютант Отто Кауша. Когда он кончил давать показания, в зале стояла напряженная тишина. Люди оцепенели, ибо жутким было услышанное ими. Первым пришел в себя опытный адвокат, выступавший на процессе защитником Михельсона. Он попросил слова и обратился к свидетелю:

— Вместе с моим подзащитным вы служили в отделении тайной полевой полиции, которым совершено столько преступлений. Так? И вот мой подзащитный — на скамье подсудимых, а вы — на свободе, выступаете свидетелем. Как вам удалось избежать суда?

Что ж, вопрос вполне законный, надо отвечать. Но тут поднялся председатель трибунала генерал-майор юстиции Степан Митрофанович Синельник:

— Товарищ защитник, я ваш вопрос на некоторое время снимаю. Объявляю перерыв!

Взбурдораженно гудит зал, все горячо обсуждают ловкий ход адвоката. Разумеется, Михельсону никто не сочувствует, но почему его дружок разгуливает на свободе? Арестовать его немедленно!

После перерыва председатель трибунала спросил подсудимого:

— Как вы думаете, почему свидетель, который только что дал показания, будучи сотрудником гз-эф-пз, не участвовал в расстрелах, пытках, насилиях?

— Он был трусом. Всюду ему мерещились партизаны. Белоручка, он увлекался фотографией да подобострастно таскал портфель Кауша.

Генерал Синельник, глянув на свидетеля, усмехнулся и сказал примерно так:

— Эх, Михельсон! Столько усердия проявляли на службе в полевом гестапо и не знали, что шеф гз-фз-пз триста двенадцать доверил носить свой портфель... советскому разведчику!

Эти слова будто взорвали зал. Люди поднялись с мест и долго аплодировали необыкновенному свидетелю — бойцу невидимого фронта. А он стоял смущенный, не привыкший к аплодисментам — ведь не артист. А вообще-то как сказать. Долгие месяцы в такой труднейшей роли! Сфальшивишь — не отделаешься тем, что упрекнет тебя театральный критик или освистают с галерки. Одно неверное слово — и смерть. Но он жив, невредим и, значит, сыграл роль зондерфюрера по требованиям высокого класса.

Сулейман Османович на минуту умолк, предоставляя комсомольцам возможность осмыслить необычность услышанного. Кроме того, по опыту многих встреч с молодежью он знал, что сейчас непременно последует просьба: расскажите, пожалуйста, если не секрет, какова дальнейшая судьба того разведчика. Об этом попросили и сейчас, причем, как всегда, с деликатным «если не секрет».

— Никакого секрета! — весело ответил Асанов. — Бывший разведчик присутствует на нашем собрании. Это — кандидат технических наук, доцент Игорь Харитонович Аганин. Думаю, он не откажется ответить на ваши вопросы.

ПРИШЛО ВРЕМЯ РАССКАЗАТЬ

Уснуть, обязательно уснуть и хорошо выспаться.

Надо, надо, надо...

Нет, не удастся.

Три дня назад Ибрагим писал автобиографию. Про отца и мать получилось весомо, их жизнь представлялась значительной, настоящей. А что писать о себе? К чему ни прикасался мыслью, все казалось по-ребячьи простым и пустяшным. Долго ломал голову, пока в три строки не сирессовались десять из двадцати прожитых лет: «С 1 сеп-

тября 1931 года по 22 июня 1941 года — учащийся средней школы. С 23 июня — в рядах Красной Армии».

— Не густо, — вздохнул пожилой майор, разглядывая скупой документ.

Разговор, начавшийся раздумчивым «не густо», мало походил на официальную наставительную беседу начальника с подчиненным. Это был разговор двух бойцов, ответственных за одно и то же дело. Разговор старшего перед дальней и опасной дорогой, которую предстоит одолеть младшему. И старшему нужно было знать, выдержит ли юноша тяжкий груз, взваленный на еще не окрепшие плечи. Сможет ли выстоять, находясь в самом аду?

— Ведь тут мало одного желания, одной рожденной патриотизмом готовности, — размышлял вслух майор. — Мало и тех знаний, которые мы успели передать вам. Здесь требуется большее. Разведка в глубоком тылу врага — не разовый, а ежедневный и ежечасный риск. Каждая минута — испытание. Это изнурительнее, чем любой известный вам труд. Один неверный шаг и... Вы понимаете, на что идете?

— Понимаю и внутренне готов к худшему. Но я все взвесил, рассчитал силы. Я вернусь. Вот посмотрите!

Взгляд майора потеплел. Ему нравился этот парень. Славные ребята выросли из тех, что родились в двадцатые годы. Они мечтали стать такими, как герои гражданской войны и первых пятилеток — Чапаев, Стаханов, Чкалов. Они завидовали тем, кто сражался в интербригадах под Мадридом, и рвались в Арктику, на Дальний Восток, опасаясь, что не успеют совершить подвиг. Это не ребячество, это — революционная романтика, без которой мельчает человек.

— Я тоже верю, что вы вернетесь, но... поручиться за это не могу.

— За это никто не может ручаться, даже когда мы идем обыкновенного «языка» брать.

— Я хотел сказать, что специальных знаний у вас не густо. Минимум. Для такого дела надо годами готовить. Да, обстановка, сами понимаете...

— Так ведь и любого взводного до войны годами готовили. А теперь в три месяца укладываются. И ничего, командуют...

— И на все у вас ответ готов. Моментально! — притворно нахмурился старший.

— А как же иначе? Вы сами учили: тугодумам среди разведчиков не место. А вообще-то, товарищ майор, если

разобраться, я тоже годами готовился к делу, на которое теперь вызвался.

Ибрагим говорил сначала спокойно, потом все более разгораясь, словно бы прокручивая кинолентку, запечатлевшую его детство и юность, обстановку, в которой он рос, постигая смысл жизни.

Вот тесноватый, но такой родной московский двор, старинный дом. Жильцов в том доме было, наверное, не меньше, чем в полусожженной донецкой станичке, где сейчас разместился штаб. Почти все они работали вместе — на заводе «Динамо». И отдыхали вместе, принимали трогательное участие в судьбе друг друга. Никогда не забудет Игорь, как он и другие мальчишки провожали на работу отцов, братьев, сестер, шагая по утрам рядом с ними. А с какими книгами сравнить рассказы стариков, бравших власть у царя, колотивших врангелей, юденичей и колчаков!

Как-то в Москву приехал дядя — Алексей Николаевич Агишев и убедил родителей Ибрагима, что племянник должен переехать к нему. Он выходит на пенсию и сможет больше, чем родители, уделять внимания мальчишке, подающему надежды, способному к наукам, как утверждает учительница. «Пареньком надо заняться по-настоящему», — безапелляционно заявил дядя.

Алексей Николаевич с гражданской вернулся изрешеченный пулями; когда уставал, грудь самоваром гудела. Но, и выйдя на пенсию, о покое, о «тихой пристани» думать себе запрещал. Жил в небольшом городишке, а библиотеку собрал такую, что столичный профессор позавидует. Бывало, сойдутся у него прежние сослуживцы, почтеевничают, а потом — споры, споры. О судьбах угнетенного индийского народа. О фашизме, который рвется к власти. О мировой революции, которая будет, непременно будет!

Это дядя заставил Ибрагима и сына своего Владлена всерьез изучать иностранные языки. Хинди, «потому что потребуется индусам братская помощь, когда будут гнать из своей страны британских империалистов и строить новую жизнь». И немецкий, «поскольку придется спасать немцев от фашизма». Хинди усваивался туго: не было преподавателя, по самоучителю штудировали. А немецким Ибрагим Аганин и Владлен Агишев овладели в совершенстве. И вот пригодилось!

— Хороший у вас дядя, настоящий! — думая о чем-то своем, сказал майор.

— Не знаю, жив ли он... — ответил Ибрагим, проглотив подступивший к горлу комок. — Война меня в Москве застала — в Бауманское поступал. И вот, помню, двадцать второго июня — телеграмма от Алексея Николаевича: «Ухожу на фронт».

Пожилой человек, списанный медиками по чистой, и — на фронт! Ибрагим тут же сам отправился в райвоенкомат. И, как обозначено в его автобиографии, с 23 июня он — в рядах Красной Армии. Побывал в переделках: узнал, что такое рукопашный, ходил с полковыми разведчиками за «языком». Когда выяснилось, что Аганин знает немецкий, направили в штаб военным переводчиком. Слушая показания пленных, он и подумал однажды, что вполне мог бы выдать себя за одного из них во вражеском тылу.

Все, что было дальше, майор знает: рапорт генералу, одобрение плана, специальная учеба, месяц в лагерном бараке для военнопленных, чтобы пообжиться среди «своих».

Когда начинался разговор майора с Аганиным, еще только вечерело, а сейчас уже ночь приглушила фронтовые шумы.

— Э-э, да мы заговорились! — сказал майор, глянув на часы. — Давайте-ка спать. В соседнем блиндаже вам королевская постель приготовлена. Это по традиции. Когда еще выпится человек, уходящий на ту сторону. Так что вы и завтра днем поспите, поблаженствуйте!

Постель действительно «королевская» — с белоснежной простыней, с полушубком поверх суконного одеяла. Но не спалось. Завтра примерно в это время он перейдет через линию фронта. Перейдет по одной из тех троп, какими уже не раз ходил с полковыми разведчиками. Только теперь он будет один. И не вернется ни через день, ни через два, как бывало раньше. Он продвинется в глубь не освобожденной еще территории — в гитлеровские прифронтовые тылы. Там он будет выдавать себя за Рудольфа Клюгера — немца, до мозга костей преданного фюреру, о чем свидетельствуют безукоризненные документы и рекомендательные письма. Он ушел буквально из-под гусениц советских танков, которые так неожиданно ворвались в Чир. У него пробивается русский акцент? О, господин комендант, это вполне естественно! Он столько лет прожил с матерью в России. У его матери выдающиеся заслуги перед немецким генеральным штабом. И брат матери, его дядя, тоже заслуженный человек — кавалер двух Железных крестов. Он командует пехотным полком

и находится где-то здесь, поблизости. Собственно, ничего другого он, Рудольф Ключер, не просит у господина коменданта, кроме содействия в розысках дяди, который решит дальнейшую судьбу племянника — сына любимой сестры. Он, Рудольф Ключер, попытался найти дядю в районе Чира, но господин комендант сам знает, что там произошло...

Как ответит комендант? Этого не угадаешь. Дальше действовать по обстановке. Одно он знает твердо: обстоятельства, при которых могли бы состояться его встречи с «дядей» или «матерью», исключены. О том позаботились контрразведчики. Что ж, тем более настойчиво он будет добиваться этих встреч. Не угрожает ему и встреча с полицейским чиновником, который выдавал разрешение на поездку в Чир настоящему Рудольфу Ключеру.

Итак, завтра в путь. И начало пути будет помечено знаменательной датой: 23 февраля 1943 года. День Красной Армии! Двадцать пятая ее годовщина! Обидно в такой день перевоплощаться в какого-то Ключера, преданного фюреру. Но надо.

НОВЫЙ АДЬЮТАНТ

ПОЛИЦЕЙ-КОМИССАРА КАУША

Линия фронта осталась позади. Все шло, как было задумано. Да вот незадача: перебираясь на западный берег небольшой речушки, Ибрагим провалился под лед. Выкарабкался, конечно, но промок до нитки, а мороз злой, звенящий. В каком-то заброшенном хлеву выжал наспех одежду. Спасение виделось в одном — бежать, в крайнем случае идти и идти самым быстрым шагом, пока хватит сил.

Сил хватило до Амвросиевки. Там он, обмороженный, видимо с температурой, предстал перед немецким комендантом и был немедленно отправлен в госпиталь, поскольку документы Рудольфа Ключера сомнений не вызывали. Комендант обещал лично навести справки о его дяде — командире пехотного полка.

Комендант сдержал слово, и в день выписки из госпиталя Рудольф получил письмо с приглашением прибыть в Донецк — в отдел 1-Ц штаба 6-й немецкой армии. Там его встретили весьма приветливо, даже сверх меры, и вскоре он понял, в чем тут дело.

— Мужайтесь, Рудольф! — грустно сообщил оберст. — Ваш дядя, который был и моим другом, пал смертью храб-

рых. Это случилось за неделю до того, как мне сообщили из Амвросиевки, что вы его разыскиваете.

О, такое сообщение было для Рудольфа Ключера ударом: ведь именно дядя должен был решить...

— Не унывайте, Рудольф, что-нибудь придумаем, — успокаивал оберст. — А пока не смогли бы вы поработать некоторое время при штабе военным переводчиком? Не хватает их у нас. Тем же, кто из русских, доверять нельзя.

Должность переводчика открывала немалые возможности и как бы дополняла пройденную подготовку перед заброской во вражеский тыл. Тем более что никакие предварительные занятия не могут раскрыть перед тобой всех тонкостей чужой жизни, хитросплетений чужого порядка, нарушить который нельзя ни в малейшей степени, иначе провалишь себя. Да что себя? Обнажишь позицию, занятую тобой по плану командования, пробьешь строй, в котором тебе, именно тебе, определено специальное место. Временами рядом будто слышался предостерегающий голос начальника: «Не спеши, друг, вживайся накрепко, какое-то время можешь нам ничего не сообщать: ты же у нас не один. Понял?»

И он вживался: в характер делопроизводства, в те «тонкости», которые присущи только немцам. К тому же чувствовал, что его все-таки проверяют. Разве случайно, скажем, на столе у шефа остаются распоряжения на аресты подпольщиков, планы карательных налетов: как отнесется к этому переводчик? Позже одному, без провожатых, поручили доставить в тюрьму задержанного партизана. Разведчик понимал: спасти его — верный провал. А у тебя задача особой важности.

Но главное, что изучал Аганин, — души врагов. Коварных, хитрых. Уж кто-кто, а гестапо, абвер вбирали в себя сливки фашистского режима. Они никому не верили, даже себе — детали страшной гитлеровской машины. На пытки и казни сходились как на зрелищные представления.

И все-таки они не всегда были такими, какими хотели казаться. На виду у всех, особенно у старших, затянутые в мундиры — одни. Чуть погасли «юпитеры» — иные. Кто воровал, кто пил до беспамятства, кто мог забыть все из-за какой-нибудь потаскухи. Например, Фридрих, сосед по комнате. Дай ему белье с убитой, рушник застиранный — все возьмет, не моргнув, все запишет в блокнотик и отправит посылкой в фатерлянд.

Вот и приходилось Рудольфу Ключеру, строя из себя рубаху-парня, одному доставать водку, другого знакомить

с веселой компанией, третьему подбрасывать кое-что из трофеев шефа. Иначе не раскроются, подонки! А так легче работалось: в одном месте что-то секретное прочитал, тут что-то услышал, там увидел — постепенно складывалась картина. Карл, заместитель начальника отдела, нередко отбывал после обеда к любовнице. Переоденется, бывало, и, смотришь, в рабочем мундире ключи от стола или сейфа оставит. В считанные минуты воспользуйся его оплошностью, прочитай, что нужно, запомни, что нужно. И в Центр, где эти сведения могут очень и очень пригодиться!

А связь с Центром... Как она порой легка в рассказах и книгах о разведчиках и как трудна на самом деле! Еще до ухода в тыл Аганин получил явку: улица, дом, фамилия будущего помощника. И вот эта улица, не раз сшившаяся по ночам, вот... Вместо дома — воронка. Как бы ты ни был выдержан, теряешься на мгновение, но потом понимаешь: война есть война. Она меняет судьбы государств и народов, перечеркивает биографии людей, разрушает планы, составленные в штабах.

Взглянув внешне безразлично на руины, Аганин зашагал дальше, а сердце сжалось так, что хоть останавливайся передохнуть. Спокойно, спокойно. Главное — выдержка...

Аганин распрямил плечи: эта явка не единственная. Здесь, во вражеском тылу, немало верных людей. Сколько раз он с болью видел, как зверски фашисты пытаются патриотов, добиваясь, чтобы они раскрыли подполье, выдали товарищей; и гордость наполняла сердце: в ответ было только молчание.

Разведчик проверил запасную явку — она была готова к действию. Чувствовал, что его друзья следят за ним, не замедлят прийти на выручку, как можно быстрее и аккуратнее освободить очередной тайник от драгоценных материалов. Вот один только пример. Апрель — май 1943 года: двенадцать «посылок» подготовил разведчик, и ни на минуту не задержались связные. Раньше многих предположительных сроков получал он сигналы, что донесения уже переправлены в Центр.

И еще ценны эти месяцы тем, что он все более и более входил в профессиональную форму. Эти месяцы, наука этих месяцев, скажутся потом, несколько позже, когда Рудольф, уже штатный переводчик ГФП-812, будет работать в Крыму.

По своей сущности тайная полевая полиция — ГФП —

это полевое гестапо. Его группы в полосах действия подопечных гитлеровских армий призваны были вести контрразведку, которая по фашистским установкам включала и такую задачу, как регистрация, а затем полное уничтожение лиц советского и партийного актива, всех коммунистов и комсомольцев, всех отмеченных когда-либо правительственными наградами СССР, всех заподозренных в общении с партизанами и подпольщиками, всех, кто хотя бы выражением лица выкажет недовольство «новым порядком» или добрым словом вспомнит жизнь до оккупации.

Ехал он в Крым пассажирско-товарным поездом. В обшарпанном, скрипучем вагоне стоял удушающий запах шпанса и пота. Разговаривали об одном: как бы добыть закуски и выпивки, как бы пристроиться в тылу, чтобы не видеть больше этот проклятый фронт. В разговорах о войне уже не чувствовалось той спеси, превосходства, как, скажем, годом раньше. Удары под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге сбили эту спесь. Может быть, по этой причине не было здесь особой придирчивости при проверке документов? Аганин вспоминает, как обрадовался его будущий начальник, развернув удостоверение Рудольфа: «О, прекрасно! У вас есть опыт! Вы нам подходите!»

Буквально через неделю или полторы полицей-комиссар Отто Кауш снова вызвал Рудольфа:

— Мне понравилась ваша прилежность. Ценю людей, умеющих работать без понукания. Не захотели бы вы заменить моего адъютанта? Бедняга слег в госпиталь, рана открылась...

Разведчик был ошеломлен предложением. Счастье само лезет в руки! Но он подавил в себе волнение, разыграл подобие испуга, стал отказываться, мол, смогу ли, подойду ли для господина комиссара, хотя, видит бог, для меня нет большей чести...

Кауш рассердился:

— Нет, нет, Руди, я и слышать не хочу отказов!

В последующие месяцы Рудольф старался доказать своему шефу, что тот не ошибся в выборе. Четкость, доведенная до педантизма, услужливость, которую так любил Кауш, стремление адъютанта предугадать малейшие желания, капризы, тайные пристрастия — все это постепенно поломало официальность в отношениях между начальником и подчиненным, соединило их узами «дружеского» расположения. Кауш порой пересаливал в требова-

пиях, но Рудольф не обижался на него. Ему и награды другой не нужно было, кроме той, что портфель Кауша, по воле шефа, всецело перекочевал в руки адъютанта. Самые секретные документы теперь преспокойно и официально прочитывались Рудольфом. Он черпал из них сведения, которые, как и прежде, без промедления отправлялись на Большую землю.

Правда, когда советские войска перешли в решительное наступление в Крыму, со связью стало хуже. Немецкие штабы снимались неожиданно, обстановка была нервной. Команда полевого гестапо тоже потеряла покой. Случалось, Кауш, монументально-спокойный Кауш, орал во всю глотку, требуя, чтобы адъютант за пять минут собрал его имущество и гнал машину.

И все-таки Рудольф ухитрялся передавать в Центр самое важное. Спросите, как это удавалось? По-всякому было. Однажды попалась на глаза записка неизвестного агента, сообщавшего комиссару Каушу о неблагонадежности румынского капитана Иона Ложухару. Он, явствовало из доноса, ведет пораженческие разговоры, не верит, что великая Германия оправится когда-нибудь от смертельных ударов Красной Армии, и вообще жалеет, что Румыния пристегнула себя к гитлеровской колеснице. Кауш успел прочитать бумагу, нарисовал на ней шутя, как он любил, крест и пулю. Кстати, на бумагах, проходивших через руки Рудольфа, частенько встречались эти старательно выписанные кресты, означавшие: «Присмотреться и в случае подтверждения пустить в расход».

На другой день, словно бы невзначай, Рудольф оказался в расположении румын. Особого труда не составило встретиться и с капитаном. Полевому гестапо до всего дело. Ион Ложухару произвел впечатление человека, измученного больше душой, нежели физически, ожесточившегося, готового, видимо, пойти на крайности, но не отступить от принятого решения. Оценив обстановку, разведчик пошел на предельный риск. Он показал Иону бумагу, которая ошеломила румынского офицера, а от себя добавил: «Кауш, как вы знаете, слов на ветер не бросает!» Капитан еще более побледнел, на лбу выступили бисеринки пота, руки, державшие сигарету, дрожали. И его можно было понять: война скоро кончится, так неужели, если не погиб раньше, расставаться с жизнью сейчас? Послать бы их к чертям, этих гестаповцев!

Ложухару неожиданно поднял глаза на Рудольфа, в них застыл немой вопрос: «А вы ведь тоже гестапо-

вещь, почему же решили помочь мне? Что за причины?»

— Я понимаю ваше состояние,— сказал разведчик,— но иного выхода у вас нет. Вам нужно бежать. Но не скрываться где-нибудь, а во что бы то ни стало перейти через линию фронта и попросить первого же советского офицера провести вас к начальнику разведки. Остальное будет сделано. Согласны? Подумайте, но недолго, времени мало. И не вздумайте пойти в гестапо, чтобы выдать меня. Я здесь не один. Оставшиеся отомстят за предательство. Незамедлительно!

Капитан облегченно вздохнул: «Я подумаю». Утром, как условились, он появился в городке, неподалеку от комендатуры. Зашел к торговцу безделушками, выпил у разносчика стакан вина. Рудольф вышел ему навстречу, прошел мимо, незаметно дал сигнал следовать за ним. На окраине под густой, узловатой акацией он еще раз словесно описал маршрут, задачу и вручил зашифрованные донесения. Без слов, лишь глазами, они попрощались...

Через неделю к столу Рудольфа приблизилась уборщица. Не поднимая головы, продолжая протирать пол, она сказала, что Ион благополучно перешел через линию фронта и в Центре распорядились: отныне связной будет она. И все это тихо, быстро. Только, уходя, улыбнулась открыто, ободряюще, как улыбаются друзья, вынужденные силой обстоятельств встречаться в тяжелой и непривычной обстановке.

Вера Шикина действовала искусно, словно перед этим окончила специальные курсы. У нее донесения забирал брат, партизан, и уносил их в горы, командиру отряда. Никогда еще у разведчика не было так светло на душе, как в те дни. Словно по часам, через два на третий день, уходила в Центр «почта». И так же четко поступали задания. Получая их, Игорь как бы лично разговаривал со своими руководителями, радовался, что имеет возможность помогать советским войскам, теснящим врага на запад.

Шли недели, месяцы. В Центр поступали все новые и новые донесения Аганина — Ключера. Ценность некоторых из них была чрезвычайной.

Кауш относился к своему адъютанту с неизменной уважительностью, случалось, и советовался как со знающим Россию, кого внедрить в качестве агента на территории СССР. Как раз в те дни из Крыма ушло донесение, в котором сообщались фамилии шпионов, заброшенных на Кубань и Ставропольщину.

Вскоре Кауш объявил Рудольфу, что командование хотело бы оставить на советской территории и его самого. «Вы молоды, Руди, соглашайтесь! Сделаете блестящую карьеру! Германия вас не забудет!»

Рудольф лишь на мгновение задумался, а потом, с чувством вскинув руку в нацистском приветствии, ответил:

— Отечество для меня, господин комиссар, превыше всего!

Так бы, наверное, и вышло, «забросили» бы Рудольфа куда-нибудь в СССР, если бы не одна встреча, круто изменившая все планы. Как-то Кауш вызвал его и озабоченно объявил: «Нам вдвоем нужно отправиться в Брашов. Там будет совещание, съедется цвет полевого гестапо. Повестка одна: внедрение агентуры в СССР. Не забудьте документы, подготовленные мною. Портфель берегите, иначе с нас голову снимут! Да, кстати, в Брашове вас ждет сюрприз — встреча со старым приятелем. Он звонил, интересовался вами, но просил его пока не называть. Видно, хочет удивить вас погонами и высокой должностью в Берлине».

Рудольф мгновенно понял: его песенка спета, нужно бежать!

И в ту же ночь по дороге в Брашов он скрылся, прихватив портфель Кауша.

Через несколько суток, измучившись смертельно, появился Аганин в расположении советских подразделений. Забыв, что не снял еще гестаповской униформы, он целовал солдат, офицеров, жадно глотая воздух, которым не дышал так долго...

Начальник разведотдела тоже целовал его — своего ученика, помощника, друга. На плечи легли родные лейтенантские погоны. Солнце ласково касалось ордена, медали, врученных за все сразу. Живые золотистые лучи играли, трепетали на них.

А советские войска пробивались к Берлину...

ЭТО БЫЛО В ДОНЬАССЕ

После памятного собрания, на котором выступили Асанов и Аганин, множество новых забот появилось у комсомольского бюро института. Ректор С. И. Овчинников, кстати офицер запаса, участник войны, выделил средства на специальную комсомольскую экспедицию в районы боевых действий крымских подпольщиков. Поддержали идею экспедиции маршал артиллерии В. И. Казаков, который воз-

главлял тогда штаб походов комсомольцев и молодежи Москвы по местам боевой славы, и Октябрьский райком ВЛКСМ. И вот подписан документ, призывающий крымские общественные организации оказывать содействие студентам Тамаре Овсянниковой, Ирине Воронцовой и Виталию Лагунову в их благородном поиске.

Плодотворным был тот поиск. Теперь, пожалуй, можно считать, что не осталось «белых пятен» в истории подпольных молодежных организаций и групп, родившихся в годы войны на Керченском полуострове — в Марфовке, Мариентале, Тайгуче, Джемрай Кашике, Каджеларе, Коп-Кипчаке. Указ о награждении отважных подпольщиков, меры по увековечению их памяти, публикация новых документов, добытых в архивах, — все это говорит о результате комсомольской экспедиции. «Вы, вероятно, не представляете себе, насколько я признателен вам за огромную работу, проведенную для того, чтобы борьба и отданные Родине жизни моих боевых друзей были по достоинству оценены» — так писал комсомольцам института бывший руководитель объединенных подпольных организаций Крыма доктор физико-математических наук Александр Тихонович Чуб.

Но следопыты понимали, что первых, самых трудных успехов в поиске добились краснодарские чекисты, историк Асанов.

Нужно было браться за новые дела. Игорь Харитонович Аганин подсказал направление: Донецк — Макеевка. Он помнил, каким опасным противником считали контрразведчики 6-й немецкой армии донецких и макеевских подпольщиков. Когда он прибыл в оккупированный Донецк, там даже гитлеровские офицеры не без оттенка восхищения говорили о стойкости группы «русских фанатиков», которые засели в доме на Скотопрогонной улице и на все требования сдаться отвечали огнем. Два взвода гестаповцев не смогли ничего сделать и подожгли дом. Из пламени выскочила женщина, которая тут же была схвачена, но на допросах ничего не сказала.

Это ли не исходные данные для нового исследования?

Вскоре выяснилось, что в донецких архивах пока не найдено документов, которые облегчили бы задачу следопытов. Тогда они обратились за помощью к донецкому писателю Виктору Шутову, энтузиасту-летописцу партизанской войны. Писатель выступил по телевидению, рассказал о бое на Скотопрогонной, и понемногу к нему стали стекаться интересные сведения.

Да, была в Донецке еще одна подпольная организация кроме выявленных ранее. Крупная, широко разветвленная. По некоторым данным, в нее входили: Дора Голубничая, Борис Чинков, Григорий Щукин, Иван Семернин, Николай Рябенко, Петр Власенко. Фамилии других установить не удалось, но известны их конспиративные клички: Сибиряк, Точеный, Большой (летчик из Москвы), Маленький (из Брянской области), Иван-летчик (из Подмосковья), Ростовский. Вполне возможно, что с ними были связаны Александр Майоров и Василий Шинцов — участники уничтожения крупного вражеского склада боеприпасов весной 1943 года. Нити тянутся от этой организации и к профессору Николаю Андреевичу Никольскому из боевой группы, организованной Яковом Федоровичем Дудко. Группа Дудко была схвачена гестапо в августе 1943 года, а 2 сентября большинство ее участников расстреляны и сброшены в ствол шахты № 4/4 «бис»...

Уточняя все это, следопыты разослали по разным адресам более сотни запросов. Однако новые данные поступали очень скупо. Что же предпринять? Не обратиться ли вновь за советом к Игорю Харитоновичу?

...Вскоре после войны лейтенант Аганин по состоянию здоровья уволился в запас и, как советовали врачи, занялся делами, далекими от недавней особой работы: требовалось подлечить нервы. Говорят, что актеры, побыв немного на сцене в роли гестаповцев, после спектакля торопятся под душ. Сбросив мундир гестаповца, Аганин не выходил из душевой часами, но успокоения не наступало. Казалось, гестаповская униформа оставила на теле невидимые ожоги и невозможно избавиться от непроходящего зуда. Тогда-то медики и сказали: это — нервное, надо резко переключиться в своей деятельности на что-то, уводящее мысли от прошлого.

И он ушел, как мечтал до войны, в мир математических формул, чертежей и схем, дерзких технических идей. Окончил институт, аспирантуру, стал кандидатом наук и доцентом. Но прошлое напоминало о себе.

В 1958 году Аганин счел своим долгом выступить свидетелем на Краснодарском процессе над фашистскими прислужниками.

В 1965 году прочел в «Красной звезде» очерк «Сражаюсь за Родину» — о партизанской борьбе в оккупированной гитлеровцами Макеевке. Многие из того, о чем рассказывалось в очерке, было ему знакомо. Захотелось побывать в редакции, сообщить то, что знал о макеевских под-

польщиках. Пришел, а сотрудники «Красной звезды» показали ему сердитое письмо: один из историков Донбасса утверждал, что никакого, мол, сколь-нибудь организованного подполья в Макеевке не было.

Как же не было?! Вот только один из эпизодов, который он хорошо помнит. В последних числах апреля около шестнадцати часов на главной улице Макеевки остановились два крытых грузовика. Из кабины переднего выпрыгнул офицер гестапо — известный своей жестокостью каратель Кубияк. Он отдал команду, и из обеих машин выпали солдаты. Они быстро двинулись вдоль улицы. Затем Кубияк выкрикнул какие-то распоряжения, и солдаты мигом окружили четырехэтажный дом. Кубияк с группой гестаповцев бросился вверх по лестнице. Через несколько минут каратели выволокли из дома нескольких юношей и девушку. (Видимо, застали врасплох.) Их били прикладами и сапогами, тащили за волосы к грузовикам. Потом из дома вынесли винтовки, пишущую машинку и красное знамя.

Все это Аганин видел своими глазами. Несколько позже ему удалось через плечо гестаповского чина взглянуть на первый лист дела арестованных в Макеевке. Машинописный текст косо пересекала аккуратно выведенная крупными буквами резолюция: расстрелять. Он знал, что к провалу нескольких подпольных групп приложили руку его «коллеги» — переводчики ГФП из предателей: Потемин, Юхновский... Впоследствии эти сведения очень пригодились.

Аганин вспоминал, что не раз видел рыжего худощавого мужчину лет двадцати семи-двадцати восьми. Многие считали, что это именно он предал патриотов. Однажды Игорь пошел за рыжим по улице и установил, что тот живет на Скотопроегонной, в маленьком доме у оврага. Совсем недалеко от того места, где погибли в огне отважные мстители. Они вытолкнули из пламени только женщину, единственную среди них. Теперь установлено — это была Дора Голубничая. Он, Аганин, знает, что допрашивал подпольщицу и подвергал ее пыткам следователь тайной полевой полиции Циприс. Циприсы и кубияки многое знают о донецких и макеевских подпольщиках. Но они далеко, попробуй доберись до них! А тот, рыжий, что жил в доме у оврага, исчез потом, как сквозь землю провалился...

...Мысль комсомольцев обратиться к Аганину была как нельзя более удачной. Именно в те дни он подробно знакомился с документами о раскрытии гитлеровской контрраз-

ведкой подпольной организации в Макеевке. Из протоколов, сводок, донесений явствовало, что подпольщики провели крупные диверсии на железной дороге, подготовили нападение на тюрьму, разгромили вражескую автоколонну. Уходя от карателей, макеевские подпольщики не раз переходили через линию фронта в нижнем течении реки Миус.

Все это были ценные факты. Но, встретившись с комсомольцами, Агапин решил в интересах дальнейшего поиска попросить помощи у сотрудников КГБ, занимающихся историей подпольной борьбы на оккупированных территориях.

Следопытов принял Валентин Павлович Туров. В просторном кабинете сразу установилось взаимопонимание. Вначале говорили комсомольцы, они рассказали о своей поездке в Крым. Потом заговорил Туров — о значении поиска, о том, куда еще поехать, с кем встретиться, кому написать; сказал и о том, что он мог бы взять на себя.

Примерно через месяц Туров приехал в институт. Выступил перед комсомольцами, передал им кое-какие документы, ответил на вопросы. Валентин Павлович лично перепроверил данные по нескольким наиболее запутанным делам, ознакомил с ними комсомольцев. От него узнали следопыты и о продолжении трагедии на Скотопрогойной. Гитлеровцы, оказывается, предприняли все, чтобы вылечить Дору Голубничую и заставить ее выдать руководителей подполья. У ее постели в больнице был поставлен часовой. И все-таки Борису Чинкову и Илюше (фамилия неизвестна) — друзьям Доры — удалось выкрасть девушку. Много километров несли они ее на руках, в пути убили полица, попытавшегося поднять тревогу; укрыли, доставляли потом по очереди продукты, чтобы быстрее набиралась здоровья. К несчастью, провокатор выследил-таки смельчаков, привел к дому, где находилась Дора, карателей. Голубничая и Чинков выдержали многодневные пытки, но не сказали врагам ни слова...

На другой встрече комсомольцев с чекистами разговор шел о путях завершения макеевского поиска. Под конец выступил один из ответственных работников комитета. От него узнали следопыты, в каких странах и по каким адресам проживают многие гитлеровские палачи, чьи преступления помогают разоблачать следопыты.

— А конкретно для вас у меня такая новость, — сообщил в заключение гость. — Мы знаем одного человека. Придет время, и он многое расскажет о донецких и макеевских

подпольщиках. Неохотно, но расскажет. Найти его очень нам помог... Игорь Харитонович! Помог, как говорится, в свободное от работы время. Все делает ваш наставник, чтобы не оставить в забвении ни одного подвига, ни одного героя. И... ни одного преступника!

Что же удалось узнать комсомольцам, направляемым Аганиным, о макеевских подпольщиках?

...На улице с самого утра ревели моторы немецких танков. Было в их передвижении что-то перевозное, лихорадочное. Но, возможно, так лишь казалось Александру Алексенцеву, потому что он знал: советские войска подходят к городу, часы хозяйничанья оккупантов в Макеевке сочтены.

Осторожно опустив край занавески, Алексенцев отошел от окна. Через минуту-другую он был уже в неглубоком погребе под полом — в «радиорубке», куда можно проникнуть только через духовку, которая, если знать секрет, легко вынималась из печки, открывая потайной лаз. Если бы в доме, кроме Александра, находился еще кто-нибудь, можно было бы водворить на место духовку и для полной конспирации затопить печь: радисту это ничуть не мешало бы. Но дом пуст. Помощники Алексенцева ведут разведку в городе и лишь время от времени заглядывают сюда, в партизанский штаб, чтобы доложить обстановку. Только что с немаловажными сведениями приходила Надежда Черкасская.

Алексенцев склонился над рацией. Разноголосая немецкая речь несколько раз врывалась в наушники, пока переходил Александр с одной волны на другую. Но вот он отчетливо слышит русские слова. Кто-то настойчиво вызывает: «Антонов! Антонов! Я — Забой... Перехожу на прием». Вскоре Антонов передал: «Хозяйство ведет бой на подступах к восточной окраине города». Алексенцев взял микрофон:

— Антонов! Я — Макеевка. Требую связи! Имею для вас важные сообщения.

Затаил дыхание, ожидая ответа. Тихо в наушниках. Видимо, там, у Антонова, решают, как отнестись к столь неожиданному вызову из Макеевки, еще не отбитой у врага. И вдруг:

— Макеевка! Я — Антонов. Что имеете для меня?

— Антонов! На площади у горисполкома — тридцать танков. Дайте артогонь!

— Макеевка! Вас понял...

Радостно-возбужденный, Алексенцев вскарабкался наверх, стал у окна, прислушиваясь к гулу далекой канонады. Внезапно загрохотало совсем близко. Да это же снаряды рвутся на площади перед горисполкомом!

Прибежала Черкасская:

— Наши бьют по танкам! Мы наблюдали десять разрывов! Слушай, мы видели, как два батальона пехоты...

И снова передает партизанская рация:

— Цель накрыта! Танки рассеяны. Около половины из них вдоль заводской стены идут в южную часть города к дороге на Ясиноватую. Даю маршруты передвижения двух батальонов пехоты...

Опытный радист Александр Алексенцев, прошедший пелегкую школу на морском корректировочном посту в осажденном Севастополе, конечно же отдавал себе отчет в том, что его вот-вот запеленгуют, если уже не запеленговали. Но и в другом был он уверен: гитлеровцы не смогут сейчас выделить для разгрома радиостанции крупный отряд. А небольшой отряд постараются не подпустить к дому хорошо вооруженные подпольщики. Правда, противник может накрыть засеченную пеленгаторами точку орудийным или минометным огнем. Да ведь под самой печью радиорубка! Сколько раз видел на войне Александр: дотла сгорел дом, а русская печь стоит целехонька.

К концу сеанса связи от Антонова передали:

— Сейчас к микрофону подойдет Первый.

И сразу другой голос:

— Макеевка! Я — Антонов. Сообщайте о передвижении противника как можно точнее. За ценные сведения отблагодарю.

— Антонов... Вас понял. Благодарить меня не за что. Я — моряк Черноморского флота. Сражаюсь за Родину!

Наверху Алексенцева ждали связные. Как хотелось ему сейчас же передать боевым друзьям разговор с Первым и еще сказать хорошие слова о том, что не зря они, сжав зубы, боролись, каждый день рискуя быть схваченными гестапо, и час освобождения близок. Но вместо этого прозвучал приказ:

— Боевым группам усилить наблюдение за противником! Сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать поджогу жилых, административных зданий и особенно складов. При вступлении в Макеевку наших войск сообщать сведения о противнике советским командирам и поступать в их полное распоряжение!

Бои за Макеевку начались утром 5 сентября 1943 года, когда передовой отряд и разведгруппы 301-й стрелковой дивизии под командованием полковника Антонова вышли на восточную окраину города и к ночи выбили из него оккупантов. Части 306-й и 3-й горно-альпийской гитлеровских пехотных дивизий четыре раза пытались контратаковать, но ничего не добились. В ходе ожесточенных боев наши войска вскоре полностью овладели Макеевкой. Во время боев за город к многотысячному соединению Красной Армии примкнула группа макеевских подпольщиков. Их было уже немного, поредели ряды после гестаповских облав, но уцелевшие действовали, как подобает советским бойцам.

Утром 7 сентября штаб макеевских подпольных групп отчитывался о боевой работе перед представителем Украинского штаба партизанского движения майором Петровым. К отчету о деятельности макеевского подполья было вещественное приложение: четыре пулемета, пятьдесят одна винтовка, два автомата, три пистолета, пятьдесят семь гранат, до пяти тысяч патронов, двадцать килограммов взрывчатки.

В те дни впервые за много месяцев получили партизаны свежие газеты. В «Красной звезде» за 9 сентября публиковался большой очерк Бориса Галина и Николая Денисова «По городам Донбасса», и в нем было несколько строк о том, как радист штаба 301-й дивизии услышал голос Алексеенцева: «Дайте артогонь!»

Читали, перечитывали. «А там, на Черноморском флоте, прочтут?» — волновался Алексеенцев. Ему вспоминалось... После падения Севастополя Александр оказался во вражеском тылу. Решил пробираться домой.

В Макеевку Алексеенцев пришел ночью. Куда податься? Семья, наверное, эвакуировалась. Да и неосторожно было бы сразу домой. Пошел на 6-ю линию 11-го проспекта к дому № 24, где когда-то снимал квартиру. Ахнула старая хозяйка, выйдя на осторожный ночной стук. А минуту спустя уже рассказывала, что жена и дочь Алексеенцева уехали на Урал. Тем, кто не уехал и не идет в прислужники к оккупантам, житья нет. Почти каждый день кого-нибудь да схватят гестаповцы...

В следующую ночь повидался Алексеенцев с близким ему человеком — Павлом Федоровым. Павел рассказал, что есть в Макеевке по-боевому настроенные люди. Небольшая группа, в которую входит и он, Федоров, вокруг Анатолия Переверзева и Геннадия Холоновца образовалась.

Входит в нее и брат Геннадия — Юрий. Судя по всему, готов поддержать сыновей и старик Филимон Холоновец. Анатолий и Геннадий с друзьями уже «распотрошили» не одну немецкую автомашину. Но, честно говоря, налеты совершали главным образом, чтобы добыть продукты, лекарства, мыло. Видимо, более серьезными делами вершит Колодин. Однако группы действуют обособленно, замкнуто.

— Тебе Холоновец и Переверзев доверяют? — спросил Алексенцев.

— Вполне!

— Тогда убеди их, что и мне, севастопольцу, довериться можно!

Помолчал, что-то обдумывая:

— Продукты, медикаменты... Без этого, что и говорить, не обойтись. Но прежде нам необходимо оружие.

3 декабря, когда друзья Переверзева и Холоновца собрались, чтобы послушать черноморского матроса, Алексенцев повторил эти слова.

И скоро почувствовали гитлеровцы, что сопротивление, которое оказывали им жители города, приобрело новый характер: оно стало более систематичным, продуманным, дерзким. Полицай приносили в комендатуру кем-то написанные листовки со сводками Совинформбюро и призывами к борьбе. В одну из ночей неизвестные сожгли две немецкие автомашины и четыре вывели из строя, захватив при этом восемь винтовок, тысячу патронов, пятнадцать гранат, топографические карты.

Теми неизвестными были, как удалось установить, Федоров, Куцевский, Кравцов.

Через надежных людей Алексенцев наладил связь с Павлом Колодиным. Вскоре было решено, что Колодин, продолжая руководить своей группой, будет делиться с макеевским подпольем разведданными.

Созданный Алексенцевым штаб подпольных групп первоначально состоял из трех человек. Кроме Алексенцева в него вошли Леонид Ханцис и Надежда Черкасская — военные врачи, после тяжелых ранений оказавшиеся на оккупированной территории. В городскую больницу, где они потом работали, выдавая себя за штатских, нередко поступали военнопленные с тяжелыми травмами. Многие из них бежали с помощью Ханциса и Черкасской.

Познакомившись с этими врачами поближе, Алексенцев вовлек их в боевую работу и назначил Ханциса, как офицера Советской Армии, начальником штаба. Позже в состав штаба были включены Холоновец-старший и Ла-

пин — командир боевой группы, образованной в начале февраля 1943 года.

Алексенцев создавал подпольную организацию так, чтобы в случае провала одной группы другие не пострадали. Взаимодействие групп осуществлялось только через штаб, люди в боевых «пятерках» и «десятках» знали только своего командира и лишь догадывались, что кроме них в городе есть другие подпольщики и что их борьбой кто-то руководит.

Из архивных документов: «Отряд имел на вооружении добытые у врага пулеметы, винтовки, гранаты... С февраля 1943 года у него была приемно-передающая радиостанция, изготовленная своими силами...»

Своя, партизанская рация! Это поначалу казалось несбыточной мечтой. И что означает «изготовленная своими силами»? Однажды идет Алексенцев по городу и видит вывеску: «С разрешения немецких властей ремонт патефонов, электропроигрывателей и всевозможной радиоаппаратуры производит квалифицированный мастер Г. Андрианов».

Андрианов?

...В 1927—1929 годах Алексенцев служил в отдельном радиотелеграфном батальоне. Вернулся из армии завзятым радиолюбителем, организовал в Макеевке общество друзей радио. Одним из первых записался в общество любознательный парень Георгий Андрианов...

Алексенцев решил зайти в мастерскую.

— Здравствуй, Георгий!

— Александр Сазонович? — удивился радиомастер, порывисто вставая навстречу.

Алексенцев присел, закурил, окинул взглядом полки, заставленные телефонками, заваленные радиодеталями.

— О, предприятие процветает...

Георгий отвел взгляд в сторону.

— А ведь тебе, квалифицированный мастер, вроде бы не здесь надо быть!

Владелец мастерской вспыхнул:

— А вам? Вы тоже в армию уходили, а вот, как и я...

— За себя отчитаюсь! — сухо прервал его Алексенцев. — А у тебя что для отчета есть?

Опустив голову, Андрианов долго рассказывал о себе и под конец спросил, что же ему делать. Не станешь ремонтировать немцам приемники, заставят другую работу выполнять. Да и сам будешь искать ее, работу: жить-то надо на что-то.

— Нет, мастерскую держи,— уже теплее сказал Алексенцев.

Георгий недоумевающе посмотрел на гостя.

— Вот тебе, мастер, задание,— решился Александр,— точнее, приказ: из чего хочешь, но собери рацию. Для начала одну. Ясно?

— Ясно,— растерянно проговорил Андрианов.

Долго рассказывать, как собирал Георгий первую рацию, сколько изобретательской выдумки проявил, чтобы изготовить непростую вещь, казалось бы, из ничего. А вторая досталась — будто с неба свалилась. Как-то зашел в мастерскую немецкий ефрейтор, поставил на стол черную коробку со шкалами и переключателями, спросил, не сможет ли мастер наладить этот приемник.

— Оставьте, посмотрим,— сказал Андрианов.— Заходите завтра.— И, выписывая квитанцию, спросил фамилию заказчика. Тот назвался Бергманом.

Когда ефрейтор ушел, Георгий взял в руки прибор и сразу увидел, что это наш, отечественный передатчик сорок второго года выпуска за номером 3978. Такие устанавливаются на самолетах. Ничего не стоило извлечь передатчик из коробки, смонтировать в ней приемник и вернуть немцу. «А если это проверка?» — забеспокоился Андрианов.

На другой день мастер сказал заказчику:

— Ничего не получится, господин ефрейтор, прибор для приема не годится...

Бергман очень расстроился:

— Но может быть, возьмете себе эту штуку на детали, а мне дадите взамен хоть какой-нибудь приемничек?

Андрианов долго не соглашался, но, когда Бергман пообещал доплатить за обмен, уступил настойчивым просьбам. На глазах у немца разобрал он прибор и небрежно разбросал детали по полкам. Потом больше месяца выжидал, не нагрянут ли с допросом, куда девался передатчик. Никто не приходил.

— Сила! — хохотал Алексенцев.— Значит, этот Бергман еще и заплатил?

Получив исправную радиоаппаратуру, Алексенцев составил кодированные переговорные таблицы и поручил человеку от Колодина переправить эти таблицы через линию фронта.

...В середине февраля 1943 года разведчики Колодина передали Алексенцеву важные сведения. От станции Харцызск в сторону областного центра прошли большие колонны немецких автомашин и танков. Они должны проследо-

вать через Макеевку: об этом свидетельствовали поставленные на перекрестках и развилках дорог указатели маршрутов. До позднего вечера немецкие саперы приколачивали к столбам аккуратные стрелы с условными литерами.

Алексенцев сразу отыскал Геннадия Холоновца:

— Гена, есть веселая работенка!

«Веселая работенка»... Как потом корил себя Александр за эти слова!

Когда стемнело, Геннадий, вооружившись топориком, вышел на затемненные улицы и осторожно, чтобы не надевать лишнего шума, стал отдирать стрелы от столбов и менять их местами.

Первые колонны вошли в Макеевку той же ночью, и сразу началось столпотворение. Головные машины тормозили, задние требовали дороги. Первая пробка образовалась на 8-й линии 9-го проспекта, у поворота к заводу имени Кирова. Вскоре в Макеевку возвратилась колонна танков, проскочившая было город.

Еще затемно Геннадий взобрался на столб у дороги, по которой пойдут фашистские танки и грузовики, как только на 8-й линии рассосется пробка. Гудевший в телеграфных проводах ветер сразу расправил красное полотнище самодельного партизанского флага. Пока его, наверное, не видно снизу, но с первыми лучами солнца заалет на высоте флаг непокоренных.

Только слез Геннадий со столба, как услышал обжигающее: «Хальт!»

Ни угрозами, ни пытками не добившись от Геннадия показаний, гитлеровцы расстреляли его.

Как трудно было Алексенцеву объясняться с отцом Геннадия, как мучительно было думать, что вот скажет Филимон Холоновец: «Ты-то жив и невредим, а мой сын...» Но Холоновец-старший мужественно перенес горе. Два месяца спустя, когда Алексенцев был арестован гестапо, Филимон Холоновец, по поручению партии, возглавил подпольную организацию.

Пытки... Гестаповцы придумывали их одну изощреннее другой. Но, как ни изуверствовали они на допросах, Алексенцев скоро понял, что конкретно им ничего не известно о его подпольной работе. И сразу стало легче переносить пытки, если только подходит здесь слово «легче». В один из дней следователь, кем-то разозленный еще до начала допроса, схватил Алексенцева за волосы и стал бить головой о стенку. Александр потерял сознание.

Очнулся в камере. И сразу увидел рядом на полу до полусмерти избитого Анатолия Переверзева, товарища по борьбе. В камере были и другие, незнакомые люди, и потому Алексенцев с Переверзевым не обменялись ни словом. Лишь через час, не раньше, Анатолий как бы в бреду проговорил:

— Того эсэсовца я все-таки убил... Выстрелил в упор! Понимал Александр, что это — партизанский рапорт. Ночью Анатолия Переверзева повели на казнь.

Взбурдаженные совершенным среди белого дня убийством офицера СС, гестаповцы не стали до конца выяснять личность Алексенцева. Видно, не до этого им было, и они отправили арестованного в концлагерь.

Из лагеря гоняли военнопленных на работу в полуразрушенную шахту. Однажды в шахте к Александру подошел мужчина и, точно назвав пароль, передал: подпольный штаб рекомендует Алексенцеву записаться «добровольцем» в строительную команду. В этой команде куда мягче режим, и штаб получит возможность чаще связываться с Алексенцевым. При случае и бежать оттуда легче.

Указание штаба Алексенцев выполнил. В строительной команде режим действительно был не тот, что в концлагере. Часто на три-четыре группы военнопленных, выделенных для работ в городе, был только один конвоир. Благонажных, с точки зрения возглавлявшего охрану фельдфебеля, иногда посылали в город и вовсе без охраны. Алексенцев решил стать «благонажным» и для начала взялся смастерить «специально для господина фельдфебеля» оригинальной конструкции настольную лампу с аккумулятором, спрятанным так, что его и не заметишь! Никакого шнура со штепселем, а нажми кнопку — и лампа загорится.

На славу получилась лампа. Вот только аккумулятора пока нет: тут ведь не всякий подойдет. Но если господин фельдфебель разрешит, он, Алексенцев, закажет необходимый аккумулятор знакомому радиомастеру, который работает в городе с разрешения немецких властей. В том же доме, что и мастер, живет ефрейтор Фишгабер, он мог бы сопровождать Алексенцева.

Вечером Андрианов получил заказ на полдюжину аккумуляторных батареек, желательно самых малых размеров, но с достаточной емкостью. Кроме того, Алексенцев попросил Георгия подумать, как превратить обычные детонаторы для взрыва толовых шашек в электродетонаторы.

Фельдфебель, которому предназначалась чудо-лампа, любил на досуге половить рыбу, а точнее, поглотить ее. Знакомые саперы снабжали его толлом, запальными трубками. Все это браконьерское хозяйство фельдфебель хранил в той самой каморке, где мастерил Алексенцев. Александру нетрудно было убедиться, что толовые шашки в зеленом ящике никем не считаны, что и начальник охраны, и его друзья берут их оттуда сколько вздумается.

Когда лампа наконец загорелась, фельдфебель долго любовался ею, щелкая кнопкой выключателя. Потом он сказал, что точно такую же надо обязательно сделать для господина обер-лейтенанта.

— Подарите ему эту, — посоветовал Алексенцев, — а я вам сделаю еще лучше. Ваша лампа будет сама зажигаться, когда стемнеет или в назначенное вами время. Только надо раздобыть механизм небольшого будильника.

Так под боком у начальника охраны удалось Алексенцеву организовать изготовление мин замедленного действия.

Были дни, когда строительную команду посылали на железнодорожную станцию крепить к платформам танки. В один из таких дней перед самой отправкой воинского эшелона на платформе взорвался и запылал танк.

Начальник охраны нервничал. Зеленый ящик с толовыми шашками куда-то исчез. Возможно, кое о чем стал догадываться фельдфебель, но поди доложи, что у тебя под носом, из твоих же материалов была изготовлена партизанская мина!

А что же Алексенцев?

Вскоре он из команды бежал. Скрывался в доме № 30/59 по 14-й линии, где жила Надежда Черкасская. Заблаговременно туда была переправлена партизанская радиостанция. В этом доме и находился подпольный штаб до дня освобождения Макеевки.

Невольно возникают вопросы: почему много лет оставались неизвестными славные имена организаторов макеевского подполья? Почему исследователи партизанской борьбы против гитлеровских оккупантов с годами не возвратились к тому немногому, что появилось об Алексенцеве и его товарищах в печати еще в годы войны?

Непросто ответить на эти «почему».

В декабре 1944 года, когда Александр Сазонович Алексенцев был уже заместителем председателя Макеевского горисполкома, на него пала тень подлой клеветы. Недруги честного, принципиального человека сделали все, чтобы

опорочить его доброе имя, поставить под сомнение самоотверженную борьбу Алексеенцева в оккупированной Макеевке. Чего стоит лишь одна их выдумка о том, что переданные партизанской радиостанцией «общие сведения о противнике» для 301-й дивизии «никакой ценности не имели». Как же так? Ведь содержание радиопереговоров с Алексеенцевым было записано дивизионным радистом старшим сержантом Куриным, записано в присутствии начальника политотдела дивизии подполковника Кошкина. Те записи, переданные сразу после боев за Макеевку военным журналистам, свидетельствуют, что отнюдь не «общие сведения» сообщал о противнике подпольный штаб. Не за «общие сведения», не имевшие «никакой ценности», а за точные целеуказания благодарил Алексеенцева начподив подполковник Кошкин, который 7 сентября 1943 года приехал к подпольщикам вместе с корреспондентами «Красной звезды» Денисовым и Лоскутовым.

Доброе имя Александра Сазоновича Алексеенцева было восстановлено (увы, уже после его смерти). Многие для этого сделали комсомольцы-следопыты, помог им и И. Х. Аганин.

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Третью неделю словно наэлектризован зал заседаний военного трибунала Московского военного округа. Третью неделю идет здесь судебный процесс над изменником родины Потеминым — пособником фашистских оккупантов в массовом истреблении советских людей. Председательствующий вызывает последнего из многочисленных свидетелей обвинения. И вот подвижный седеющий человек с цепким взглядом дает суду показания. Да, он хорошо знает сидящего за деревянным барьером гражданина Потемина: познакомились весной 1943 года. Вот как состоялось их знакомство.

В первой декаде марта гитлеровцы отмечали день памяти солдат, отдавших жизнь «за фюрера и великую Германию». По этому поводу с речью о «близкой и окончательной победе над большевистской Россией» перед строем подчиненных выступил фельдполицей-комиссар Майснер.

— В тот строй, — рассказывал свидетель, — меня, только что прибывшего в гэ-эф-пэ семьсот двадцать один, поставили рядом с Потеминым, поскольку мы примерно одного роста. В связи с торжественным построением на нас была повешенькая, с иголки, военная форма...

Свидетель говорит далее: от друзей Потемина зондерфюреров Вилли и Квеста, а также из документов, хранившихся в сейфах полевого гестапо, он узнал, что Потемин на отличном счету у обер-палача Майснера. Активен и усерден. «Заслуживает благодарности и отпуска с правом поездки в империю». Так было сказано в приказе фельд-полицей-комиссара.

— В командах гэ-эф-пэ семьсот двадцать один, — продолжает свидетель, — началась кровавая деятельность Потемина.

Верно, то, чем занимался переметнувшийся на сторону врага военный переводчик Потемин, иначе как кровавой деятельностью не назовешь. Но с каким искренним гневом говорит о ней человек, который, как он сам только что сообщил суду, тоже служил в тайной полевой полиции, знался с зондерфюрерами, имел доступ к секретным гестаповским документам. И почему, откуда у него ряд орденских планок на левом лацкане пиджака? Советские боевые награды.

Читатель, надеемся, догадался, свидетелем был Аганин. А подсудимым? Помните, офицер государственной безопасности говорил следопытам: «Мы знаем одного человека. Придет время, и он многое расскажет о донецких и макеевских подпольщиках. Неохотно, но расскажет». Так вот, перед судом — тот человек. Сотни и сотни километров прошли чекисты по мерзкому, с лисьей хитростью запутанному следу предателя и изменника. Прошли и очень многое узнали о подручном карателей и палачей. Теперь добытые ими сведения дополнил свидетель Аганин.

Потемин пытается разжалобить суд. «Моя трагедия в том, — сокрушается он, — что я попал в переводчики к жестоким следователям — Шайдту, Рунцхаймеру. Вот если бы меня определили к Штрелитцу, не сидел бы я сегодня на скамье подсудимых». По словам Потемина, сущим ангелом во плоти был гестаповский следователь Вернер Штрелитц. Этаким добряк, гордившийся тем, что его прадед служил стрельцом у русского царя, отсюда и фамилия такая — Штрелитц. «Хороший был человек, — вздыхает Потемин, — мы с ним дружили». А несколько минут спустя подтверждает, что каждого второго из побывавших на допросе у любого следователя ГФП, в том числе и у Штрелитца, отправляли на расстрел...

Тяжко все это слушать. Зал облегченно вздыхает всякий раз, когда председательствующий объявляет короткий перерыв.

В перерыве подходим к Аганину. Судебная этика такова, что до выступления свидетеля журналисты общаться с ним не должны. Теперь же, когда суд выслушал Аганина, можно подойти, поздороваться, порасспросить. Кстати, и претензию-обиду высказать. Как же так, ходит в друзьях «Красной звезды», бывал у нас неоднократно, не один час провели вместе за интересными беседами и ни разу словом не обмолвился о том, как изловил и доставил в распоряжение 37-й армии фашистского генерала.

— А вы откуда узнали об этом? — смутился бывший разведчик.

— Теперь об этом знают все, кто присутствовал на процессе: председательствующий рассказал, характеризуя свидетеля Аганина.

— Тот случай с генералом не самый трудный...

— А какой был самым трудным?

Задумался, брови нахмурил:

— О самом трудном еще никому и никогда не рассказывал. Первыми узнаете. Самый трудный — это когда позвали меня под каким-то предлогом в комнату пыток. Чтобы проверить, как реагировать буду. А там человека избивали. Глянул на него — и едва на ногах устоял. Показалось, что это мой брат. Очень похож. И на меня, одетого в гитлеровскую форму, вроде бы удивленно посмотрел. Но уверять не могу, что брат: видел-то мельком. И лицо у него — маска кровавая... Потом много страшного повидать довелось, но это было самое страшное; постепенно разубедил себя в том, что это был брат. А когда вернулся с войны, узнал: последняя весточка от брата как раз из тех мест, из Донбасса, пришла. Вот как получилось. И если это действительно был брат, то что он думал обо мне в ночь перед расстрелом?..

Показания свидетелей и подсудимых еще и еще раз возвращают нас в то страшное время.

Вот арестован боец Варвинского истребительного батальона Михаил Прихода, у которого, как подозревали гестаповцы, хранился пулемет. Прихода начисто отрицал, что имеет оружие, но к нему в камеру и день и два — по нескольку раз — ходит переводчик и палач в одном лице — Потемин. «Отдай пулемет, — уговаривает вкрадчиво, — и выйдешь на свободу!» Отдай! Но ведь кто-кто, а уж Потемин-то отлично знал, что по неоднократно подтвержденному приказу Гитлера советских граждан, сдавших оружие, в обязательном порядке расстреливали.

— Знали? — уточняет председательствующий.

— Да, знал, — бормочет подсудимый.

Трибуналу стали известны десятки и сотни имен советских патриотов, не склонивших перед гитлеровцами головы, оставшихся верными Родине. О подвигах многих из них никто ничего не знал все послевоенные годы — ни друзья, ни родственники. Потому что только враги, только их подлые прислужники вроде Потемина видели их перед казнью, слышали их прощальные слова. Но враги молчали, как молчали и стены гитлеровских камер, — лишь теперь суд заставил их заговорить...

Летом сорок второго в ГФП-721 доставили партийного работника Григория Ивановича Котеленца. Он руководил партизанским движением на временно оккупированной территории Черниговской области. Зверски били старого коммуниста — Потемин старался не меньше других; зверски истязали, но не узнали от него ни имен товарищей, с которыми был связан, ни подпольных явок. Сестра Котеленца Е. И. Пирог, чьи показания огласили в трибунале, вспоминает: «Когда бы я ни приходила на свидания с братом, всегда он был избитый, расплюснутые пальцы рук кровоточили, оставались без изменений одни лишь глаза, глаза не сломленного пытками человека».

Потемин ерзает на скамье, слушая показания свидетельницы, пытается возразить, но потом замолкает: подробности, приводимые в документе, убеждают его, что за фашистскими карателями зорко наблюдали подпольщики, что они ничего не забыли и ничего не простили. Припертый к стенке неопровержимыми фактами, выродок признает, что, да, участвовал в истязаниях Котеленца и его связной Матрены Давиденко, что, да, погибли они, ни в чем не признавшись, погибли втроем, потому что вместе с Матреной Давиденко расстреляли ее грудного ребенка.

Почти в те же дни полиция арестовала парашютиста Долгих, направленного советским командованием в тыл врага со специальным заданием. Как ни старался Потемин, ничего не добился от мужественного десантника. Долгих расстреляли. В руки гитлеровцев попали крестьяне, которые укрывали Долгих, в том числе боец Прилукского истребительного батальона Григорий Андреевич Путиленко. Все изведаль Григорий Путиленко: и резиновые дубинки, и мрачный карцер, и угрозы, что погибнет, если не сознается в том, что приютил Долгих. К счастью, Путиленко удалось бежать. И вот он, искалеченный на допросах, входит в зал военного трибунала, входит грозный, как само возмездие...

Долгие годы пропавшим без вести числился офицер Дмитрий Петрович Шатило. И вот что выяснилось в ходе судебного процесса.

Декабрь 1942 года. Советское командование забросило в немецкий тыл со специальным заданием разведгруппу во главе с майором Шатило. Только развернулась группа, кто-то навел на нее агентов ГФП-721. Разведчиков допрашивали сутками. Истязали иступленно. Потерявших сознание патриотов обливали ледяной водой, чтобы привести в чувство, и снова допрашивали, и снова били. Нина Демьянова, радистка группы, выжившая чудом, по сей день не в силах избавиться от кошмаров, пережитых в тюрьме. Майор Шатило стойко держался, не признавался ни в чем, другие бойцы равнялись на него, а Потемин неистовствовал: «Мы вас заставим говорить!»

Нина Михайловна свидетельствует: «Потемин приволок меня на допрос. В комнате находился Шатило, лицо его — сплошная кровавая рана — почти не узнать. «Будешь молчать, сделаем и с тобой то же самое!» — грозил он. Потемин бил меня, издевался, я часто теряла сознание, но, приходя в себя, с омерзением видела все того же Потемина. «Выдай радиошифр, — шипел он. — Куда ты его дела? Пойми, всю твою группу расстреляли, я сам там был, сам видел, чего ты ждешь, на что надеешься?»

Опустив плечи, судорожно протирает подсудимый большие, в роговой оправе, очки, кривит мелкое, злое лицо. Председательствующий ведет заключительный допрос: он выясняет, как же сидящий за барьером человек сумел преспокойно жить все эти годы, как же смог преуспеть, пробившись в кандидаты наук и на уважаемую кафедру в уважаемом вузе? «Поэмой» звучит автобиография, смастеренная Потеминим сразу после войны; в ней правильными оказались только фамилия и год рождения. Все остальное — вранье, беззастенчивое вранье. Вот он, лейтенант, «ведет» во вражеский тыл группу разведчиков — липа. (Сочинял ее, надеясь, что никто из части, где служил, не остался в живых, но ошибся.) Вот он, подавшийся «для конспирации» к немцам, создал, якобы по указанию Г. И. Котеленца, «диверсионную группу» (назвал среди ее участников людей, расстрелянных к тому времени гестаповцами). «Организовал» печатание четырехсот листовок. Но сообщник Потемина показал в трибунале, что нет, отпечатать удалось не четыреста, а сорок штук. Потом, на суде, эта цифра снизилась до... одной, да и то отпечатанной в день вступления в город наших войск. Чтобы было с чем

прийти к представителям советского командования... И так со всеми остальными данными «автобиографии».

Шаг за шагом суд разоблачил все попытки Потемина уйти от ответственности. И во многом помог ему в этом свидетель Аганин.

ЕЩЕ ОДИН «СОСЛУЖИВЕЦ»

После Яско-Кишиневской операции, как бывало всякий раз, когда очищались от гитлеровских оккупантов крупные территории, миру становились известны новые злодеяния нацистов: в Молдавии они расстреляли, повесили, сожгли заживо шестьдесят четыре тысячи человек. Питкам и издевательствам подверглись более двухсот тысяч мирных граждан...

В августе сорок четвертого нам довелось видеть многие только что вызволенные из-под фашистского ига молдавские села и города. Не передать, с какой радостью встречали Красную Армию исстрадавшиеся в неволе люди. Не дожидаясь повесток, мужчины шли на призывные пункты, чтобы стать воинами. Запасные полки в те дни получили заметное пополнение. Новобранцы под началом обстрелянных сержантов наскоро постигали самое необходимое бойцу.

— Р-равняйсь. Смирно! — командовал старшина с орденами на груди и, оглядывая не совсем еще ладную шеренгу, шел от солдата к солдату, поправлял дружелюбно, показывал, как надо стоять в строю. — И чего это у тебя, парень, локотки наперед тянутся? Это у них, у фрицев, такая стойка. Ну, ясное дело, повзрослевши в оккупации, других солдат не видел. Вот и стоишь по-ихнему... Как зовут-то?

— Александр Мироненко!

— Ничего, Мироненко, научишься, справным солдатом будешь!

И тут торопливо выходит из казармы на плац офицер штаба, делает старшине знак, что докладывать не надо, времени, мол, нет, и обращается к строю:

— Кто умеет чертить, шаг вперед!

Шаг сделал Мироненко. Первый шаг прямо-таки необыкновенного для новобранца продвижения по службе. У кого почерк хороший? У Мироненко! Кто может отредактировать донесение? Мироненко! Вызвали куда-то переводчика, а надо срочно прочесть немецкий текст. «Давайте я попробую», — предлагает свои услуги писарь полкового

штаба Мироненко. И прочел. Ну молодец! И вот уже он усердствует в оперативном отделении штаба дивизии. Те, кто одновременно с ним солдатское обмундирование надел, заканчивали войну в ефрейторских званиях, да и то не все, а Мироненко — в погонах старшего сержанта! Да еще с орденом Славы на груди (как позже выяснилось, ворованным). Ко всему этому старший сержант оказался еще и поэтом: целую тетрадь стихов написал! Ну как не взять такого человека в редакцию солдатской газеты?!

Покопавшись в архивах, можно, вероятно, установить, кто именно осаждал кадровиков, добиваясь перевода всеумееющего писаря в свои канцелярии, кто подписывал его характеристики, открывающие доступ к штабным сейфам, кто доказывал начальникам, что никак не обойдется без него, «поэта-фронтовика», редакция военной газеты. Кого-то без особых усилий обводил вокруг пальца усердный писарь, который незадолго до этого был не Мироненко, а Мюллером. А чуть раньше — Юхновским. И тогда покровительствовал ему матерый гитлеровец Кернер... Но вот тот, кто посылал старшего сержанта Мироненко с поручением в Магдебург, пусть узнает, как он провел там один вечер.

Сержант еще днем нашел по заученному адресу — Бисмаркштрассе, 51 — особняк, который не раз видел на фотокарточке, стоявшей на столе у Кернера. Прошел мимо и только в сгустившихся сумерках вернулся, поднялся на крыльцо. Ему открыла женщина средних лет.

— Гутен таг, фрау Марта!

Всмотревшись в пришельца, женщина всплеснула руками:

— Мой бог! Не может быть... Это вы, Алекс?

Фрау Марта узнала молодого человека, который неизменно стоял рядом с ее мужем почти на всех фотокарточках, присланных из России. Муж писал, что это лучший из его помощников.

По поводу этих карточек и писем и пришел сюда Мироненко-Юхновский. Он убедительно втолковал фрау Кернер: в ее интересах, в интересах ее мужа, который скоро вернется, всю присланную из России корреспонденцию нужно немедленно уничтожить. И целый вечер они перетряхивали семейные альбомы Кернеров, бросая в камин открытки, письма, фотографии.

Одну карточку Алекс задержал в руках, жаль было с ней расставаться. Объектив запечатлел его рядом с гестаповским начальством. В новенькой форме вермахта. С ме-

далью на груди, с пистолетом на поясе. Стоял он браво. И локти сами собой тянулись наперед...

...В Ромны, небольшой городок на Сумщине, гитлеровцы вошли не с ходу, как планировали. Части Красной Армии, оборонявшие город, дрались до последнего. Даже раненые стреляли, пока хватало сил, пока глаза различали мышиную расцветку вражеских мундиров.

Раскаленный солнцем и снарядами день клонился к закату. Обезлюдели улицы, притихли мертвенно. Лишь на площади, одетая по случаю в черные торжественные костюмы, маячила кучка местных предателей, держа наготове хлеб-соль. Верховодил ею бывший агроном, облаченный теперь в отличие от остальных в помятую, провонявшую нафталином форму, то ли деникинскую, то ли петлюровскую, по-собачьи вытягивающий кадыкастую шею, чтобы, паче чаяния, не прозевать столь долго ожидаемой минуты.

И он не прозевал — Иван Юхновский, действительно петлюровский офицер, действительно закоренелый антисоветчик, ловко скрывавший свое прошлое. Как только старший оккупационный чин вышел из машины, Юхновский первым подскочил к нему, выказывая словами и видом своим неопишемое подобострашие.

— Рад служить великой Германии!

Отошел он от своего нового хозяина в должности руководителя городской полиции.

А на тротуаре, чуть поодаль, стоял сын предателя — Александр Юхновский. Вскоре стараниями отца в полиции оказался и он.

Этому предшествовали краткосрочные «курсы»: отец-палач привел сына, будущего палача, на первую массовую казнь. Дескать, смотри, как я расправляюсь с теми, кто против нас, смотри и учись. Старый волк не сомневался: молодой оправдает его надежды.

Двенадцать человек тогда повесили в Ромнах. В суде Александр Юхновский все время канючил: «Простите меня, малолеткой ведь был, страх обуял, что с ним поделать?!» А ведь среди этих двенадцати, повешенных в его присутствии, были и его ровесники.

Судебный процесс приоткрыл завесу над многими тайнами. Заговорил еще один из палачей. Не мог не заговорить: следователи — московские чекисты — выявили каждый его шаг, каждое преступление. Характерно: Юхновский, такой красноречивый, когда ему хочется разжалобить суд, выторговать что-либо для себя, тут при упоминании двенадцати героев, как бы проглатывает язык, по-

долгу молчит, заикается, что-то бормочет, закатив глаза. Но факты, страшные факты, которыми переполнены тома обвинения, вынуждают его возвращаться в прошлое, сознаваться, приводить против желания свидетельства массовой духовной стойкости, массовой ненависти к врагу, жившей в непокоренном советском народе.

Но страх ли превращает вчерашнего человека в изверга?

...Кто не знал до войны в Ромнах Михаила Вознесенского, прозванного хлебопеком, потому что директорствовал на хлебозаводе? Трудолюбивейший человек, общественник по велению души, со всеми, особенно с молодежью, точно родной. Грянуло грозное военное испытание — Вознесенский остался в подполье. Вернулся — по заданию райкома — на хлебозавод. Многие месяцы, обманывая оккупационные власти, снабжал хлебом партизан-ковпаковцев, друзей-подпольщиков, семьи командиров Красной Армии. Но, видимо, в чем-то дал промашку Михаил — гитлеровцы арестовали его. На допросах били зверски: и резиновыми дубинками, и прикладами карабинов, и сапогами. Состязались, признается Юхновский, кто больше ударит. Бил и он.

Когда в Ромны, чтобы опекать тылы 6-й армии Паулюса, прибыла команда отборных карателей ГФП-721, Юхновский сразу же перешел в нее. Добровольно. Надел германскую форму, получил пистолет, встал на полное котловое и денежное довольствие. Из города Ромны вскоре перебазировался в Путивль, чтобы «утихомирить бандитов Ковпака».

Именно в Путивле палач Юхновский дорвался до большой крови. Носился по городу и окрестностям, вынюхивал, высматривал, рядясь под местного. Выезжал на расстрелы и сам расстреливал. Пытал партизан и подпольщиков, лез вперед, превосходя подчас в изуверстве гестаповцев.

Долгие годы искали в Путивле следы Филиппа Скиданова — участника боев на озере Хасан, орденоносца, перед фашистской агрессией — заведующего военным отделом райкома партии. Во время оккупации не раз появлялся Скиданов в городе, встречался с нужными людьми, после его ухода гитлеровцы всегда недосчитывались или своего офицера, застреленного на улице, или склада, взлетевшего на воздух, или документов, дерзко похищенных из штаба.

Однажды Скиданов не вернулся на партизанскую базу. Сидор Артемьевич Ковпак лично руководил поисками своего разведчика, но так и не нашел.

— Да, этот человек прошел через мои руки, — выдавил Юхновский, когда ему на следствии показали фотографию Филиппа Скиданова. А потом признал: Скиданова после пыток расстреляли.

ГФП... Тайная полевая полиция была создана Гитлером как секретный инструмент безграничного террора для тотального подавления антифашистской деятельности на территории оккупированных вермахтом стран. В приговоре Международного Нюрнбергского трибунала подчеркнуто: ГФП в большом масштабе совершала военные преступления и преступления против человечности.

Задачей 721-й группы ГФП была, как уже говорилось, охрана тылов армии Паулюса, а после ее разгрома — армии Холлидта, прозванной гитлеровцами «армией реванша за Сталинград». Общая задача конкретизировалась на местах шефами групп ГФП. Так, фельдполицей-комиссар Майснер, под началом которого служил Юхновский (покровитель Юхновского Кернер был заместителем Майснера), потребовал, когда началось советское наступление в Донбассе: «Арестовывать всех гражданских лиц, которые хотя бы издали посмотрят в сторону воинских колонн, эшелонов, штабов, казарм. Уничтожать всех заподозренных в связях с партизанами, парашютистами...» И каждый второй из попавших в руки майснеровских следователей лишался жизни.

— Расстрелы, — рассказывает суду Юхновский, — кодировались у нас словами «утренняя заря» или «утренний туман». Объявит Кернер: завтра — «утренний туман». Значит, засветло всем быть на ногах, с оружием...

«В начале сентября 1943 года, — гласило обвинительное заключение по делу Юхновского, — в городе Сталино* на шахте ⁴/₄ «бис» «Калиновка» вместе с другими служащими ГФП-721 Юхновский участвовал в операции по расстрелу не менее 100 человек советских граждан... и пояснил, что лично произвел 8 выстрелов в двух мужчин, которые упали в ствол шахты». Признал это Юхновский и на суде. И тут выяснилось, что тогда переводчику Алексу даже не приказывали стрелять: его посылали в оцепление шахты. Он сам проявил инициативу — выхватил из кобуры пистолет и выпустил в людей всю обойму...

Судья. Объясните, почему же все-таки вы стреляли? Должна же быть какая-то побудительная причина.

Юхновский сказал:

* Ныне Донецк.

— Мне было страшно...

Да, тогда ему было действительно страшно при мысли, что кто-то из карателей промахнется, что кто-то из упавших в ствол шахты останется в живых. И потом расскажет людям, как действовал на допросах и на местах казней прислужник гестаповцев Алекс. Разве не запомнила бы его молодая женщина, при аресте назвавшаяся Василисой Титаренко. «Разведчица?» — спросил следователь. Ответила: «Да, разведчица!» Скрывать это было бесполезно: у гестаповцев неопровержимые улики — ее рация на столе у следователя. Но больше она ни слова не сказала — ни о себе, ни о своем задании. Алекс, зверея, бил, она, стиснув зубы, молчала.

Мы навели справки. Документы военного архива помогли установить, что под фамилией Титаренко в августе 1943 года в тыл противника была заброшена разведчица Нина Анохина. Год рождения — 1919-й. Из Горького. Воспитательница детского сада, пионервожатая в школе, инструктор железнодорожного политотдела по комсомолу...

Бледнеет Юхновский, видя, что все больше приподнимается завеса над кровавыми тайнами ГФП. Он лично причастен к этим тайнам. Но продолжает отпираться...

И тогда председатель суда просит:

— Пригласите в зал свидетеля Аганина...

К судебному столу быстро подходит уже знакомый нам седеющий мужчина, сосредоточенный, с лицом открытым и строгим. Сначала голос его звучит тихо, волнение, чувствуется, теснит грудь, но вот речь выравнивается. Слова звучат болью и гневом. Подсудимый буквально на глазах становится мельче, сжимается за барьером. Он готов провалиться сквозь землю, чтобы только не слышать жестокой правды, которой не зря так опасался.

— Я лично видел, — говорит свидетель, — как подсудимый в марте 1943 года изощренно пытал двух партизан, доставленных под конвоем с железнодорожной станции Сталино. Никто его не заставлял, он сам, еще до прихода гитлеровца-следователя, набросился на одного из арестованных, бил резиновой дубинкой по лицу, по спине, пока тот не упал. Тогда Юхновский, выкрикивая: «Ты у нас сознаешься», принялся топтать его. Второго мужчину, немного передохнув, ударял головой о стенку, зажимал ему пальцы рук дверью, ломал кости. В тот же день Юхновский допрашивал женщину. Она отмалчивалась, когда ее называли партизанкой, лишь глухо стонала от ударов дубинкой, сыпавшихся на нее. Обозлившись, что и тут потерпел

неудачу, Юхновский, свалив ее на пол, таскал за волосы, пинал сапогом, норовил попасть в живот.

Судья. Подсудимый Юхновский, подтверждаете правильность свидетельских показаний?

Юхновский (глухо). Подтверждаю с одним уточнением — пальцы рук дверью не зажимал.

Судья. Подсудимый, есть вопросы к свидетелю?

— Есть! Откуда свидетель знает все эти подробности? Где он находился в тот день?

Судья просит свидетеля ответить.

— Позвольте, товарищи судьи, коснуться немного своей фронтовой биографии, — начинает Игорь Харитонович. — Я воевал под Сталинградом, в полковой разведке. Под Белой Калитвой впервые увидел преступления, совершенные гитлеровскими карателями, той самой гэ-эф-пэ семьсот двадцать один, в которой сотрудничал Юхновский. Луг около школы, где размещалась тайная полиция, был завален трупами советских воинов. Второй раз, тоже будучи в разведке, натолкнулся на следы гестаповцев в Амвросиевке. И там — трупы наших людей, изуродованные палачами до неузнаваемости.

Когда меня вызвали в разведотдел, — продолжает Аганин, — и сказали: нужно внедриться в эту проклятую гэ-эф-пэ семьсот двадцать один, все вызнать изнутри, я ответил, что внутренние готов к заданию, каким бы трудным оно ни было.

— Теперь, подсудимый, вспомнили, кто перед вами? — спрашивает председатель суда.

Юхновский блуждает глазами по залу: дальше упорствовать нет смысла... Все кончено...

БОЙ ДО КОНЦА

Да, потемины, юхновские умели маскироваться, хитро запутывать следы. Однако известно, что хитрость, если ее развивать беспредельно, переходит в свою противоположность, ибо раскрывает для анализа некую спрятанную в ней систему. Аганин, прирожденный аналитик, тонкий психолог, что называется, «вычислил» и Потемина и Юхновского.

Не совсем понятно? Честно признаться, мы тоже не сразу поняли.

— Игорь Харитонович! При всем уважении к вам в это модное ныне «вычислил» трудно поверить...

— Значит, трудно поверить? — несколько обижается

наш собеседник. — А вы прикиньте! Разве не было оснований предположить, что если уцелел на войне Потемин, перекрасился, то со временем потянет его в Донецкий партийный архив? А коли так, то сложно ли определить, в какие именно фонды архива хотелось ему заглянуть? И если эта версия правильна, то из тех фондов попытается он какие-то документы изъять. Но это не удастся человеку, который не стал в архиве «своим». А таким, наверное, может стать только «солидный исследователь», скорее всего профессиональный историк... Что, гадание на кофейной гуще? Нет, то самое «вычисление», приближение к цели. Трудоемкая по количеству версий, но продуктивная работа. Сейчас мы всей нашей следопытской группой «вычисляем» еще двоих из ГФП-721 — Альберта Вольфа и Арнольда Костровского: они хорошо знают обстоятельства гибели многих героев-подпольщиков, партизанских разведчиков Украины и Северного Кавказа.

— Всей группой? То есть в открытую? Не спугнете?

— Как вам сказать, — вздыхает Аганин, — можно и вспугнуть, если... Если вмешаются неумные люди. Ведь уцелевшие вольфы, костровские тоже, уверяю вас, денно и нощно «вычисляют». Где, чем занят, как настроен потенциальный свидетель обвинения? И разве не глупо, пусть даже по мелочам, вроде бы незначительной подсказкой, помогать им с нашей стороны?

Помолчал, поморщился от какой-то досады.

— Вы думаете, мои действительные имя и отчество правятся мне меньше, чем Игорь Харитонович? Ничуть. Но когда попытался объяснить одному заседавшему на меня, в чем тут дело, как тут же был пущен по коридорам и кабинетам слухок: у доцента Аганина тяга к «затемненности», от каких-то невидимок прячется. Чушь какая! Ладно, хватит об этом...

Вернемся к тому, что сейчас мы всей следопытской группой «вычисляем» Вольфа и Костровского, проживавших перед войной в Житомирской области. Оба примерно 1922 года рождения. Из самых общих «анкетных данных» это пока все. Разыскиваем их вполне официально, в открытую, как вы заметили, но... с «маленькой хитростью». Она в том, что пока не преступников ищем, обращаясь за содействием в различные учреждения, а людей, которые могут прояснить некоторые подробности сопротивления гитлеровским оккупантам на Украине и Северном Кавказе...

Следопыты решили перекрыть запросами с «малень-

кой хитростью» всю территорию Советского Союза — да, именно так, всю! Сначала, естественно, обратились в областные адресные бюро. Сколько запросов — столько одинаковых, на стандартных бланках, ответов: «Прописанным не значится. Справку наводил (неразборчивая закорючка)». Что ж, на нет суда нет, не станешь же советовать поставившим под справками закорючки: вы бы однофамильцев Вольфа и Костровского поспрашивали, может быть... Ни к чему адресным бюро ваши следопытские заботы, неуместными покажутся дополнительные просьбы поискать две иголки в стоге сена.

Второй поток запросов, точнее сказать — больших просьб, пошел в обкомы и крайкомы ВЛКСМ. Сколько проникновенных писем — столько ответов. И невозможно удержаться от того, чтобы не воспроизвести здесь «избранные места» той переписки.

«Письмо, полученное нами, с просьбой разыскать Вольфа Альберта и Костровского Арнольда направлено нам не по адресу, так как они жили до 1941 года не в Приморском крае, а в Житомирской области Украинской ССР... помочь вам ничем не можем.

Зав. отделом спортивной и оборонно-массовой работы крайкома ВЛКСМ (подпись)».

«В Хабаровском крае Вольф и Костровский не проживают. Не совсем ясен ваш запрос, так как вы не указали, каким образом они могли попасть в наш край, а это важное условие для поисков. Тем более что вы ищете и их родственников.

Секретарь Хабаровского крайкома ВЛКСМ (подпись)».

«Мы ничего не смогли узнать... Дело в том, что вы адресовали копию вашего письма в Тюмень, очевидно, совершенно случайно, т. к. Тюменская область не имеет никакого отношения ни к происхождению вышеназванных товарищей, ни к их деятельности в военные годы»...

Вот они — издержки «маленькой хитрости», недомолвки в запросах и просьбах о помощи. Извольте проглотить пилюлю! Однако же на каждый десяток ничего не давших искателям ответов приходилось по одному вот такому:

«Дорогие товарищи!

В целях дальнейших поисков людей, хорошо знавших героическую борьбу и гибель комсомольцев-подпольщиков, дано задание Красноармейскому райкому комсомола силами красных следопытов узнать через местных жителей все, что известно о тт. Вольфе и Костровском. Обо всем, что станет известно, сообщим вам дополнительно.

Зав. отделом Житомирского областного комитета ЛКСМУ (подпись)».

Или такому:

«В Белохолуницком районе Кировской области до 10 августа 1959 г. проживал Костровский Артур Рейнгольдovich, 1928 г. р., уроженец села Липовки, Червоноармейского р-на Житомирской области. Выбыл в Семипалатинскую область...»

— Я сразу вспомнил, — оживляется Игорь Харитонович, поглаживая ладонью письмо из Кировского обкома ВЛКСМ, — как жаловался Арнольд Костровский фельдполицей-комиссару Майснеру на то, что младший брат ни в какую не соглашается служить в ГФП, хотя ему скоро шестнадцать и он вполне справился бы с обязанностями переводчика. «Видит бог, переводчики из немцев нам крайне необходимы. Комсомолец, наверное?» — буркнул Майснер. «Нет, не хочет, и все тут»... И еще обратите внимание: уроженец села Липовки! От Липовки рукой подать до деревни Рудня того же Червоноармейского района, где, как выяснили у старожилов житомирские следопыты, перед войной бухгалтером маслозавода работал Альберт Вольф...

Очеркистам, влюбленным в своего героя, все в нем кажется необыкновенно интересным и достойным читательского внимания. Но, может быть, кто-то уже позевывает от описания аганинской методики «вычисления» особых источников информации в ходе поиска. Что ж, не будем удлинять очерк всеми впечатлившими нас подробностями. Скажем лишь, что примерно через год после памятного разговора с Аганиным газета «Труд» опубликовала большой материал под заголовком «Расплата». Вот что сообщали из ГДР специальные корреспонденты «Труда» Ю. Дмитриев и Е. Котов:

«...И все же долгожданная ниточка наконец нашлась. Костровский на территории нашей страны не проживает. Поступили данные, что он, возможно, находится в ГДР. В поиск включаются немецкие оперативные работники. Но первые сведения неутешительны: под такой фамилией там никто не живет. А если преступник поменял фамилию? Опять серия оперативно-розыскных мероприятий. И опять проверка множества версий и вариантов...

Недавно совместная работа органов госбезопасности двух братских стран была завершена. В городе Темплин Нойбранденбургского округа на улице Айзенбанштрассе жил скромный служащий. За последние годы он сменил

несколько профессий и мест работы, стал злоупотреблять алкоголем. Фамилию носил Красовский и числился по документам уроженцем деревни Фридрихсхайн бывшего округа Валлау. А служил Красовский, как утверждал в анкете, якобы солдатом охраны в штабе 4-го армейского корпуса.

Все это была ложь. Буквально онемел и побелел как полотно сей «уроженец» округа Валлау, когда ему на первом же допросе предъявили его истинную анкету и другие разоблачающие документы. Это и был тот самый переводчик-каратель Костровский. Когда его взяли в плен, он прикинулся невинным ягненком, уничтожил полицейское удостоверение и выдал себя за другого солдата — Красовского. В 1950 году после освобождения из плена он выезжает на постоянное жительство в ГДР, устраивается на работу по подложным документам, женится на местной жительнице.

Оправившись после первого шока при аресте, Костровский попытался на следствии и позже в суде отпираться, юлить. Стал выдавать себя, как это сейчас делают многие нацистские преступники на Западе, за простого исполнителя приказов начальства, дескать, он только участвовал в конвоировании и допросах арестованных, а не в их расстрелах. Но многочисленные свидетели из г. Ромны Сумской области, Донецка, Бахмача, Черкасс и других мест, где свирепствовал каратель, напомнили ему о злодеяниях. Припертый к стене неопровержимыми доказательствами, он сказал на суде: «Признаю себя виновным в казнях невинных советских людей, в том числе и подростков...»

Решением судебных органов ГДР каратель приговорен к пожизненному заключению...» *

В юридически совершенном комплексе доказательств виновности Костровского особое место занимали показания Игоря Харитоновича. Когда выступали другие свидетели — пожилые люди из украинских деревень и сел, которые в непривычной обстановке иногда терялись при неожиданных вопросах напористого адвоката, к примеру, каким автоматом был вооружен каратель, Костровский не раз позволил себе заявить: «Впервые вижу этого гражданина, меня с кем-то путает». Но вот в зал заседаний суда приглашается свидетель Аганин. Председательствующий, следуя процедуре, спрашивает, доверяет ли Аганин выделенному для него переводчику? «Доверяю сполна, в высокой квали-

* Пожизненное заключение — высшая мера наказания в ГДР.

фикации переводчика не сомневаюсь. Однако прошу у суда разрешения дать показания на немецком: владею им с детства»...

Точно так же с детских лет владеет русским Костровский. Да ведь подсудимый твердит, что он «не тот, за кого его принимают», он по-русски «нихт ферштейн». И с самого начала процесса до выступления Аганина переводчики дублировали для подсудимого все, что произносилось в зале суда на русском и украинском. Наконец-то у них, переводчиков, передышка...

Десять, пятнадцать минут говорит Аганин. Что ни слово — точно в цель. Факты, цифры, имена, даты, дни недели, адреса. И не выдерживают у Костровского нервы:

— Откуда ты взялся на мою голову, замолчи! — зло выкрикивает он по-русски. — Я сам расскажу...

* * *

Особый, на десятилетия растянувшийся аганинский бой... Удивительно, не сразу понятно, труднообъяснимо. И тем не менее для нас бесспорно: как многие годы прежде, так и после кончины Ибрагима Хатямовича отношение к нему определялось и определяется словно бы с двух, нередко полярных, точек зрения. Мы, разумеется, отбрасываем третью точку — со стороны бывших «сослуживцев» Аганина по ГФП: она однозначна и загадок не представляет. Мы имеем в виду противоречивое восприятие неординарной личности людьми, отнюдь не разделенными ни убеждениями, ни своим прошлым, ни разными взглядами на полезность служения общественному долгу, — носители несхожих оценок в принципе единомышленники. Но...

Потоки людской благодарности группе следопытов подвига, возглавленной Аганиным: «Огромное спасибо за поиски героев подполья — это большое и нужное дело...»; «Мы уже потеряли надежду узнать правду о последних днях наших земляков, схваченных гестапо зимой 1943 года в разных местах Керченского полуострова. Всякое говорили о них по углам людишки с темной душой, вроде почему-то прощенного бывшего редактора фашистской газетенки. И вдруг читаем Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении героев...»; «Низко кланяюсь вам и всем следопытам, снявшим тень подозрения с моего отца. Теперь в нашем городе официально и широко объявлено, что он оставался верным Советской Родине до последнего вздоха». Почетная грамота ЦК ВЛКСМ: «За активное участие

в военно-патриотическом воспитании молодежи». Выписка из приказа начальника одного из управлений Комитета государственной безопасности: «Тов. Аганин Ибрагим Хатямович (Игорь Харитонович) награждается часами марки «Слава» № 488774 за помощь, оказанную им следственным органам КГБ в документации преступной деятельности ряда изменников родины, а также за работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи, в результате которой выяснены ранее неизвестные имена многих советских патриотов, замученных немецко-фашистскими оккупантами». Многочисленные приглашения выступить — перед школьниками, студентами, слушателями Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Восторженные отзывы о выступлениях Аганина...

И параллельно со всем этим:

— А Харитонович-то наш неугомонный опять законфликтовал — гневную корреспонденцию настрочил. Знаете куда? Аж в «Пионерскую правду»! В детство, что ли, впадает...

Что ж, было такое, писал Аганин в «Пионерку». О том, как в одной московской школе лектор-искусствовед рассказывал ребятам о современном кинематографе. Живо, интересно рассказывал. А под конец посетовал на то, что теперь для картин о войне не так-то просто раздобыть ордена и медали гитлеровского рейха. Вот и пришлось организовать на Мосфильме мастерскую по их изготовлению. Получаются как настоящие. И незадачливый лектор высыпал на стол горсть «Железных крестов» — посмотрите, мол, можете оставить себе или руководителю драмкружка отдайте.

Драмкружка в школе не было, но самодеятельное коридорное «представление» состоялось сразу после лекции. Несколько озорников-пятиклассников, нацепив на пионерскую форму «Железные кресты», с упоением приветствовали друг друга выкриками «Хайль!». Разумеется, «крестосцев» тут же пристыдили, мосфильмовские «сувениры» у них отобрали. Надо ли предпринимать еще что-то? В конце концов, не нацистам же подражали ребята, а популярным артистам кино, кому это не ясно?

Может быть, и Аганину, узнавшему о том случае, не стоило принимать его близко к сердцу, настолько близко, что валидол потребовался. Только не мог он иначе. Выдался свободный час — пошел в ту школу. И расстроился еще больше. Особенно у стенда «Пионеры-герои»: оформлен небрежно, размещен на обшарпанном простенке, две

фамилии под портретами написаны с ошибками... Задуманного разговора с педагогическим коллективом не получилось. «Кто вы такой, чтобы нам указывать? Мы по наглядной агитации на втором месте в микрорайоне!»

— Слыхали, Штирлиц-то наш под колпаком оказался. Из восьмьдесят четвертого отделения в ректорат звонили, кой-какими данными интересовались...

Да, и это было: звонили, интересовались. Вскоре после того, как в один из сентябрьских дней на станции метро «Коломенская» Ибрагим Хатямович узнал в импозантном немолодом мужчине... давно разыскиваемого государственного преступника! Мигом осмотрелся — удача: вон идет майор милиции — он поможет. Найдет незначительный предлог и попросит импозантного предъявить документы. И станет наконец известно, под какой фамилией тот скрывается. А большего пока и не надо...

Не помог майор бывшему разведчику. Сказал: «Иди-ка ты, дядя, к... Не то живо отправлю! Вот в твои документы я, пожалуй, загляну!» Тем временем опознанный Ибрагимом Хатямовичем затерялся в толпе.

Через неделю в районном отделении милиции состоялось — Аганин добился — расследование случая на «Коломенской». Майора, который ни за что ни про что нахамил человеку, признали... во всем правым. «Начальник РО МВД заявил, — писал Аганин после того разбирательства тогдашнему министру Щелокову, — что надо иметь мандат для обращения к милиционерам за помощью при установлении личности граждан, а секретарь парткома подполковник Токарев спустил мое заявление тому, на кого я жаловался». Теперь-то ясно, что наивно было искать у Щелокова защиты от щелоковщины. И неизвестно, сколько времени оставался бы «под колпаком» мелочно мстительного майора «вздорный жалобщик». Сколько высокомерных правоучений насчет «болезненной подозрительности» пришлось бы выслушать в разных кабинетах Ибрагиму Хатямовичу, если бы чекисты по составленному им «свежему» словесному портрету буквально за месяц не нашли государственного преступника уже далеко от Москвы — в Ростовской области. Ошибки не было — тот самый, которого разыскивали так долго.

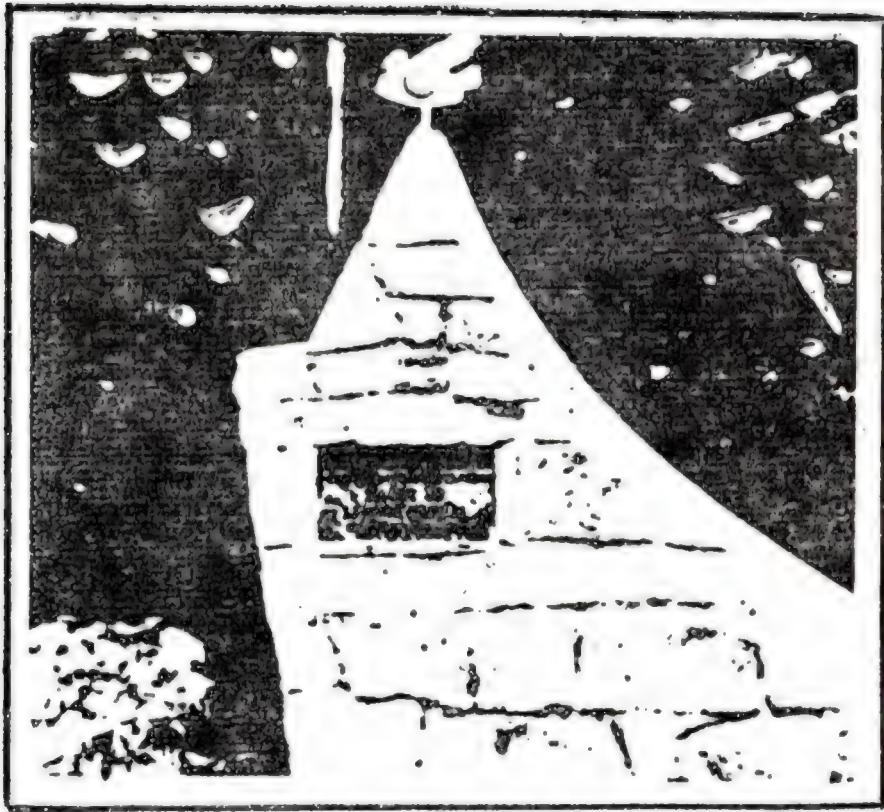
Всего этого в институте, разумеется, не знали — там «бдительные» взяли на заметку лишь звонок из 84-го отделения, на всякий случай запаслись подчеркнутыми проявлениями сдержанности в отношениях с Аганиным и суждениями вслух, вроде таких: «Ох, уж эта жажда популяр-

ности. Избаловала неплохого в сущности человека пресса, понравилось быть на виду»...

А одна ученая дама без обиняков выложила свои сомнения коллеге доценту: «Если все, что пишут про вас в газетах и книгах, правда, то почему вы не Герой Советского Союза? Почему не присвоили вам воинского звания, соответствующего столь высоким заслугам?» — «Заслуги у меня солдатские», — только и сказал Аганин.

Откровенной ученой даме с ее категоричным «почему» не откажешь в последовательности. Когда хоронили И. Х. Аганина, изумилась, да так, что спросила, неизвестно к кому обращая свой вопрос: «Знамя, эскорт, военный оркестр... Но ведь Игорь Харитонович был, кажется, всего лейтенантом, верно? И служил недолго...» Никто не ответил, все слушали взволнованного генерала, который говорил о том, что Ибрагим Хатямович Аганин до конца дней своих оставался солдатом, страшным для фашистских недобитков, где бы они ни затаились.

Потом, трижды пересилив звуки оркестра, прозвучали залпы салюта...

**Иван
Василевич**

**КОГДА
ПРОВАЛЕНЫ
ЯВКИ**

«...Как страшна война!.. Нелегко ворошить в памяти горькое прошлое... Я, как и многие тысячи советских девушек, во время Великой Отечественной войны добровольно вступила в ряды защитников Родины. Мне в те годы пришлось несколько раз в составе разведывательных групп выполнять задания за линией фронта, в тылу противника.

...Два раза десантировалась на оккупированную гитлеровцами территорию Чехословакии. На последнее задание улетела на самолете ЛИ-2 в ночь на 26 марта 1945 года. В состав нашей группы кроме меня входили словаки Карол Копалек, Йозеф Яблонька и Михал Хован, а также венгр Альберт Пал. Командиром был утвержден Копалек, его заместителем — Яблонька. Перед вылетом нам с командиром в штабе 4-го Украинского фронта сказали, что в Моравии живет чехословацкий бригадный генерал в отставке Йозеф Браун, который несколько месяцев назад оказывал помощь одной советской разведгруппе. Нам порекомендовали найти его, связаться с ним и опереться на его помощь... Сообщили адрес генерала...»

Из письма бывшей радистки разведгруппы Анны Васильевны Болотовой

Медленно, спокойно надвигался рассвет. Макушки Моравско-Силезских Бескид уже просвечивали сквозь дымку предутреннего тумана. Карол Копалек, неторопливо прохаживаясь по лесной тропе, обдумывал варианты установления связи с генералом Брауном. Когда план действий в основном созрел, он вышел на опушку леса и,

вслушиваясь в непрочную тишину, стал разглядывать покрытые лесами склоны гор. Такие же леса не так давно его, мятежного поручика словацкой армии, укрывали от фашистов... Кружили голову лесной воздух, запахи хвои, прелых листьев. Изредка на востоке, на горе Радгошь, взвивались ракеты и, прочертив в небе дугу, исчезали за холмами. Вдруг слева, вдали от базы, затрещал автомат, но вскоре умолк. Через несколько секунд вновь слышались короткие очереди. Надо выяснить причины перестрелки, отметил для себя командир. Копалек перевел взгляд в сторону горной тропы, уходившей к подножью. По ней кто-то из разведчиков спустится с горы и пойдет в деревню, где предположительно должен жить Йозеф Браун.

Копалек вернулся на базу, когда в небе уже потухли звезды. Йозеф Яблонька, внешне всегда спокойный, неторопливый в движениях, ждал своего командира, прохаживаясь около шалаша.

Темно-серый с узкими лацканами однобортный костюм, изрядно поношенный, но выглядевший еще вполне прилично для военного времени, белая рубаша с расстегнутой верхней пуговицей, стоптанные полуботинки и старенькая широкополая черная шляпа придавали ему вид местного жителя, каких много бродило по городам, деревням и хуторам в поисках временной работы или удачного случая для обмена или продажи каких-либо личных вещей.

— Йозеф, ты ли это? — пошутил, подойдя к другу, командир. — Тебя просто не узнать.

— Сам не пойму... — Улыбнулся Яблонька, одернул пиджак и чуть сдвинул шляпу на затылок.

Командир остался доволен экипировкой разведчика, которую тот приобрел у жителя одной деревушки. Йозеф Яблонька был готов к выполнению задания.

Нравился командиру этот высокий, стройный, с большими серыми глазами 25-летний словак. Он очень хорошо проявил себя на предыдущем задании. Впрочем, ненадежного бойца Карол не взял бы в группу, и тем более своим заместителем.

...Подходили к концу вторые сутки с того часа, когда Йозеф Яблонька ушел в один из населенных пунктов в долине реки Бечва, где, вероятнее всего, жил генерал Браун. Яблонька давно должен был вернуться на базу. Командир начал беспокоиться: в чем же дело? Не пора ли принимать меры к выяснению судьбы товарища?

...Аня Болотова только что закончила очередной сеанс радиосвязи со штабом фронта и передала командиру листок бумаги с текстом полученной радиограммы. Центр предупреждал о необходимости проявлять высокую бдительность при установлении новых знакомств.

В середине дня наконец вернулся на базу Йозеф Яблонька и огорченно доложил командиру, что генерала Брауна не нашел. С возвращением на базу Яблонька задержался, так как пришлось добираться кружным путем — все намеченные горные дороги оказались блокированными оккупантами. На следующий день Яблонька, познакомившийся с некоторыми жителями окрестных деревень, продолжил поиски генерала-антифашиста. Тем временем командир группы, Альберт Пал и Михал Хован наблюдали за перебросками вражеских войск по железным и шоссейным дорогам. Разведчикам удалось также собрать и передать в Центр сведения о ряде гарнизонов и важных объектов противника в районе действия группы. Казалось бы, у Карола Копалека были все основания для хорошего настроения — сведений получено немало, появились помощники среди местного населения, члены группы обуты, одеты, вооружены, нет затруднений и с продуктами питания: спасибо Юлии из деревушки Кргова. Она приносила печеный хлеб, мясо, кое-какие овощи. Но командир был недоволен результатами работы. Конечно, если бы удалось побольше установить знакомств с надежными людьми, антифашистами, тогда разведчики совместно с ними стали бы проводить более активные операции. Но где найти таких? Возможно, антифашисты укрылись в лесах, раскинувшихся на склонах горных цепей Бескид...

Через несколько дней Юлия познакомила Копалека с двумя антифашистами, которые вскоре стали регулярно передавать ему сведения о вражеских войсках, складах оружия и боеприпасов, оборонительных сооружениях и других объектах противника. Карол попросил одного из них взять под контроль вражеские перевозки по дорогам на Границе и Нови-Йичин. Сведения о перебросках войск и боевой техники по дорогам из Валашске-Мезиржичи на Всетин взялся собрать второй антифашист. Связь с одним из новых друзей поддерживал Яблонька, с другим на первых порах встречался Карол Копалек, но через некоторое время, в целях безопасности, подпольщики предложили в качестве связника использовать священника Йозефа, жителя одной из окрестных деревень. Как выяснилось, он

давно принимал участие в антифашистском движении.

— Истинный патриот Чехословакии, — говорили о нем друзья. — Не подведет. Мы ему полностью доверяем. А немцы даже не подозревают его в подпольной деятельности.

Теперь, когда включились в активную работу новые знакомые, объем поступавшей информации о противнике и обстановке в Моравии заметно возрос. Появилась возможность перепроверки сведений, дальнейшего расширения связей среди местного населения.

Штаб фронта одобрительно отнесся к активизации работы группы Копалека, но вновь предупредил о необходимости постоянной бдительности в работе. Командование требовало осторожности при встречах со связными, которые еще недостаточно проверены на конкретных делах. Центр был озабочен тем, чтобы кто-нибудь из разведчиков не попал в поле зрения провокаторов, агентов гестапо, которых в Моравских лесах немало: они сновали по деревням, селам и городам, в лесах — всюду, где могли быть подпольщики и партизаны, искали возможность войти в доверие к ним.

Однажды командир распорядился:

— Сегодня ночью мы с Михалом пойдем в деревню за продуктами. А Йозеф и Альберт будут охранять базу.

Когда Карол и Михал остались вдвоем, чтобы обсудить детали «похода» в Кргову, командир спросил своего друга:

— Может быть, нам взять с собой и дивчину? Как ты думаешь?

— Зачем рисковать радисткой: всякое может случиться.

— Вот именно. Но ее надо познакомить с Юлией.

— Это другое дело. Юлия при необходимости укроет Аню.

— Жаль мне Аню. Очень жаль. Тяжело ей. Она рассказывала, что раньше работала в детском саду. И вдруг война! Ей бы с детьми возиться, а она вот здесь занята совсем не женским делом.

...Ночью по извилистым горным тропам шли три человека. Шли неторопливо, осторожно. Это были Карол Копалек, Михал Хован и Аня Болотова. Впереди шел Михал. Он хорошо знал путь в деревню.

Ночью в лесу было очень темно, и Аня, не привыкшая к ходьбе по горным дорогам в такую пору, чувствовала себя неуверенно. Неожиданно прошуршала, проле-

тая, птица, должно быть тетерев или рябчик. Болотова проводила ее взглядом, увидела небо, усыпанное яркими звездами и вдруг почувствовала усталость. Она чуть-чуть замедлила шаг и сразу же услышала негромкие слова командира:

— Не отставай!

— Я же говорила, что не надо меня брать.

— Не расстраивайся,— попытался успокоить девушку Михал.— Может быть, мы слишком быстро идем?

— Нет, нет... Я засмотрелась на небо.

Разведчики спустились с косогора под тяжелые вздохи паровоза, тянувшего состав по железной дороге, проходившей в нескольких сотнях метров от тропы. Все трое, не сговариваясь, сосчитали вагоны...

Вскоре Болотова заметила, что в лесу стало светлее: он редел и переходил в горный луг, на дальнем конце которого виднелась деревня. Дома в ней Ане показались очень похожими на те, какими застроена Вичуга, город в Ивановской области, где жили ее мать и сестры. Карол и Аня укрылись на опушке леса, а Михал по известной ему дорожке ушел в сторону деревни: командир просил выяснить обстановку в населенном пункте. Через несколько минут Михал доложил, что ничего настораживающего не обнаружил.

Когда разведчики подошли к дому, прижавшемуся к лесу, Карол тихо три раза стукнул патроном по ручке входной двери. Скрипнув, дверь медленно открылась.

— Проходите,— донесся приглушенный женский голос из темного коридора.

Карол и Аня вошли в освещенную электрической лампочкой комнату.

— Ой! — тихо вскрикнула невысокого роста худощавая женщина, увидев Аню, и спросила:

— Вы русская? Да?

— Русская, конечно,— окая по-ивановски, ответила Болотова.

— Дай-ка я тебя поцелую, милая.— Юлия обняла Аню и расцеловала.— Впервые вижу русскую девушку.

Аня крепко прижала Юлию к себе. Осмотревшись, она отметила про себя, что внутри дома, как и в русских деревенских домах, обстановка проста. В комнате чисто, просторно. Но нет здесь привычной для нее русской печки, а в углу стоит плита, отгороженная от жилой комнаты легкой стенкой: там небольшая кухонька.

— Даже и не знаю, чем вас угостить,— захлопотала

хозяйка, когда улеглось волнение неожиданной встречи. — Что-нибудь придумаю...

Юлия поставила тарелки на покрытый белой скатертью деревянный стол и принесла кастрюлю. Комната наполнилась запахами домашней пищи.

— Садитесь за стол, отведайте нашей еды.

Особое внимание Юлия уделила Ане:

— Голодная, наверное? Ешь, ешь, не стесняйся. И вы тоже, прошу вас, — обратилась она к Каролу.

...Разведчики сытно поели. Юлия быстро убрала посуду со стола и, отнеся ее на кухню, вернулась в комнату. Она рассказала разведчикам о том, что ей удалось узнать об оккупантах за последние дни.

Михал, наблюдавший за обстановкой в деревне, заметил, что несколько немецких солдат вошли в соседний дом. Доложил об этом командиру.

— Опять проверка, — забеспокоилась хозяйка. — Значит, сейчас придут и сюда.

— Надо уходить, — распорядился командир. — Спасибо тебе, Юлия.

— Быстро берите мешки с продуктами и, как всегда, огородами в лес. Ну, всего вам доброго.

— Аня, не нервничай, иди за мной, — распорядился Карол, — а ты, Михал, пойдешь последним. В случае необходимости прикроешь нас огнем.

В это время с улицы слышалась гортанная речь. Когда немцы вошли в дом, разведчики уже благополучно скрылись в лесу.

...Однажды Йозеф Яблонька доложил командиру:

— Через одного словака удалось узнать, что генерал Йозеф Браун известен среди местных патриотов под фамилией Оравский. Нам надо искать именно Оравского, а не Брауна.

— Вот почему никто ничего не говорит нам о генерале Брауне.

— Узнаю соотечественников. Жизнь научила их бдительности. Молодцы!

— Теперь, Йозеф, ищи Оравского. Он нам очень нужен.

2

Жизнь Анны Васильевны Болотовой была типична для советских людей ее поколения: в детские годы на ее долю выпало немало горького, трудного. Родилась она в

Ивановской области через пять лет после Октябрьской революции. Отец умер, когда ей было одиннадцать лет. Мать — Анна Григорьевна — осталась с четырьмя детьми на руках, старшему из них, сыну, только-только исполнилось шестнадцать. Анна Григорьевна, выбиваясь из сил, поднимала детей, воспитывала в них честность, трудолюбие.

В городе текстильщиков Вичуге Аня окончила семилетку и пошла работать воспитательницей детского сада. Заочно училась в дошкольно-педагогическом училище. Сестры, когда подросли, тоже получили образование, стали трудиться — были медсестрами в детских садах. Брат после окончания семи классов устроился на ткацкую фабрику.

Приученные к труду дети радовали мать своими успехами. Для рано овдовевшей женщины, казалось, вновь начались счастливые годы. Она гордилась тем, что государство помогло ей бесплатно дать детям образование, а она сумела создать дружную семью. Анну Григорьевну трогало заботливое отношение к ней детей.

Много бессонных ночей провела Анна Григорьевна в думах о будущем детей. Заботы о них заполняли всю жизнь трудолюбивой женщины. Шли годы, росли дочери, мужал сын. Но материнская чистая, любящая и беспокойная душа все равно тревожилась за их будущее... И вот это будущее оказалось под угрозой.

Воскресным солнечным днем 22 июня 1941 года Аня вбежала в дом, крича:

— Война!

— Что, что ты сказала? — переспросила мать, может быть, она ослышалась?

— Война. Сегодня утром на нас напала фашистская Германия... — выпалила Аня.

...Вскоре брат ушел на фронт. Спустя некоторое время Аня, так и не успевшая окончить училище, решила поступить на курсы медицинских сестер. В 1942 году, закончив учебу, добровольцем пошла служить в Красную Армию.

— Честно служи, — напутствовала девятнадцатилетнюю дочь Анна Григорьевна. — Себя береги и товарищей не подведи. И дом не забывай, пиши почаще...

Мать и дочь присели на диван, помолчали. Первой поднялась мать. Аня увидела ее чуть сгорбившейся, но вскоре Анна Григорьевна выпрямилась и каким-то чужим, слегка охрипшим голосом прошептала:

— Ну поезжай... — Анна Григорьевна смахнула ладонью слезы, обняла дочь и поцеловала. — С богом...

...Но не пришлось Ане выносить раненых бойцов с поля боя, не работала она и в военных госпиталях. Судьба распорядилась совсем иначе. Совершенно неожиданно Ане Болотовой предложили освоить новую, таинственную для нее профессию военного радиста. Она приняла это предложение. Напряженно училась. А затем стала радисткой разведывательных групп, действовавших в тылу немецко-фашистских войск. Первый раз она прыгнула с парашютом на временно оккупированную противником территорию Советской Украины. Второй раз пришлось работать в Крыму. Затем вновь десантировалась — в район захваченного фашистами Ужгорода и вместе со своими боевыми друзьями работала там до конца 1944 года.

В январе 1945 года, когда наши войска, выполняя интернациональный долг, уже освободили от фашистских оккупантов значительные территории ряда стран Восточной Европы, Анну Болотову, находившуюся на отдыхе после выхода из вражеского тыла, срочно вызвали в штаб 4-го Украинского фронта.

— Зачем я срочно потребовалась штабу? — поинтересовалась Болотова у прибывшего за ней представителя.

— Не знаю. Может быть, война скоро кончится, девушек можно демобилизовывать...

— Меня демобилизовывать? Война-то еще бушует.

— Ну, собирайся быстренько. Жду тебя в автомашине. — Представитель штаба фронта вышел из комнаты. Аня расстроилась: неужели и в самом деле предстоит демобилизация сейчас, когда впереди еще столько много дел? Ее товарищи по работе, радисты, после отдыха уже готовятся к очередным заданиям, а почему ей выражают недоверие? Почему не дают возможности работать до последнего дня войны? Конечно, устала. Но ведь и другие тоже...

3

Каролу Копалеку исполнилось семнадцать лет, когда в Мюнхене главы правительств Англии и Франции вступили в позорную сделку с Гитлером и Муссолини, сговорившись с ними о расчленении Чехословакии.

Как страшный сон вспоминал он тяжкие события того полного горечи времени: в октябре 1938 года фашист-

ская Германия оккупировала значительную часть Чехословакии. В марте 1939 года по согласованию с Берлином словацкие сепаратисты объявили о создании «независимого Словацкого государства»; в том же месяце германские войска оккупировали оставшиеся чешские области и объявили о создании «протектората Богемия и Моравия»... Сердце Карола Копалека кровью обливалось от того, что Чехословакия растерзана агрессорами. Доходили до него слухи о том, что только Советский Союз, в отличие от Англии и Франции, которые предали своего союзника, отказался признать ликвидацию Чехословакии, заклеив действия фашистской Германии как акт произвола и агрессии. У Карола постепенно усиливался интерес к стране Ленина.

Чехословацкие патриоты не смирились с тем, что реакционные круги буржуазии сотрудничали с оккупантами. Желая продолжать борьбу, часть буржуазных политических деятелей эмигрировала на Запад. На территории Чехии и Словакии активизировалось антифашистское движение. Сопротивление оккупантам и их пособникам возглавила Компартия Чехословакии. У Карола, как и у других патриотов, появилась какая-то надежда.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. Началась вторая мировая война. Вскоре она охватила многие страны Западной Европы, перекинулась на другие континенты.

В начале 1941 года Карол Копалек, успевший к тому времени окончить сельскохозяйственную школу, был мобилизован в словацкую армию и направлен учиться на офицерские курсы. Высокий, стройный, русоволосый словак, никогда не мечтавший о карьере офицера, был вынужден штудировать военные науки, заниматься строевой подготовкой, оттачивать практические навыки в приемах ведения боевых действий.

Копалек, ранее не интересовавшийся политической деятельностью, наблюдая за событиями в Европе и на родине, быстро понял, что марионеточное правительство Тисо втягивает Словакию в войну на стороне фашистского блока.

Когда гитлеровская Германия напала на СССР, Карол стал с тревогой следить за событиями на советско-германском фронте. Он понимал: именно там, на Востоке, в кровопролитных боях решается судьба и его родины.

Первым из держав антигитлеровской коалиции Советский Союз признал чехословацкое правительство в Лон-

доне и заключил с ним соглашение о военном сотрудничестве, предусматривавшем восстановление Чехословакии в домюнхеновских границах. Ликованием встретили антифашисты разгром немцев под Москвой. А когда Красная Армия одержала победы под Сталинградом и на Курской дуге, у чехословацких патриотов, в том числе и у Карола Копалека, укрепилась вера в победу над фашизмом. Эта вера родила надежду: Советский Союз окажет братскому народу помощь, поможет изгнать оккупантов с территории Чехословакии! Чехи и словаки должны усилить борьбу за свою свободу! Должны!

Карол слышал, что на территории СССР под командованием Людвика Свободы уже была сформирована чехословацкая воинская часть, развернутая в дальнейшем в 1-й Чехословацкий армейский корпус. Он знал, что на территории Чехословакии создаются партизанские отряды. В Словакию перебрасывались из СССР советские и чехословацкие партизанские группы, впоследствии быстро переросшие в крупные партизанские формирования; в Словакию передислоцировался ряд советских партизанских отрядов; партизаны Словакии получали из СССР оружие, боеприпасы и другие материалы. Антифашистская борьба принимала все более широкие масштабы.

Выход советских войск к границам Чехословакии дал новый толчок освободительной борьбе в Словакии. Словацкое марионеточное правительство, напуганное ростом вооруженной борьбы народа, обратилось за помощью к Гитлеру. 29 августа 1944 года немецко-фашистские войска вступили в Словакию. На вторжение оккупантов народ ответил вооруженным восстанием. Центром его был город Банска-Бистрица. Во главе восставших встали коммунисты. Власть на освобожденной территории перешла в руки Словацкого национального совета. Какую позицию займет почти пятидесятитысячная словацкая армия? От этого зависело многое.

Поручик словацкой армии Карол Копалек, только что окончивший офицерские курсы, был направлен в те дни в Восточнословацкий корпус. Считая его ненадежным, в первый же день восстания гитлеровцы решили разоружить корпус. Карол Копалек не подчинился приказу фашистов. 30 августа он и многие другие словаки покинули свои части и ушли в леса, где обосновались их соотечественники, ведущие вооруженную борьбу с оккупантами.

В колонне непокорившихся фашистам воинов были и бойцы из подразделения, которым командовал поручик

Копалек. И в этом не было ничего неожиданного. Он был уверен в них, знал, что они пойдут с ним в одном ряду. Более двухсот солдат подразделения Копалек упорно пробивались, используя лесные и горные тропы, на север, к партизанам.

Для подавления Словацкого национального восстания оккупанты сосредоточили значительные силы. В Словакии развернулись ожесточенные сражения.

...Партизанский отряд, в составе которого сражался Карол Копалек, действовал смело, решительно. В нем было много советских бойцов, борьба в одном строю с которыми, на грани смертельного риска, явилась для Карола большой школой мужества и интернационализма. Копалек многое узнал от советских товарищей по оружию, многое понял в беседах с ними; общение с советскими людьми окончательно убедило его в правильности сделанного им по зову сердца выбора — в переходе в лагерь антифашистов.

Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, в соответствии с просьбой ЦК Компартии Чехословакии и правительства этой страны оказал помощь словацкому народу. За два дня до перехода советских войск в наступление штаб 1-го Украинского фронта направил за линию фронта, к восставшим словацким патриотам, группу связи, которую возглавил майор Студенский. В штабе фронта знали, что под этой фамилией действует опытный, закаленный в боях кадровый советский офицер майор Иван Иванович Скрипка.

Группа связи состояла из семи человек. Она имела несколько радиостанций и поэтому могла круглосуточно поддерживать прямую бесперебойную связь со штабом фронта. Иван Иванович быстро установил деловые отношения с руководством повстанческой словацкой армии и погрузился в работу.

В установленные сроки Красная Армия начала наступление в Восточных Карпатах.

1 октября войска 1-го Украинского фронта пересекли польско-чехословацкую границу. 6 октября воины 1-го Чехословацкого армейского корпуса при содействии советских соединений овладели Дуклинским перевалом и вступили на родную землю. Этот день впоследствии будет объявлен Днем чехословацкой Народной армии.

Войска 4-го Украинского фронта в результате проведения Карпатско-Ужгородской операции при содействии 2-го Украинского фронта преодолели Восточные Карпа-

ты, вышли на Средне-Дунайскую равнину и правобережье Тисы...

Партизанский отряд, в составе которого сражался Карол Копалек, вышел из тыла врага на территорию, освобожденную Красной Армией. Копалек за заслуги в боях с гитлеровцами награжден орденом Красной Звезды...

— Дорогой Карол, война для тебя и твоих товарищей Кубашко, Яблоньки и Хована уже окончена, — сказал командир партизанского отряда, прощаясь со словацкими патриотами, перед тем как уехать в штаб фронта для получения нового назначения. Но командир ошибся.

В середине октября немецко-фашистские войска предприняли генеральное наступление на освобожденную повстанцами территорию и к концу месяца оккупировали ее. Словацкие патриоты не сложили оружие. Они с боями отошли в горы. Вместе со словацкими и чешскими патриотами сражались советские люди, поляки, немецкие антифашисты, венгры, французы и представители других народов...

В горах действовала и группа связи, возглавляемая майором Скрипкой. С разрешения командования 1-го Украинского фронта эта группа была оставлена при Главном штабе партизанского движения Чехословакии. А спустя некоторое время майор получил назначение на должность начальника этого штаба.

После упорных боев противник захватил ранее контролируемые партизанами районы. Захватил, но не покорил народ. Борьба против оккупантов продолжалась по всей Чехословакии. Возрос объем работы, которую выполнял в то время ГШПД Чехословакии, временно обосновавшийся в Ломнистой долине. Один из непосредственных руководителей партизанского движения в Чехословакии, А. Асмоллов, рассказывая о событиях того времени, отмечал, что в составе штаба в разное время было 15—18 человек.

«...Вспоминая о многих из них, я все же хотел особо выделить Ивана Ивановича Скрипку. Именно на него, майора Скрипку, была возложена основная работа по руководству отделами штаба, сбору и анализу поступающих в штаб разведывательных и иных сведений, подготовке и отправке приказов и т. д... Это был исключительно работоспособный офицер. Не в переносном, а в прямом смысле я не знал, когда он спал. Он работал буквально день и ночь. Ко всему это был человек и большой личной отваги...»

Заместитель начальника штаба 4-го Украинского фронта глубокой ночью вызвал одного из своих подчиненных:

— Штабу фронта крайне необходимы исчерпывающие и достоверные сведения о войсках противника в районе городов Липтовски-Микулаш, Липтовски-Градок, Ружомберок. Прежде всего штаб заинтересован в получении данных о перебросках вражеских войск по основным железным и шоссейным дорогам, проходящим через этот район. Необходимо со всей тщательностью изучить имеющиеся там оборонительные сооружения, аэродромы, склады боеприпасов и горюче-смазочных материалов и другие военные объекты. Прошу вас доложить о реальных возможностях в ближайшее время десантировать в тот район группу разведчиков в пять-шесть человек. Это должны быть толковые, опытные люди, способные быстро сориентироваться в обстановке и приступить к выполнению задания. Хорошо, если бы у разведчиков уже были в том районе надежные связи, опираясь на которые они могли бы немедленно начать работу.

— Полагал бы возможным, товарищ генерал, для выполнения этой задачи направить за линию фронта группу словацких антифашистов. К работе в тылу врага они готовы, неоднократно высказывали желание драться с фашистами.

— Доложите о них обстоятельнее.

Полковник достал из папки рабочую тетрадь, быстро нашел нужную страницу:

— Командиром группы считаю возможным назначить словака Карола Копалека. Ему двадцать четыре года. Холост. В буржуазных партиях не состоял. Окончил сельскохозяйственную школу. С 1941 года проходил службу в словацкой армии. Вместе с группой партизан-словаков перешел на нашу сторону. Принимал участие в боях с фашистами.

— Вы имеете в виду поручика?

— Так точно.

— Помню, помню этого высокого, стройного, голубоглазого словака. Мы с ним беседовали после выхода из вражеского тыла в составе партизанского отряда. Производит впечатление серьезного человека.

— Именно его я и имею в виду.

— Стойкий, убежденный антифашист.

— Очень любит свою родную Чехословакию.

— Это похвально.

— Тяжело переживает оккупацию страны фашистами. Рвется в бой за освобождение родины от немецких захватчиков.

— Где живут его родственники?

— На западе Словакии.

— Вам известно, как он характеризовался партизанами?

— Отзывы отличные. Умный, уравновешенный, общительный человек. Храбро, тактически грамотно дрался с врагом. Награжден орденом Красной Звезды. Авторитетный офицер.

— Разумеется, немецкий язык он знает?

— Да, знает хорошо. Владеет также чешским, венгерским и даже немного русским.

— Кого еще предлагаете включить в группу?

— Заместителем командира группы можно было бы назначить словака Яна Кубашко.

— А он что за человек?

— Двадцать восемь лет. Образование четыре класса народной школы. С 1939 года служил в словацкой армии. Окончил школу ротмистров. Когда гитлеровцы начали разоружать словацкую армию, вместе со многими другими солдатами ушел в партизанский отряд, однако через некоторое время отряд был разбит эсэсовцами. Кубашко присоединился к другому партизанскому отряду — к тому же, где был и Копалек. Вместе с Копалекком и вышел к нам из-за линии фронта.

— Какого мнения о нем Копалек?

— Копалек его характеризует очень хорошо.

— Его семейное положение?

— Женат. Жена и сын живут в Словакии.

Полковник детально доложил о впечатлении, которое произвел на него Ян Кубашко. Затем он предложил включить в состав группы двадцатипятилетнего словака Йозефа Яблоньку, служившего в словацкой армии в подразделении, которым командовал Карол Копалек, и Михала Хована, словака двадцати двух лет. Хован также служил в подразделении Копалека. Полковник подчеркнул, что группа очень дружная, члены ее с большим уважением относятся к своему командиру.

— Считал бы возможным эту группу направить в тыл для выполнения задания.

— Что можете доложить о радисте группы?

— Разрешите доложить позднее. Вопрос сложный...

Полковник задумался.

— Пожалуй, выход есть,— помолчав, сказал он.— Есть очень хороший радист. Но только...

— Что только?..

— Меня смущают два обстоятельства.

— Какие же?

— Во-первых, это молодая девушка. Лучше было бы все-таки подобрать мужчину.

— Если у вас сейчас нет такого кандидата, что же говорить об этом варианте? А во-вторых?

— Она недавно вернулась с задания из тыла противника и пока находится на отдыхе. Ей надо восстановить силы.

— Это серьезно. Нам нужна здоровая радистка. Задание трудное. Побеседуйте с ней, посоветуйтесь с врачами.

— Слушаюсь. Сегодня же свяжусь с врачами.

— Вот и прекрасно. Разумеется, надо побеседовать еще раз со словаками. Может измениться их отношение к работе в тылу врага?

— Нет, нет. Сегодня они вновь ставили вопрос об удовлетворении их просьбы о направлении в тыл врага.

Генерал потянулся к коробке папирос. Предложил полковнику закурить и сам взял папиросу.

— В таком случае следует обстоятельно познакомить группу с обстановкой в Словакии. Расскажите им, что их соотечественники ведут активную антифашистскую борьбу. В Словакии, да и в Чехии, и в Моравии, на всей территории Чехословакии действуют партизанские группы, отряды и рядом с ними ведут борьбу многие советские партизанские формирования, пришедшие для оказания братской помощи. Фашисты предпринимают отчаянные усилия ликвидировать движение Сопротивления в Чехословакии, но безуспешно, хотя карательные органы оккупантов представляют собой крупную силу. Так что нашим разведчикам придется действовать в чрезвычайно сложных условиях. Правда, они могут рассчитывать на помощь местного населения. Несомненно, группа Копалека найдет много отважных патриотов, готовых оказать содействие.

Передайте разведчикам, это важно: чем лучше они выполнят задание, тем меньше будут потери наших и чехословацких войск.

...В штабе фронта Анна Болотова узнала, что и речи нет о ее демобилизации, более того, ей, вероятно, будет предложено вновь отправиться в тыл врага.

Болотову вызвал на беседу заместитель начальника отдела штаба фронта. Когда она узнала о предстоящей встрече, обрадовалась — она неоднократно бывала у подполковника, хорошо знала его.

Подполковник предложил Ане сесть в массивное кожаное кресло рядом с письменным столом, поинтересовался ее здоровьем, настроением, вестями от родных. Беседа быстро приобрела непринужденный, доверительный характер.

— Был у меня знакомый лейтенант, — вдруг решилась разведчица сказать о самом сокровенном. — На один год старше меня. Такой славный парень. Познакомилась с ним вскоре после возвращения из тыла противника. Несколько раз встречалась. Он пытался за мной ухаживать, говорил, что после войны обязательно найдет меня. Даже объяснился в любви. А я его отчитала.

— За что?

— Да как же! Идет такая война, а он о любви говорит. Разозлилась тогда на него ну и отчитала. Он обиделся и больше ко мне не подходил. Потом поняла, что мне этот парень не безразличен. Хороший, умный человек. Жалко его стало, но смелости не набралась, сама к нему не подошла, не извинилась за резкий разговор.

— Если он хороший человек, то никогда не поздно поговорить, объясниться с ним.

— В тыл врага уже несколько раз летала, а с ним поговорить тогда смелости не хватило. Оказывается, совсем я и не смелая.

— Может быть, я могу помочь?

— Ни в коем случае. Нет, нет! Сама разберусь... Только его почему-то сейчас здесь не видно.

— Кто же этот таинственный незнакомец?

— Лейтенант Н.

— Ах, вот это кто. Да, действительно очень хороший молодой человек. Но его здесь вы сейчас не увидите.

— Он на задании? — поспешила спросить Аня.

— Да.

— С ним все в порядке?

— Все в порядке.

— Как глупо я поступила! Наговорила столько лишнего хорошему человеку, да еще перед его вылетом в тыл врага. Как глупо...

— Ну что же поделаешь, бывает, что иной раз ска-

жем друг другу не то, что следует.— Подполковник задумался.— Может быть, еще встретитесь когда-нибудь, вот тогда и скажете ему все, что надо в таких случаях сказать.— И после паузы добавил: — Вернетесь, тогда и встретитесь. Найдете друг друга. Не теряйте надежды.

Затем заместитель начальника отдела перешел к предстоящему заданию.

— Сейчас вашей группе предстоит работа в Чехословакии.

— В Чехословакии? — удивилась Болотова.

— Да, в Чехословакии, а точнее, в Словакии.

— Ой, страшно! За границей-то я никогда не бывала,— вырвалось у Ани.

— Вы опытная радистка. Дело свое знаете превосходно. Чего страшиться? Кроме того, в вашей группе будут подходящие люди.

— А знакомые ребята в группе есть?

— Нет, Аня. Вы пока никого из членов новой группы не знаете.

— Никого? — огорчилась Болотова и еще больше заволновалась.

— Эта группа особая. Все члены ее иностранцы.

— Как, все нерусские? — удивилась девушка.

— Ни одного русского. Но они немного говорят по-русски. А командир русским языком владеет вполне прилично.

— Извините, пожалуйста,— Болотова отвернулась, вытерла глаза платком.— Все-таки страшно как-то... Я с иностранцами никогда не работала.

— Группа сформирована из надежных, проверенных на деле людей, стойких антифашистов. Но нужен опытный специалист радиодела. Командование штаба фронта надеется на вас, Аня.

— Вы-то надеетесь, а вдруг я подведу?

— Не подведете. Мы убеждены.— Подполковник сделал небольшую паузу.— Ну так как же, согласны? Повторяю, мы очень надеемся на вас.

— Если надеетесь, то как же я буду отказываться,— ответила она и вновь заплакала.

Подполковник подал Болотовой стакан с водой. Она сделала несколько глотков:

— Уж извините меня. Тоже мне разведчица.

— Ничего, ничего, успокойтесь, еще есть время подумать о нашем предложении. В конце концов, можете и отказаться. Приказывать не будем.

— Я же не отказываюсь. Чего думать-то? Если надо, так и раздумывать нечего. Мне ваше доверие дорого. А потом, я же комсомолка.

— Хорошо, завтра дадите ответ.

Бессонная январская ночь показалась Ане Болотовой бесконечно длинной. Ее одолевало множество вопросов: как пойдет служба? Что ожидает там, за линией фронта? Оправдает ли доверие? Как сложатся отношения с иностранцами? На улице было еще темно, а соседний дом уже ожил: слышались женские голоса. Аня встала с постели. Чтобы не потревожить скрипом половиц сон подруг, осторожно, словно шагая по лесной тропе во вражеском тылу, подошла к окну и отдернула штору. У дома через дорогу стояли две девушки в военной форме с вещевыми мешками в руках.

Холод, которым тянуло от окна, вернул Аню в еще не остывшую постель. Укутавшись стеганым ватным одеялом, она почувствовала уют, напоминавший родительский дом, но почти тотчас же к ней вновь вернулись думы о беседе с подполковником...

Дни стояли на удивление погожие. Ясное небо, безветренно, светит солнце. В Центральной России январь значительно суровее. Ане Болотовой припомнился родной городок Вичуга. Там, конечно, холоднее, но какие прекрасные ночи! Чистое, усыпанное звездами небо, щедро светит луна. Как любила Аня с подружками гулять в такие ночи по городским улицам!

Каждый раз, когда Аня Болотова встречала в штабе фронта кого-нибудь из молодых, еще не побывавших в тылу врага разведчиков, она испытывала неловкость. Она не любила, когда ее донимали вопросами. Ане всегда казалось, что они словно упрекали: «Вот, собираешься на задание, а нас почему-то не пускают. Какая несправедливость!» Она сама все это пережила много месяцев назад и оттого понимала и даже жалела их. Все эти разговоры ведутся на одни и те же темы: почему кого-то уже направили на настоящее дело, а другим все еще приходится сидеть в штабе... Страсти подогревают различные слухи и легенды о подвигах разведчиков. Неискушенный только ахает и при случае сам в беседах с такими же, как он, новичками не прочь поделиться дошедшей до него молвой. Однажды бывалый фронтовик рассказывал о том, как группа разведчиков, выброшенная в тыл врага на парашютах, была встречена на земле пулеметными очередями карателей, как десантники садились прямо на шты-

ки фашистов. И это был не миф. Так, к сожалению, бывало.

Аня Болотова слышала, что в декабре 1941 года фашисты схватили восемь разведчиков-москвичей в Волоколамске, расстреляли их, после этого вторично убили — повесили на городской площади. Позднее будет установлено, что фашисты казнили восемь комсомольцев-разведчиков штаба Западного фронта. Вот их фамилии: К. Ф. Пахомов, Н. А. Галочкин, П. В. Кирьяков, В. В. Ординарцев, А. С. Каган с завода «Серп и молот», И. А. Маненков с завода «Москабель», А. В. Грибкова и Е. Я. Полтавская — студентки Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина.

Много страшных и героических историй слышала Аня. Если бы кто-нибудь из журналистов взялся записать эти рассказы, то конечно же получилась бы книга, которая по остроте сюжетов превзошла бы все произведения, являвшиеся порождением фантазии авторов.

Лене Суровневой было всего шестнадцать лет, когда гитлеровцы оккупировали родное село. Лена, как и родители, ушла в партизанский отряд. Позднее стала бойцом группы советских военных разведчиков, успешно выполняла ряд заданий, собирала сведения о вражеских войсках, о планируемых оккупантами карательных операциях. Но однажды отважная девушка, возвращаясь с очередного задания, попала в засаду. Отстреливаясь из пистолета, Лена отчаянно пыталась вырваться из вражеского кольца, но не смогла. Ее зверски пытали и, ничего не добившись, расстреляли. Через несколько дней было обнаружено истерзанное тело погибшей патриотки. За манжетом рукава куртки, в которую была одета Лена, нашли записку: «Я, советская разведчица, присланная из Москвы, хоть и погибну, но все же вам, паразитам, на нашей земле не жить... Немцы, немцы, за что воюете? Как не хочется погибать...» Тело Лены Суровневой погребено на кладбище деревни Богомолово Себежского района Псковской области. Командование посмертно наградило ее орденом Отечественной войны.

Разведчица Ольга Жукова из Калининской области погибла, когда ей было двадцать лет. Восемь месяцев работала она в тылу врага. 16 сентября 1943 года, возвращаясь на базу своей группы, располагавшейся в глухом лесу, была окружена карателями. Когда поняла, что положение безвыходное, последний патрон использовала для себя...

Радистам подчас приходится особенно тяжело. Ведь значение их труда для многих людей невозможно переоценить. В самых сложных условиях они обязаны выстоять, обеспечить связь, сделать все, чтобы работа группы была эффективна. Что и говорить, нелегко было девочкам воевать, как никто, страдали они от невыносимых бытовых условий, но не ныли, делали все возможное и даже невозможное ради победы.

...Офицер штаба фронта и Аня Болотова вошли в комнату, в которой четверо мужчин в советском военном обмундировании, но без погон, склонившись над развернутой на длинном столе топографической картой-километровкой, вели оживленный разговор на словацком языке. Кто-то из них услышал скрип половиц и, увидев капитана, подал команду, по которой мужчины встали, вытянув руки по швам.

— Прошу вас, товарищи, познакомиться еще с одним членом вашей группы,— сказал капитан.

Возникла пауза. Болотова видела, как четыре пары глаз мгновенно впились в нее. Она, кажется, даже чувствовала, слышала их произнесенные слова: «А ну, какова ты? На что способна? Можно ли с тобой лететь за линию фронта?»

— Старшина Болотова назначена радисткой вашей группы.— Капитан понял смущение девушки и некоторую растерянность мужчин: они, возможно, не ожидали, что радистом будет девушка.— Прошу знакомиться.

Командир группы Карол Копалек подошел к радистке и пожал ей руку. Потом познакомил ее с другими членами группы...

Начались трудовые будни, хлопотливые, утомительные, заполненные работой, связанной с подготовкой к десантированию в тыл врага. Аня присматривалась к словакам, они изучали ее. Со временем девушка немного успокоилась: командир группы оказался приветливым, добродушным мужчиной, только на один год старше ее. Он был серьезен, строг, подтянут. По всему видно, что прошел солидную школу солдатской жизни.

...Минуло три с половиной года войны, в напряженных сражениях которой советские войска добились громадных успехов. Уже была очищена от оккупантов советская земля. Наши воины освободили от фашистов ряд стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Под ударами Красной Армии развалился фашистский блок. Огненный вал войны докатился до Восточной Пруссии. Но фашист-

ская Германия еще располагала значительными военными силами и, отчаянно сопротивляясь, пыталась отсрочить час своей гибели. Для разгрома противника требовались еще напряженные усилия Советских Вооруженных Сил. Предстояли ожесточенные схватки с врагом на широком фронте. Советские войска готовились к завершающим сражениям.

Напряженно трудился в те дни и штаб 4-го Украинского фронта, соединения которого должны были вскоре вновь начать активные наступательные операции. А сейчас в штабе анализировали сведения о войсках противника, поступавшие от разведчиков, действовавших во вражеском тылу. На топографических картах появились новые линии, стрелки, условные обозначения, цифры, краткие справки...

Штабу требовались дополнительные сведения о вражеских войсках. Исходя из планов предстоящих сражений, готовились к десантированию на оккупированную врагом территорию Чехословакии группы разведчиков.

Как это часто бывает на фронте, в планы подготовки группы Копалека были внесены существенные изменения. Сроки подготовки резко сокращены.

Ни Копалек, ни его друзья тогда не знали, что для демонстрации своей силы немецко-фашистское командование решило 16 декабря 1944 года нанести удар по американско-английским войскам в Арденнах. Гитлеровцы пытались вынудить правительства США и Англии к сепаратному миру. В результате этого удара у наших союзников создалось тяжелое положение. Премьер-министр Англии обратился за помощью к Советскому правительству. Верный своим союзническим обязательствам, СССР ускорил подготовку войск к наступлению. В середине января наши Вооруженные Силы развернули мощное наступление на фронте от Балтийского моря до Дуная...

Вечером 19 января 1945 года разведчики группы Карола Копалека прибыли на фронтовой аэродром. Их уже ждал транспортный самолет ЛИ-2. Представитель штаба фронта, приехавший на аэродром, чтобы проводить группу, давал последние напутствия разведчикам. Особое внимание уделил радистке Болотовой: он заметил, что Аня волнуется, и старался ее успокоить.

К разведчикам подошел пилот:

— Товарищ капитан, пора начинать посадку.

Капитан попрощался с разведчиками, и они поднялись по небольшому, пружинящему под их тяжестью тра-

пу в самолет. Капитан помог радистке. Захлопнулась дверь, заработали двигатели. Пробежав по взлетной полосе, самолет отделился от земли и устремился в ночное небо.

Разведчики, прильнув к иллюминатору, всматривались во мглу, окутавшую землю.

Аня Болотова оторвалась от иллюминатора и взглянула в тускло освещенный синей лампой салон самолета. Когда глаза освоились с темнотой, она увидела, что инструктор парашютно-десантной службы уже ушел в пилотскую кабину. Ане стало неуютно от того, что видела только пятерых мужчин, пятерых иностранцев. Она оказалась одна среди них. Неожиданно почувствовала тревогу. Все же это были чужие... Аня оборвала себя: о чем она думает? Главное — сможет ли обеспечить радиосвязь группы с Центром. А остальное несущественно. Да и штаб фронта не стал бы посылать в тыл врага ненадежных людей. И все-таки беспокойство не проходило. Через несколько часов ее жизнь может оборваться... Мало ли неожиданностей случается при приземлении...

Под монотонный рокот двигателей одна терзавшая сердце мысль сменялась другой. Медленно двигались стрелки часов. Минуты полета показались ей вечностью.

В 22 часа из пилотской кабины вышел инструктор парашютно-десантной службы и сообщил, что самолет летит над долиной реки Ваг. Впереди город Липтовски-Градок. Скоро цель.

Уже несколько раз довелось пролетать Ане Болотовой над линией фронта. Бывало, что вражеские зенитки обстреливали самолет и осколки разорвавшихся снарядов словно крупный град стучали по его металлической обшивке. Приходилось ей бывать и в ситуациях, когда от жизни до смерти — одно мгновение, но никогда девушка не теряла надежды на благополучный исход. Она знала, что за штурвалом самолета опытные пилоты. Да и десантирование проводилось на занятую врагом, но нашу, родную территорию. Рядом были наши, советские парни. А сейчас все не так. И прыгать придется на территорию чужой страны, и в группе нет ни одного советского человека. Аню вновь охватило смятение, и она ничего не могла с собой поделать.

Неожиданно зажглась и погасла сигнальная красная лампочка, раздался вой сирены. Это означало приготовиться к прыжку!

Всего секунды отделяли теперь Аню от неизвестности.

Карол Копалек, а за ним и другие разведчики поднялись с металлических скамеек, протянувшихся вдоль бортов фюзеляжа, и, придерживаясь рукой за борт, подошли к дверям. У одной из них уже стоял штурман, а у другой — инструктор парашютно-десантной службы. У правой двери приготовились командир группы, за ним радистка. Через левую дверь были готовы прыгать остальные члены группы.

Двери распахнулись, и в самолет со свистом ворвался обжигающий холодный ветер. Внизу — непроглядная мгла. Копалек внимательным взглядом окинул товарищей, ободряюще улыбнулся. Глянула на мужчин Болотова и поежилась: головы у всех опущены, никто не повернулся, не махнул приветливо рукой, как это делали ребята в других группах.

Дважды зажглась красная лампочка, дважды прогудела сирена.

— Приготовиться! Пошел! — раздалась команда. И тотчас же Копалек, ухватившись рукой за борт самолета, приготовился к прыжку. Вот он взглянул вновь на товарищей и, прикрыв лицо ладонью, исчез в черном проеме открытой двери. За ним шагнула радистка. Один за другим прыгали разведчики через левую дверь.

Они приземлились в лесу около города Липтовски-Градок. Сильный ветер разбросал их далеко друг от друга.

На Болотову, не знавшую, где искать других членов группы, на первых порах навалилась тоска. Подгоняемая страхом, она пробиралась по снежным сугробам на запад. Почему шла туда? Объяснить не могла, может быть, потому, что там была черная стена леса, который под натиском разбушевавшегося ветра тревожно стонал, гудел, скрипел. Лес все же мог дать ей укрытие от возможных преследователей.

Неожиданно Аня в лесной мгле разглядела человека, осторожно пробиравшегося сквозь густые заросли. Девушка замерла от страха, но вскоре узнала в нем заместителя командира группы. Болотова вслушалась в шум леса: никаких посторонних звуков не отметила. Значит, никого другого рядом нет! Аня обрадовалась, что встретился Кубашко. Ему она почему-то доверяла больше других.

— Ян! — спрятавшись в кустах, Аня окликнула мужчину напряженным шепотом. — Ты один?

— Один. — Ян Кубашко узнал радистку по голосу. — А ты?

— Тоже одна.— Она спрятала пистолет под полрой пальто.

— Где ты?

— Здесь я, здесь,— откликнулась радистка, выходя из кустов.

Болотова приблизилась к товарищу по группе и сразу же почувствовала невероятное облегчение. Как хорошо, что ей встретился Ян!

— Поздравляю тебя, Аня, с благополучным приземлением.

— Спасибо, Ян. А тебя поздравляю с возвращением на родину, в Словакию.

— Очень тебе благодарен. Это так. Но моя страна захвачена фашистами. Что с моей семьей? Живы ли жена, сын, сестра?

— Скоро, Ян, эта земля будет очищена от оккупантов, и ты сможешь навестить родных.

— Да, я думаю, что это произойдет скоро, очень скоро. А пока надо искать других.— Ян взял у Ани тяжелую сумку с батареями для радиации.

— Ян, ты парашют надежно спрятал? — поинтересовалась Аня.

— Да, конечно. Как рекомендовали советские товарищи в штабе фронта.

— Ну и прекрасно,— успокоилась радистка.

Аня и Ян стали искать других членов группы. Прошел час, но никого найти не удалось.

— Ян, скажи, пожалуйста, а другие товарищи не бросили нас?

— Аня, дорогая, не надо так плохо думать о словаках. Мы друзья, мы братья.

— Извини, Ян,— смутилась девушка.— Давай забудем этот разговор. Хорошо?

— Хорошо. Я понимаю тебя, Аня. Нелегко, конечно, поверить иностранцам. Но мы же славяне, значит, братья.

— Тебе я верю. А других совсем не знаю.

— Не сомневайся,— успокаивал Кубашко Аню.— Все они настоящие товарищи. Карол, наш командир, не полетел бы в разведку с тем, в ком не убежден. Он очень осторожный, бдительный человек.

— Спасибо, Ян. Извини меня.

— Дорогая Аня, мы тебя не обидим и в обиду не дадим. Я верю командиру. Он преданный друг Советского Союза.

За разговором они и не заметили, как выбрались из леса и по извилистым горным тропам прошли сравнительно большое расстояние. Ян Кубашко шел впереди. Неожиданно он увидел белый купол парашюта, накрывший макушку высокого дерева. Подойдя поближе, увидел беспомощно висевшего на стропах десантника. То был Йозеф Яблонька. Ян помог другу спуститься с сосны. Быстро спрятав парашют, Ян, Йозеф и Аня продолжили поиски других товарищей. Вскоре нашелся и Михал Хован. А командира группы в ту ночь найти так и не удалось. Словно сквозь землю провалился Карол Копалек. Четверку возглавил заместитель командира группы.

Первое утро на словацкой земле Аня Болотова встретила тяжелой головной болью. Сказались нервное напряжение и бессонная тревожная ночь.

Бушевавший всю ночь ветер к утру успокоился. Небо посветлело, стали различимы густые тучи, из которых могли в любой миг обрушиться на землю громадные массы снега. Постепенно восток алел, темнота отступала, и, когда ветер разогнал тучи, Болотова увидела Татры. Особенно красивы были горы при восходе солнца, когда оно своими яркими лучами подсвечивало вершины.

После кратковременного отдыха разведчики продолжили путь.

— Михал, помоги Ане, — распорядился Кубашко. — Возьми у нее батареи. И вообще, ты отвечаешь за ее охрану. Понятно?

— Обеспечу безопасность нашей Ани. Не беспокойся. Ни на шаг не отпущу ее от себя.

— Почему Михалу поручаешь? — шутливо, с наигранной обидой возразил Яблонька. — Я тоже хочу оберегать Аню.

— Почему? — поинтересовался Ян. — Чем ты лучше Михала?

— Выше ростом.

— Ну и что из этого?

— Как ну и что? Очень просто. Я смело могу заменить мачту для антенны, — засмеялся Йозеф.

— Это верно, — поддержал шутливый разговор Кубашко. — Дотянешься до шпиля Пражского Града.

— Значит, я буду сопровождать Аню?

— Нет. Охранять ее будет Михал.

— В таком случае надо спросить мнение Ани, — продолжал шутить Яблонька. — Аня, скажи, пожалуйста, кого ты выбираешь себе в личную охрану? — смеясь, спросил

Яблонька девушку, но шутки ее не веселили. Она молчала.

— Аня, кого выбираешь в телохранители? — добивался своего весельчак Яблонька.

— А разве я отвергла Михала?

В душе Аня была довольна, что рядом с ней шел Михал Хован, спокойный, тихий молодой человек. Скромностью своей и застенчивостью он вызывал доверие.

...В середине дня группа достигла густого лесного массива на горной вершине. С горы была хорошо видна долина реки Ваг, над которой несколько часов назад пролетали разведчики. По железной дороге, проходившей по долине, сновали товарные поезда.

— Ян, надо бы сообщить в штаб фронта о прибытии сюда, — сказала Болотова старшему группы. — Там наверняка беспокоятся о нас.

— Но мы еще не нашли командира. Удобно ли без него посылать радиogramму? — засомневался Кубашко.

— Надо доложить. Надо, Ян, — настаивала Аня. — Ждут от нас донесения. Любого.

— Хорошо. Согласен.

Михал Хован помог Ане развернуть рацию. Через несколько минут Болотова включила аппаратуру и быстро установила связь с Центром. Обрадованная хорошей слышимостью, Аня передала первую радиogramму, составленную Яном Кубашко: «Находимся в трех километрах западнее Липтовски-Градок. Командир группы пока на место сбора не пришел. Ведем его поиски...»

А через несколько часов нашелся и Копалек. При десантировании сильным ветром его снесло далеко от намеченной точки приземления.

Болотова с радостью наблюдала за встречей командира со своими бойцами. Казалось, встречались после долгой разлуки не просто члены одной боевой группы, а родные друг другу люди. Она увидела братские отношения подчиненных и командира. Как трогательна эта встреча! Пожалуй, вот эта встреча и помогла окончательно разрушить все Анины сомнения.

Карол Копалек стоял на земле родной Чехословакии. В первые минуты после приземления он испытал волнение, какого не переживал в своей жизни никогда. Он на словацкой земле. Здесь его родина, с которой связана жизнь Карола, его родителей и предков. Здесь он родился и вырос, здесь трудился, жил, впервые полюбил девушку. Чехословакия! Какое счастье вернуться домой! Это может

понять только тот, кто с болью в сердце был вынужден покинуть оккупированную врагом родину. Сегодня был великий для Карола день — он вернулся, чтобы вести бой на невидимом фронте за освобождение Чехословакии от фашистов. Он ведет бой впереди атакующего вала частей и соединений Красной Армии, выполняющей освободительную миссию в Восточной и Юго-Восточной Европе. Карол вновь почувствовал себя причастным к героическим делам своего народа, поднявшегося на борьбу с оккупантами.

В очередном сеансе радиосвязи Болотова передала в Центр радиogramму, в которой сообщалось, что группа собралась в полном составе и во главе с командиром приступила к выполнению задания.

Жизнь группы приобрела четкий, деловой характер. Мужчины сосредоточили внимание на сборе сведений о войсках противника. Работали активно, с азартом, настойчиво. Казалось, никто не чувствовал усталости.

В Центр систематически направлялись донесения со сведениями о гарнизонах противника в ближайших населенных пунктах, о перебросках вражеских войск по дорогам, проходящим через Липтовски-Градок. С особой гордостью за соотечественников Карол составил радиogramму о действиях в Словакии ряда партизанских групп и отрядов.

Через несколько дней командир направил Яблоньку в близлежащее село, чтобы попытаться установить связь с местными жителями и с их помощью пополнить запасы продовольствия.

Йозеф зашел в несколько домов, но никто продуктов питания не продавал. Все, как один, говорили одно и то же: продуктов нет, идите к председателю рады Владиславу Ковачу. Может быть, он сможет помочь. Йозеф узнал, что местные жители уважительно относятся к председателю рады, считают его вполне порядочным человеком. Ему недавно исполнилось двадцать шесть лет. Был солдатом словацкой армии, как и Яблонька, не встал на колени перед оккупантами и, прихватив оружие, ушел к партизанам. После подавления Словацкого национального восстания пробрался в родные края.

Однажды вечером Яблонька зашел к Ковачу и попросил у него несколько килограммов мяса и хлеба. Йозеф сказал, что продукты требуются небольшой группе партизан, обитающих в лесах.

— Не могу помочь, — ответил Ковач. — Не могу!

— Ты же словак. Неужели не поможешь братьям своим, партизанам? Они голодают. Понимаешь это?

— Не могу.— Вновь решительно отказал Ковач.— Много в лесах болтается всякого народа, не могу же всех обеспечивать мясом и хлебом.

— Но мы партизаны, а не всякий сброд.

— Кто командир?

Йозеф задумался. А что, если этот председатель рады не такой уж надежный человек, как о нем отзывались местные жители? Зачем ему знать фамилию командира? Яблонька, огорченный результатами беседы, покинул дом Ковача. На базе он обстоятельно доложил командиру о встрече.

Через несколько дней поздним вечером с Владиславом Ковачем встретился Ян Кубашко. Опытный солдат во время беседы с земляком сумел вызвать уважение и доверие к себе. Председатель рады пообещал выделить разведчикам некоторое количество продуктов питания, а в конце беседы заверил:

— Слушай, Ян! Владислав Ковач окажет вашей группе необходимую помощь. Не сомневайся. Будем громить фашистов совместными усилиями. Можете мне доверять, я ваш добровольный помощник!

— Спасибо тебе, брат, спасибо.— Ян крепко пожал руку Ковача. Тот обнял Кубашко.— Ты, я уверен, поможешь нам.

— То правда, помогу. А теперь прошу поужинать, отведать сливовицы и закусить.

Ян не отказался. Кнедлики с острым аппетитным соусом воскресили в памяти Кубашко приятные воспоминания о родном доме. Его мать умела готовить необычайно вкусную подливку.

Во время ужина Ян и Владислав переговорили о множестве интересовавших их вопросов. Ян рассказал новому товарищу об успехах Красной Армии на фронтах, заверил Ковача, что родная Чехословакия скоро будет очищена от оккупантов.

— Все, что ты мне рассказал, очень важно. Словаки надеются на помощь Красной Армии. И мы должны оказать ей помощь.

— Вот и помоги нам.

— Помогу. У меня есть большие возможности наблюдать за оккупантами. Могу свободно разъезжать по всему району по пропуску, выданному мне немцами. Все, что сумею узнать, сообщу тебе.

— Для начала прошу тебя узнать, есть ли немецкие войска в соседних населенных пунктах. Понятно?

— Конечно, все понял.

— Ну, успеха тебе. Встретимся через три дня.

Новые друзья договорились о месте встречи и расстались.

Намного раньше назначенного времени пришел Ян Кубашко на условленное место. Он внимательно изучил окружающую местность, более часа наблюдал за дорогами и тропами. Ничего настораживающего не заметил. Но полного успокоения не было. Фашисты могут нагрянуть и во время встречи, если Ковач сотрудничает с оккупантами. Ян отошел от места будущей встречи километра на два навстречу Ковачу в надежде перехватить его по пути. Он укрылся на возвышенности в густых кустах, откуда хорошо просматривалась проходившая по долине реки Ваг дорога, по которой должен следовать Ковач. По времени Владислав уже должен был появиться, но его не было. Ян занервничал. Неужели Ковач обвел его вокруг пальца? Неужели обманул? Ну, если так, то надо продумать меры предосторожности.

Ян Кубашко стал уже размышлять о тех мерах, которые должна предпринять группа. Вдруг его мысли прервал неожиданный шум. Натужно урчали двигатели ползших по дороге в восточном направлении грузовых автомобилей с укрытыми брезентом кузовами. Клубы снега, перемешанные с выхлопными газами, окутали кусты, в которых сидел Ян. Он сосчитал количество грузовиков, но разглядеть опознавательные знаки на машинах не смог. Первоначально появившаяся мысль о том, что в грузовиках были каратели, не подтвердилась. Когда грузовики проехали, Ян увидел вдалеке конную упряжку. Гнедой, блестящий в лучах дневного солнца конь бежал трусцой. Ян, узнав в ездвом Владислава, быстро выбрался из кустов на дорогу. Ковач извинился за опоздание: дорога была забита колонной германских машин, и он должен был выждать. Потом рассказал о посещении нескольких населенных пунктов и собранных там сведениях. Ян слушал и внимательно наблюдал за его поведением. Кто все же он такой, Владислав Ковач? Друг или враг?

Поблагодарив, Ян исчез в лесу.

На базе Копалек выслушал доклад Яна. Задумался.

— Надо тщательно проверить сообщенные Ковачем сведения,— заключил Карол.— Тщательно!

Разведчики проверили полученные от Владислава данные о противнике. Все, что он сообщил, подтвердилось.

— Значит, Ковач честный человек,— обрадовался Кубашко.— Как хорошо, что не ошибся в нем. Молодец Владислав.

В тот же день в Центре была получена переданная Болотовой радиোগрамма:

«Противник минирует мосты на дороге между Липтовски-Градок и Липтовски-Микулаш. Заминированы... Севернее населенного пункта Н. обнаружен военный аэродром, на котором находятся самолеты транспортной авиации. В частности, отмечены «юнкерсы»... В спешном порядке создаются оборонительные сооружения на рубеже...»

Владислав Ковач регулярно выполнял просьбы разведчиков по сбору сведений о противнике и обеспечивал десантников хлебом, мясом, картофелем, солью, сахаром и другими продуктами питания из запасов продовольствия, припрятанных патриотами от оккупантов. На встречи с ним приходили Кубашко и изредка Копалек.

Ковач стал верным помощником разведчиков. Он, хорошо знавший «новый порядок», установленный гитлеровцами, понимал, что, если они узнают о его подпольной антифашистской деятельности, ему грозит неминуемая смерть. Специальные подразделения карателей были натренированы на массовое уничтожение непокорных.

Однажды Копалек, встретившись с Ковачем, понял, что он необычно возбужден.

— Каратели совсем обезумели,— голос его дрожал, глаза горели гневом.— Мне сообщили, что они с деревней Балаже расправились, как с Лидице. Ночью напали и ни одной живой души не оставили.

— Безумие! Ну и звери! — негодовал разведчик. Он в войну видел множество пепелищ, могил, виселиц. Он знал, какая печальная участь постигла словацкое село Склабину. В селе Загай в живых остался лишь один старик.

— Выход у нас, Владислав, один. Надо скорее гнать фашистов из Чехословакии!

Уже прощаясь, Копалек попросил Владислава съездить в город Липтовски-Микулаш и узнать, сколько там вражеских войск, каковы оборонительные сооружения. Ковач быстро и добросовестно выполнил эту просьбу. Доверие к нему еще более окрепло.

Разведчики между тем организовали около железных и шоссейных дорог наблюдательные пункты и с них круглосуточно следили за перебросками войск. Почти ежеднев-

но штаб фронта получал подробные сведения о результатах наблюдения.

Как-то офицеры штаба фронта отметили на топографической карте населенные пункты, информацию о войсках противника в которых доложил Копалек. Выходило, что разведгруппа держала под контролем территорию, равную крупной области. Конечно, только своими силами с подобной задачей группа не справилась бы. Но если учесть, что у разведчиков были надежные помощники, то станет ясно, что их глаза и уши умножали возможности разведчиков.

О многом Болотова передумала за время работы во вражеском тылу, она осунулась, очень устала. Но дни и ночи раздумий перевернули в ней представление о людях, с которыми она в составе одной группы работала, подвергаясь смертельной опасности. У нее появилось доверие к иностранцам, оказавшимся истинными антифашистами. Она увидела интернациональное единение людей, разных по возрасту, образованию, социальному положению, но объединенных одним стремлением борьбы с фашизмом. Словаки-разведчики гордились сделанным выбором, понимали, что, помогая СССР, борются за освобождение от фашистских оккупантов своей родины. Аня гордилась тем, что командование доверило ей вместе со словацкими друзьями пройти частицу того трудного пути, которым в ожесточенных боях с врагом шла Красная Армия, выполнявшая свой интернациональный долг.

Копалек высоко ценил труд своих подчиненных, но его беспокойная душа требовала от них более активных действий.

— Нужен «язык», — сказал командир Йозефу Яблоньке. — Возьми кого-нибудь в помощники и приведите «языка», который помог бы уточнить интересующие штаб фронта сведения.

— Есть, товарищ командир! Будет «язык».

И действительно, на следующий день Карол Копалек беседовал с пленным. Тот сообщил, что его пехотный полк стоял в тыловой зоне. Сейчас их спешно перебрасывают через Ружомберок на фронт. Пленный назвал командиров, которых знал, рассказал о вооружении своей части, настроении солдат и ответил на многие другие вопросы. После допроса пленного передали местным партизанам — он будет полезен и им.

На следующий день на базу разведчиков наткнулись несколько местных жителей, пробиравшихся на лыжах по

лесу. Днем позже к базе приблизился неизвестный отряд. Копалек приказал:

— Готовиться к немедленной передислокации. Здесь оставаться нельзя. Пойдем в южном направлении.

Ночью разведчики отправились в путь. К утру добрались до намеченного пункта и там развернули свою базу.

В последних числах января Копалек получил радиogramму из штаба фронта: «Войска Красной Армии продолжают стремительное наступление. Противник, упорно сопротивляясь, отходит. Ваши сведения о переброске войск чрезвычайно ценны. Продолжайте и впредь систематически докладывать...»

Разведчики видели, чувствовали, что огненный вал войны стремительно накатывается на район их действий. Опытная Аня Болотова, не раз переживавшая такое радостное, но чрезвычайно опасное для бойцов невидимого фронта время, выбрала удобный момент и поделилась с командиром своими мыслями:

— Карол, надо полагать, скоро по долине реки Ваг, по всем дорогам, по лесам, в которых мы расположились, хлынут отступающие фашистские войска.

— Давно я ждал этого момента.

— Это действительно радостное событие. Но можно ли оставаться здесь? Не уйти ли подальше в горы?

— Уже не успеть...

Решение командира было неожиданным.

— Переберемся в какой-нибудь населенный пункт. Там и укроемся в подвале или на чердаке.

Разведчики обосновались в селе, которое фашистский тыловой гарнизон уже в панике покинул.

Советские войска вступили в село днем и, не задерживаясь, устремились вперед, на запад. Разведчики неожиданно оказались в тылу своих частей, преследовавших врага. Когда фронт откатился от села, Болотова развернула рацию: надо было срочно передать радиogramму в штаб фронта.

Аня погрузилась в работу. Установив связь со штабом, она начала выстукивать ключом свои точки-тире. Однако в самый разгар работы группы фашистов, также оказавшиеся в тылу у наступающих советских частей, обстреляли село из минометов. Огонь был плотным, смертоносным. Одна мина упала недалеко от дома, в котором работала Аня, но она словно не слышала взрыва и звона разбитых оконных стекол, хладнокровно и сосредоточенно продолжала передавать радиogramму.

...Через несколько дней группа разведчиков в полном составе была в штабе 4-го Украинского фронта.

Аня испытала острое чувство счастья, оттого что оказалась на Большой земле. Ах как хочется жить! Жить, чтобы победить. Победить, чтобы жить, осуществить свои мечты! Нет, не очерствело ее сердце на войне.

При первой же возможности Болотова повидалась с замполитом. После беседы по служебным вопросам она спросила о лейтенанте Н. Подполковник сообщил, что лейтенант жив и здоров, сейчас находится за линией фронта на выполнении задания.

Карол Копалек доложил командованию о выполнении задания. А когда заместитель начальника штаба фронта попросил охарактеризовать членов группы, он начал доклад с радистки.

— За нее очень беспокоился, — неторопливо докладывал Копалек. — Но мои опасения были напрасными. Она оказалась очень внимательным ко всем нам товарищем и превосходным специалистом. Ее радиостанция работала безотказно. В условиях холодной погоды и многочисленных переходов по заснеженным горным и лесным дорогам она проявила выносливость, мужество, настойчивость. Болотова работала безупречно, выполнила свой долг и одновременно для всех нас была внимательной медицинской сестрой и хозяйкой. Хотел бы поблагодарить командование за то, что нам, словакам, выделили такую прекрасную радистку. Она, по нашему убеждению, бесспорно достойна награждения.

— Спасибо, товарищ Копалек, за теплые слова о радистке. Не скрою, когда мы рекомендовали ее вам, было у нас некоторое беспокойство: как сложатся в группе отношения между вами. Но мы серьезно рассчитывали на ее опыт. И рады, что не ошиблись. Что скажете о других членах группы?

— Все наши товарищи вполне справились с задачами. Проявляли смелость, находчивость, работали с большим желанием. В группе была хорошая дисциплина. Все старались добросовестно выполнять мои приказы. Самый молодой у нас боец, Михал Хован, и тот был очень исполнительен. Теперь он уже опытный разведчик. Очень хорошо работал Ян Кубашко. Он мог бы сам возглавить группу, если бы в этом возникла необходимость.

Копалек детально охарактеризовал каждого члена группы и в заключение попросил:

— Прошу оставить нашу группу в прежнем составе и

вновь направить в тыл фашистов. Мы стали друзьями, полностью доверяем друг другу. Жалко расставаться.

— Хорошо, товарищ Копалек. Ваши предложения учтем.

— Товарищ генерал, у меня есть к вам просьба. От имени словаков.

— Слушаю вас.

— Красная Армия очищает нашу страну от фашистов. Спасибо советским воинам. Но мы, словаки, тоже должны принять участие в этой борьбе, в освобождении Чехословакии. Прошу вас разрешить нам продолжать драться с оккупантами за свободу нашего народа. Пошлите нас в тыл врага сейчас же. Мы все готовы выполнить любое задание. Нам не нужна длительная подготовка. Нельзя медлить, а то опоздаем, Красная Армия без нас разобьет фашистов. Пошлите, пожалуйста.

— Товарищ Копалек, благодарю вас за готовность продолжить борьбу с фашистами. Нам ваша помощь и помощь ваших товарищей очень нужна. Думаю, что просьбу удастся удовлетворить.

— От имени всей группы заявляю, что мы оправдаем ваше доверие.

— А теперь, пожалуйста, отдохните, подлечитесь.

— Разве можно сейчас отдыхать? Нет, отдых нам не требуется. Мы здоровы. Отдыхать будем потом, после войны. Нужно спешить туда, где идет бой.

Отдых бойцов группы Копалека был недолгим.

В ночь на 26 марта 1945 года разведгруппа Копалека вновь была направлена в тыл врага. На этот раз в Моравию. Предстояло работать в районе Валашске-Мезиржичи.

5

...Уже минул месяц, как группа разведчиков, возглавляемая Копалеком, действовала в тылу врага.

По просьбе Карола состав группы в основном сохранен прежним. Только вывели из нее Яна Кубашко — он возглавил вновь сформированную группу. Вместо него включили еще одного радиста, венгра Альберта Пала.

Альберт Пал по возрасту был старше других членов группы. Он родился в Венгрии в крестьянской семье и с детства был приучен к труду. В довоенное время ему удалось окончить юридический факультет университета. Работал в управлении железных дорог. В феврале 1944 года его призвали на военную службу и через несколько меся-

цев направили на фронт в составе венгерской армии. Командир пулеметной роты младший лейтенант Пал быстро разобрался в обстановке и, порвав с прошлым, встал на путь антифашистской борьбы...

В течение месяца разведчики систематически докладывали в штаб фронта сведения о войсках противника.

Карол Копалек ночей не спал — решал оказавшуюся невероятно трудной задачу по установлению контакта с бригадным генералом в отставке Йозефом Брауном — Оравским.

Копалек знал, что Йозеф Браун родился в 1884 году в Чехии. Получил военное образование. Участвовал в первой мировой войне. В Чехословакии длительное время преподавал в военных учебных заведениях. В 1938 году вышел в отставку и поселился в одной небольшой деревушке. Когда гитлеровские войска оккупировали Чехословакию, Браун включился в антифашистскую борьбу.

Разведчики упорно искали пути установления связи с генералом, но все их попытки оставались безуспешными.

...В тот день Яблонька продолжал поиски Брауна — Оравского. Копалек же отправился в город Рожнов в надежде прояснить положение с Оравским через своих знакомых. Во время Словацкого национального восстания в этом районе было несколько партизанских отрядов, а после подавления восстания убежищем для них стали горы.

Красиво в разгар весны в горах! Щедрое солнце обильно поливало землю живительным теплом; леса и поляны оделись в такой красочный наряд, что глаз не оторвать. Каролу казалось, что более прекрасных мест не найти.

Весь день Копалек был в пути. Он шел горными тропами на восток, обходя стороной деревушки и хутора — знал, что в этих краях крестьяне начали полевые работы и трудились на своих клочках земли от восхода до заката солнца. Встречаться с местными жителями пока не входило в его планы.

Солнце уже скрылось за горными хребтами, когда взору Копалека открылась широкая долина с голубой лентой реки Бечвы. Где-то недалеко хрустнул валежник. Карол насторожился, укрылся в густых зарослях и тотчас увидел промчавшуюся мимо прекрасную косулю, поразившую стремительностью и легкостью бега.

С заходом солнца в горном лесу потускнели краски. Повеяло прохладой. Над горой Радгошть нависла огромная черная туча. Вдали мелькнула молния, а через несколько секунд слышались глухие раскаты грома. В лесу

стало совсем темно. Потом вершины деревьев заволновались, потревоженные пронесшимся свежим ветерком — предвестником дождя. По лицу Карола ударили несколько крупных капель. Но туча прошла стороной.

Ночью Копалек добрался до западной окраины Рожнова, небольшого городка, приютившегося на берегах реки Бечвы, у подножья горы Радгошть, на которой расположены церковь и памятник Кириллу и Мефодию, славянским просветителям, создателям славянской азбуки, проповедникам христианства.

Карол укрылся в густом кустарнике на опушке леса и стал наблюдать за улицей, выходявшей к самому лесу. Около часа провел он в укрытии и ничего подозрительного не обнаружил. Улица, обьятая ночной тишиной, казалась вымершей. Решившись, Карол пробрался к утопающему в саду одноэтажному деревянному дому с двускатной крышей, крытой черепицей. Осмотревшись, он осторожно стукнул три раза в окно, выходящее в сад. В доме послышались шаги, и вскоре входная дверь, скрипнув, приоткрылась. Карол быстро вошел в дом, где разведчика ждал связной — знакомый словак Антон. Они крепко пожали друг другу руки; Антон сообщил собранные сведения о военных объектах, а Копалек попросил боевого товарища обратить больше внимания на переброски войск врага.

Антон угостил Карола вареными овощами и жинчицей — сывороткой из овечьего молока. За ужином Карол спросил:

— Скажи, Антон, где сейчас действует Оравский со своими партизанами?

— Оравский? — удивленно переспросил Антон. — Ты знаешь Оравского?

— Пока его не видел, но хотел бы встретиться.

— Дорогой Карол, мне очень тяжело сообщить тебе...

— Что-нибудь случилось с Оравским?

— Он схвачен гестаповцами. Двадцать второго марта...

— Это точно? — переспросил Копалек.

— Ошибки тут нет, Карол. Оравский находится в тюрьме. Его друзья предупредили нас, что на явках, выслеженных врагом, устроены засады. А это означает, что все явки провалены.

— Провалены? — Карол был в смятении. — Все явки провалены?!

— Да, все...

Тяжело перенес Копалек сообщение об аресте генерала Йозефа Брауна, он слышал о нем как о мужественном

антифашисте, человеке стальной воли, великолепном организаторе борьбы.

— Как могло случиться, что фашисты схватили Оравского? — спросил он.

— Если бы знать... Причины провала пока еще не совсем ясны.

— Еще кто-нибудь арестован?

— В феврале — марте фашисты схватили в Моравии ряд наших подпольщиков.

— Тяжелый удар по подполью...

— Очень тяжелый. Мы вынуждены отказаться от встреч со всеми знакомыми, которые могли попасть в поле зрения фашистов. Отказались от всех явочных квартир, где бывал Оравский. Прошу тебя быть крайне осторожным. Если кто-нибудь назовет тебе адрес, по которому якобы можно встретить Оравского, то заходить туда нельзя. Ни в коем случае.

— Понял, понял. Спасибо тебе, Антон. Спасибо за предупреждение. — Карол поднялся. — Мне пора уходить.

Копалек покинул дом связного с тревожным чувством. Он беспокоился за Йозефа Яблоньку, который ищет Оравского в других населенных пунктах, и, несмотря на сильную опасность, поспешно возвращался на базу.

К утру Карол был на месте. Альберт Пал, охранявший базу, доложил командиру, что за время его отсутствия никаких происшествий не случилось.

— Йозеф вернулся? — нетерпеливо спросил Карол.

— Нет, пока не вернулся.

— Прошу тебя, Альберт, повнимательнее наблюдать за районом нашей базы. Немцы могут нагрянуть в любой момент.

— Что-нибудь случилось? За тобой следили?

— Кажется, пока все в порядке. Но бдительность необходима. Фашисты по всей Моравии ищут партизан.

Карол не находил себе места. Беспокойство за товарища усилилось. Прошел несколько сот метров по тропе, по которой Йозеф, вероятнее всего, будет возвращаться, но не встретил его. Неужели он схвачен гестаповцами на провалившейся явочной квартире? Нет, не хочется и думать об этом.

А Яблонька тщетно пытался напасть на след генерала-патриота. И когда он вернулся на базу живым и невредимым, Карол испытал невероятное облегчение и радость от

того, что его боевой друг и заместитель не попал в расставленные оккупантами ловушки.

Подпольщики рассказывали Копалеку, что гитлеровцы жестоко пытали Оравского, требовали выдать известных ему антифашистов. Но мятежный генерал молчал. Он не предал ни своих соратников, ни идеалов, которым посвятил всю свою жизнь.

6

...В последние дни Копалек погрузился в дела с особым усердием. Аня Болотова вновь и вновь удивлялась, обнаруживая, что в нем, внешне сдержанном, спокойном, таилась неугомонная сила, работоспособность, доходящая до одержимости. Он успевал проинструктировать разведчиков перед выходом на очередное задание, выслушать их после возвращения, проанализировать добытые сведения о противнике и подготовить очередное донесение в штаб фронта, встретиться с местными антифашистами, принять участие в ответственной операции... Карол успевал всюду. Вот и сейчас он обдумывал план захвата пленного в районе Нови-Йичин. «Язык» нужен именно из той воинской части, которая недавно появилась там.

...Три разведчика осторожно пробирались сквозь заросли и лес на горных склонах, оставляя позади километр за километром. Через несколько часов Копалек, Яблонька и Хован вышли к известной им проселочной дороге и укрылись в прилежавшем к ней густом кустарнике, недалеко от небольшой деревни. Они знали, что в деревне на днях разместилось какое-то подразделение войск противника и немцы часто в одиночку или парами уходят в большое село, расположенное километрах в двух от деревни. На этот раз разведчики, посоветовавшись, решили брать «языка» возле деревни.

На небе медленно гасли звезды. Начинался новый день. Каким он будет для разведчиков?

— Внимание, идет солдат! — предупредил Копалек товарищей.

Михал, еще недавно ежившийся от прохлады, моментально схватил лежавший рядом автомат. Он забыл о холоде, его сердце забилося учащенно в ожидании решительного броска. По сигналу Копалека Михал и Йозеф выскочили на дорогу. Перед ними оказался унтер-офицер.

— Хальт! Хенде хох! — скомандовал Хован.

Немец, рыжеватый немолодой толстяк, остановился перед неведомо откуда взявшимися «бандитами» в полной растерянности.

— Хенде хох! — уже грозно повторил приказание Михал. Толстяк поспешно поднял левую руку, а правой достал из кармана кошелек с деньгами и предложил Михалу взять деньги. Он явно принял разведчиков за грабителей. Яблонька быстро обыскал пленного, отобрал у него пистолет.

Разведчики, подталкивая гитлеровца автоматами, повели его подалее от дороги в лес. Немец шел с поднятыми руками, озираясь по сторонам. В правой руке он продолжал держать кошелек с деньгами.

— Опустите руки и положи кошелек в карман, — приказал Йозеф немцу. — Мы не воры. Мы партизаны.

К разведчикам подошел Карол. Увидев третьего партизана, вооруженного автоматом, унтер-офицер окончательно утратил самообладание и упал на колени, прося пощады.

— У меня в Германии четверо детей, — сквозь слезы произнес немец. — Они еще маленькие. Не расстреливайте... Умоляю. Ради детей...

— Перестань реветь! — прикрикнул Карол. — Нам надо поговорить с тобой.

— Я готов... Но сохраните жизнь. У меня маленькие дети...

— Поднимись с земли. Встань. Что, ноги не держат? Наверное, когда наших женщин и детей расстреливал, слез не лил.

— Я никого не расстреливал! Ни одного человека не убил. Прошу верить мне. Я честный человек, я не из гестапо. Это они. Я никого не убил.

— Не надо лгать.

— Еще один патриот Германии обнаружился, — усмехнулся Михал. — Почему же не воюешь против Гитлера?

— Гитлер капут! Война капут! — заспешил немец. — Не расстреливайте меня.

— Хватит причитать! — строго сказал Копалек. — Отвечай на вопросы!

Пленный торопливо стал отвечать на вопросы. Как потом подтвердилось, он ничего не утаил. Рассказал, в какой части служит, где находятся ее подразделения, о задачах, поставленных перед ней. Назвал номер своей дивизии, фамилию командира.

— Нас перебросили сюда с Запада. Здесь решается все...

К концу допроса немец успокоился. А когда понял, что разведчики не намерены его расстреливать, и вовсе воспрянул духом.

— Скоро русские захватят Берлин, и тогда война кончится. Гитлер капут!

После небольшой паузы унтер-офицер стал дотошно расспрашивать, как русские обращаются с военнопленными, гарантируется ли сохранение жизни, разрешат ли после войны вернуться в Германию. Он больше не намерен проливать свою кровь за фюрера.

Разведчики передали немца местным партизанам...

Вернувшись на базу, Карол Копалек составил обстоятельное донесение в штаб фронта.

Альберт Пал помог Болотовой развернуть антенну, подключить батареи к радиостанции. Радистка проверила аппаратуру.

— Ну, все готово, можно начинать, — Аня облегченно вздохнула. — Благодарю тебя, Альберт, за помощь.

Телеграфный ключ в руках радистки постукивал. Звук морзянки казался ей похожими на приглушенные автоматные очереди. Она вела свой бой...

Закончив очередной сеанс радиосвязи, Болотова вышла из шалаша. Невдалеке на стволе упавшего дерева сидел Хован.

— Добрый день, Михал.

— Мы же с тобой договорились, что будешь называть меня по-русски, Мишей. Забыла?

— Извини, пожалуйста. Но мне приятно называть тебя Михалом. — Аня приветливо улыбнулась товарищу и села рядом. Краешком глаза она видела профиль углубившегося в какие-то свои думы Хована. Большой лоб, прямой нос, небольшие усики.

— Давно хотел сказать тебе, Аня, — прервал молчание Хован, — что мою маму зовут так же, как и тебя.

— Ее зовут Анной?

— Да, Анна. Может быть, поэтому мне всегда очень приятно видеть тебя.

— Миша, скажи, пожалуйста, а твои родители живы?

— До 1942 года были живы. С тех пор никаких сведений о них не имею.

— Где они жили?

— В Словакии. Крестьяне они. Добрые люди. Очень люблю их...

— Не теряй надежды, Миша. Они должны быть живы! Аня ушла проверять запасы продовольствия. Разведчики уважали ее за солдатскую выносливость и деловитость, за исполнительность и знание своего дела, за теплоту и внимание к товарищам. Еще при выполнении первых заданий в тылу противника Аня переболела той довольно распространенной у новичков фронтовой болезнью, когда пренебрегают разумной осторожностью. Видела она собственными глазами, когда гибли хорошие люди только из-за того, что забывали об этом. И теперь бдительности не теряла никогда. Командир уважал Аню еще и за то, что она, как сестра, заботилась о здоровье всех бойцов группы.

Прошло три дня, Копалек получил радиogramму из штаба фронта:

«Необходимо усиление бдительности. Обратите внимание на объявления, в которых сообщается о повышенном вознаграждении за поимку разведчиков, подпольщиков, партизан. В ваших лесах действуют сотни агентов гестапо, они всеми силами стремятся войти в доверие к бойцам Сопротивления...»

Действительно, Копалек сам недавно читал в Рожнове приказ обергруппенфюрера СС К. Франка об усилении борьбы с партизанами и советскими десантниками: «Решительно предупреждаем жителей не оказывать им никакой помощи. Жители обязаны немедленно сообщать в ближайшее полицейское управление или местным властям о появлении советских парашютистов или других подозрительных лиц. Имя донесших останется в тайне.

Каждый, кто сообщит о местопребывании советских агентов, получит награду в 100 тысяч марок.

Каждый, кто окажет помощь советским агентам, спрячет их или не будет содействовать их задержанию, согласно действующему закону, будет расстрелян...»

В те дни в нескольких километрах от базы Йозеф Яблонька заметил двух вооруженных немецкими автоматами мужчин в гражданской одежде. Один из них заметно хромотал. Йозеф понаблюдал за ними. По внешнему виду люди походили на партизан, но, как ему показалось, они бродили в горах уж очень демонстративно, как бы желая показать кому-то себя. Партизаны обычно поступают осторожнее.

— Что все-таки им надо? Чего они ищут? — Незнакомцы вызывали у разведчика растущее подозрение. Особенно оно усилилось, когда Йозеф вспомнил предупреждение о том, что в горах много фашистских агентов, которые выис-

квивают партизанские отряды и стремятся внедриться в них.

Яблонька доложил командиру о подозрительных типах. Копалек, выслушав своего заместителя, принял меры к усилению охраны базы. Вскоре хромой с напарником вновь появились недалеко от базы. Альберт Пал, находившийся в карауле, доложил о непрошенных гостях командиру. Карол решил задержать незнакомцев.

Альберт быстро спустился по склону горы к тропе, по которой приближались незнакомцы. Следом за ним поспешил Карол. Незнакомцы шли, громко разговаривая, и, видимо, не подозревали об опасности. И вот они уже совсем рядом.

— Руки вверх! — скомандовал Пал, выскочив на тропу. Его автомат в любой миг был готов предупредить сопротивление. Наготове был и автомат Карола. Хромой неохотно, медленно поднял руки. Его примеру последовал и другой, высокий, атлетического сложения, мужчина. Разведчики быстро обезоружили пленников.

— Кто вы такие? — по-немецки спросил хромой.

— Спрашивать здесь будем мы, — строго ответил Копалек. — Кто вы, куда идете?

— Отвечать на вопросы будем только в том случае, если скажете нам, с кем мы имеем дело.

— Мы партизаны, — не замедлил сообщить Карол.

— Партизаны? — изобразил удивление высокий. Хромой присматривался к Копалеку и Палу.

— Да, партизаны!

— А мы русские красноармейцы, — выпалил хромой. — Были в плену у немцев, бежали, скрывались от карателей, а теперь вот хотим уйти в партизаны. Мы счастливы, что наконец-то встретили вас.

— Когда бежали из плена?

— Недавно. Какой счастливый сегодня день! А отряд у вас большой?

— Назовите дату побега, — уточнил вопрос Карол, он словно не слышал, о чем спросил его хромой. — Расскажите, чем конкретно занимались после того, как удалось бежать?

Пленники заученно ответили на эти вопросы.

Копалек серьезно сомневался в искренности их ответов. Уж очень у них все как «по нотам», да и внешний вид цветущий: военнопленные красноармейцы выглядели совсем иначе. Подозрение еще больше усилилось, когда высокий показал пачку «чудом сохранившихся» у них советских

документов, в том числе паспорт, профсоюзный билет, даже удостоверение к значку ГТО.

— Вы оба прекрасно владеете немецким языком. В лагере выучили? — спросил Карол.

— Я еще в детстве, — ответил высокий. — Дома изучал немецкий. В России есть хорошие учителя.

Допрос длился еще минут тридцать.

— Мы ненавидим фашистов, — пылко доказывал хро- мой.

— Хотим драться за Россию, — клялся высокий. — Мы честные красноармейцы.

— За Россию надо было драться раньше, еще в 1941 году, — резко среагировал Копалек.

— Плен. Схватили нас. А сейчас мы на свободе, возьмите нас в отряд.

Задержанных под охраной Альберта отправили к местным патриотам.

В тот же день группа сменила место своего базирования.

Позднее было установлено, что разведчики захватили двух агентов гестапо, имевших задание проникнуть в партизанские отряды.

В новом районе разведчики быстро оборудовали базу. Как и прежде, Аня работала на рации по несколько раз в сутки. Пришлось увеличить и продолжительность сеансов связи. Командир и радистка понимали, что столь интенсивная работа на рации увеличивает вероятность пленгации противником. Но сведения, добытые разведчиками, имели особую ценность, и они должны были передаваться в штаб фронта незамедлительно. Каждый раз перед сеансом радиосвязи Аня приводила в порядок волосы, словно готовилась к торжественному событию. Затем, как пианист перед игрой в концерте, тщательно устраивалась на стульчике, роль которого выполнял выпиленный друзьями сухой березовый чурбак, и, впившись глазами в часы, которые получила в штабе фронта перед вылетом, следила за стрелками. Точно в положенное время Аня надевала наушники, включала радиостанцию и нежно, плавно начинала вращать ручки настройки. Она действовала внешне спокойно, даже неторопливо, но быстро и уверенно — руки мастера не любят лишних движений и суеты.

Штаб фронта жестко требовал: больше сведений! Наступление развивалось, и необходимо знать возможно больше о яростно сопротивляющемся противнике.

Копалек докладывал:

«...По правому берегу реки Бечва на участке от Рожнова до Валашске-Мезиржичи противник ускоренно создает противопехотную оборону... Обнаружены противотанковые рвы в районе...»

«В течение суток к фронту переброшено 80 танков «тигр» и «пантера»...»

«...В районе населенного пункта Н. (в трех километрах восточнее) гитлеровцы создали склад боеприпасов. По сведениям партизан и подпольщиков, на складе находятся... В районе города М. оборудуется грунтовой аэродром...»

«...Через узловую станцию Г. к линии фронта за сутки переброшено: 61 платформа с танками, 20 платформ с полевыми орудиями, 76 вагонов с солдатами...»

Регулярно группа Копалека сообщала о перебросках войск и боевой техники противника. Эти сведения штаб фронта ценил особенно высоко.

Карол Копалек наблюдал за работой радистки и удивлялся, откуда только у этой хрупкой девушки такое упорство и выносливость. Она готова была трудиться целыми сутками без сна и отдыха. Да, сильных людей воспитала Советская власть... Потом, в мирные годы, Карол, вспоминая войну, скажет своим друзьям: «Русские не щадили себя ни в чем. Их пример вдохновлял и нас».

7

На этот раз Болотова быстро закончила очередной сеанс радиосвязи и неторопливо, со свойственной ей аккуратностью свернула антенну, упаковала радиостанцию и батареи для нее в сумки, специально изготовленные из прочной водонепроницаемой ткани. Довольная тем, что связь с Большой землей была установлена быстро и сигналы передающей станции были слышны превосходно, Болотова вышла из своего шалаша и села на любимый пенек, спрятавшийся в кустарнике. Аня любила отдохнуть в уединении, вспомнить прошлое, помечтать о будущем, насладиться прекрасным видом на горы, которые хорошо видны, если немного развести ветви.

Солнце уже скрылось за горами. Кончался еще один день войны. Аня мысленно подводила итог своей работы. Вдруг она увидела Йозефа Яблоньку, возвращавшегося после доклада командиру о результатах встречи с местными подпольщиками. Увидев его, Аня обрадовалась.

— Йозеф, посмотри, какая прелесть эти горы в вечерний час...

— Да, это великолепно. Всю жизнь люблю горы, каждый день они кажутся мне и новыми, и еще более красивыми.

Яблонька сел на лежащий вблизи сухой ствол дерева. Набравшись храбрости, Аня спросила:

— Йозеф, я давно хочу спросить: скажи, пожалуйста, что тебя привело в нашу группу?

Вопрос не оказался для него неожиданным. Он твердо сказал:

— Наверное, слезы моей родины, истерзанной фашистами. Или, точнее, желание видеть мою страну свободной от фашистов, желание все силы отдать для этого.

— И когда ты решил стать антифашистом?

— Когда немцы ступили на землю Чехословакии. Это решение пришло сразу же. Аня, о какой жизни ты мечтала до войны? — неожиданно спросил Яблонька.

— Мне хотелось учить детей.

— Благородная работа. Наш командир тоже мечтает о работе в школе.

— Он будет хорошим учителем. Убеждена, что Карол сумеет рассказать детям правду о войне и научит их мысли: надо сделать все, чтобы трагедия не повторилась.

— А если бы у тебя был сын, кем бы ты его хотела видеть после войны? Учителем? Доктором? Коммерсантом? Инженером? Рабочим?

— Для мирной жизни все профессии хороши. Не стала бы ему мешать в выборе профессии. — Аня умолкла, потом расхохоталась. — Вот размечтались!

— Почему бы и не помечтать?

— Только нельзя пока далеко уходить в мечтах. Надо сначала войну выиграть. Надо, чтобы наши женихи с войны вернулись.

— Будут женихи. Не беспокойся.

— Сколько их гибнет, парней нашего поколения...

Аня ушла в свой шалаш. Яблонька вновь направился к командиру. Неожиданно вдалеке слышались пулеметные очереди. Стрельба усиливалась, приближалась. Разведчики насторожились. Бой разгорелся где-то недалеко. Облава? Если каратели начали широкомасштабную операцию, то не миновать разведчикам схватки с ними. Болотова на всякий случай готовилась к передислокации. Она знала: для нее главное — спасти радию. О своей жизни она не думала. Может быть, не страшилась за себя потому, что видела рядом Йозефа Яблоньку, смелого, мужественного, не терявшего самообладания в самой трудной обстановке.

К. А. Макошин

А. Анисимова с бывшими
польскими партизанами.
1965 г.

У входа в партизанский
бункер

Э. Г. Казакевич

И. Х. Аганин

А. С. Алексенцев

А. В. Болотова

Карол Копалек

Йозеф Яблонька

Михал Хован

Альберт Пал

Ян Кубашко

Памятный знак
на месте приземления
группы Копалека

Кристина Янева
(Танка)

Свидетельство студентки
Берлинского университета
Яневой

К. Н. Абалова

А. К. Полякова

С чехословацкими
друзьями

Ян Крикман.
1981 г.

Джордж Блейк
в Петродворце

Рудольф Абель

Он по-деловому укладывал имущество разведчиков в вещевые мешки, готовясь выступить в любую минуту. Но командир не торопился покинуть базу и поступил правильно — каратели, преследуя партизан, стороной прошли возвышенность, на которой была расположена база разведчиков. Стрельба слышалась все глуше.

Командир продолжил начатое им составление очередной сводки для штаба фронта.

Иногда Болотовой казалось, что Карол не отдыхает вообще. И как только он выдерживает такую нагрузку! Аня отметила также, что, как бы командир ни был загружен работой, он всегда подтянут, опрятен, побрит, аккуратно причесан, словно бивачная жизнь в горах ему не в тягость, а разведка — обыденное дело.

...Копалек о чем-то размышлял над топографической картой, потом быстро дописал текст радиogramмы. Показал ее своему заместителю, внес поправки, которые предложил Йозеф, и направился в «радиорубку».

— Дорогая Аня, прошу передать радиogramму. — Он отдал ей листок бумаги с текстом донесения. Болотова растерянно посмотрела на командира.

— Чем расстроена?

— Рация вышла из строя, — тихо произнесла девушка.

— Что случилось?

— Не знаю. Приемник не работает. — У Ани заблестели слезы на глазах. — Никак не могу сообразить, в чем дело.

— Не надо нервничать. Я знаю, ты прекрасная радистка и сможешь, конечно сможешь, устранить неисправность, — негромко, успокаивающе сказал командир и улыбнулся.

— Карол, ты переоцениваешь мои возможности. — Она была готова разрыдаться.

— Ты умница. Я знаю. Не надо нервничать, и тогда все сделаешь.

— Наверное, вы слишком понадеялись на меня.

— Аня, не трать энергию впустую, не расстраивайся. Успокойся и внимательно проверь аппаратуру. Не буду тебе мешать. — Карол вышел из шалаша и предупредил товарищей, чтобы они не мешали ей работать. Узнав о неисправности радиации, разведчики приуныли: они не могли представить себя здесь, во вражеском тылу, без радиосвязи. Но никто не мог помочь девушке.

Прошло более часа... Аня стремительно вышла из шалаша. Она сделала несколько шагов и остановилась под

вопросительными взглядами разведчиков. Ее радостный вид говорил о многом.

— Молодец, Аня! — похвалил радистку командир, поняв, что она сумела «оживить» станцию. Он подошел к девушке и нежно пожал ей руку в знак благодарности. Разведчики были восхищены.

...Ночь. Темное, бездонное, усыпанное яркими звездами небо. Над одной из вершин Моравско-Силезских Бескид взлетела и вскоре погасла ракета: в горах своя жизнь, и Карол знаком с частичкой этой скрытой от оккупантов жизни патриотов. Чехословакия борется, она оккупирована, но не покорена. Вновь ракета прочертила дугу в небе. Где-то вдали пролетел самолет. Тревожно небо над Чехословакией.

Неожиданно Карол вспомнил родной дом, родной городок, утопавший в садах, и эти воспоминания усилили желание поскорее увидеть родителей, друзей. Неужели это простое желание когда-нибудь сбудется? Сколько еще надо пройти по дороге к родному порогу?..

Ранним утром Болотова после окончания сеанса радиосвязи вышла из «радиорубки» и увидела удалявшихся от базы командира и его заместителя. Они шли по тропе в горы и о чем-то беседовали.

Аня давно отметила, что Копалек — прирожденный педагог. Он быстро находит общий язык с подчиненными, обладает даром просто и доходчиво объяснять самые сложные вопросы, ставить задачи. Карол умел учесть особенности характера бойцов, их склонности, возможности, запросы, интересы и при всем этом очень целенаправленно развивал у каждого бойца необходимые качества разведчика. Делал это неназойливо, без нравоучений, проявляя такт и терпение.

Ане очень нравились отношения командира со своим заместителем. Они понимали друг друга с полуслова. Работали дружно. Радистка взглянула на удалявшихся от базы товарищей и подумала, что сейчас командир, наверное, ставит перед Йозефом какую-то новую и сложную задачу и выполнять ее Яблонька, конечно, будет со своей неизменной улыбкой. А что будет в это время твориться в его душе, никто не узнает. Впрочем, какая тут тайна. Йозеф, как и все, очень хотел вернуться с задания целым и невредимым. Очень хотел дожить до того времени, когда умолкнут пушки.

...Май 1945 года разведчики встретили в напряженном труде. Надо было держать круглосуточно под контролем

все переброски вражеских войск по железным и шоссейным дорогам, особенно в западном направлении, следить за изменениями вражеских гарнизонов в районе действия группы, уточнять сведения об оборонительных сооружениях, аэродромах, складах оружия. Работы было невероятно много, об отдыхе никто из разведчиков не думал. Днем и ночью Болотова многократно настраивала свою радию и передавала донесения с добытыми разведчиками сведениями.

В штабе 4-го Украинского фронта систематически получали от Копалека радиогаммы:

«Из опроса пленных установлено, что за минувшие сутки по дорогам в долине реки Бечва под ударами наступавших советских войск откатывались на запад следующие немецкие части и соединения...»

«На улицах города Кромержиж в спешном порядке строятся противотанковые заграждения...»

«По данным, полученным от местных патриотов, фашисты эвакуируют учреждения оккупационных властей из населенных пунктов...»

«По дорогам на Границе идет непрерывное движение отступающих войск противника...»

От местных жителей разведчики узнали, что два дня назад в районе города Кромержиж и в прилегающих к нему населенных пунктах появилось много немецких тяжелых танков, а сейчас «тигры» куда-то ушли.

В очередном донесении Копалек сообщал:

«В районе Кромержиж противник сосредоточивал крупную группировку войск. По сведениям, полученным от местных патриотов, в эту группировку входило несколько танковых и артиллерийских частей, насчитывавших около 200 танков различных типов, более 280 орудий и много другой боевой техники... Сегодня утром танки ушли, пункт назначения пока не установили...»

На следующий день штаб фронта запросил:

«Куда девались танки, о которых сообщали вчера?»

Карола Копалека, профессионального военного, самого особенно мучительно тревожил сейчас вопрос — где танки? Где они намерены ударить по советским войскам, устремившимся на запад? Надо их найти! Во что бы то ни стало!

И разведчики начали поиск. Копалек связался с местными патриотами, они обещали ему в самое ближайшее время сообщить достоверные сведения о переброске танков — и не подвели!

Через несколько часов Копалек доложил: «Танки находятся в квадрате... Обнаружено 193 машины. Хорошо бы нанести бомбовый удар...»

Завершив сеанс радиосвязи глубокой ночью, Аня Болотова решила отдохнуть — в ближайшее время рацию включать не намечалось. Она быстро заснула, но часа через три проснулась, и глаз больше не сомкнула: сейчас ее тревожили думы не о предстоящей работе на рации, даже не о войне. Она вспомнила лейтенанта Н. И., думая о нем, испытала вдруг такое счастье, какого не переживала давно. Ведь это единственный, несравненный, беспрельдно дорогой человек. Где-то он сейчас? Наверное, на задании в тылу противника. Кто рядом с ним, может ли он опереться на их помощь? Помнит ли он ее? Как хочется видеть его...

Аня отдернула плащ-палатку, закрывавшую вход в шалаш, и ее жилище наполнилось утренней прохладой. Сквозь дымку виднелись далекие горы. Где-то за ними Красная Армия ведет последние бои.

Историки, изучая архивные документы, относящиеся к Великой Отечественной войне, будут удивляться, восхищаться мужеству разведчиков группы Копалека, переживать за их судьбы: они круглосуточно вели смертельно опасную работу в тылу вражеских войск в дни и часы, когда уже пал Берлин. В Карлсхорсте шла подготовка к подписанию акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, а они, разведчики, продолжали воевать на своем невидимом фронте, докладывать в штаб фронта, по каким дорогам мечутся недобитые вражеские части. Уже несколько дней в Сан-Франциско шла конференция Объединенных Наций, а Болотова неустанно отстукивает свои точки-тире, точки-тире. Советские воины уже водрузили Знамя Победы над рейхстагом, а разведчики группы Копалека еще ведут бой против сопротивляющегося врага.

6 мая в середине дня разведчики слышали доносившийся с востока тяжелый гул артиллерийской канонады. Вскоре дороги, проходившие в районе базы, оказались забитыми беспорядочно отходившими немецко-фашистскими войсками. В воздухе проносились группы самолетов с красными звездами на фюзеляжах, бомбившие огрызавшиеся войска противника. В долине реки, на склонах гор — повсюду слышались взрывы бомб и снарядов. Огненный вал сражения надвигался на Восточную Моравию. Населенные пункты, еще недавно казавшиеся вымершими, ожили. Местные жители восторженно приветствовали своих освободителей.

Карол Копалек и члены его группы не видели, да и не могли видеть истинных масштабов развернувшихся на территории Моравии сражений и стремительно развивающихся событий в Чехословакии, но понимали, что до возвращения в расположение штаба 4-го Украинского фронта остались считанные часы.

Вечером 6 мая Копалек доложил:

«Район нашего действия освобожден наступающими войсками Красной Армии».

На следующий день разведчики уехали в штаб фронта. Они даже не успели отблагодарить своих друзей, местных подпольщиков, без помощи которых было бы невозможно добиться успеха. Отважные антифашисты-интернационалисты — словаки Карол Копалек, Йозеф Яблонька, Михал Хован, венгр Альберт Пал и русская девушка Анна Болотова, — составлявшие небольшую интернациональную боевую группу, с честью выполнили поставленную перед ними задачу.

8

В городе текстильщиков Вичуге, что в Ивановской области, живет ветеран Великой Отечественной войны, коммунист Анна Васильевна Болотова. Несколько лет назад она была вынуждена оставить работу и выйти на пенсию: здоровье стало сдавать. Но и теперь, на заслуженном отдыхе, она всегда в хлопотах, всегда у нее полно дел. Такой уж беспокойный характер. Надо выбрать время навестить сына и внуков, живущих в Подмосковье. Они очень ждут Анну Васильевну. Любит она бывать в детском саду, где когда-то работала. С особым волнением готовится к встречам с учащимися средних школ, с комсомольцами-текстильщиками. Сейчас время переломное, ответственное: страна все силы мобилизовала на перестройку, демократизацию общества, радикальную экономическую реформу. И так важно воспитывать у молодых чувство ответственности за дело революционного обновления, за будущее Родины.

Время от времени с волнением и трепетом рассматривает Анна Васильевна старые фотографии, пожелтевшие, ветхие вырезки из газет, письма боевых друзей. Нет, никогда не забыть работу во вражеском тылу, тяжелые дни и ночи войны. Сколько пережито за годы военного лихолетья... Рассказывая о друзьях, Анна Васильевна всегда благодарит судьбу за то, что она помогла ей узнать великолепных, бесстрашных людей.

Бывший командир разведгруппы Карол Копалек после войны добился осуществления своей мечты — стал учителем средней школы. Все свои знания, горение души отдает он воспитанию подрастающего поколения Чехословакии. И кто знает, может быть, Копалек как народный учитель в значительной мере формировался на войне, в партизанском отряде, в разведгруппах. Из той поры, надо полагать, идут его многие нравственные принципы, которые он внушает сейчас молодому поколению.

Ян Кубашко посвятил жизнь сельскому хозяйству. Михал Хован — офицер. Служил в Чехословацкой армии. Венгр Альберт Пал, юрист по образованию, занимается любимым делом у себя на родине.

К сожалению, уже нет в живых Йозефа Яблоньки: он скончался в 1982 году. Видно, еще в годы войны поразила сердце неизлечимая болезнь.

Не так давно выяснилась судьба словацкого бригадного генерала в отставке Йозефа Брауна. Доктор философии Зденек Елинек, работающий в краеведческом музее в городе Колин, сообщил:

«Бригадный генерал Йозеф Браун... относится к наиболее интересным, но, к сожалению, и наиболее забытым участникам нашего антифашистского сопротивления.

Браун был одним из тех солдат, которые прошли по всем ступеням военной карьеры. Он был ярким представителем офицерского корпуса, рассудительным, но в то же время решительным, неустойчивым, точно выполнявшим свои обязанности. Был прирожденным командиром. К своим подчиненным относился строго, но справедливо. Несмотря на большие способности, был необычайно скромным человеком...»

Браун родился 2 марта 1884 года. После окончания учебы стал офицером, участвовал в первой мировой войне. После войны, отмечал доктор Елинек, был помощником командира учебного офицерского центра, командовал батальоном, преподавал в военной академии. С 1927 года в течение почти девяти лет являлся военным атташе в Румынии.

«В 1938 году генерал Йозеф Браун вышел в отставку и поселился в Трояновице под Радгостом... Но началась вторая мировая война, и Йозеф Браун, как солдат по призванию и сознательный патриот, взялся за организацию сопротивления... На нелегальных собраниях он говорил о необходимости борьбы против немецкого фашизма и пытал-

ся найти наилучшие формы антифашистского сопротивления.

Развязанный после убийства германского гауляйтера Гейдриха террор прервал на время работу антифашистской группы, но с лета 1944 года она была возобновлена... Генерал Браун имел псевдоним доктор Оравский...»

Из письма доктора Елинека стало известно, что в конце 1944 года нацисты, начав широкомасштабную карательную операцию против чехословацких партизан, напали на след генерала. 22 марта 1945 года он был схвачен. Йозефа Брауна сначала содержали в тюрьме в городе Била, но после нескольких допросов перевезли в Оставу. Ни генерал Браун, ни ближайшие его друзья не были сломлены. Йозефа Брауна позднее перевели в Брно. Потом направили в пересыльный лагерь в Мирошов. Несмотря на болезнь, Браун установил связь с мирошовским революционным подпольем. Ему удалось бежать. После освобождения Чехословакии от немецко-фашистских оккупантов Йозеф Браун вернулся в Трояновице. 31 октября 1945 года он скончался.

В Моравско-Силезских Бескидах, на месте приземления в марте 1945 года возглавляемой Копалеком десантной группы, благодарные жители Моравии соорудили из камней памятный знак. Он напоминает людям, что в годы второй мировой войны при освобождении Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков подвиги бойцов интернациональной разведгруппы приближали победу над фашизмом. Их подвигу жить вечно.

ведомые любовью, они время от времени наведываются в родительское гнездо. Вновь и вновь вглядываются сыновья в фотографию Кристины Яневой, для них сизмальства — тети Кристины.

— Прошу вас, если будете писать, не указывайте моей фамилии, — говорит на прощанье хозяйка. — Мне и без того нестерпимо стыдно перед мужем и детьми, перед теми, с кем дружила в те далекие трудные годы. И в первую очередь перед ней, перед моей вечной сестрой.

Многие-многие годы возвращалась к ней Кристина. И вот вернулась. И разве к ней одной? К друзьям, в памяти которых живет свято. К Болгарии, чьей верной дочерью была и оставалась всегда. И к России.

Вскоре после победы над фашизмом пронесся слух: Янева-то была, оказывается, разведчицей. Потом, стараниями историков-исследователей, появлялись уточнения: как разрабатывалась легенда, как удалось перехитрить германское посольство в Болгарии, чтобы послать Кристину Яневу на стажировку в Берлинский университет. Вот почему — понимаете? — свернула она свою общественную работу, перестала бывать на публичных свободных диспутах, будораживших молодежь, избегала даже мимолетных встреч с теми, без кого еще вчера не могла прожить и часа...

«А мы-то!» — горестно казнят себя сверстники Яневой. Но в чем их вина? Они же действительно не ведали ничего! Уж на что дотошны гестаповцы, коими была наводнена в ту пору София, и те ни о чем не догадывались. Видимо, подпали под гипноз, поскольку рекомендательное письмо — после нескольких бесед — вручал ей лично посол фон Бекерле, преуспевающий дипломат.

...Поезд на Берлин уходил поздним осенним вечером, в темноте незаметно растворились звезды, лишь над горой Витошей, ее родной Витошей, краснела едва приметная издали сигнальная лампочка. На газетном листе, оставленном на приоконном столике тетей Златкой Караяневой, нет, не тетей, а мамой, мамой, ведь с пяти лет воспитывалась у нее, смутно виделись цифры: 1942...

2. ОГОНЬ ЗАЖИГАЕТСЯ ОТ ОГНЯ

А подруги проводить не пришли. Ни одна. Когда ей пришлось объявить о своем отъезде, в их взорах вспыхнуло неприкрытое отчуждение, неприязнь, боль.

У тети глаза тоже не были такие, как прежде, добрые, — в них застыла растерянность, недоумение, угнетенность всем происходящим.

Страшно, как страшно... Кристине хотелось разрыдаться, хотелось крикнуть: да поверьте мне, люди, бесконечно близкие люди, ни в чем я не виновата перед вами, во всем — и в мыслях, и в дыхании, и в делах, что предстоит, — я остаюсь с вами, но не могу сказать об этом... Нельзя, нельзя!

Колеса под вагоном стучат, стучат. Дорога бежит в неизвестность, как потом окажется — в бессмертие. Я же, спустя десятилетия, подолгу сижу в музее истории революционного движения Болгарии и с волнением ищу начало той дороги, начало биографии, что до сих пор воспламеняет сердца. Документов сохранилось мало, ведь война прокатилась по этой земле, но научные сотрудники музея сделали, казалось, невозможное: они по крохам восстановили биографию Кристины Яневой, опросив множество людей, собрали ее письма родным и знакомым, в том числе из Германии; как живая, смотрит Кристина с фотографий, покинувших семейные архивы. Лицо пленительно красиво. Особенно покоряют глаза — большие, радостные, затененные густыми ресницами. «Здравствуйте, кто меня помнит, здравствуйте, новые поколения, я всегда с вами!» — будто въяве доносится ее голос — одухотворенный, чистый.

— Вот основные даты ее пути, — с грустью и гордостью одновременно произносит Мария Челебийская, заведующая отделом фондов музея и секретарь парторганизации. — Смотрите, всего несколько страничек, а повесть можно написать — повесть о несгибаемом племени антифашистов, патриотов, бойцов...

Вглядимся, вчитаемся в эти даты. Родилась Кристина 30 октября 1914 года. Село Височен на карте не обозначено, даже на окружной. «Это все равно что хутор у вас в старой России», — комментирует Челебийская. И через минуту, отыскав нужный документ, добавляет: «Село маленькое, а известное — своим бунтарством, непокоренностью. Неукротимым бунтарем был и отец Кристины — Иван Янев, бунтарем-революционером, о нем и газеты писали». Златка Караянева, мы уже говорили, что это тетя Кристины, в своих воспоминаниях утверждает, что не было для девочки героя притягательнее, чем отец. Когда Янев-старшего арестовали, он под пытками ни одного своего товарища не выдал. Когда осудили на смертную казнь, он не упал на колени в мольбе о снисхождении. «Я никогда

его не забуду!» — говорила не раз Кристина дорогой своей Златке.

— Буду во всем достойна отца! — прошептала Кристина, обнимая тетю, когда до отхода поезда София — Берлин оставались последние мгновения. — Поверь, буду достойна...

«Достойна отца? И это говоришь ты, предав самое святое?» — Златка Караянева не скрывает, что именно так она думала тогда, возвращаясь с вокзала домой. Она не строит из себя провидицу, как делают порой родственники героев. Лишь потом, когда узнала все, поняла, что значили прощальные слова Кристины, чем клялась она, идя навстречу смертельной опасности.

Нет, не на пустом месте вырастают личности. Огонь зажигается от огня. Трудно, почти невозможно распознать, что от кого перешло в тебя конкретно, но любимый человек, которому ты поклонялся, остается с тобой навсегда, остается вечной заряжающей частицей, духовным наставником.

Один из сотрудников музея рассказывал:

— Узнав, что мы собираем документы о Кристине Яневой, пришел к нам ее сокурсник по университету, вспоминал с трепетным душевным подъемом, что видел недавно альбом, в котором рукой Кристины написано: «Георгий Димитров — вот великий герой!» Как, спрашиваем, могла появиться та строка, в связи с чем? Да вы забыли, отвечает, что шел тогда тысяча девятьсот тридцать третий год? Лейпцигский процесс...

Чтобы написать: «Георгий Димитров — вот великий герой!» — надо эти слова пропустить через сердце, через мысль, через убеждение. И не утраститься полуфашистского полицейского режима — след-то остается на бумаге! Многие болгарские ветераны с волнением вспоминают, как сходились они послушать радиорепортажи из Лейпцига: Геринг, уверенный в победе над болгарским коммунистом, разрешил прямые трансляции из зала судилища. Кристина тоже не раз слушала Лейпциг. Потом наиболее неутомимые из активистов садились за листовки, чтобы информационные сообщения из Германии, с процесса над Димитровым, знало как можно больше людей. Мне, пока я собирал материал для этого очерка, десятки болгар старшего поколения пересказывали последнее слово Георгия Димитрова именно по листовке, распространявшейся на предприятиях Софии, в учебных заведениях, на улице. Раздвинув время, как тогда, в тридцать третьем, пабатно звучит голос:

— Я допускаю, что говорю языком резким и суровым. Моя борьба и жизнь тоже были резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний...

Я защищаю себя самого...

Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь.

Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Я защищаю смысл и содержание своей жизни.

Слушая заключительную часть димитровской речи, люди в волнении непременно вставали. Да и в самом деле, можно ли клятву вождя воспринимать иначе?

— Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать:

«...И все-таки она вертится!»

Колесо истории вертится, движется вперед...

И это колесо не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!

Слушаешь вновь и вновь эти пламенные слова и думаешь: нет, не зря Кристина Янева еще смолоду приобщилась к ним, вошла в их возвышающее силовое поле. Не знала, не ведала она, что через считанные годы ей самой доведется испытать до дна горькую чашу гестаповского застенка и легендарный коммунист-подвижник, бесстрашно вступивший в первый бой с фашизмом и выигравший его, не раз встанет с ней рядом, как окрыляющий пример и духовная опора.

Кристина выросла быстро, не по годам. Раньше многих своих сверстников поняла угрозу, исходившую от фашизма. В разгар студенческих лет занялась активной общественной деятельностью. Первым поручением было: экскурсия по местам ратных подвигов русских братьев, русских братушек. С увлечением взялась она за организацию поездки, вернее, похода. Тогда ведь ни у нас, ни в Болгарии туристических ведомств студенты не знали, но все полагались на свои силы, на свою инициативу. Спасибо, генерал-майор Заимов не отказал в помощи, тот самый Владимир Заимов, что в недалеком будущем возглавит антифашистскую подпольную борьбу и погибнет смертью храбрых. Генерал охотно встретился с молодежью, собиравшейся в благородное путешествие, вычертил маршрут, рассказал, как зародился в Болгарии комитет по увековечению боевой славы русских воинов, сражавшихся вместе с

болгарами против турецких захватчиков, рассказал о своем отце — Стояне Заимове, много лет входившем в этот патриотический комитет.

Экскурсии на Шипку, в Плевну...

Кружки ликбеза в глухих, отдаленных селах — студенты использовали всякую возможность нести в народ грамоту...

Коллективные путешествия по карте Советского Союза: новостройки, трудовые подвиги, герои-первопроходцы... За эпопеей «Челюскина» следили так, будто у каждого на борту гибнущего парохода находился родной человек...

Так росла, мужала Кристина Янева. Незаметно пришел срок получать университетский диплом. «Куда?» — спросили на выпускной комиссии. «Если можно, то в Софийский детдом — очень уж полюбила тамошних ребят, пока была на практике!»

Детдом. Сироты. Обездоленные судьбы. Сколько же теплоты надо было отдать детям, чтобы остаться в их памяти навсегда: воспитанники Яневой, собравшись в 1987 году на юбилей своего отеческого приюта, посвятили ей красочный альбом. Он открывается словами: «Вечная благодарность тебе, наша родная Учительница!» И за то, перечислялось взволнованно, что учила нас любить Болгарию. И за то, что поведала восторженно о подвиге Димитрова. И за то, что приблизила к нам Россию — стихом Пушкина, музыкой Чайковского... За все спасибо!

Собравшиеся, уже седые отцы семейств, вспоминали, как потрясенно, с болью объявила им Янева: «Гитлер напал на Россию!» И сейчас, спустя годы, влажнели у многих глаза, как тогда, в тот страшный день. Верой учительницы они, тогда малыши, верили, что черные силы не одолеют страны, любовь к которой жила, казалось, в самом воздухе, которым дышали...

А с фронтов, протянувшихся на тысячи километров, доносились тяжелые вести. Гитлеровские полчища достигли берегов Волги. Нелегко было и здесь, в Софии. Аресты, суды, пытки, город оцепенел. В те дни закончился процесс над генералом Заимовым. С замиранием сердца ждала Янева приговора, ведь судили бесконечно близкого ей человека. Только ли ей? Всей Болгарии, трудовой, честной Болгарии близкого человека. Заимова расстреляли на гарнизонном стрельбище, где сейчас величественный мемориал героев-антифашистов. Никто из жителей не был в тот момент там, и Кристина Янева не была, но через час весь город

знал, что генерал-патриот не дрогнул под стволами навешенных на него винтовок, не попросил пощады...

Один боец покидает боевую шеренгу — другой заменяет его. Кристина Янева, как известно, стала педагогом, работала увлеченно, обратив на себя внимание университетской профессуры, и, кто знает, возможно, писали бы о ней сейчас как о большом ученом, но грянула вторая мировая война, фашисты вторглись в Россию, оккупировали всю Западную Европу, и Кристина оставила любимую профессию, стала разведчицей, выбрала невидимый фронт, смертельно опасную борьбу. Ей сказали: «Мы рады вашему решению, возлагаем на вас большие надежды». Позднее советский офицер, оставшийся в архивных документах под литерой Х, сделал запись: «Меня поразили исключительная скромность и самоотверженность, с которыми Танка приняла задание...»

Видите, в служебном отчете упоминается Танка. Под этим именем она и останется навсегда. Логичен читательский вопрос: «Что это за имя?» Ничего, объяснили мне, загадочного. В болгарском произношении Кристина — Крыстина, тетя так и звала ее с детства: Крыстина, Крыстапка, потом по-матерински ласково Танка.

Вот Янева, когда речь зашла о псевдониме, и взяла себе это имя, кличку — назовите как угодно. Взяла как пароль, талисман. Спустя некоторое время у нее появился и второй псевдоним — Фрида. Она и к нему привыкла, считая: раз нужно, значит, нужно.

Итак, Янева сделала очень важный, важнейший в своей жизни выбор — согласилась работать непосредственно в фашистском логове. Но как туда перебраться, под какой личиной жить? Ведь нацистская служба безопасности не дремлет. С представителем Центра были обсуждены разные варианты. Наиболее приемлемым сочли поездку в Германию для стажировки в Берлинском университете. Учеба молодых болгарских специалистов в Германии в те годы поощрялась; приобретенные там знания и практические навыки ценились софийскими властями.

Все складывалось удачно. Посол обещал полнейшее содействие, не поскупился даже на именное рекомендательное письмо...

Но время до отъезда еще есть, и мы вернемся снова в мемориал «Гарнизонное стрельбище» — одну из святынь революционной борьбы болгарского народа против фашизма. Взгляд ранит траурный цвет фамилий: Петр Богданов... Никола Вапцаров... Боже мой, они были расстреля-

пы здесь, вслед за Владимиром Заимовым, вот и день: 23.VII 1942 г. Кристина, свидетельствуют близкие, ходила тогда словно убитая, словно это ее расстреляли вместе с ними, известными общественными деятелями Софии. Вскоре она вновь встретилась с советским разведчиком. Что сказала? О чем просила? «Только об одном, — вспоминал он уже после войны, — отправьте быстрее на задание!»

3. ДОНЕСЕНИЯ ИЗ ВРАЖЕСКОГО ЛОГОВА

Берлин, город, в котором Кристина должна будет установить знакомства в военных кругах, чтобы добывать информацию, интересующую Центр, встретил девушку напыщенно, надменно. Да и не могло быть иначе. Ведь не было еще разгрома под Сталинградом, не было Курской дуги, отрезвивших немцев в национальном масштабе. Жители столицы фашистского рейха собирались толпами у репродукторов, орали «Зиг хайль!», опьяненные победными религиями с фронтов. Едва ли не все здесь были уверены: тотальная победа близка, еще удар, еще натиск, и Россия развалится! И не будет больше препон к мировому господству фюрера!

Правда, картину повального восторга портили руины, пожарища — их становилось все больше, больше, и даже в центре города. Первая же бомбежка, испытанная Кристиной, длилась с ночи до рассвета, обвальный грохот, низвергавшийся с небес, вывертывал все внутренности, одинокая лампочка под сводчатым потолком убежища буквально плясала при взрывах, дым с копотью плавал волнами, сделав лица знакомых по дому, обычно чопорные, самодовольные, похожими на маски, искаженные страхом. Хозяйка доходного дома, в котором квартировала Янева, уж на что фанатичка, молившаяся на Гитлера, и та обмякла, увидев в чадающем пламени свою Принц-Альбрехтштрассе. «Майн гот... майн гот...» — подавленно причитала она, опираясь на руку своей постоялицы.

К несчастью, приехала Кристина в момент, более чем тяжкий для нее. Месяцем-двумя раньше гестапо напало на след подпольной антифашистской разведорганизации, в тюрьме оказались многие активные и опытные бойцы. Вживаться оказалось гораздо сложнее, чем думалось.

Вот одна явка. На подоконнике сиротливо приютилась самодельная кукла. Это сигнал провала явки, кукла как бы кричит: «Сюда нельзя, нельзя, нельзя!» Провалена и вторая — правая штора на среднем окне резко отброшена.

Какое же огромное спасибо хотелось сказать им, неизвестным для нее, что не забыли о ней, безгласно предупредили, обезопасили. Наконец-то удача! Третья явка действовала, до нее еще не добрались абверовские ищейки. Предстоящая встреча радовала несказанно, значит, арестованные не выдали. Им, оставшимся на воле, надо усиливать работу и за себя, и за них, выбывших из строя. В Центр ушло донесение Фриды:

«У меня все благополучно, квартирую в доме, указанном вами. Первая информация отправлена по известному вам каналу связи, чувствую за собой проверку, но спокойна. Сердцем с вами».

В Центре отдавали себе отчет: без проверки Кристине не обойтись, механизм слежки в рейхе отлажен до абсолюта. Осведомители гестапо в каждом доме. Что там в доме — в каждом подъезде. За людьми в Берлине наблюдают в любом кафе, на любой железнодорожной станции, в поезде, театре, кино. Даже у репродуктора, когда передают сообщения с фронта: от души ли, всматриваются гестаповцы, аплодируешь, что у тебя на лице написано. Задай вопрос, показавшийся подозрительным, окажись по оплошности в квартале, где особый контроль, блесни чрезмерными чаевыми — последует непременно телефонный звонок в гестапо или ортсгруппенлейтеру, руководителю местной организации НСДАП. Но Янева, Танка, Фрида, были убеждены в Центре, промашки ни в чем не допустит, по оценке людей, готовивших ее к заданию, она с чрезвычайной въедливостью входила в «мелочи быта», поведения, нравов.

Из Центра — Фриде:

«Желаем успехов в работе. Проявляйте максимальную осторожность...»

Простое на вид послание, и слова простые, а за ними сердечное, проникновенное: «Мы — рядом, мы — вместе». Плохо, конечно, что у Танки нет радиопередатчика. Но надо исходить из обстановки. Сейчас, когда гестапо свирепствует и целая свора шпииков настороже, если бы он и был, разве разумно им воспользоваться? И тут более чем к месту поправить некоторых друзей Кристины, утверждающих в своих воспоминаниях, что все время, до провала, она, мол, не расставалась в Берлине с рацией, сама отстукивала собственные донесения в Москву. Нет, объяснили мне авторитетно ветераны Центра, Янева ни разу сама не выходила в эфир, вся добытая ею развединформация передавалась через неуловимых связных. Они же, ветераны, добавляли, не скрывая восхищения:

— Работа связных — это тоже подвиг. На невидимом, или, как часто пишут, тайном, фронте — это тоже передний край...

Жаль, бесконечно жаль, что мы пока не сумели еще воздать должное их несравненной доблести и конспирации! Вот, к примеру, перед нами листок бумаги с безобидным текстом, но в нем, когда расшифровали, оказались сведения, равные по значению иной битве, и прошли они, судя по всему, через три страны, через три границы. Попадись с такой ношей — пуля обеспечена! В другой раз Танке удалось передать со связным буквально чудом добытую ею копию секретного документа, подписанного накануне и еще не дошедшего до адресатов, коим предназначался. Танка надеялась твердо: поможет связной. Не задержится в пути ни секунды, несмотря на риск, напряженность, победит, как обычно, наивысшая во всем отточенность.

Разведчики со стажем, как святое, твердят: «Информация ценна только тогда, если поступила командованию вовремя, не запоздала в дороге». Это не в учебнике вычитано, это жизнью выстрадано. И какая же молодец Танка, что заповедь эту сделала своим законом! Количество присланных ею разведдонесений? Не верится, что все они из Берлина и от одного человека. Качество? Ни один документ не остался без внимания, на каждом штабные комментарии, пометки ответственных товарищей. Как смогла? Как успела? Трудно ответить на этот вопрос, как трудно измерить силу воли, резерв физических сил бойца, неделями, месяцами не выходящего из атак.

Будучи от рождения чрезвычайно одаренной, умной, энергичной, по характеру общительной, Танка быстро обростала знакомствами, связями, становилась «своей» в самых различных кругах. При ней не стеснялись хвастаться: «Наш-то прислал криг-трофеен», — и до отвращения сноровисто, жадно разбирали ворованное добро. А вчера знакомая по факультету пригласила домой на проводы жениха, срочно направлявшегося во главе учебной танковой команды под Сталинград. Еще неделю назад она собиралась к нему в Мюнхен на рождество, теперь, видите, все переменялось, в глазах — деланное бодрячество, на сердце — тайный траур. Внешне унывать нельзя — попадешь на заметку гестапо. Вернувшись с аэродрома, подруга, чтобы поднять вес жениху, рассказала, что за пополнением прибыл нарочный от самого Манштейна, «машин много, объяснил, экипажей не хватает».

Танка все впитывала в себя, все запоминала. Центру, учили ее, важно видеть из стана врага не только то, что наносится на карты, включается в директивы и приказы, но и настроение разных слоев общества, и расслоение этого общества, и пробуждение толпы, охваченной недавно фанатичным ослеплением. Удары под Москвой и на Волге, на Дону отзывались и здесь, в глубинном нацистском тылу. Бомбежки Берлина потрясли всю Германию. Они несли десятки тысяч смертей, но они были и символом возмездия. Справедливого возмездия! Разведчица докладывала, анализируя обстановку в рейхе, что не все люди, задавленные фашизмом, взирают на грохочущее, обезумевшее небо со страхом, кое-кто — с надеждой. Не все, повторяла она, аплодируют до одури, как раньше, когда в кинотеатрах идут специальные сеансы: «Документальные репортажи с Востока». Однажды Танка была свидетельницей мимолетного диалога — у себя, в университете:

— Звонок на киножурналы — пойдем?

— Лучше взгляни вот на это, — и студент протянул коллеге газету, в которой целая страница чернела фамилиями погибших на фронте. Кстати, они не встревожились, заметив, что не одни.

Я спросил бывшего работника Центра, помнящего многих, многих разведчиков и ее, Кристину Яневу, какую реальную ценность представляли донесения Фриды? И в ответ услышал: учтите прежде всего, это были донесения из столицы Германии, из Берлина... Это были донесения из 42-го... Фрида умела выделить главное из обилия стекавшейся к ней информации... Это же говорившие о многом «зарисовки с натуры», где и состояние духа противной стороны, и трещины, расползавшиеся все шире, шире. Знаменательно: после известной недели траура по 6-й армии Паулюса, сгинувшей на Волге и сгорбившей Германию, тайные бойцы спешили сообщить, как все доподлинно было там, на Шпрее, на Эльбе, какие слова — не с трибун, не с газетных полос — произносили теперь очнувшиеся люди... Танка была впереди. Она без напоминания Центра поняла, что от нее требуется...

Судя по тону донесений, подробных, спокойных, честных, ничто не предвещало трагической развязки ее карьеры разведчицы. Она старалась не оставлять «следов» — ни по дороге на конспиративные встречи, ни в университетском общении. «Добрая», «скромная до стеснительности», «с задатками ученого в немецкой филологии, по которой стажировалась, оставляла многих из нас позади»,

«страстно любила Болгарию — могла рассказывать о ней, как поэму читать...» — перед вами выписки из бесед с немцами, помнящими «студентку из Софии». Трогательные подробности сохранила в душе сокурсница Кристины, живущая ныне в Западном Берлине: «Не приводите мою фамилию, я и без того в «черных списках» полиции — за участие в антивоенных демонстрациях».

Так вот они, эти подробности, запечатлевшие живой, неповторимый облик Яневой: «Вечером под Новый 1943 год получили мы от нее в подарок веточки кизила, заменяющего, оказывается, в Болгарии елку. В праздник, — говорила сокурсница Кристины, — редкая семья обойдется без него, олицетворяющего нравственную чистоту, силу человеческой души, веру в будущее. И еще — мартеницу, — нараспев произнесла моя собеседница, — видите, не забыла!» И улыбнулась, открыв свои чувства.

Мартеница... Мартеница...

Я много раз бывал в Болгарии, по-братски люблю эту страну, ее народ и знаю, что мартеницы, раздариваемые повсеместно, — две самодельные кисточки из красных и белых ниток — нехитрый, но трогательный символ приближающейся весны. Что же Кристина? Она сплела тайком десятки таких мартениц и каждой, каждой своей подруге послала на счастье, на радость! Кристина верила в эти простые и добрые идеалы, оттого и со всей силой боролась за них.

Но вернемся к печальному дню, прервавшему молчаливый, многотрудный подвиг Танки. Вчера еще она сообщала Центру: по всей стране, словно беспощадной метлой, выметают на фронт и стариков и подростков. В обиход вошло слово «фольксштурм». Пугающее, траурное. Снова донесение: «Срок пребывания вновь призванных в учебных подразделениях сокращен на одну треть».

Вчера еще... А 27 апреля 1943 года Танка оказалась в лапах гестапо. Как это случилось?

В тот день, как и обычно, Кристина с утра до поздней ночи была в трудах: немало времени забирала стажировка, надо ведь показать, что ты не случайно здесь, прилежание и усидчивость у немцев в наибольшей цене. Но главные силы души отнимала смертельно опасная работа, скрытая от посторонних глаз.

Время летело тревожно быстро. Не успела оглянуться Кристина, уже два месяца в Берлине остались позади. Появились заметные успехи в студенческих делах, что отмечали профессора; радовали ободряющие весточки из Цент-

ра: значит, информация была нужной! Вскоре разведчице предстояло установить личную связь с опытной немецкой антифашисткой-интернационалисткой. Она должна была помочь в установлении новых полезных знакомств.

С трепетным волнением готовилась Кристина к этой встрече. Сложное, опасное предстояло дело. Вот он, назначенный день. На улице уже темнело. Разведчица для отвода глаз повидалась с некоторыми подругами по учебе и отправилась по известному ей адресу. С присущей ей тщательностью она проверилась, блуждая по городу, пересекаясь с одного вида транспорта на другой. Слежки не заметила. У дома тоже пусто. Вошла, поднялась неторопливо на нужный этаж, нажала звонок. Дверь открыла высокая пожилая женщина. Услышав закодированную фразу, она преобразилась. Ее глаза сияли, выражая радость свидания с дорогим человеком. Она тепло обняла гостью и пригласила в столовую. Хлопотливая хозяйка готова была угостить обедом, но Фрида отказалась: по соображениям безопасности ей не хотелось излишне задерживаться в квартире. Она предложила как можно быстрее обсудить условия связи на будущее. Договорились, что для передачи информации Фрида будет использовать известный ей «почтовый ящик». От повторного прихода сюда она воздержится.

Чрезвычайно довольная встречей, Фрида возвращалась домой; настроение — впору песни петь, но вокруг стояла какая-то гнетущая, давящая тишина...

Через несколько дней Танка передала через «почтовый ящик» записку, в которой содержались сведения, выуженные из бесед с немецкими военными чинами. Разведчица радовалась, что скоро ее информацию получат в Центре. В другой раз она передала список своих новых перспективных знакомых. Потом еще сведения, еще. Фрида испытывала огромное удовлетворение. Еще бы, здесь, в Берлине, она была вместе с Красной Армией в ее героической битве, помогала Болгарии, родному народу.

Танка была счастлива! И не знала, не ведала, что с некоторых пор шаг за шагом, день за днем время приближало ее к неминуемой катастрофе. Она не знала, что гестапо напало на след еще нескольких антифашистских подпольных групп и схватило значительную часть их бойцов. Провал коснулся и хозяйки квартиры, которую однажды посетила Танка. Потом станет известно, что фашисты в той квартире устроили западню, поселили там гестаповку, игравшую роль хозяйки и выявлявшую подпольщиков, ис-

кавших помощи. Гестаповка знала пароли и потому действовала искусно, правдоподобно. Таким образом у нее оказались неопровержимые доказательства причастности и Фриды к антифашистскому сопротивлению.

Хотя Танка в квартиру не заходила — пользовалась по-прежнему «почтовым ящиком», эта предосторожность уже не могла ее спасти. Каждое появление у проваленного «почтового ящика» и каждая записка, вложенная туда, лишний раз убеждали гестапо в том, что Кристина Янева — разведчица. Университетская стажировка — прикрытие.

27 апреля 1943 года ее арестовали и бросили в тюрьму Моабит...

4. В ЗАСТЕНКЕ

Танка очнулась в каком-то оцепенении. Она не ощущала своего тела, как будто его и не было. Потом память толчками, урывками, как в тумане, возвращала ее в кабинет следователя, и снова дикие крики: «Швайн! Швайн!», зверские удары, искаженные бешенством лица фашистских палачей...

Над головой, вырывая из тьмы часть бетонной стены, красновато мерцала лампочка. Кристина, осмотревшись, поняла: она одна, больше в холодной камере нет никого. От этого стало страшно. Как нужна ей, измученной, истрадавшейся, человеческая близость... Сколько времени уже она здесь? Что предстоит еще вынести?

Из короткого забытья вывел надсадный скрежет дверного запора, надзирательница бросила на прибитую к полу табуретку ломоть хлеба, поставила кружку с жидкостью, подобием чая:

— Через полчаса — на допрос!

Много лет спустя я был в тюрьме Моабит, где содержалась первое время Кристина Янева, и по разрешению коменданта повторил путь, которым водили заключенных в следственную. Снизу, где камера «новичков», по гулкой железной лестнице вверх, там — по длинному коридору, такому длинному, что и здоровые ноги подкашиваются, потом — снова вниз, снова по такому же нескончаемому коридору и, наконец, через высокий порог — в каменный, без окон, отсек, где выбивали признания. Почему столь долгий и громоздкий маршрут? Да потому, чтобы еще до начала допроса довести жертву до крайнего физического изнеможения, сломить волю.

Сохранившиеся документы бесстрастно подтверждают, что разведчица не сломалась под пытками, что у нее хватило сил вынести все муки гестаповского ада. Чем изощренней издевались над Яневой, тем упорнее твердила она:

— Нет... Нет... Нет!

Однажды, прикинувшись добрячком, следовательно, даже не обращаясь к ней, будто размышляя вслух, произнес:

— Девчонка... глупая девчонка... Твои руководители давно признались во всем, им жизнь, выходит, дороже, а ты...

Он ходил из угла в угол по кабинету, выжидая, видимо, что эти слова разбередят душу, вызовут на откровенность. Только зря следовательно надеялся на дешевую удачу. Янева не знала по именам и фамилиям своих старших здесь, в Берлине, но она не сомневалась, что их, вступивших в жесточайшую схватку с фашизмом по убеждению, по духовному призванию, не поставить на колени, из них не выбить желанных свидетельств. Если уж с ней, девчонкой, возьмется вот уже скоро восемь недель и остаются ни с чем, то что же говорить о тех, кто за долгие годы закалился в борьбе?!

Танке не было известно, что за теми же глухими моабитскими стенами томились герои-антифашисты, схваченные гестапо еще летом сорок второго года. Танка не знала ни руководителей этой группы — Арвида Харнака, Харро Шульце-Бойзена, ни кого-либо из ее членов, не входила организационно в нее, но если бы, находясь в застенке, слышала, с каким бесстрашием держались патриоты, с каким единодушием верили в победу над гитлеровской чумой, как бы гордилась она, молодая интернационалистка, что у нее такие выдающегося мужества соратники!

Шульце-Бойзен, из прощального письма к отцу и матери:

«Окажись вы сейчас здесь, невидимо проникни сюда, вы увидели бы, что я смеюсь в глаза смерти. Я давно уже поднялся выше ее».

Харнак, из прощального письма — за час до казни: «...я спокоен и счастлив... Сегодня утром я громко сказал себе: «А солнце светит, как и раньше...»

Жестоко расправившись с руководителями крупнейшей из раскрытых антифашистских организаций, гестапо спешило с процессом по делу остальных. Мы не будем здесь говорить о них — это тема другого повествования, назовем лишь Клару Шабель, с которой Янева должна была встретиться. Кто она? Из рабочей семьи, с 1933 года — служа-

щая управления знаменитой фирмы «АЭГ». После начала второй мировой войны оказывала помощь иностранным рабочим, вывезенным в Германию, знакомила их с положением на фронтах, рассказывала о борьбе с нацистским режимом. Клара Шабель не раз предоставляла свою квартиру для явки советским разведчикам. Когда Танка уезжала в Берлин, квартира Клары была в числе полученных ею явок. Но встретиться им не удалось. 18 октября 1942 года Клару Шабель схватило гестапо. 30 января 1943 года ей вынесли смертный приговор, а 5 августа того же года казнили.

Из приговора имперского военного суда: «Она заявляет, что по-прежнему остается на позициях борьбы».

Клара Шабель, из прощального письма: «Я не боюсь и умираю спокойно».

Повторяем, Янева ничего не ведала о судебных процессах над выдающимися бойцами-антифашистами и их кончине, но она держалась на следствии, словно ощущала рядом их плечо, их дыхание, их бесстрашие.

Из Моабита Танку перевели в центральную женскую тюрьму, на Барнимштрассе. Соседи по клетке, да, да, именно по клетке, трудно назвать это помещение камерой, встретили Танку дружески, сердечно. Видя, как она измучена, соорудили подобие постели, кто-то протянул корку хлеба, кто-то — кусочек сахара, умыли, уложили спать. Из ближних камер простучали: «Привет болгарке». Откуда узнали? О, они все знали, политические заключенные, это был союз единомышленников, из которых нацистам так и не удалось вытравить высоких человеческих чувств. Кристина поняла: в тюрьме существует реальное единение узников. Люди — не в одиночку, а всей массой — сопротивляются произволу надзирателей, помогают ослабевшим выжить в этом аду. Люди остаются людьми!

Вот портреты троих из них. Еще в Моабите Кристина получила разрешение написать домой. «А вдруг выведет нас на нужные следы?» — надеялся следователь. Надзирательница вручила два бланка с типографским обозначением тюрьмы. Вид их обжег и взволновал: точно на таких же бланках, помнится (видела в газетах), с тем же штемпелем писал десятью годами раньше сам Георгий Димитров.

Танка задумалась над чистым бланком: что и как писать?..

— Будь осмотрительна, девочка! — прошептала Бетти де Пельзенер. Бельгийская коммунистка была значитель-

по старше Танки и относилась к ней, как любящая мать может относиться к дочери. После войны, будучи освобожденной Красной Армией, Бетти не раз писала в Болгарию, пытаясь отыскать родных Яневой. Но... то ли при переводе адрес был искажен, то ли по другой причине письма не доходили, терялись в пути. И вот наконец отыскалась тетя Кристины! Бетти де Пельзенер, уже терявшая надежду рассказать о последних днях Танки, наконец-то могла написать заветное: «Я с гордостью и преклонением заверяю Вас всех, что Танка ни на одно мгновение не потеряла мужества. Смертный приговор ей был вынесен 22 июня 1943 года, Ваши письма ее поддерживали, она говорила: «Если я должна умереть, то наши идеи не должны умереть. Другие с еще большим усердием будут продолжать сделанное нами!»

Все мы понимаем, что любая подробность из жизни погибших героев бесконечно дорога: ведь из-за глухих казематных стен мало что донеслось до нас. Надо искать, ибо найденное принадлежит бессмертию. Нетрудно представить, каким волнением были охвачены родные и близкие славной разведчицы, когда перед их взором предстали строчки из дневника Бетти де Пельзенер, сохранившие дорогой облик.

«17.VII.1943 г. Я познакомилась с болгаркой Танкой, которая три недели назад приговорена к смертной казни. Она маленького роста, с очень живыми и умными глазами, а улыбка освещает все ее лицо. Ей 29 лет, и она преподавала сиротам в одной из софийских школ. Сама она тоже круглая сирота. Кажется, что Танка все еще находится под впечатлением приговора и тяжелых моментов, перенесенных во время судебного разбирательства. Во всяком случае, состояние ее здоровья оставляет желать лучшего — у нее каждый вечер мучительная лихорадка. Но врач ничего ей не прописывает... Танка рассказывала мне, что в дни ожидания казни или новых пыток она часами сидела, беспокойно устремив глаза на солнечный луч, движение которого показывало ей мучительно медленное течение времени. Она втайне заметила определенное место, которого луч достигал в 10.30,— если не вызывали в палаческую, то она могла с облегчением дышать. Значит, выигран еще день жизни!

23.VIII.1943 г. Что нас больше всего приводило в отчаяние? Ни писем, никаких вестей с воли. И все-таки мы не допустили душевной депрессии — ни разу! Танка говорила: «Если я не умру, я должна всеми стараниями заботить-

ся о своем физическом и психическом здоровье. Если умру, я должна и последние дни прожить человеком».

17.X.1943 г. Одной польке, приговоренной к смерти, посчастливилось в ночь с 14 на 15 бежать из камеры на третьем этаже. Побег вызвал немедленное ужесточение тюремного режима. Всем ожидавшим казни, среди которых Танка, Криста и Лена, стали на ночь надевать наручники. Моя бедная Танка пережила ужасные часы. Она одета в отвратительную синюю блузу для смертников с широким кожаным поясом, к которому накрепко приделаны наручники. Нет таких маленьких наручников, чтогодились бы для детских рук Танки, и потому они затянуты до последнего зубца. Стараемся терпеть и это, чтобы не вызывать ликования тюремщиков.

30.I.1944 г. Во время богослужения в тюремной церкви мы узнали, что немцы снова «корректируют» фронттовую линию на Востоке. Танку отправили в одиночную камеру — плохой предвестник. Я только что видела ее на краткой прогулке. Изматывающее звяканье наручников до сих пор звучит в моих ушах.

5.VII.1944 г. Берлин затих — все, в том числе и трусливые тюремщики, ждут еще более ужасных бомбардировок. Сегодня утром я получила привет от Танки, и это подняло мое настроение на целый день... Помню, Танка говорила о Болгарии как о стране цветов и солнца. Когда она узнала, что советские солдаты после кратковременной передышки снова двинулись на Запад, она плакала от радости, была уверена, что и ее родина скоро будет освобождена».

Дальше имя Танки не упоминается в дневнике. Куда она девалась? Что с ней стало? Прежде чем поведать об этом, расскажем еще о двух женщинах, которые под страхом тягчайшего наказания не убоялись протянуть ей руку помощи. Речь идет о немках — о матери и дочери, о немках, подтвердивших гуманистические традиции своего народа.

Мать, кто она? Надзирательница. Имя? Неизвестно. Дочь — школьница 14—15 лет. Имя? Тоже неизвестно. В матери сохранилось что-то доброе, человеческое, что потянуло к ней Танку. И не только ее. Бетти де Пельзенер в послевоенных беседах не раз возвращалась к образу этой прекрасной немецкой женщины.

Приходит она на дежурство; внешне — гроза грозой, а в глубине глаз — скрытое сочувствие, обещание хоть как-то облегчить положение. Не будем перечислять здесь все гуманное, сделанное для одного, другого... пятого... двад-

цатого, что подтверждается благодарными свидетельствами бывших узников. Нас интересует «Танка», конкретно «Танка».

— Принесла и научила прятать книги.

— Купила на свои деньги дорогое лекарство — это Танка позаботилась о подружке, страдавшей тяжелым недугом.

— Достала карту Восточной Пруссии, где сейчас гремели самые ожесточенные бои. Танка, разглядывая вместе со всеми карту, затаенно, с каким-то невыразимым чувством произносила: «Скоро... Скоро наши придут!»

Попытайтесь, читатель, войти мысленно в ту обстановку, в те условия, и тогда поймете, что значил для Танки добрый человек — мать.

А дочь? «Высокая, худющая, — по словам Бетти де Пельзенер, — с глазами большими, синими, словно вобравшими в себя весну». Войдет, когда мама дежурит, в камеру, протянет стеснительно кулечек — тут и сухарик, и конфета, и кусочек сахара... «А вот листок бумаги — для письма, я потом отправлю». В другой раз — обрывок газеты, в него что-нибудь завернуто для вида, а в действительности сводка с фронта за минувшие сутки; сидит, смотрит, пока читают, и свое настроение не скрывает, ей ненавистен фашистский режим, сломавший, погубивший судьбы миллионов.

И не забыть, никогда не забыть веточки вербы, принесенные ею однажды; барашки едва распускались, но в них, еще маленьких, еще не оформившихся, сила пробуждения, так трогающая человеческую душу, свет надежды. Нет, на воле не оценить этого, не понять... Низко склоним голову перед неизвестными, безымянными немецкими патриотками.

В те дни Танке посчастливилось передать сразу два письма: одно — тете Златке, другое — любимому своему, жениху Любену Дорчеву. Каждый день — в ожидании казни. Каждый день — последний, а в письмах — несомленность духа, вера в победу.

«Радуюсь, что Бойче стала учительницей. — Это — тебе. — Если вернусь, непременно постараюсь вместе с ней работать. Я чувствую необыкновенную привязанность к учительской профессии. Часто-часто вспоминаю, как мы вдвоем с ней читали стихи Гёте».

А это — любимому: «Несмотря ни на что, я чувствую в себе достаточно сил, чтобы не сломиться, и обещаю тебе, что перенесу самое тяжкое, не буду жаловаться на судь-

бу, которой горжусь. Я ни на миг не теряю надежды и мужества... Мое сердце полно любви и веры, до сих пор ни в чем не раскаиваюсь, не сомневаюсь. Будущее оплачено большими жертвами, но оно мне видится прекрасным!»

Каждый день — в ожидании казни. Каждый день — последний... Гестаповцы с расчетливым садизмом оттягивали исполнение приговора. Пусть помучаются, пусть, кто послабее, заживо умрут. И вот он — страшный, бесцеремонный стук: «Собирайтесь!» Но с Барнимштрассе, выясняется, не к месту казни, а в другую тюрьму, за сотни километров от Берлина — в город Галле. В арестантских вагонах почти на всех нашивки: красный треугольник на белом фоне — знак смертника.

И снова камера-одиночка. Вскоре кто-то шепнул: «Твоя Болгария — свободна!» Это целительнее любых лекарств, любых успокоений. Жизнь вновь разгорается, как в ранней юности. Танка, слышат, поет какую-то песню. На прогулке спрашивает, что это за птица над головой? У себя, в Болгарии, она знала каждую птаху, каждое дерево, каждый цветок. Здесь многое иное, но ей хочется все тут познать — таков характер, такая жизнедеятельная натура.

«Твоя Болгария свободна... Красная Армия движется к Берлину!» Какое счастье! Кристина не могла в те дни не вспоминать беседы с друзьями, там, в Софии, горящие глаза Николы Вапцарова, поэта и патриота, говорившего страстно, упоенно: «Гитлер сломает шею! Проклятый игрок...» Она спросила как-то надзирательницу:

— Сегодня какое число?

— Что, ждешь не дожدهшься? — осклабилась гестаповка. Они о разном думали — Кристина, узнав число, высчитала, сколько уже дней живет Болгария, сбросив царский гнет, как она там сейчас, хоть бы на секунду глазком взглянуть...

Я был в Галле, был в той тюрьме, и ни от кого из бывших надзирателей, приглашенных на беседу, не услышал, чтобы Танка впала в состояние апатии, уныния. Жуткую деталь вспомнил Курт Мебиус, он сам из заключенных, сидел с 1938 года, в том же 1944 году, будучи больным, искалеченным, был определен в столярную мастерскую — делал гробы для казненных. Заказы, с содроганием говорил он, росли пугающе. В сутки — 50, 100, 300 гробов, потом тысячи, потом...

23 октября 1944 года свободе Болгарии пошел сорок четвертый день. Танка надеялась, всей силой души надеялась: «Меня не забыли, за меня заступятся!» И о ней не

забыли: занятое тысячами дел, правительство Болгарии обратилось через Международный Красный Крест с просьбой о сохранении жизни Яневой. Но нет, это словно бы подхлестнуло гитлеровских палачей: казнить!

23 октября. 16 часов. В камере Танки появляется надзирательница, женщина словно без лица, мрачная, с солдатской выправкой. «Иди за мной!» — с ненавистью произносит она. Может, свидание или отправка куда-нибудь еще? Танка идет. Открываются с тяжелым скрежетом одна за другой массивные железные двери. Гулки шаги за ними. Одна, мрачнее сфинкса, знает все. Другая, юная, красивая, не знает ничего. Только глаза ее измученные тревожно блестят в холодном полумраке. Не знают ничего и те, кто остается в камерах. И Курт Мебиус из столярной мастерской не знает, что это ее последние шаги.

Открываются и закрываются двери...

Звон ключей, скрежет железа...

В полутьме двое мужчин — с мертвым взглядом. Они берут под руки Танку. Ведут. Дальше шагов не слышно. Только сердце заключенной колотится сильно, отчаянно, чувствуя, что произойдет там, дальше, где поблескивает во мраке нож гильотины...

* * *

На окраине города Галле (ГДР) в тени приземистых ветвистых деревьев — братское воинское захоронение. Здесь покоятся солдаты и офицеры Красной Армии, герои антифашистского Сопротивления. Здесь и Кристина Янева. Командование приняло решение, чтобы она покоилась вместе с теми, кто с оружием в руках добывал победу, кто наносил удары по врагу в антифашистском подполье. Это высокая честь для бойца невидимого фронта. У всех красная звезда в изголовье, и всех осеняет боевое Красное знамя.

В моем блокноте остаются дорогие фамилии однополчан, не вернувшихся из пламени сражений. Вот лишь те, что начинаются с того же участка, где Танка. Может, родные узнают своего отца, своего мужа, сына, брата?

Яканин Василий 1912 — 9.2.1945

Якимчук Антон 1913 — 6.4.1945

Янева Кристина 1914 — 23.10.1944

Ямпольский Осип 1927 — 29.4.1944

Яченко Анатолий 1926 — 5.11.1944...

Список огромен, весь его процитировать здесь нет возможности.

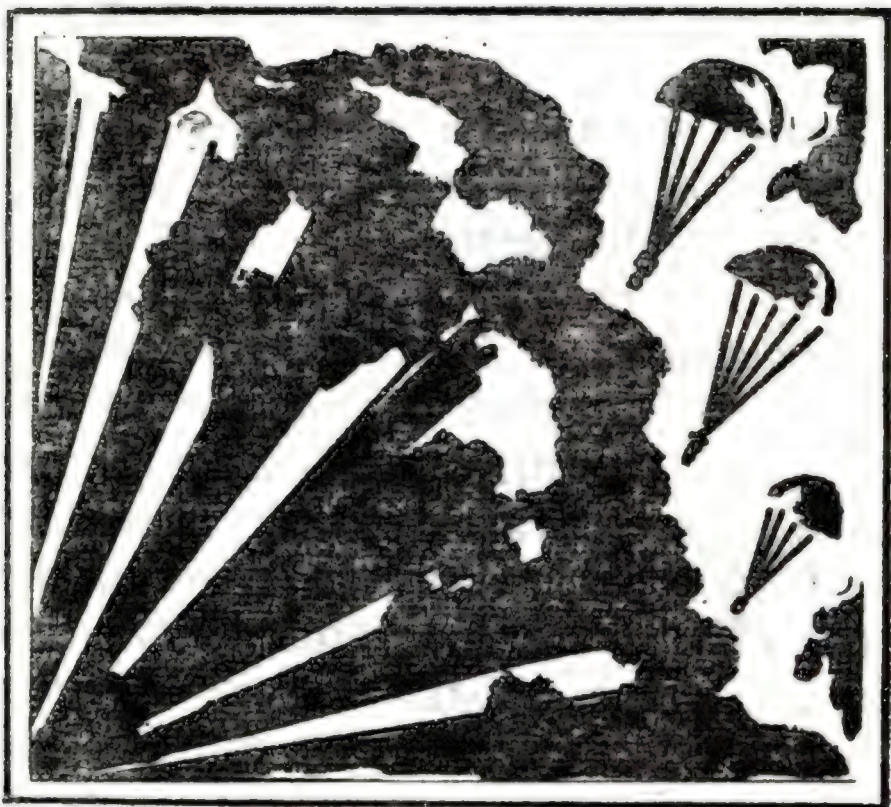
...К братскому кладбищу чеканным шагом подходят советские воины. Они отслужили действительную службу, разъедутся завтра-послезавтра по домам, но сегодня, такова традиция, прощаются с теми, кто навечно останется в карауле, кто навечно приписан к бессмертной победе.

Я смотрю в лица людей, собравшихся вокруг. На венках, возлагаемых официально, надписи с указанием страны... Воины расступились, пропустив группу школьников, склонивших болгарский флаг. «Кто вы?» — спрашиваю. Оказывается, 9 класс «Б» из второй тырновской гимназии. Учительница Катя Колера добавила: «Этот класс носит имя Кристины Яневой, выбрал ее как пример для себя». В тот день мне сказали, что только вчера уехал известный болгарский публицист, исследователь революционного движения Кирил Янев. «Очень, очень жаль!» — вырвалось у меня. В Софии не встретились, здесь тоже пути разминулись.

Уже вернувшись в Москву, я прочитал в «Правде» статью Кирила Янева: он увлечен темой «Ленин и болгары». Недавно вышла его книга «Огонь на всю жизнь» — это первая часть замысла. Дальше — новые сюжеты из все той же неисчерпаемой темы.

В хранилище потсдамского архива Христо Дорчев, потратив не один день, нашел тюремную карточку Танки под номером 1201/44. Сверху карточка помечена буквой, означающей «ликвидирована». В графе «причина ареста» — «политический шпионаж». Но на фотокопии акта о смерти Кристины Яневой, выставленного 23 октября 1944 года, читаем: причина смерти — «неожиданный сердечный приступ — прекращение дыхания». Что же верно? Это можно понять, если учесть, что, злодействуя, гестаповцы страшись возмездия, запутывали следы... Как же, ведь было обращение Международного Красного Креста, ему, правда, отказано в освобождении Яневой, но на всякий случай сочинена подлая легенда: не гильотина, а сердечный, мол, приступ... прекращение дыхания... Видите, как все просто!

Но палачам не уйти от возмездия.

**Анатолий
Семенов,
Александр
Андреев**

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ

1. АДРЕСНОЕ БЮРО НЕ ПОНАДОБИЛОСЬ

Любопытно, даже в городе многотысячном, являющемся столицей автономной республики, мы нашли Елизавету Абалову без помощи справочного бюро. Остановили, выйдя из гостиницы на улицу, одного прохожего, второго, третьего, старались кого помоложе, и узнали, где живет, где работает. К тому же школьник один замечание сделал: «И не Елизавета она, а Ксения Николаевна — это в войну ее так звали, разведчиков под своими именами на задание не посылают».

А подругу ее боевую, Александру Капитоновну Полякову (по мужу Новикову), довелось видеть сначала на Доске ветеранов войны и труда, выставленной перед знаменитым Красногорским механическим заводом. Кстати, здесь, на механическом, трудятся еще трое Поляковых-Новиковых — вся семья.

Законен вопрос: с чего начался поиск? Почему заинтересовались мы судьбами этих женщин? В одном из редакционных писем мелькнула фраза: в городе Грозном на Первое мая в колонне демонстрантов шла партизанка с пятью боевыми орденами. Стали выяснять: нет, оказывается, не партизанка, а разведчица. Так в журналистском блокноте впервые появилась Абалова. Правда, еще Елизавета. В далекой же чехословацкой Праге фамилии Абаловой и Поляковой свел вместе Иржи Незвал, профессор Карлова университета, в войну — комиссар партизанского отряда. Он так и сказал, когда встретились в Центральном военно-историческом музее: «Найдите их, познакомьтесь — это настоящие героини!»

2. «ТОГДА ВСЯ СТРАНА ПОДНИМАЛАСЬ НА БОЙ»

Удивительное племя — фронтовики. Прошли через тяжелейшие испытания, спасли самое бесценное на земле — свободу, жизнь, а заговори — не услышишь ни высоких слов, ни тени самолюбования. «Мы ничего особенного не сделали — просто выполняли свой гражданский долг, ведь тогда вся страна поднималась на бой», — раздумчиво произносит Абалова. Она, по всему видно, уже вернулась памятью в сорок первый год, обугленный гитлеровским вторжением, в свою молодость — горькую и, поверьте, поверьте, дорогие люди, необыкновенно счастливую. «Вся страна поднималась, и мы вместе с ней. Вливались в километровые очереди добровольцев, осаждавших военкоматы; заваливали рапортами Наркомат обороны, умоляя, требуя отправить в действующую армию; подростки — не один, не десять! — тайком пробирались к линии фронта, чтобы взяться за оружие. Это останется здесь навсегда», — наша собеседница показывает на сердце.

Абалова посмотрела на Полякову: «Правильно говорю?» — Правильно, мама!

Мы недоуменно переглянулись. Мама? Что это — оговорилась в волнении? Да, мама, тут нет ошибки, но позвольте, читатель, объяснить все позже.

Прежде приведем слова Александры Капитоновны Поляковой, касающиеся другого, того, собственно, во имя чего мы встретились. Абалова и Полякова, подтвердили компетентные люди, действительно провели всю войну в разведке, четырежды забрасывались в дальний тыл врага, успешно справились с заданиями командования.

Так вот, Полякова, пока мы беседуем, настойчиво повторяет:

— Только, если будете писать, не употребляйте, пожалуйста, слово «подвиг» — это была обычная боевая работа...

Абалова согласно кивает головой, значит, ничего другого о себе ни читать, ни слышать они не хотят. Удивительное, удивительное племя — фронтовики.

Из биографии Ксении Николаевны Абаловой по июнь 1941 года. Родилась в Минводах, училась в индустриальном техникуме в Пятигорске, работала бухгалтером в Грозненском нефтетресте. Окончила осоавиахимовский аэроклуб — парашютное отделение. Член партии. И отец был

членом партии. Храбрый человек, дрался за Советскую власть, не жалея себя.

Из биографии Александры Капитоновны Поляковой по июнь 1941 года. Москвичка. Сирота, воспитывалась у бабушки и дедушки, потом — в детдоме. Успела потрудиться на заводе, там вступила в комсомол. По вечерам занималась в осоавиахимовском радиоклубе, оценки — отличные.

Перед нами заявления Абаловой и Поляковой с настоятельной просьбой послать на фронт, сохранившиеся в архивах: они похожи до слова, до запятой — их писало одно время, одно чувство. И еще — характеристики, в них одинаково и о преданности Родине, и об общественной активности. «Прекрасное поколение!» — радовались в разведотделе фронта.

Первое задание... Спрашиваем, не торопя с ответом, что больше всего запомнилось из той тяжелой поры, что из увиденного, из пережитого и поныне не отпускает?

— Дух советских людей, дух непокорности, воля к борьбе и победе — вот что потрясало.

Это — Абалова. Она говорила с подъемом, с подкупающей исповедальностью. Ее настроение передавалось Поляковой:

— Полстраны под фашистами, в крови, в стоне земля, а как часто, сквозь стиснутые зубы, сквозь боль, прорывалось: «Нас — не одолеть, мы все равно победим!»

...Ли-2 выбросил их в ночь. Густая, вязкая темень укутала все вокруг. Замерли, упав, прислушались — нигде ни звука. Прижавшись друг к дружке, повторили напоминание инструктора уже под крылом самолета: «Район вашей деятельности Пятигорск и его дальние и ближние подступы». Абалова, как и там, на аэродроме, ну прямо вся трепетала, вся светилась. Пятигорск... Пятигорск... Места, родные с детства! Даже забыла, что ногу растянула, приземляясь, хромать перестала...

Солнце не всходило долго, за горами пряталось, но дорога, когда всмотрелась, уже запылила. Нужно спешить! Нужно быстрее потеряться в толпе беженцев!

— Пойдем, доченька...

Абалова входила в роль. По легенде она — мать, зовут Елизаветой, Лизой, а Шура, маленькая, худенькая, — ее единственная, ее ненаглядная, которую вот и спасает от беды. Вы, наверное, не забыли недавнее обращение Поляковой к Абаловой «Мама»? Теперь поняли почему? От-

сюда оно, из сорок второго года, на всю жизнь, выходит, осталось.

Запрятав десантный мешок с рацией, разведчицы сделали первый шаг. Мать и дочка... беженки... Бедные, несчастные скиталицы... Кому придет в голову усомниться? А это, до поры до времени замаскировано, шла Красная Армия. Уже наступающая, уже вперед...

Полякова продолжила беседу, возвращаясь к тому, что запомнилось ей больше всего при встречах с советскими людьми на оккупированной территории.

— Гестапо свирепствует, массовые аресты чуть ли не каждый день: не так взглянул на них, на оккупантов, не захотел работать на «великую Германию», не побоялся высказать доброе слово о Советской власти. И вот наигоршая беда — немцы эшелонами вывозят к себе на каторгу взрослое население. Ксения Николаевна тоже подпадает под этот приказ. Что делать? Идем, не мешкая, в городскую больницу, толкаемся, присматриваемся к персоналу и... делаем выбор. Перед нами врач — старая женщина, давно, говорит, здесь, с первых пятилеток. Плачет она, плачем и мы. «Не сможете ли дать справку о какой-нибудь болезни?» — просим в открытую. К тому же видите — хромота, нельзя ли на перевязку ходить? Смотрит, думает, потом лицо озаряется скупой улыбкой: «Дам, конечно, дам!» Тут же все выписала, печать сходила поставила, ногу забинтовала, научила, как сильнее хромать, и обняла на прощание. Справка та больничная была для нас не хуже оккупационного аусвайса, заменявшего паспорт. Мы могли беспрепятственно передвигаться по городу — вот что главное!

Александра Капитоновна передохнула и, помолчав, спросила:

— Думаете, просто пойти на такой рискованный шаг, на какой пошла наша неожиданная знакомая из пятигорской больницы? Ведь за это, в случае обнаружения, концлагерь — самое легкое наказание...

И еще эпизод. Полякова буквально преображается, молодеет, будто опять пробирается к месту десантирования за рацией; нашла потайной свой бесценный клад, заложила в корзины через коромысло, не успела пройти и километра — летучий патруль, немец заорал: «Кто такая? Откуда? Куда?» И рукой в одну из корзин. Сердце, не скрывает Александра Капитоновна, зашло от страха. «Вон моя хата, — заныла плаксиво, — отпустите...» Солдат повернулся к хутору, серевшему неподале-

ку: «Там?» Она ответила обрадованно: «Да, да...» Только рано обрадовалась: патрульный толкнул ее грубо, дескать, иди, и пошел следом. Решил проверить, правду ли говорит, к тому же поживиться надеялся. Ноги приросли к земле, вся опустошенно обмякла: кто там, в той хате? Помогут ли? А может, отвернутся? Боже мой, боже! Хата ближе, все ближе, провожатый сапогом толкнул дверь, у печки возилась женщина, перепугалась насмерть, а я, продолжает Александра Капитоновна, бросилась ошале-ло к ней: «Мама, мама, вот и я вернулась!» Хозяйка прижала меня к себе, причитая: «Доченька, родная моя...» Солдат со злости схватил крынку молока, стоявшую на столе, выпил залпом и, не проронив ни слова, отправился восвояси. Почему она так поступила? Кто ей приказал? Потому что советским человеком была, ответила сама себе Полякова. Честное сердце ей приказало! Доброе сердце!

Мы слушали боевых соратниц, и привычное, вроде бы ясное обретало новые краски, поднималось в моральной, нравственной цене. Нам нельзя, ни в коем случае нельзя забывать в суеде и суматохе буден даже о малости, касающейся служения Родине, борьбы, победы; в летописи должно все сохраниться, работать на сегодняшний и завтрашний день.

Пока Полякова ходила за рацией, на что ушло без малого четверо суток, Абалова, пользуясь медицинской справкой, исходила почти весь город, нанесла на карту памяти немецкие военные объекты, подсчитала, сколько эшелонов проследовало к фронту и обратно, с чем конкретно.

— Вот тебе, Шура, работа. Тут все выведено...

Сноровисто, обученно развернули антенну, благо хозяев не было дома. Мама Лиза устроила на кухне шумную уборку, дочка же взялась за телеграфный ключ. Эфир был переполнен треском, шумом, каким-то писком, и требовалось искусство, мастерство, чтобы пробиться к своему адресату. Полякова вздрогнула от радости, услышав: «Я — седьмой, принимаю... Я — седьмой, принимаю...» И — пошло, дробное, пульсирующее: точка — тире, точка — тире. Там, в Центре, поймут: это — штаб, это — склад с боеприпасами, это — ресторан для господ офицеров...

Радиомост Пятигорск, квартира в одном из домов 9-й линии Красной Слободки — разведотдел фронта действовал безотказно.

Гитлеровские орды осатанело рвались на Кавказ: им позарез нужна нефть Грозного, Майкопа, Баку.

Разведотдел зачастил с заданиями, ни дня не пропускал, и каждое распоряжение шло с напоминанием «срочно! срочно!».

— Нужно во что бы то ни стало сорвать готовящееся наступление врага! — этим жила Ставка, этим жило командование Северо-Кавказского фронта, этим жили они, две женщины, рядовые невидимого фронта. Перед нами три радиogramмы Абаловой и Поляковой, получившие высокую оценку. Архив бережно сохранил и размашистое: «Молодцы!», и итоговое заключение: «Цели уничтожены».

Давайте вместе вчитаемся в эти документы. Они и сейчас пахнут порохом.

Лиза — Центру

«По многодневному наблюдению на аэродроме, «приданном» нам, к вечеру, не ранее 17 часов, скапливается до 70—90 самолетов. Летчики обычно отдыхают в одноэтажном здании, переделанном из старого ангара, по пути от вас — в левом углу. Там для них и столовая, бильярдная, небольшой кинозал...»

Нетрудно представить настроение советского авиационного командования! На второй же день был совершен бомбовый налет. Аэродром вышел из строя минимум недели на две. С зари до зари копались в руинах тодтовские подразделения, в подмогу им начальник полиции сгонял до полутысячи местных жителей... «Шнель! Шнель!» — это слово, как бич, висело над аэродромом.

Однажды, вернувшись из того района, Полякова поделилась радостью:

— Бетонные полосы пусты, нет уже самолетов, значит, боятся.

— Боятся? — встрепелась Абалова. — А почему же, прислушайся, гул временами стоит?

Мать, потом дочь обследовали все заново, и самолеты, заходящие на посадку, обнаружили, но что такое — на прежнем месте, как бывало, их нет? С шестого этажа жилого дома бетонка просматривается. Пусто. Куда же они подевались? Немцы, оказывается, пошли на хитрость. «Юнкерсы» и «мессершмитты» сходили с главной полосы на короткие ответвления и прятались под сенью высо- ченных, широколистных деревьев.

«Аэродром действует по-прежнему, самолеты маскируются в лесополосе, вчера насчитали сорок шесть хвостов...»

В ту же ночь город пробудился от рева советских бомбардировщиков. Многие фашистские машины, разбойничавшие днем над нашим передним краем, не поднялись, не ускользнули от возмездия. Сгорела и лесополоса... Абалова, демобилизовавшись, не раз приезжала сюда, с душевным трепетом вспоминала все как было...

А эта, третья радиограмма, особенно волнует. Днем, находясь в центре, Шура увидела у гостиниц «Бристоль» и «Эрмитаж» скопление дорогих автомобилей. По внешней атрибутике высшему начальствующему составу принадлежали. Повсюду — патрули, и не только в форме. Сама обстановка наэлектризована. Девушка мгновенно насторожилась. Чувствуется, происходит или будет происходить нечто важное. А что и когда? В гостинице «Эрмитаж», куда будто ненароком заглянула, случайно подслушала слова администратора: «...Завтра в 12 в городском театре совещание, видишь, каких персон принимаем». Разговаривая с приятелем, он на девчонку и внимания не обратил. Шура — к театру, там генеральная уборка. Все взбудоражены.

Еще с порога, задыхаясь от волнения, Шура сказала: — Лиза, дорогая, нам повезло...

Не раздеваясь даже, она выложила все, что узнала. Все обсудили, все взвесили — и за морзянку. Надо спешить! Но удастся ли выйти на связь? К счастью, контакт был установлен без промедления, информацию для верности повторили.

Ночью, как ни силились, не заснули. Утром и стакан чая не пошел. Немного успокоились, когда ближе к полудню разными улицами, соблюдая строжайшую осторожность, добрались к знакомой площади, убедились, что там все действительно подчинено какому-то важному событию. Минут за двадцать до назначенного срока из «Бристоля» и «Эрмитажа» валом повалили военные и штатские. Надменные, холодные, самоуверенные. Воистину юберменш, сверхчеловеки!

Успеют ли наши? В двенадцать небо тихо, еще десять минут — тихо... Но вот с востока, вытесняя тишину, покотился гул. Он нарастал, город огласился сиренами тревоги, только поздно: бомбы прицельно полетели в театр,

ястребки сопровождения на бреющем залили все огнем... Шура подивилась тому, что никто из советских граждан, застигнутых налетом, не бежал, не прятался, картина разламывающихся зданий, хаос, паника среди немцев вызывали всеобщее ликование. Кто-то, Шура ясно слышала, крикнул: «Бейте их, проклятых!» Еще кто-то... Еще...

Через несколько дней нежданно-негаданно появился связной Рябов — прямо из разведотдела. Станный какой-то. Назвав пароль, передал батарейки, еще что-то, а что именно, они уже сейчас не могут точно сказать, забыли, и встал по стойке «смирно»:

— Внимание, дорогие мои, радость у меня для вас, вы обе награждены орденом Красной Звезды, командование вами довольно, очень довольно!

Дав разведчицам опомниться, Рябов продолжил, таинственно улыбаясь:

— У меня еще одно поручение командования. Даже приказ! Генерал распорядился, чтобы я вас поцеловал от него лично...

Смех, смущение, приказ генерала выполнен, но его посланец не отпускает их из объятий:

— А можно и от себя?

Какое же вам спасибо, товарищ генерал! И за награду, конечно. И главное, за теплоту, пронесенную через фронт, за отцовскую поддержку — ведь мы в первый раз на таком задании.

3. «ЗА НАРУШЕНИЕ

ПРИКАЗА

ЗНАЕТЕ ЧТО БЫВАЕТ!»

После освобождения в начале января 1943 года Пятигорска руководитель разведки фронта лично принял Абалову и Полякову, мать и дочь, — теперь их так называли уже все без кавычек. Тут же в деревенской избе, служившей кабинетом, сидели работники отдела, готовившие разведчиц к первому заданию. Все, чувствуется, были рады итогам, уточняли детали, высказывали советы на будущее. Под конец генерал объявил:

— Теперь же — во фронтовой дом отдыха. На целый месяц...

Вот они и отсидели в этом доме отдыха... четыре или пять дней. И явились в разведотдел: «Не можем больше... Нам стыдно прохлаждаться, когда идет война!» И для

подтверждения твердости своей позиции всхлипнули. Заместитель начальника не знал, что делать, приказ ведь был ясным: месяц! Да еще, говорили, с санкции самого командующего, читавшего многие их донесения и принимавшего по ним решения. Вот те ситуация! «Посидите», — сказал. Долго не возвращался. Вдруг врывается генерал, не входит, а врывается, на лице — невиданная прежде свирепость, в словах — сплошной гром. Да вы что натворили? Да как вы посмели? Да за нарушение приказа знаете что бывает?!

Генерал разошелся, казалось, не остановить. Но вдруг неожиданно поостыл и сказал ласково:

— Здорово я вас распетушил? То-то! А вы молодцы, просто молодцы... Я бы и сам так поступил, окажись на вашем месте.

Кто-то невидимый распорядился принести чай, по случаю нахождения за столом женщин нашлись и конфеты, печенье. Исчезли звания, должности, возраст — осталось одно воинское братство, объединенное общими заботами и общими целями.

Но присядем к столу, за которым чаевничают разведчики. О чем они говорят? Да о том, о чем весь народ говорил тогда: «Не давать врагу передышки, гнать его с родной земли. И как можно быстрее!» А чтобы гнать, надо располагать не только людьми, техникой, оружием, но и знать, хорошо знать: каков он, противник? Сколько его? Где силен? Где наибольшая слабинка? Это — аксиома, скажет иной читатель. Ну что ж, в аксиомах — вся наша жизнь.

— Так куда же вас? — генерал смотрел тепло, доверчиво.

— К любому заданию готовы, лишь бы поскорее! — в один голос ответили Абалова и Полякова.

И снова, будто не было Пятигорска, учеба, учеба. Другой район действий, другие особенности, значит, и другие знания, другой опыт потребуются. На карте — Мариуполь, Шура Полякова и не слышала, что есть такой город. А он есть, в нем — огромный морской порт, на всю Азовщину славился, неподалеку, почти впритык к дальним окраинам, аэропорт.

— Ну вы по легенде опять мать и дочь — не против?

— Что ж тут спрашивать, мы и без легенды сроднились...

Другого ответа никто и не ждал. Лиза рассматривала немецкий паспорт, «оттуда», из вражеского тыла подполь-

щиками переправлен; Шура крутится перед зеркалом, у нее появилась челка, сейчас прилаживает бант. На подростка похожа.

— Откуда вы?

— Из Краснодона...

— Кто?

— Семья заведующего больницей...

На этот раз приземлились к цели ближе, чем в пятигорском варианте. К вечеру уже нашли пристанище в переулке имени Куинджи, окраинного, большей частью одноэтажного, заросшего хилыми, насквозь пропыленными акациями.

— Милые мои, — слезно просила старушка хозяйка, — я не из-за денег пускаю — что на них купишь сейчас? Мне бы помощь ваша пригодилась.

— Помощь? В чем?

— Огород у меня большой, трудно обрабатывать одной, а без него не проживешь... Раньше-то муж, сыновья, они хорошие у меня, добрые, работающие. Где они, родимые, хоть бы на секунду увидеть...

Уже на рассвете, пока роса, прохлада, на огороде закипела работа. И надо же, как по заказу, грядки упирались в неширокую забурьяненную полосу, принадлежащую аэродрому. «Туда нельзя!» — предупредила старушка. И без нее было ясно: через сто — двести метров высокие деревянные щиты с одним-единственным черным обозначением — «ферботен» (запрещено). Колючая проволока. По углам вышки. «К темноте с собаками обходят — тут не попадайся, в гестапо недолго угодить...»

Абалова и Полякова без слов поблагодарили судьбу. И домик с пристройками удобен для выхода в эфир, и соседство с таким «огородом» — мечтать только. Сегодня — первый выход, и то сколько успели: на листочке подробная «фотография» аэродрома, система охраны, расположение горючехранилища, количество самолетов — что смогли подсчитать. После регистрации в комендатуре и успешного похода за рацией информации пошли одна за другой.

Вот сообщение о том, что неподалеку от городского кладбища, в наспех переоборудованном административном здании, расположился штаб воинской части. Наверняка крупной, подчеркивали разведчицы, потому что к нему за день до сотни легковых машин подходит. Номера на них такие-то. Одна из добровольных помощниц разведчиц подсчитала даже количество телефонных проводов, идущих к штабу.

На второй день к этим сведениям поступило в разведотдел фронта очень важное уточнение. В минувшую полночь разгрузился эшелон солдат, все пешим ходом направились в район «Азовстали». Старших офицеров встречал лично комендант, в его машине прибыли они чуть позже в известный вам штаб.

Скажите, кто воевал: какая цена подобной информации? «Высшая!» — ответите вы без сомнения. И правильно сделаете! Даже по прошествии стольких лет читаешь-перечитываешь радиogramмы, и охватывает глубокое волнение. Без труда представляешь карту командующего или штаба: радиодонесения, поступающие изо дня в день от Поляковой и Абаловой, от сотен Поляковых и Абаловых, наносят обстановку во вражеском тылу со всей необходимой детализацией. Оживают аэродромы, слышно, как грохочут танковые колонны, вскрываются планы, охраняемые хитроумными сейфовыми замками и вышколенными часовыми. Вот что значит разведка! Вот почему ветераны-командиры, вспоминая войну, по сей день благодарно кланяются ей, вездесущей и всевидящей. По докладам разведки, проверенным-перепроверенным, менялись, знают они, уже принятые решения, наносились удары, не планировавшиеся ранее. И никто из фронтовиков не ревновал, видя, что командир, и в высоком ранге, лично шел или ехал встречать разведчиков, возвращавшихся с задания. Ведь и простой солдат сознавал, что без разведки на войне не сделать и шагу.

Продолжим чтение радиogramм, подпиши под ними одна, хотя мы знаем, они от Поляковой и Абаловой вместе. Но вновь поправляют нас разведчицы, чтобы не увлеклись, не сосредоточились лишь на них, это была бы, подчеркивают они, неправда. Да, неправда! Им говорили и когда обучали, и когда провожали в тыл врага, что разведчик-одиночка — это ничто. Глаза патриотов, их уши, их житейская зоркость — вот в чем сила! И так оно и есть.

— Этот совет был всегда с нами...

Примеры? Их на книгу хватило бы. Как-то Истра радировала, что «на аэродроме третий день подряд задерживаются на отдых тяжелые бомбардировщики. Количество их колеблется от 32 до 50. Истребители — постоянные квартиранты — тоже остаются здесь же, несмотря на невероятную скученность». «Эх, наших бы летчиков сюда!»

А сказать, кому принадлежит это восклицание? Ни Абаловой, ни Поляковой, они сами настаивают на справедливости: комсомолке Тане! Каким-то шестым чувст-

вом девушка быстро догадалась, кто есть кто. Так и снова-ла вокруг Шуры, все новости городские выкладывала, не дожидаясь расспросов, подружек своих, Аню, Тосю и Любу, познакомила с разведчицами.

Однажды Шура чуть не попала в порту. Охранник, оказывается, давно приметил ее, заорал: «Ты чего тут шляешься каждый день?» Спасибо, кто-то отозвал его, а то бы не миновать беды.

— Мне туда больше нельзя, пожалуй, можно снова на него нарваться, — сказала она Абаловой. Та согласилась:

— Да, риск тут неоправданный.

— А если девушек незаметно перенацелить на порт?

— Веришь, не подведут?

— Верю.

Союз разведчиц и новых их помощниц был скреплен негласно после двух налетов, которые потрясли город: советские бомбардировщики почти на бреющем проутожили аэродром, а через сутки ударили по окрестностям «Азов-стали». В воздухе стояла сплошная гарь, машины похоронной команды, бешено сигналя, вывозили трупы.

— Девочки, сейчас Саша придет, он узнал, что это за части появились на металлургическом... И почему...

Саша? Для нашего читателя — новый персонаж. Познакомимся. Они ведь дружат, между прочим, давно. А вот и Саша, легок на помине. Выше среднего роста, плотный, улыбчивый и... в шинели полица.

Саша устало сел: «На облаве был». И еще: «Два вагона гробами заставлены: из Берлина приказали семьям доставить».

— Саша, а почему столько солдат на «Азовсталь» нагнали? — спросила Таня.

— Будто сама не знаешь?..

— И не знаю! — горячилась девушка.

— Немцам сталь позарез нужна, а с нашими рабочими ничего не получается, саботаж, вот они и навезли своих, дескать, так вернее.

Абалова внимательно наблюдала за парнем, и, честное слово, он ей нравился. Наблюдательный, хладнокровный, смелый.

Через месяц примерно Саша оказал разведчицам услугу. Все знают, что вечная невзгода разведгрупп — батареи. Так вот «сели» они, и в такое время, когда срочной информации полно! Девушки сказали Шуре, что ходят к Саше Москву слушать, у него приемник не реквизирован, как у всех. Пошла и она, часа полтора не выключали бес-

конечно дорогой голос. «...Ой, воскликнула Шура, что же мы делаем, все батареи сожжем, где он их достанет?» Таня успокоила: «Не беспокойся, он все достанет. На то и полицейский». И не ошиблась. На второй день Шура увидела на кухне те самые батареи, столь нужные ей, небрежно завернутые в газету. Абалова запрятала батареи в домашнюю сумку. Исчезновение батарей Саша «не заметил».

В те дни разведотдел потребовал срочно уточнить, что за силы ПВО на участке таком-то? Раньше этих средств там не было, сейчас же самолеты подвергаются сильнейшему обстрелу. «Участок такой-то...»

Абалова и Полякова проверили по карте — там прибрежное село, не раз упоминавшееся хозяйкой бабой Варей. За обедом закинули удочку, так, будто невзначай: «Баба Варя, а какие новости из К.? Там ведь родные ваши, как говорили. Давно не навещали?» — «Да уж давно пора сходить», — с волнением ответила хозяйка. Вечером снова вернулись к теме дневного разговора. «Может, вместе сходим? — предложила Лиза. — Село, видно, большое, глядишь, и выменять какие-нибудь продукты удастся?» — «Завтра и отправимся!» — баба Варя отличалась решительностью.

Рассвет встретили в дороге, Шуре же наказали за домом следить и огород не забывать. Долго ходили путешественницы, почти неделю. Зато с удачей вернулись, особенно Абалова. За селом, в прибрежных зарослях, густых, диких, стояло десятка два зениток. «Недели две назад навезли, окаянные!» — зло говорили крестьяне.

Истра — Центру

«Разведку заданного вами участка провели, данные подтвердились, передаем подробности...»

Шура отстукивала последние знаки под бешеную артиллерийскую канонаду, докатившуюся до города, — то наши войска перешли в наступление. За день раза три налетали бомбардировщики — снова удары по аэродрому, по вражеским судам в порту, по казармам близ «Азовстали». Немцы готовились к отходу. По улицам метались факельщики, дома оседали от подрыва взрывных устройств, по скоплениям женщин, детей, пытавшихся спастись, били из автоматов. Отступая, гитлеровцы оставляли истерванный город, оставляли пустыню...

Было страшно. Разведчицы нервничали. Надо было срочно пробираться к своим.

— Не бойтесь, — шептала баба Варя, — когда придут

наши, я скажу им, что вы себя вели как надо, с немцами не якшались, я к любому начальнику пойду!

А дня через два после освобождения к ее чудом уцелевшему дому подкатила советская армейская машина с красной звездой на ветровом стекле. И кто же в ней был? Баба Варя в недоумении и разобрать сначала не могла: к ней подбежали две женщины в военной форме, в погонах, которых у советских никто здесь еще не видел, подбежали и принялись обнимать, целовать. Боже, так это же Лиза и Шура, это же «беженки», нашедшие у нее приют! Родные мои, родные... Она трогала ордена на их гимнастерках, плакала от счастья, от радости, что таким людям помогла, солдатам, оказывается, освободителям...

А в отдалении, в толпе, стояли обрадованные не меньше бабы Вари Таня, Аня, Люба, все-все.

Один из нас не так давно побывал в городе металлургов на Азовском море. О многом вспоминали жители. Нашлись и очевидцы той встречи в переулке Куинджи...

4. ДРУГ ИЗ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

Генерал раскрыл коробочки, лежавшие перед ним, достал Красные Звезды и вручил их под аплодисменты других разведчиков, тоже только-только объявившихся на освобожденной земле, боевым подругам, зарекомендовавшим себя в тайных сражениях с наилучшей стороны...

— Дорогие мои Лиза и Шура, дорогие бойцы-разведчики! Вы отлично потрудились, только вот сейчас нет у меня возможности предоставить вам хотя бы краткий отдых. Обстановка требует, чтобы вы направились в новый район сегодня же ночью...

В штабе не ожидали, что завтра уже получат от них весточку: «Приземлились нормально, устроились с жильем, приступили к выполнению задания». Вот молодцы! Как быстро все у них отлажено! Сказывается боевой опыт. Генерал еще раз взглянул на карту. Новоукраинка, крупный железнодорожный узел в Кировоградской области, теперь под надежным контролем. Командующий особо предупредил: «Важное вражеское гнездо!» И в самом деле, как показала первая же оперативная информация, важное. Можно еще добавить — и очень опасное. В той первой информации говорилось, что в окрестных, до конца не разграбленных селах отдыхают, отъедаются не менее десяти полков. Это крепкий резерв! Возьмем его в расчет, иначе замысел командования может осечку дать. И еще. За сут-

ки, только за одни сутки к фронту проследовало 74 эшелона. И почти все наглухо задраены брезентом, немцы умеют это делать. «Молодцы девушки!» — мысленно похвалил генерал.

А в Элеваторном переулке, где обосновались разведчицы, происходило вот что. Хозяйка квартиры на чем свет стоит кляла оккупантов. Она их, чувствуется, возненавидела давно, с самого прихода. Грабят все, что под руку попадет. Насильничают. Понавешивали повсюду своих бефелей, приказов, где одно только: расстрел, расстрел. И ты, Маша, обращалась тетя Наташа к дочери, ни одного из злодеяний фашистов не забудь: они за все должны заплатить...

Хозяйка кипела гневом и ненавистью. Видя это, Абалова шепнула Шуре: «Может, откроемся? Так нужны помощники!»

Так и сделали.

— Вы оттуда? — огорошенно переспросила тетя Наташа. — Наши, значит?

Она и встать не могла от удивления. Спросила: «Ну как, доченька?» Маша думала лишь долю минуты: «Конечно, будем помогать!» Всего два человека, а как усилили разведгруппу! Тетя Наташа, коренная жительница Новоукраинки, проникала легко в места, казалось, напрочь закрытые. Где немцы? Сколько их? Что делают? Отчеты подробные, с пристрастием к малозаметным деталям. Такой же умницей показала себя и дочь, работавшая на элеваторе. Сколько зерна забрали фашисты? Куда повезли? Несколько раз полевые почты высмотрела. Очень точно передавала разговоры, перепалки между персоналом и немцами.

— Нам нужны сведения с железной дороги...

— Сами мы, — ответила тетя Наташа, — не имеем там связей, но вот на одного человека наведем — убеждены, полезным окажется!

Кто он, тот человек? Начальник станции был обрисован со всех сторон. И что до войны делал, и как на нынешнем посту оказался, и каков внешне, чтобы с кем-нибудь другим не перепутать.

Решили рискнуть.

Абалова пошла к начальнику станции Михаилу Ивановичу Сергиенко домой — он обедать приехал. «Помогите с работой!» — взмолилась пришлица. «Вакансия — только уборщица. Согласны?» — «Согласна». — «Завтра приходи в контору, там и решим...»

Так Абалова определилась на станцию. Грязи вычищать много приходилось, зато... Шура каждый день отправляла информацию железнодорожного профиля, добытую мамой Лизой. Вскоре разведотдел приказал: «Требуется развернутая характеристика перевозок — ищите помощника непосредственно из кадровых путейцев». Легко сказать...

Через день, уточнив некоторые сведения, Абалова постучалась в кабинет Сергиенко.

— Что нужно?

— С вами поговорить...

— О чем?

— Сейчас узнаете, — и Абалова подошла ближе к столу. — Товарищ Сергиенко, ваш сын где? Он ведь военный летчик?

— Да...

И резко переменился в лице, ответив, посерел, осунулся мгновенно.

— Не бойтесь, я вреда вам не причиню, но и на вас надеюсь, поэтому и вверяю в ваше распоряжение свою судьбу. Я — советская военная разведчица, и не одна здесь, и мне нужна ваша помощь.

Михаил Иванович слушал, но лицом пока не отходил: страх буквально отпечатался на нем.

— Я ведь не сразу согласился работать начальником станции, я и скрывался, только ничто не спасло, немцы нашли, пригрозили расстрелом... Что теперь будет? Что будет, когда наши вернутся? А ждать остается немного, перевес ясно на чьей стороне...

— Сейчас, Михаил Иванович, не хныкать нужно, не гадать, что будет, когда победим... Если хотите, чтобы Советская власть простила, сын простил — не отвернулся, включайтесь без промедления в работу против врага!

— Я подумаю... завтра отвечу...

Завтрашний день принес вместо ответа подробный отчет: где немцы складировают боеприпасы, горючее — примерное количество всего, во сколько и куда пойдут эшелоны до конца недели, на каких запасных путях будут накапливаться вагоны с так называемыми неоперативными грузами. Шура трижды выходила в эфир, но всего не успела передать. Во время уборки кабинета Абалова получала новые сведения. И так — до освобождения Новоукраинки, до прихода наших войск.

Позже Абалова и Полякова сообщили в разведотделе фронта, что товарищ Сергиенко Михаил Иванович дли-

тельное время оказывал им активную помощь. И дали соответствующее письменное подтверждение.

М. И. Сергиенко долго еще трудился в родном городе. Вышел на пенсию. Но дружба с бывшими разведчицами еще больше окрепла. Словно родные стали. Когда встречаются, со стороны кто-нибудь подумает: брат и сестры.

И не ошибется...

5. «НАЗДАР, СООДРУЖКИ!»

Бывают разведоперации как на одном дыхании: ни каких-либо сбоев, ни малейших отклонений от намеченного. Будто по маслу, говорят в народе. Будто... Не всегда, к сожалению, так получается.

...Самолет вылетел без минуты опоздания, по пути особых страхов не было; а вот десант разбросал — потом дней десять собирали. Всякое случалось в войну: и под огонь попадали, и непогода свои коррективы вносила, тут же ничем не оправданная оплошность, просто потеря ответственности. Взять Ксению Абалову и Шуру Полякову — они приземлились в ста метрах от казармы карателей. Напиши об этом в художественном рассказе, скажут: ну и мастера выдумывать. Тут же документальный очерк, к тому же действующие лица живы, при необходимости поправят.

Когда осмотрелись, поняли: чуть ли не рядом гитлеровцы! Как спаслись, как не погибли, и сами по сей день объяснить не могут. То ли густой морозящий туман, затянувший все вокруг, то ли господин случай — ничего иного не придумать.

В других же местах, удаленных друг от друга на двадцать — тридцать километров, эсэсовцы засекли момент выброски десанта. На прочесывание были брошены не только сами эсэсовцы с собаками, но и местная жандармерия. Разведчики, где по одному, где небольшими группами, все же просачивались через заслоны и держались курса, определенного по карте: вот лесное урочище, восточнее города Табор, куда во что бы то ни стало нужно прибыть. Николай Масленников — руководитель, где он? Как потом выяснится, с большей частью десанта. Где Ваня Кухаренко из Сталинграда? Алихан Кошиков — узбек? Два Вани — Ваня Узкий и Ваня Ковальчук — земляки, с Черниговщины, где они? Как чувствует себя Габит Жданов, башкир? Ведь в первый раз во вражеский тыл полетел...

Да, начало невеселое... Подруги разговаривали тихо, пытаюсь отвлечься, успокоиться. Теперь они были просто подруги — не мать и дочь, как прежде. Теперь они в составе десанта — в легенде нужды нет.

Беда одна не приходит: Шура при падении ногу сильно ушибла, как мама Лиза тогда, под Пятигорском. Ксения Николаевна стащила с больной ноги сапог, осмотрела: «Слава богу, перелома нет, ничего страшного!» В этот момент в стороне за Мнихом, судя по карте, у Мелиховского леса, завязалась ожесточенная перестрелка, значит, наши прорываются, лес — единственное спасение. Уже немного развиднелось, распределен поровну груз с бесценной рацией и всем остальным, надо двигаться: отсюда деревня — как на ладони. Эсэсовцы, лай собак. Наверняка готовится облава. Надо уходить, уходить, пока не поздно!

— Сюда, Шура, сюда! — Абалова, как солдат солдата, поддерживала Полякову, чтобы смягчить боль в ноге, дать привыкнуть к этой боли. Перед ними — вот напасть! — овраг, внизу, уже слышно, ожил весенний ручей; бережок, желтевший глиняным срезом, без деревца, без кустарника. Прижались к мокрой, пахнувшей прелью земле, осмотрелись, правее чернела тропинка, вскочили — и на нее. Нельзя терять ни секунды, облава — не шутка, тем более с выдрессированными волкодавами. Полякова призналась: «Сердце колотится вот здесь, у горла, готово выскочить!» Оглянулись затравленно. Пошли, пошли! Тропинка незаметно прыгнула через овраг. Деревьев все больше, больше, теперь от казарм, если и погонятся, ничего не видно.

— Но-о-о! — раздалось неподалеку. Раздвинув ветки кустарника, увидели метрах в пятидесяти от себя двух волов, телегу, старика. — Но-о-о! — Торопил он худых, облезлых своих помощников. На телеге, низкой, широкой, не похожей на наши, лежал внаброс, кучей, навоз. Значит, где-то находится делянка, отвоеванная у леса. Вот и решил старик удобрить ее перед севом. Полякова приняла решение. Выдвинувшись вперед, окликнула неожиданно встречного. К удивлению, он не испугался, слез с телеги, с готовностью двинулся к ним, снимая на ходу рукавицы.

— Наздар, соодружки! — поприветствовал старик. В голосе — дружелюбие, во взгляде — теплота. Не дав им ответить, спросил: — Вы русские падалки? Как это по-вашему — парашютистки? — Крепко пожал девушкам руки. — Уходите отсюда быстрее, здесь опасно, — посоветовал он. Потом, уже от повозки, окликнул, взял что-то, подо-

шел снова.— Возьмите, в дороге пригодится, тут хлеб, кусок сала, луковица.

Под отцовским добрым взглядом легко зашагалось — в глубину леса, прочь от вражеских автоматов и овчарок. Шли быстро. Иногда вдали маячили какие-то подозрительные тени, приходилось соблюдать крайнюю осторожность, запутывать следы.

Вечером, укрывшись в лесной чаще, вышли на связь, доложили, где они и что с ними, получили советы, как успешнее добраться до базового лагеря. Снова в путь, пока совсем не стемнело. Вновь нашли укрытие, полулежа-полусидя, спина к спине, провели ночь, отдохнули и, только рассвело, вновь — по невидимой глазу дороге — вперед, вперед. Плечи оттягивали тяжелые мешки, намокшие лямки впивались в тело, но подруги подбадривали себя: скоро дойдем!

Шли проселочными дорогами, избегая населенных пунктов. Силы были на исходе, но времени для отдыха не оставалось. Наконец достигли места, указанного разведотделом. Но, осмотрев район, с горечью поняли: отряда здесь нет...

Обстановка прояснилась только после очередного сеанса связи: Центр сообщил, что партизаны ушли на новое место. Было указано предположительно, куда направиться.

И снова в путь...

И опять, прибыв в указанный пункт, не обнаружили отряда... Трижды, уходя от карателей, партизаны меняли район расположения. Вот пришлось и разведчицам мотаться по незнакомым лесам.

Делали все, чтобы не дать закрасться в сердце отчаянию. Восемнадцать суток длился их поход. Они мокли под проливным дождем, пробирались через топкие болота. К физической усталости, когда иссяк запас продуктов, добавилось чувство голода. Несколько суток, почти без движения, они пролежали, затаившись в крохотной рощице вблизи шоссе. И терпенье вознаградило разведчиц. По шоссе потянулась техника. Наглухо закрытые грузовые автомашины, следом — танки, за танками — артиллерия. Когда появилась возможность, найдя безопасное место, включили рацию. Шура быстро передала донесение: сколько, чего, куда перебрасывает противник.

Потом вышли к железной дороге, вновь увидели усиленную охрану. Мучились сознанием близкой опасности и... радовались: эшелоны шли интенсивно, все с техникой,

с техникой. Вскоре Центр узнавал о передвижениях вражеских войск. И тут Абалова, как никогда, оценила Полякову: в труднейших условиях Шура делала все, чтобы связь действовала бесперебойно. Ей приходилось и устранять неполадки в рации, и просушивать у костра, паять радиодетали — все она успевала, все умела.

И вот наконец многодневный переход позади. Разведчицы вышли к своим. В партизанском лагере их первым встретил Николай Масленников. Бросился обнимать: «Живы, живы!» Отвел в шалаш, оборудованный загодя персонально для них. Рассказал, что в отряде «За Прагу» действуют плечом к плечу русские, украинцы, чехи, словаки, дружно выполняя общую задачу. Потом — обед, потом — отдых, который, если честно, не получился. Едва руководитель группы отошел, как ввалились партизаны и — «Наздар!», и расспросы, как идет война, здорово ли всыпает Руда Армада фашистам; один же, по имени Тишл, кажется самый молодой, протянул стеснительно цветы, похожие на подснежники. В общем, на территории, контролируемой отрядом, они сразу почувствовали себя как на родной земле, уверенно и спокойно. После всего пережитого в пути условия походного лагеря представились верхом возможного комфорта. В тот день даже баня была для них организована: русская — с парком и веником.

Поздним вечером десантники слышали: «К старшему!» И вот уже группа обсуждает разработанный Николаем Масленниковым план выполнения задания. Внимательно слушая его, Ксения Абалова и Александра Полякова скоро убедились, что времени даром он не терял. Решен ряд важных организационных вопросов. В этом большую помощь ему оказало руководство отряда: командир — капитан Иванов Иван Иванович и комиссар — чехословацкий коммунист Иржи Незвал.

— Теперь, — сказал Николай Масленников, — напомним еще раз то, о чем говорили нам перед вылетом в разведотделе. Военно-политическая обстановка в Чехословакии быстро меняется не в пользу немецко-фашистских оккупантов. Нарастает национально-освободительное, демократическое движение. Под ударами войск 2-го и нашего — 4-го Украинского фронтов, поддержанных действиями местных партизан, гитлеровцы вынуждены оставить половину территории Словакии. Однако они, как вы уже почувствовали, продолжают оказывать яростное сопротивление. В Чехословакии еще сохраняется сильная группировка вермахта численностью около 900 тысяч человек. Готовя

наступление на главном направлении Варшава — Берлин, советское командование стремится сковать действия этой группировки, не допустить переброски части сил отсюда в район фашистской столицы. Держать под неослабным контролем планы и действия немцев на чехословацкой территории — вот важнейшая задача советской военной разведки!

Масленников оглядел собравшихся — своих друзей, своих побратимов, улыбнулся, чтобы поднять настроение, ведь настроение, знал он по опыту, усиливает духовно разведчика, прибавляет уверенности.

— А наша с вами задача, если конкретно? Скажу и об этом. Мы должны обеспечить сбор и своевременную передачу Центру подробнейших сведений о численности, боевом составе и возможных перебросках немцев в районе населенных пунктов Лешов, Добро-Вода, Брашов, Баброка. Видите на карте? Много? Но и нас немало, если посчитать каждого за десятерых — разве не достойны?

И снова улыбнулся командир, педагог в нем развит настоящий, недаром разведкой третий год занимается, вовевать начал на рассвете 22 июня.

— Еще напомним, дорогие мои: командующий фронтом через генерала, начальника разведки, передал, отправляя нас, что это последний приказ войны. Без всяких там «возможно», «будем надеяться». Последний приказ! Чтобы разгромить до конца фашистскую нечисть, чтобы Чехословакия, братский нам народ получил свободу. И от нас зависит, чтобы этот приказ действительно был последним...

На Ксению Николаевну было возложено поддержание конспиративной связи с чехословацкими друзьями. Шуре же Поляковой, как и в трех прежних заданиях на родной земле, работа на рации, бесперебойная работа! Было приятно, что именно к ней, первой из десанта, подошли на другой день командир отряда с комиссаром. «Мы на тебя очень надеемся, девочка!» — сказали. Капитана Иванова, помнит Полякова, срочно вызвали в штаб, Иржи Незвал остался. Сел на пенечек, пригласил и ее сесть. «Как там Москва, ты, говорят, в отпуске была после недавнего задания?»

Москва... Москва... Она сразу ожила в памяти сердца: еще суровая, как солдат, собранная по-трудовому, по-фронтовому, но уже исчезли с окраин улиц на Соколе противотанковые ежи, нет затемнения, лишь крупные, бросающиеся указатели «Бомбоубежище» напоминали о тяжком былом.

— Вы знаете, я первые дня два или три домой только почевать приходила — все бродила, бродила по городу, не могла наглядеться...

Шура рассказала Иржи Незвалу о нелегком своем сиротском детстве, о том, как Москва, москвичи заменили ей без времени умерших родителей: «Никогда этой людской теплоты не забуду!» Он тоже расчувствовался, поведал о своем страшном горе: жену расстреляли фашисты — за него, ушедшего в партизаны. Сыновей, совсем маленьких, увезли, проклятые, в Германию. Говорил комиссар медленно, в глазах горела ненависть. Когда прощались, крепко пожал Шуре руку: «Будем драться! Мы им ничего не простим!»

Абалова встревоженно спросила:

— Ты где была столько?

Шура рассказала, что узнала о судьбе комиссара, о судьбе чехов и словаков, не захотевших мириться с вражескими кандалами. Незвал приводил цифры убитых, брошенных в концлагеря — нет почти ни одной деревни, ни одного города, не испытывавших горя...

Перед самой ночью за Ксенией пришли: «Пора!» Тень скрыла их, едва отошли от лагеря. В заброшенной лесной сторожке ждали ее местные подпольщики, луна скупно освещала усталые, заросшие щетиной лица, было видно, как им нелегко, этим людям, забывшим нормальную домашнюю жизнь. Зато голоса — Ксения Николаевна признается, что, пока ходит по земле, не забудет их, — голоса, исполненные страсти, решимости, борьбы. Довелось бы побывать здесь раньше, встретились бы и те, кого уже нет, кто никогда не придет: каратели выследили часть бойцов, зверски расправились с ними. Надеялись, что с подпольем покончено, ан нет. Вот они сидят в лесной чащобе, информируют, что сделали, что видели, на столе появляются листочки из школьных тетрадей, на них — схемы объектов врага, подходы к ним, многие сведения, которые Шура сразу же, немедленно передаст в Центр...

Думаем, интересны и сейчас те радиogramмы с чехословацкой земли:

«За сутки через железнодорожный узел, наблюдаемый нами, прошло четырнадцать эшелонов с танками и людским составом...»

«Проселочными дорогами, ночами, соблюдая все меры предосторожности, движутся артиллерийские подразделения, пушки, большей частью противотанковые...»

«Подпольщики сообщают о собрании нацистского актива, на котором представитель Берлина рекомендовал эвакуировать в фатерлянд семьи... «Не забудьте,— добавил он,— и что поценнее из имущества, и не только своего». Это воспринято как открытое поощрение грабежа».

«Подрывники из отряда за неделю уничтожили пять эшелонов с боевой техникой, на шоссе наскочила на партизанскую мину легковая машина с гестаповскими чинами — все погибли. Очень не хватает взрывчатки, пришлите, пожалуйста. И батареи садятся» — это с разрешения Масленникова дописала лично Шура.

«Снова поздними вечерами по маршруту, указанному нами ранее, передвигаются скрытно танки, артиллерия и солдаты. Танков за минувший день — 46, орудий — 37, солдат — не менее 400».

Одна радиограмма, другая... пятая... Бывали сутки, когда Полякова выходила в эфир до семи раз. Голова разрывалась от радиошума. Возможно, кто-то, читая все эти донесения в тиши мирной квартиры, за чашкой кофе или чая, пробурчит, дескать, голая цифирь, почему нет выводов? А разведчики знали, кому адресованы их радиопеши: командирам опытным, всю войну проводшим на передовой, они — не беспокойтесь! — сами определяют, что к чему...

«Вчера,— читаем в одной из радиограмм,— каратели подступили почти вплотную к лагерю. Боевые группы партизан ударили по ним с двух сторон, уничтожено до 50 фашистов, отряд неожиданно пополнился оружием, в том числе 10 автоматами».

Полякова вспоминает: «Передаю разведдонесение, а вокруг, разносясь эхом, выкрики: «Сдавайтесь!» Все ближе это «Сдавайтесь!» — и вдруг по карателям с тыла огонь — то подоспели наши друзья... Необъяснима была радость, невыразима словами. Огонь! Сильнее огонь!..»

Давно уже позади война, четыре десятилетия за станком простояла мать семейства, а когда развспоминается, разволнуется, опять солдат... И Абалова тоже, и все остальные фронтовики: война для них не кончается, они всегда остаются в строю!

— У нас,— вступает в разговор Ксения Николаевна,— с чехами и словаками из окрестных мест были воистину братские отношения. Если бы не эти чуть ли не родственные связи, не готовность по первому сигналу отозваться, прийти на помощь, мы бы далеко не все, что требовалось, сделали и потерь бы не избежали. Вот Шура

вспомнила бой с карателями. А если бы не подпольщики? Не знаю, состоялась бы тогда эта наша беседа...

Она перебирает свои записи, фотографии, документы личного архива, находит, очевидно, нужное:

— Два случая — как живые — встают перед глазами. Ты не забыла, Шура, партизанского врача, найденного нами в лесу? Ранен, наткнувшись на засаду, высокая температура, не может самостоятельно передвигаться. Конечно, ему повезло, что немцы, обстреляв, не нашли его, — что-то их, видимо, отвлекло. Мы помогли, как могли, отправились искать подмогу, возвращаемся — его нет! Оказалось, его нашли и укрыли местные жители. Вы подумайте только! Гестапо свирепствует, опьянев от крови, за малейшую связь с партизанами, с подпольщиками, с нашими разведчиками приговор один: смерть! А они, местные патриоты, я назову их героями, взяли к себе врача, выходили его и, тепло распрощавшись, привели в отряд. А со мной? Заболела я, сильно простудившись, металась в жару, думала: все, конец. Лес есть лес, шалаш — не больничная палата. Узнали друзья о моей болезни, сразу всю округу на ноги поставили: и лекарства нашли, и еду, чтобы силы вернуть, и дежурили, будто я их сестра. Разве такое забывается?

...Гул орудий потрясал все вокруг. В небе все чаще появлялись наши краснозвездные самолеты. В эфире Шура то и дело натыкалась на перепуганные немецкие голоса — разговор шел открытым текстом. Не до шифровки!

В партизанском отряде «За Прагу», в составе которого действовала разведгруппа Масленникова, конечно же, как и всюду, с нетерпением ожидали окончания войны. И все же сообщение по радио о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии застало всех врасплох. Еще накануне, 8 мая, у села Маркварец отряд вел тяжелый бой с превосходящими силами эсэсовцев, осуществлявших свою очередную карательную акцию.

И вдруг — победа! Что тут творилось: объятия, цветы, слезы радости... Вчерашние подпольщики, прибежав в партизанский лагерь, всех, всех, кого встречали, звали к себе домой, умоляли хоть на минутку... Но у разведчиков еще были спешные дела. Из разведотдела фронта прибыл полковник: «Вот вам бумага, вот чернила — садитесь за отчет». Потом, расспросив, прочитав все внимательно, написал в конце: «Группа поставленную задачу командования выполнила. Весь личный состав заслуживает высокой правительственной награды».

Вот и мы, завершая рассказ, держим в последний раз перед собой оперативное дело разведгруппы, хранящееся в архиве. В те далекие майские дни сорок пятого на нем была сделана пометка: «Закончено ввиду окончания войны».

Что ж, порядок есть порядок...

6. НЕ ПОРЫВАЕТСЯ ДРУЖБЫ НИТЬ

А в гостях у чехословацких друзей они все-таки побывали, хотя и через десятилетия. Тут, прямо скажем, ничьей вины нет. Просто время разбросало бывших боевых друзей по всей нашей стране, и даже такому неистовому в поиске человеку, как Иван Кухаренко, не сразу удалось свести всех вместе. Поэтому первым, по общему согласию, отправился командир. «Встречали,— рассказывал он,— по-братски, суток не хватало, чтобы обойти и объехать всех. Очень тронули дети в Мнихах: подобно нашим красным следопытам, составили подробнейший пофамильный список партизан отряда и со многими ведут переписку; им «подшефен» и памятник десанту Николая Масленникова — всегда чисто, ухожено вокруг, всегда у подножия цветы».

Местные жители и деньги собрали, и нашли специалистов, чтобы бесплатно проект разработать, и все земляные работы взяли на себя, и экскурсоводами выступают, когда приезжих много. Да, действительно никто не забыт и ничто не забыто!

Кухаренко привез комиссара просьбу: «Сын у меня в МГУ — впервые в Москве оказался. Прошу оказать ему внимание, помочь». Ивану трудно сказать, понравилась — не понравилась Незвалу-младшему забота о нем отцовских побратимов, но в МГУ всерьез думали, что у пражского юноши пол-Москвы в друзьях и знакомых. Уезжая с московским дипломом, он обошел всех, с кем свела судьба по отцовской эстафете, всех благодарил сердечно, от души.

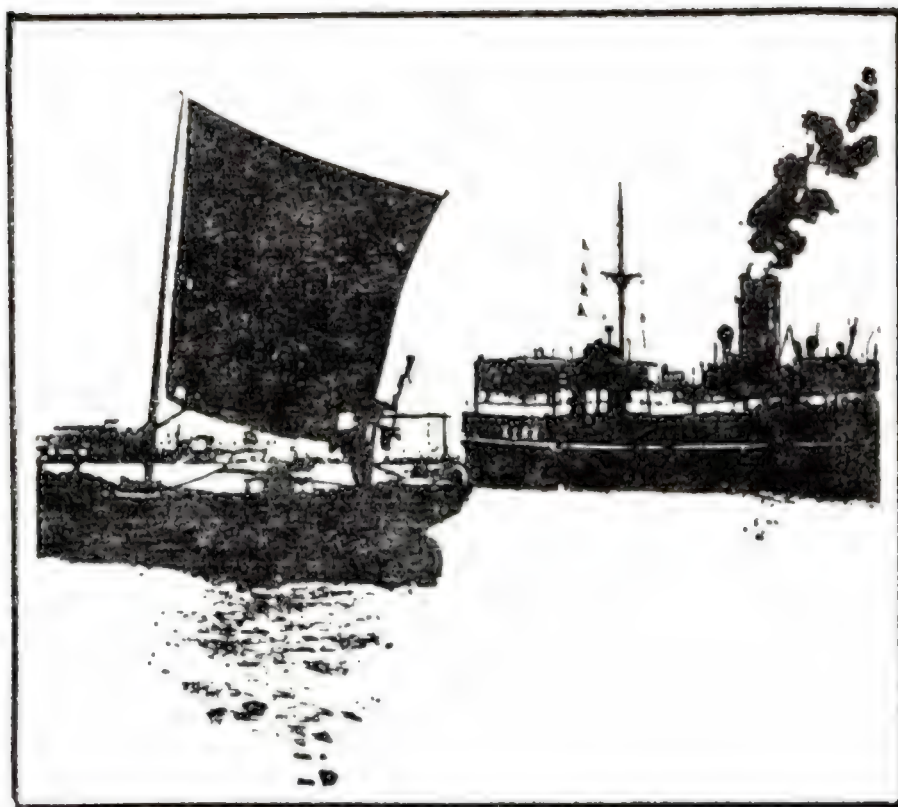
Ксения Николаевна Абалова и Александра Капитоновна Полякова тронулись в путь последними. У них были приглашения не только личные, от Иржи Незвала в частности, но и общественные — от города и района Пельгримова, от деревни Мних. «Приезжайте, дорогие наши Ксения и Александра,— говорилось в официальном письме,— перед вами будут широко открыты двери домов наших и сердца наши».

— Прага... — объявил, заглянув в купе, проводник. Не успел он отойти, как в дверях появился первый встречающий. С цветами, с улыбкой во все лицо. Не успели обратиться из его объятий, еще поцелуй, и пошло, пошло. Многие пассажиры дивились: «Что за делегация с нами ехала? Кого это цветами засыпают?» Никакая мы не делегация, хотелось сказать, просто воевали вместе, тяжкие испытания свели нас воедино.

До самого Пелыгржимова и там повсюду сопровождал Абалову и Полякову Незвал. Куда делось в нем профессорское? Ходил вместе со всеми, сбросив годы, смеялся по-молодому, а стал выступать на митинге о былых боевых делах — люди слушали затаив дыхание. «Ну, как, Ксения, найдешь место, где подполье заседало?» Нет, призналась честно, не найду. Новые дома на пепелищах, новые скверы. Древнее и сегодняшнее соединилось, славя искусство архитекторов, мастерство рабочих. Недаром город включили в туристическую карту, гостей теперь, в том числе и зарубежных, полным-полно.

Было много у Ксении Николаевны и Александры Капитоновны теплых встреч с боевыми товарищами, душевных бесед, новых знакомств.

— Мы, — сказали, прощаясь с друзьями, Абалова и Полякова, — освобождали чехословацкую землю с тем же чувством, с тем же энтузиазмом, что и свою, советскую. Мы оставили в Чехословакии частицу своего сердца. В Советском Союзе очень дорожат братством с вами, с вашей страной!..

Вадим
Кассис,
Леонид
Колосов

ТРУДНЫЕ ДОРОГИ

ЯН КРИКМАН

Время летит быстро для людей, а история, которую они творят, рождается медленно. Человеческая жизнь ограничена веком, бег же истории бесконечен. Такова диалектика бытия...

Такие вот, несколько отвлеченные мысли появились у нас после просмотра телевизионного многосерийного фильма «Синдикат-2», рассказавшего об одной из блестящих операций чекистов — по разгрому контрреволюционного савинковского подполья. Сомнений не оставалось: фильм основан на исторической правде. Иначе, собственно, и быть не могло — тема слишком серьезна. Конечно, любой художественный фильм, тем более построенный на литературном произведении (в основу киноленты был положен роман В. Ардаматского «Возмездие»), не мог охватить всех подробностей и частных сложнейшей «многоходовой» операции по вызову в нашу страну одного из лидеров эсеровской партии, опытного и коварного врага Советской власти Бориса Савинкова. А нам, честно говоря, захотелось самим окунуться в атмосферу тех бурных событий, почувствовать всю остроту смертельной схватки с ярким противником нашего строя. Помочь осуществить это желание мог лишь участник самой операции. И нам очень повезло. Мы его нашли. Единственного оставшегося в живых.

Я. П. Крикман, заслуженный чекист, живет в одном из тихих московских переулков. В кинофильме «Синдикат-2» ему отведена скромная роль. А жизнь Ян Петрович прошел сложную, насыщенную борьбой и опасностями.

ми, с бессонными ночами, постоянными тревогами. Она, эта жизнь, заслуживает того, чтобы выйти за рамки кинофильма. О ней наш рассказ.

Мы сидим в освещенной ярким летним солнцем квартире за столом, на котором разложены фотографии, документы, книги. Ян Петрович, несмотря на преклонный возраст — он родился в 1892 году, — бодр, подтянут, поражает прекрасной памятью, рассказывая о перипетиях своей жизни так, будто они происходили не более полувека назад, а в наши дни. С гордостью показывает он нам два самых дорогих для него документа — билет члена Коммунистической партии, в которую Ян Петрович вступил в июне 1907 года, и удостоверение почетного чекиста за номером 124, собственноручно подписанное Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. «Тов. Крикману, — значится в этом документе, — за беспощадную борьбу с контрреволюцией...»

...Беспощадная борьба. Да, жизнь была борьбой, она не щадила и не баловала и самого этого человека. Родился Ян в бедной латышской семье. Отец столярничал, мать батрачила. Толком ему и не пришлось учиться. В бурные дни 1905 года тринадцатилетний парнишка выступил на школьном собрании против преподавания закона божьего. Можете себе представить, что тут началось. Яна называли бунтарем, безбожником и незамедлительно выгнали из школы. Но для подростка начались новые «университеты» — революционные. В 1907 году в Риге он занимается распространением подпольной литературы, призывавшей к свержению царской власти. В 1909 году первый арест. В 1910-м Ян осужден на вечную ссылку в Сибирь за революционную деятельность. Два года царской каторги в захолустном городишке Канске многому научили. Вместе с группой ссыльных Ян совершает дерзкий побег за границу в трюме парохода. Сначала Франция, затем Америка. Пять лет проработал Ян чернорабочим на заводе по производству линолеума. «Таскал, — сказал он, — тачку». Там же вступил в Компартию США. И конечно, не мог остаться безучастным к борьбе американских трудящихся за свои права. После очередной стачки, в которой он выступил в роли застрельщика, Яна выставили за ворота. А потом за океан докатились слухи о приближающейся революции в России. И молодой революционер нелегкими путями в марте 1917 года возвращается в Петроград.

— Ну а что было дальше, Ян Петрович?

— Дальше? А как вы думаете? Разве мог я сидеть сложа руки?! Не для того отшлепал многие тысячи кило-

метров от Сан-Франциско — через Гавайские острова, Японию, Дальний Восток — до стен Зимнего дворца, который штурмовал вместе с питерцами. Затем воевал против Корнилова и Каледина, был контужен, ранен. Отлежал свое в лазаретах...

— А как вы стали чекистом?

— Излечившись, я вновь попросился в строй, и меня откомандировали в органы ВЧК.

— Кстати, почему, Ян Петрович, в удостоверении почетного чекиста вы названы Иваном Петровичем?

— Жизнь чекиста требует конспирации. Поэтому иногда приходилось менять не только свое имя и фамилию, но и профессию...

В фильме «Синдикат-2» Ян Петрович послужил прообразом уполномоченного минского отдела ГПУ. Ему было поручено обеспечение перехода через нашу границу участников антисавинковской операции, наших чекистов, во вражеский стан. Одновременно он принимал савинковских агентов, которые, заблуждаясь, считали его «своим человеком», внедренным в советский погранотряд, стоявший в Заславле.

— Все это было. Впрочем, для меня, — рассказывает Ян Петрович, — операция по разгрому контрреволюционного подполья началась значительно раньше... Но сперва несколько слов о самом Савинкове. Личность эта была неординарная и не очень «киношная», хотя по своей натуре актером он был незаурядным. Савинков — фанатичный приверженец террора, враг умный, коварный, жестокий, беспощадный. И безнравственный тоже, если вспомнить хотя бы то, каким подлым образом он соблазнил и увел у своего ближайшего соратника Александра Деренталя его жену Любу. Но — это частность, хотя и немаловажная. Савинков обманывал не только врагов, но и самых близких друзей. Честолюбивый, самовлюбленный человек, который рвался к власти и во имя этого мог шагать по трупам своих вчерашних единомышленников. Вероятно, ощущал себя в будущем вершителем судеб России. В правительстве Керенского Савинков занимал пост товарища военного министра. В октябре 1917 года принимал участие в походе генерала Краснова на Петроград. Потом бежал на Дон, помогал организовывать добровольческую белую армию. Вернулся в Москву с поручением объединить разрозненное офицерское подполье в единую контрреволюционную организацию для борьбы с Советской властью.

В своей книге «В борьбе с большевиками», изданной в Варшаве в 1920 году, Б. Савинков писал: «В Москве я разыскал частную монархическую организацию, объединявшую человек 800 офицеров, главным образом гвардейских и гренадерских полков. Она возглавлялась несколькими видными общественными деятелями и ставила своей целью подготовить вооруженное восстание в столице».

В Петрограде и Москве Савинков установил тесные связи с дипломатами Антанты, а также с руководителями кадетской и эсеровской партий. Опираясь на их помощь, он начал сколачивать «Союз защиты родины и свободы». Весной 1918 года, получив от чехословацкого политического деятеля Масарика 200 тысяч рублей для ведения террористической работы, пытался организовать слежку за В. И. Лениным и другими членами Советского правительства. Однако чекисты сорвали эти замыслы. Савинков был «обласкан» французским послом Нулансом, который предоставил ему около 2,5 миллиона рублей для поддержки готовившегося англо-французского десанта в Белом море, равно как и для организации вооруженных выступлений в Ярославле, Муроме и Рыбинске. После ликвидации мятежей на Верхней Волге бежал в Казань, которая была занята чехословаками, и принял участие в боевых действиях Каппеля в тылу красных войск. Потом вновь оказался в Москве.

— Ян Петрович, каким образом чекистам становилось известно о вражеской деятельности Бориса Савинкова?

— Если бы чекистам не помогал народ, то борьба с савинковским подпольем потребовала бы больших жертв. Началось с того, что рабочий завода «Каучук» Нифонов сообщил в ЧК, что частную лечебницу на Остоженке посещают весьма подозрительные лица, больше похожие на господ офицеров, чем на несчастных людей, страдающих недугами. Почти одновременно медсестра Иверской больницы заявила командиру латышского полка в Кремле, что ее близкий знакомый юнкер Иванов сообщил по большому секрету, что в Москве, дескать, скоро начнется восстание. Вот эти-то сигналы, пожалуй, и послужили отправным моментом в раскрытии савинковского заговора. За Ивановым стали наблюдать. Установили, что он частенько заглядывает в квартиру в доме № 3 по Малому Левшинскому переулку, у хозяина которой собираются бывшие офицеры царской армии. Чекистам удалось в конце концов накрыть это логово заговорщиков, изъять схему подраз-

делений белогвардейского полка с указанием фамилий их командиров, секретный пароль-пропуск, а также адреса явок для связи в Казани. На квартире задержали тогда тринадцать человек, в том числе и Иванова, который на деле оказался князем Мешковым, членом «Союза». При допросе Мешков назвал в качестве одного из известных ему главарей заговора против Советской власти штабс-капитана Пинку. Будучи арестованным, Пинка, он же Пинкус, дал более подробные показания о «Союзе» и его руководителе. «Во главе нашей организации,— сказал Пинка,— стоит Борис Савинков. Цель организации — установить военную диктатуру и продолжать войну с Германией. Пособие от союзников мы получали в деньгах, но была обещана и реальная сила... Наш главный штаб имеет связь с атаманом Дутовым и генералом Деникиным. Адрес главного штаба: Остоженка, Молочный переулок, дом № 2. Начальник нашего штаба — полковник А. П. Перхуров».

— Ян Петрович, насколько широкой была савинковская агентура?

— Среди участников «Союза» чекисты выявили ряд лиц, которые проникли в советские военные учреждения. Заговорщикам активно помогал начальник московской продовольственной милиции Веденников. Именно через него люди Савинкова получали оружие, продовольствие, документы. Он же пристроил отдельных членов контрреволюционной организации на работу в продмилицию, тем самым обеспечив им легальную «крышу».

А теперь нам хотелось бы обратить внимание читателей на одну деталь дела Савинкова, вскрывшуюся во время судебного процесса. После разгрома контрреволюционного подполья в Москве и Казани его предводитель Савинков перешел на нелегальное положение. Вот как он сам рассказал о захвате чекистами главного штаба «Союза»:

«Тридцатого мая утром меня вызвали к телефону. Спрашиваю:

— Кто говорит?

— Сарра.

— В чем дело?

— В больнице эпидемия тифа.

— Есть смертельные случаи?

— Умерли все больные...»

Как вы сами понимаете, этот диалог шел на эзоповом языке. Под «Саррой» подразумевался начальник штаба

«Союза» полковник Перхуров; «больницей» назывался сам штаб; «эпидемия тифа» означала провал, а «смертельные случаи» — аресты заговорщиков.

— Нас интересует и такой вопрос, Ян Петрович: помимо французского посла Нуланса, о котором вы упоминали, с кем еще из иностранцев поддерживал связь Савинков?

— Связи Савинкова с представителями Антанты были самыми разносторонними. В течение всего 1919 года он, уже находясь в Париже, представлял интересы генерала Колчака. Выезжая в Лондон, где неоднократно встречался с Ллойд Джорджем, Черчиллем и другими английскими деятелями, получал от них и представителей секретных служб деньги, партии обмундирования, военного снаряжения для белогвардейцев. Затем, оказавшись в Польше, он задался целью воссоздать разгромленный чекистами «Союз». Для пущей важности «вождь» даже несколько видоизменил его прежнее название, добавив слово «народный». Самолично напялил на себя тогу спасителя России, раздавал направо и налево обещания въехать в нее на белом коне. Под крышей нового «Союза» собрались монархисты, кадеты, правые эсеры и другие контрреволюционные элементы, которые оказались в то время выброшенными из Советской России и очутились на территории панской Польши.

Озлобленные враги нашей Родины еще верили в Савинкова. Его щедро финансировали. На территорию Белоруссии через польский кордон Савинков начал забрасывать террористические банды. Ими руководил его ближайший сподвижник полковник Павловский. Действуя в приграничных с Польшей областях, бандиты жгли деревни, грабили крестьян, зверски расправлялись с партийными и советскими работниками.

Волна савинковского террора усиливалась. Масштабы его преступных действий расширялись. Вот почему было принято специальное решение об организации борьбы против «народного союза» Савинкова. Руководить этой борьбой Ф. Э. Дзержинский назначил своего заместителя В. Р. Менжинского. Я и участвовал в организации разгрома савинковского контрреволюционного подполья под непосредственным руководством Вячеслава Рудольфовича.

— Что вы можете сказать о самом последнем этапе операции?

— Сама идея вывести Савинкова из-за границы для

того, чтобы окончательно обезвредить его, родилась еще до того, как в наши руки попал савинковский адъютант Шешеня и бывший прапорщик царской армии Зекунов, которые оказали действенную помощь в «игре» с Савинковым. По предложению Феликса Эдмундовича было принято решение создать «нелегальную антисоветскую организацию либеральных демократов», или ЛД, как ее для краткости называли. Разработали детальную легенду, по которой в Париж к самому Савинкову был направлен чекист Андрей Федоров, выдававший себя за руководителя ЛД Мухина. Перед боевым товарищем стояла задача убедить Савинкова в реальности существования контрреволюционной организации и ее «больших возможностях». Более того, перед Федоровым-Мухиным стояла проблема заставить Савинкова поверить, что без его опыта, энергии, знания обстановки ЛД обойтись не может, что только он должен возглавить и повести за собой контрреволюцию в России. Признаюсь, что в этой психологической атаке основную ставку мы делали на непомерное честолюбие «вождя». И он проглотил крючок с этой ловко «сработанной» наживкой. После долгих раздумий и сомнений Савинков все же решился перейти границу... Савинкова арестовали 16 августа 1924 года на конспиративной квартире в Минске. Я в этом тоже участвовал. Он сидел с Любовью Деренталь за столом и пил чай, когда ему объявили об аресте. Савинков вроде бы даже и не удивился. Только мрачно бросил своей любовнице запомнившуюся мне фразу по-французски: «Люба, я никогда не верил в успех моей миссии». Это был опустошенный, озлобленный, осознавший крах своих претенциозных амбиций человек.

— Вы уже говорили, что в Заславле обитали в корчме, хозяин которой занимался мелкой контрабандой. Об этом знали многие, а для вашего прикрытия это было весьма кстати. Кто из ваших друзей чекистов, проходивших через это «окно», запомнился больше всех?

Ян Петрович не спешит с ответом. Потом замечает:

— Очень мне нравился Гриша. Гриша Сыроежкин. Он не раз проходил через мою корчму под видом курьера ЛД. И всегда возвращался обратно с важными вестями, а иногда и с деньгами в твердой валюте, которыми его вознаграждали савинковцы «за верную службу».

— Как сложилась дальнейшая судьба Сыроежкина?

— За операцию по вызову Савинкова Гриша получил орден Красного Знамени. В дальнейшем он выполнял ответственные задания по борьбе с антисоветскими бандами

на Северном Кавказе и Дальнем Востоке. Работал он по ликвидации бандитов очень успешно, награждался именным оружием, получил знак «Почетный чекист». В 1937 году он уехал в Испанию, где воевал в составе интернациональной бригады. И там Григорий проявил себя отважным бойцом. За храбрость был удостоен высшей награды — ордена Ленина...

— И наконец, последний вопрос: ЦИК СССР заменил Савинкову высшую меру наказания лишением свободы на 10 лет. Чем это было продиктовано?

— Я высказываю свою личную точку зрения. Во время судебного процесса Савинков настолько разоблачил себя как преступника, настолько скомпрометировал своих хозяев, что как личность практически перестал существовать. Ну и как социально опасный враг — тоже. Впрочем, лучшее объяснение вы можете найти в официальных документах по делу Савинкова.

Мы обратились к этим документам. Там говорилось о том, что Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Савинкова к высшей мере наказания — расстрелу. «Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду преступлений и изменнических действий против трудовых масс СССР; принимая, далее, во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контрреволюционного антисоветского движения, его разоблачение интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание их полного краха всех попыток свержения Советской власти, принимая, далее, во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами на службе трудовым массам СССР,— Верховный суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении настоящего приговора».

Президиум ЦИК СССР рассмотрел ходатайство Военной коллегии Верховного суда и пришел к выводу, что «применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, а мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетариата». Это была гуманная акция Советской власти.

Наша беседа с Яном Петровичем подошла к концу. Что сказать в заключение? Наверное, прав Крикман: несостоявшийся «вождь» контрреволюции Савинков и сам по-

нял, что перестал существовать как личность. В тюрьме в мае 1925 года он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

Незадолго до этого Савинков писал своим родственникам из тюрьмы: «Те чекисты, с которыми я имел и имею дело... честные и искренние революционеры».

ВАСИЛИЙ РОЩИН

Наша предвоенная история была сложной. Еще не разразилась гроза Великой Отечественной войны, еще Адольф Гитлер пытался уверить простодушных, что он не «пойдет на Восток», что его главный противник — на Британских островах, а против Советского Союза уже все активнее работали шпионы третьего рейха.

В предвоенные годы гитлеровцы широко практиковали систему тотального шпионажа — от Турции до мыса Доброй Надежды, от Панамы до Шанхая. Под видом туристов, ученых, археологов, торговцев, артистов немецкие шпионы проникали в каждый стратегически важный уголок земного шара. Немецкие посольства превращались в центры разветвленной шпионской сети. Раскрывать, срыывать коварные замыслы и планы иностранных разведок, и в первую очередь гитлеровской и японской, помогали многие советские патриоты. Среди них был и Рошин.

Долгой и интересной оказалась наша беседа с Василием Петровичем Рошиным... Лет прожито немало, и ему есть что вспомнить.

Москвич Василий Петрович вполне правомерно считает себя коренным дальневосточником. Родился в крестьянской семье, в деревне Жариково, там же в церковноприходской школе постигал азы грамоты. О дальнейшей учебе нечего было и мечтать. Революция открыла Василию дорогу в учительскую семинарию Спасска. С гордостью крестьянский сын надел форменную фуражку семинарии с эмблемой «СУС». Однако на Дальнем Востоке развернулась кровопролитная борьба за утверждение власти Советов. Учиться или воевать? Для Василия Рошина такого вопроса не было. Он сразу же включился в борьбу против колчаковцев и японских интервентов.

В те горячие дни пополнился добровольцами из числа учащихся Спасской учительской семинарии 4-й сводный партизанский отряд. Возглавлял добровольцев Рошин. Отряд доставлял много неприятностей японцам и белогвардейцам. Летели под откос поезда, устраивались заса-

ды, внезапные палеты на посты. И вот в середине января 1920 года белогвардейское командование спасского гарнизона было вынуждено предложить командованию партизанских отрядов вступить в переговоры, которые закончились неожиданно: белогвардейский гарнизон перешел на сторону партизан, а 31 января они вошли в Спасск.

По инициативе тех, кто уже прошел нелегкую школу подпольной работы, а также ветеранов партизанских отрядов в отряде родилась коммунистическая ячейка. В марте в нее приняли и Рощина. Вскоре на базе 4-го сводного партизанского отряда был сформирован 1-й Дальневосточный коммунистический отряд, который возглавил А. П. Баранов. Ему было суждено сыграть важную роль по реорганизации партизанских частей в регулярные полки, «перековывать» перешедших на сторону партизан колчаковцев, а затем стойко прикрывать отступление и выход из Спасска частей всего гарнизона. Японцы неожиданно напали утром 5 апреля 1920 года. Бои с интервентами продолжались до 12 апреля.

— В этом сражении,— говорит Василий Петрович,— мне и пришлось принять свое боевое крещение. Невеселое, правда. У японцев сказывалось большое преимущество. И нам пришлось отступить... Многодневный изнурительный марш через тайгу...

Пройдет время, и части народно-революционной армии под командованием И. П. Уборевича 9 октября 1922 года сломят сопротивление противника и вновь овладеют Спасском, разобьют вражьи полчища в других районах Дальнего Востока. Никогда не забыть Владивосток, Волочаевку и Хабаровск! Были сочтены дни марионеточного правителя Приморья Меркулова, но ему на смену пришел ярый монархист генерал Дитерихс, который, как и Меркулов, помышлял «въехать на белом коне» в Московский Кремль. Оба просчитались! 7 ноября 1922 года во Владивостоке была провозглашена Советская власть.

Но японские империалисты, которые потерпели сокрушительное поражение на Дальнем Востоке, не собирались отказываться от своих замыслов по захвату советских территорий. Они втихомолку готовились к новому захватническому рейду. Для этой цели интервенты стремились прежде всего сохранить кадры белогвардейцев. Часть разбитой армии Дитерихса японцы перебросили в Маньчжурию. Белое воинство разместилось в казармах города Гирина. Другие отряды белогвардейцев эвакуировались в Корею, в порт Генсен. Под руководством японской воен-

щины в Маньчжурии плодились антисоветские общества и организации. Ими руководили Семенов, Бакшеев и другие недобитые атаманы.

Ну а чем занимался в это время Василий Петрович Рощин?

— Меня, — рассказывает он, — сперва направили в Хабаровск на комсомольскую работу, потом перевели в Никольск-Уссурийский и, наконец, во Владивосток. Находился на разных должностях, но характер, их направление оставались все теми же — политработа среди масс. Однажды мне сказали: «Явиться на улицу Светланскую к товарищу Заколоткину». Я отправился без промедления, хотя и не знал, в какую организацию и для чего вызван...

Разговор оказался недолгим, но конкретным, обстоятельным. Сводился он вот к чему. Дальний Восток освобожден от интервентов и белогвардейцев. Однако враг затаился и здесь и за рубежом — в Маньчжурии. Там ведут активную антисоветскую деятельность белогвардейские офицеры и генералы, которые по указке японцев формируют диверсионные отряды, засылают на нашу территорию лазутчиков, натаскивают убийц для физического уничтожения партийных и советских работников. Родине нужны верные чекисты — люди, которые, не жалея себя, могли бы противодействовать этим подрывным планам, могли бы обеспечить безопасность и спокойствие тех, кто ныне строит социализм. Дело, конечно, очень нелегкое и опасное, но оно необходимо народу. По биографическим данным, по всем другим качествам Василий Рощин, подпольщик, партизан, большевик, подходит для такой работы, и если у него нет возражений, то надо срочно заполнить анкету, чтобы оформить визу для выезда в Харбин. У Василия Рощина возражений не было.

Что знал Василий Рощин о своей будущей работе? Очень мало. Но он понимал главное: придется вести борьбу с белогвардейщиной и ее японскими покровителями в Маньчжурии. В ноябре 1925 года он прибыл в Харбин. Это было время, когда город буквально кишел остатками разгромленных армий Колчака, Семенова и прочих генералов и атаманов. Кто-то метко окрестил Харбин тех лет «помойной ямой белоэмиграции».

Молодой чекист Василий Рощин с присущей ему высокой ответственностью и целеустремленностью решал ответственную задачу: изыскивать средства и возможности для срыва диверсионных планов белогвардейцев, при любой подходящей ситуации ставить их под удар.

— Можно было бы много рассказать о той работе, ее сути, — говорит наш собеседник. — Приведу лишь один пример. Среди белоэмигрантского отребья, выброшенного Красной Армией из Приморья, находился отряд полковника Карлова. Мы узнали, что японцы готовят переход его банды в районе Амура на советский берег для проведения диверсионных акций. Но сведения, конечно, были слишком общими, чтобы наверняка предотвратить этот «поход» и обезвредить банду. И вот тогда приняли решение внедрить во вражескую среду своего человека. Поручили эту деликатную операцию мне. Я подыскал верного помощника, и тот с помощью ловких, я бы сказал, «шахматных» ходов занял в отряде Карлова пост начальника штаба. Дальше шло все как по маслу: от него мы получали всю необходимую оперативную информацию о ходе подготовки операций банды. Хотите знать, чем все кончилось? Когда белые добрались до Амура, благополучно погрузились на лодки и, окрыленные успехом, приблизились к противоположному берегу, их встретил шквальный огонь красноармейцев. Никто из налетчиков не уцелел...

Василий Петрович Рощин пробыл в Маньчжурии несколько лет. Одним из первых наших работников в Китае он узнал о «меморандуме Танака» — этом секретном докладе премьер-министра Японии императору, в котором формулировалась политика широкой агрессии против Китая, других азиатских государств, обосновывалась необходимость войны с Советским Союзом.

В начале 30-х Рощина ожидала другая работа. Разведчик должен быть, естественно, всегда готов к самым неожиданным поворотам в своей судьбе и к той новой роли, которую придется играть при изменении условий работы и обстоятельств жизни.

— Я вот все думаю: с чем можно сравнить нашу не совсем обычную деятельность?.. — Василий Петрович помолчал. — С трудом актера? Может быть, хотя и с большой натяжкой. Ведь артист, когда под аплодисменты опускается занавес, смыв грим и сняв костюм, скажем, короля Лира, может спокойно идти домой. А вот перед чекистами занавес не опускается никогда. Да и аплодисменты не для нас... После беспокойной работы с недобитыми белогвардейцами мне пришлось окунуться в совершенно новую среду. В середине 1932 года меня командировали в Германию...

На моих глазах развалилась Веймарская республика и к власти пришел Гитлер.

Германский фашизм, немецкая национал-социалистская партия появились на свет потому, что были необходимы германскому капитализму. Деньги магнатов тяжелой промышленности явились животворным источником для нацистской партии, в них «секрет» ее стремительного взлета. Детище монополистов, банкиров и милитаристов оказалось всесильным.

30 января 1933 года Гитлеру удалось добиться от престарелого президента Гинденбурга своего назначения на пост канцлера рейха. 28 февраля того же года запылал рейхстаг. Эта провокация, в которой личное участие принимал «наци № 3» Геринг, была использована Гитлером для отмены конституционных гарантий. Затем последовали распоряжения о запрещении и преследовании Коммунистической партии Германии, об аресте функционеров компартии, о запрещении социал-демократической партии. Профсоюзы были разгромлены, депутаты социал-демократы оказались в концлагерях. Начался невиданный террор против прогрессивных деятелей культуры, на улицах и площадях запылали костры из книг, многие тысячи людей были брошены в тюрьмы, убиты и замучены.

— Все это происходило на моих глазах, — продолжал свой рассказ Василий Петрович. — После прихода к власти фашистов чрезвычайно усложнилась обстановка для советских работников в Германии. За ними внимательно следили агенты гестапо, круглосуточно прослушивались телефонные разговоры, к сотрудникам советских учреждений назойливо напрашивались в друзья разные подозрительные личности. Возникла чрезвычайно важная задача по ограждению нашей страны от проникновения вражеских лазутчиков, ибо в то время в Советский Союз выезжало большое число немецких специалистов. Нужно было тщательно изучать быстро набравшего силу потенциального противника, анализировать действия, цели и планы нацистских руководителей. Что скрывать, мы тогда очень мало знали о них, о приемах, методах и средствах проводимой ими политики.

К этому времени у меня появился знакомый, общение с которым принесло много пользы... Не буду называть имени. Видимо, его давно уже нет в живых. Был он из обрусевших немцев, имел небольшое имение где-то в Поволжье. Волны революции выбросили за рубеж и его, мелкопоместного. Обосновался он в Берлине, открыл частное сыскное бюро. Желает, например, ревнивый муж знать все детали поведения своей супруги во время его дли-

тельной командировки: битте зер... Хочет некий предприниматель быть в курсе тайных дел своего ближайшего компаньона: опять же, пожалуйста... А уж если надо было получить подробную характеристику на то или иное конкретное лицо, тут мой приятель разворачивался всю...

Большой мастер был. И что любопытно — его услугами начало пользоваться гестапо. Бывал он на личных аудиенциях и у Мюллера, того самого, которого с блеском сыграл артист Броневой в «Семнадцати мгновениях»... Жаль только, что подлинного Штирлица у нашей разведки тогда не было...

Тосковал обрусевший немец по России, и очень не нравились ему фашисты. На том мы и подружились. Получил сначала от него детальные справки на Геринга, Гиммлера, банкира Шредера и многих других. Даже о мелких грешках рейхсмаршала узнал мой знакомый. Заезжал Геринг к одной молоденькой актрисе. Нечасто и тайно. Даже в спальню к ней проникли агенты моего приятеля. Над широкой кроватью служительницы Мельпомены висел огромный портрет рейхсмаршала с такой вот надписью: «Мой Геринг, я всегда тебе верна». Эта деталь, конечно, так, смеха ради. Нас, естественно, интересовали другие детали биографии нацистских бонз. В первую очередь Гиммлера и барона фон Шредера.

Германский фашизм, представлявший режим террора и произвола, мог существовать лишь при помощи сети преступных организаций, таких, как СС, гестапо, СД и так далее. Среди них так называемые «охранные отряды», сокращенно именуемые СС, занимали особое место. Организация СС, созданная в 1925 году как преторианская гвардия Гитлера, как организация профессиональных убийц и погромщиков, оставалась такой же на всем протяжении своего существования. Ею вначале руководил Геринг, а с 1929 года Гитлер назначил на этот пост Гиммлера, возложив на него специальную задачу превращения СС в мощную отборную силу, которую можно было бы использовать при любых обстоятельствах. Так Гиммлер обрел поистине необъятную власть, и надо было узнать о нем как можно больше.

Крупнейший кельнский банкир Шредер был личным другом Гитлера, фюрер присвоил ему звание обергруппенфюрера СС. Шредер широко финансировал нацистскую партию, выплачивал колоссальные суммы на «особые мероприятия» Гиммлера. Но самое главное — и это

тоже удалось узнать — барон был тесно связан с американскими финансовыми магнатами, и в частности с американским банком «Салливэн энд Кромвелл», во главе которого стоял Джон Фостер Даллес, родной брат Аллена Даллеса, «главного шпиона», как называли его в Америке. Вы же знаете, что именно Аллен Даллес в годы войны вел в Швейцарии тайные переговоры с личным представителем Гиммлера о заключении сепаратного мира. (Об этом еще пойдет речь позже...)

Но самую большую услугу мой приятель оказал тогда, когда назвал фамилии немецких «специалистов», выезжавших по контракту в Советский Союз на наши заводы и стройки. Я имею в виду тех «специалистов», которые ехали со специальными заданиями, то есть агентов гитлеровских секретных служб. Однако дружбу с частным детективом пришлось прервать. На одной из встреч он с грустью сказал, что вроде бы попал «под колпак» службы Мюллера. Мне пришлось срочно покинуть пределы Германии...

В 1935 году Рошин оказался в Австрии, стал свидетелем аншлюса. Именно Австрия оказалась первой жертвой гитлеровской политики реванша. «Немецкая Австрия, — писал фюрер в книге «Майн кампф», — должна вернуться снова к великой германской отчизне». 11 марта 1938 года он отдал приказ вермахту вступить на австрийскую землю. 13 марта был опубликован закон, по которому Австрия становилась частью третьего рейха. Наше правительство предпринимало настойчивые усилия, чтобы предотвратить дальнейшую агрессию нацистов. Было решительно осуждено военное вторжение Германии в Австрию. Советский Союз заявлял о своей готовности принять участие в любых мероприятиях по организации коллективного отпора гитлеровским агрессорам. Но голос разума, к сожалению, не был услышан...

В ноябре 1943 года Рошина направляют на работу в Скандинавию. Швеция — нейтральная страна. В Стокгольме работает советское посольство. Положение чрезвычайно сложное. Советскому послу Александре Михайловне Коллонтай приходится делать невероятные усилия, чтобы Швеция сохраняла нормальные дипломатические отношения с нашей страной в условиях постоянных провокаций, предпринимаемых гитлеровской Германией, и отсутствия второго фронта. «Шведы ведут себя очень осторожно, — сообщала в те дни Коллонтай, — и всячески стараются избежать конфликта с Германией. Среди ши-

рокой общественности больше англо-американских симпатий, чем пронемецких, но малые успехи наших союзников за последнее время несколько расхолаживают шведов, и это очень досадно».

— Да, тяжелое это было время,— продолжает свой рассказ Василий Петрович.— Все мы с болью и тревогой в сердце следили за ходом войны. Александра Михайловна Коллонтай пользовалась любой возможностью, чтобы клеветнической пропаганде ведомства Геббельса и нацистских подпевал в Швеции противопоставить правду о Советском Союзе. Посольство выпускало информационный бюллетень, чтобы шведская общественность знала реальное положение дел на фронте. Проводилась кампания по сбору вещей и денег в фонд обороны Советского Союза, благодаря усилиям наших дипломатов через министерство иностранных дел Швеции оказывалась помощь в эвакуации советских миссий из оккупированных стран. Советскому послу удалось добиться, чтобы нашим гражданам, бежавшим из фашистского плена на территорию Швеции, предоставлялись местожительство и работа. Ну а мне со своей стороны было необходимо защищать советских граждан от провокаций...

Как раз в это время в Швеции появился весьма подозрительный человек по фамилии Клаус, который стал настойчиво добиваться встречи с А. М. Коллонтай для «весьма важных и конфиденциальных переговоров». Удалось установить, что Клаус, литовец по национальности, является одним из наиболее доверенных агентов Гиммлера. Несколько раз он порывался проникнуть в посольство, но его не пропускали. Тогда Клаус направил несколько посланий. Почти дословно помню содержание одного из них. «Германия войну проиграла. Это ясно многим, в том числе и некоторым руководителям рейха, которые направили меня к вам. Гитлер рассчитывал на тайное оружие, но оно пока только у Геббельса. Надеюсь на срочную встречу с Вами».

Проявленная осмотрительность позволила, как потом подтвердилось, избежать провокации. Вскоре эмиссары Гиммлера начали и другой зондаж, в Швейцарии, куда прибыл для тайных переговоров с ними американский разведчик Аллен Даллес.

Крах мифа о «молниеносной» войне вызвал глубокое беспокойство у сателлитов третьего рейха...

Хорошо помню, что в 1944 году Александра Михайловна по поручению Советского правительства вела пред-

варительные переговоры с правительством Финляндии о ее выходе из войны. А позднее, в сентябре того же года, Финляндия прекратила военные действия на стороне фашистской Германии.

19 сентября 1944 года в Москве было подписано соглашение о перемирии между Финляндией и государствами, находившимися с ней в состоянии войны. В марте 1945 года Финляндия объявила войну Германии...

Не за горами уже было и то время, когда пришлось безоговорочно капитулировать гитлеровской Германии... После Победы довелось служить и в тех краях.

Ну а дальнейшее известно. Был Нюрнбергский процесс, и главные нацистские военные преступники получили по заслугам. Закончилась и моя служба в Германии. Пришел радостный день возвращения на Родину.

...К вечеру ветер стих, утихомирилась мокрая вьюга, вроде бы стало подмораживать. А мы и не заметили, что потемнело за окном,— так интересно было слушать Василия Петровича. В нескольких часах уместилась вся его жизнь, вернее, самые главные страницы из книги его жизни, которую всю без остатка отдал он служению своему народу, своей Родине на самых опасных перекрестках истории.

РУДОЛЬФ АБЕЛЬ

Как-то летним теплым вечером мы оказались на подмосковной даче в семье одного знакомого профессора — ученого и педагога, большого ценителя искусства. После неспешной прогулки по притихшим зеленым аллеям мы поднялись на застекленную веранду, где хозяйка поджидала нас к ужину.

— Что это вы, дружок, так пристально рассматриваете стену? — обратился вдруг профессор к одному из нас. — Обычная «вагонка», ну, конечно, покрытая политуркой. Не более того... — Помолчал, щурясь. — А, ну теперь понял, понял, определил объект столь пристального вашего внимания. Да только этюд этот следует рассматривать светлым днем. Сейчас мрачновато, абажур — не солнце. Но это ведь лишь копия. С открытки. Не ахти какая, но зато собственноручная...

Он чуть смутился своей наивной прямоотой и умолк.

— Вы, профессор, знали автора открытки?

— Как вам сказать, — последовал уклончивый ответ. — А вы?

— Рудольфа Ивановича? Да, мы были с ним знакомы. Не раз встречались...

Рудольф Иванович Абель... Как, какой мерой очертить круг интересов, образованность, глубину прирожденного таланта, наконец, оценить силу воли и бесстрашия этого замечательного человека-патриота?! Вот что сказал о нем много лет назад при обстоятельствах, о которых речь пойдет далее, его адвокат американец Джеймс Бритт Донован: «Абель — культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он свободно говорил по-английски и прекрасно ориентировался в американских идиоматических выражениях, знал еще пять языков, имел специальность инженера-электронщика, был знаком с химией и ядерной физикой, был музыкантом и художником, математиком и криптографом... Рудольф — человек, обладающий чувством юмора. Как личность его просто нельзя было не любить...»

Заметим: столь высокую оценку дал Рудольфу Ивановичу не кто-нибудь, а идейный противник, волею случая оказавшийся почти пять лет связанным с судьбой этого поистине поразительного человека. И постольку поскольку нам придется еще не раз цитировать Донована — автора книги «Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля», мы позволим себе в нескольких словах набросать и его биографический портрет.

Когда Донован впервые встретился с Абелем, этому преуспевающему совладельцу одной адвокатской нью-йоркской фирмы было сорок лет. За плечами приличный опыт: на Нюрнбергском процессе над фашистскими военными преступниками он занимал пост помощника главного обвинителя со стороны США. Попал тогда Джеймс Донован в Берлин не просто так. В беседах с Абелем он как-то признался, что прошел «большую школу под мудрым руководством своего однофамильца генерала Уильяма Донована — шефа Управления стратегических служб (УСС)¹». И хотя кто-то в Вашингтоне сплел вокруг УСС ширму-легенду о том, что, дескать, сие ведомство являлось сборищем слабоумных ученых из колледжей, бизнесменов-неудачников, фокусников и актеришек из Голливуда, разорившихся банкиров с Уолл-стрит, жуликоватых барменов из Чикаго, отставных футболистов и

¹ УСС — американская шпионская служба, созданная в июне 1942 г. Явилась предшественницей нынешнего Центрального разведывательного управления США.

миссионеров, никудышных адвокатов и завзятых авантюристов, все эти типажи верой и правдой отрабатывали доллары во благо власть имущих Америки. И Дж. Donovan, вышедший из недр УСС,— не исключение, хотя он и защищал в силу своего официального, да еще определенного самим федеральным судом статуса интересы подзащитного Р. И. Абеля.

А теперь перейдем к существу повествования и покажем, что многие политические аспекты в этой истории просто перекликаются с днем сегодняшним...

Жизненная дорога нашего героя начиналась так...

— Можно считать,— рассказывал нам Рудольф Иванович Абель,— что вашему покорному слуге повезло в детстве. Я родился и вырос в семье рабочего-металлиста, большевика-революционера, ученика и соратника Владимира Ильича Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Все, кто окружал отца, отличались жизнерадостностью, неистощимой энергией, деятельностью. Они были людьми идейными, бескорыстными, честными. Особенно мне нравился Василий Андреевич Шелгунов. С ним отец работал еще в девяностых годах прошлого столетия. Несмотря на утрату зрения, Шелгунов обладал жизнелюбием, стойкостью, живо интересовался всем, что происходило вокруг. Я считал, что этих людей постоянно окружает ореол таинственности в каждодневно совершаемом подвиге, и это восхищало меня. Они своим примером воспитали во мне уважение к старшим, любовь к труду, преданность делу. Немалое значение имела также служба в Красной Армии, куда я ушел по призыву в 1925 году; большую роль сыграл и Ленинский комсомол. Ну и, наконец, должен подчеркнуть влияние старых чекистов, с которыми я начинал работу в ВЧК. Среди них были замечательные большевики, участники гражданской войны, соратники Ф. Э. Дзержинского.

...После того как Абель стал профессиональным разведчиком, приобрел необходимые знания, опыт, ему поручили работать в США под чужим именем. В течение нескольких лет он успешно выполнял самые сложные задания Центра.

— Работал я в США не под одним именем, под тремя,— рассказывал Рудольф Иванович.— В отеле «Латам» числился как Мартин Коллинз. Появлялся я там не регулярно, претензий ко мне со стороны гостиничной администрации не было. А постоянно, с конца 1953 года, проживал в Бруклине, на Фултон-стрит, 252, под именем

Эмиля Голдфуса. Хозяин знал, что я профессиональный художник, и отвел мне застекленный верхний этаж, где разрешил оборудовать для работы мастерскую. Иногда я прирабатывал фотографией. За угол платил исправно, с соседями ладил. Они иногда заходили посмотреть новые этюды, которые я делал преимущественно в кварталах бедняков. Был у меня и псевдоним Марк.

— Почему, Рудольф Иванович, вы для студии выбрали район Бруклина? — как-то поинтересовались мы.

— Причина, точнее, объяснение примитивно простое: там ютилось великое множество порой безвестных художников, поэтов-самоучек. Они были скромны и застенчивы от природы, несчастны и одиноки от собственной бедности. Я старался ничем не выделяться: одевался скромнее скромного, питался под стать остальным, жил без семьи.

Случилось так, что в круг связей Абеля проник предатель Рейно Хейханнен, который кое-что знал о работе полковника. Во всяком случае, он мог сказать там, где этого ожидали, откуда Рудольф Иванович приехал и что он кадровый советский разведчик. Источник своей осведомленности Абелю выдали сами агенты Федерального бюро расследований в то летнее утро 1957 года, когда они нагрянули в его номер нью-йоркской гостиницы «Латам».

...В ту ночь с 21 на 22 июня 1957 года Мартин Коллинз решил заночевать в гостинице. Но долго не ложился спать. За окнами во влажной духоте астматически тяжело дышал гигантский город-муравейник. Где-то внизу, в черном маре, нервно вспыхивали, гасли, неслись в нескончаемой пляске огни реклам, по тротуарам спешили парочки — кто домой, кто на улады предвкушаемых развлечений. Хлопали двери баров, предлагали свои услуги доступные девицы. За четыре года Абель привык к этой ночной круговерти города небоскребов и трущоб. Он мог с полной достоверностью рассказать, что происходит в этот поздний час не только в Бруклине; мог сыграть роль безупречного гида или болтливого попутчика, которого любой американец принял бы за своего, за старожила. Но сейчас его занимали иные мысли: он ждал очередного сеанса радиосвязи с Центром. И никому из обитателей отеля в голову не могло прийти, что происходит в его номере, кроме тех, кто находился в... соседнем. Там уже шла подготовка к операции, ее вели агенты ФБР, наведенные на след Хейханненом.

Окончив сеанс связи, Абель не спеша разделся, еще раз пробежал глазами полученную радиограмму и решил,

что пора отдохнуть. Все запланированные на минувшие сутки дела были выполнены.

А рано утром его разбудил резкий стук в дверь. Он вскочил. Из коридора громко окликнули: «Мартин Коллинз?» — «Он самый», — ответил Абель и приоткрыл дверь. Сильный удар отбросил его к стене, в комнату ворвались трое в штатском. Один из них закричал:

— Ну что, полковник, мы-то уж знаем, что вы полковник и чем занимаетесь в нашей стране. Пора знакомиться!

Предложив Абелю сесть на кровать, они представились: агенты ФБР. Затем последовал допрос. Абель хладнокровно молчал. «В наших руках имеется достоверная информация о том, кто вы есть на самом деле. Мы давно следим за вами. Лучший для вас выход — немедленно дать согласие на сотрудничество с нами. В противном случае — арест». Абель наотрез отказался от сделки с агентами. Видимо, ФБР предполагало такой вариант и для подстраховки включило в операцию сотрудников службы иммиграции и натурализации. До нужного момента эти люди притаились за дверью номера. Они вошли лишь тогда, когда Абель спокойно и твердо повторил: «Мне не понятно, о каком «сотрудничестве» вы говорите. Я не могу ничего добавить к тому, что уже сказал». Роберт Шененбергер, Леннокс Канцлер и Эдвард Фарли чувствовали себя хозяевами положения и торжествовали, предъявив, по существу, беспомощному в такой ситуации Абелю незаконный ордер на арест. Основание? Иностранец, нелегально въехавший и находящийся на территории США, не зарегистрированный в службе иммиграции. Затем агенты приступили к обыску.

Мужество и находчивость не изменили полковнику, оказавшемуся в окружении шестерки натасканных служаек. Попросив разрешения сходить в туалет, чтобы привести себя в порядок после сна, он ловко избавился там от своего шифра и полученной накануне радиограммы. Однако некоторые другие предметы, свидетельствующие о его профессиональных занятиях, все же оказались в руках ищеек ФБР.

Примерно через час они, закончив обыск, надели на Абеля наручники и вывели из гостиницы на улицу, где находилась специальная машина. В пути ему необходимо было во что бы то ни стало изъять из зажима для галстука микро пленку с очень важным материалом. Но как? Находясь в окружении охранников, Абель сделал вид, что поправляет галстук, хотя в наручниках осуществить этот

маневр было не так-то просто. Охранник мгновенно «засек» его движение, выхватил зажим из рук Абеля и стал изучать. Ему даже удалось открыть тайничок, но... крошечная пленка легко выпорхнула, никем, кроме самого хозяина, не замеченная. «Вы слишком подозрительны», — усмехнулся Абель, когда ему возвращали заколку.

Сперва на специальном самолете «ДС-3», а затем на машине в субботу 22 июня Абеля доставили в федеральный лагерь иммиграционной службы в городе Мак-Аллен (штат Техас) и поместили в одиночку. Допросы продолжались ежедневно. 25 июня он заявил, что он — Рудольф Иванович Абель, гражданин Советского Союза. Версия о том, как он оказался в США, звучала примерно так: случайно после войны нашел в старом блокгаузе крупную сумму американских долларов. Перебрался в Данию, где приобрел фальшивый американский паспорт и через Канаду в 1948 году въехал в США.

Пойди проверь!

Однако было бы неразумно отрицать тот факт, что он в течение ряда лет жил под вымышленными фамилиями, что проживал на территории Соединенных Штатов незаконно. И иммиграционные власти тут же ухватились за признания: арестованный объявил себя иностранцем, лично подтвердил нарушение закона об иммиграции и гражданстве. Абеля спросили, в какое государство он предпочел бы выехать после освобождения. Ответ прозвучал однозначно: в СССР.

Но это не устраивало ФБР. Дело продолжало раскручиваться. Вновь и вновь Абелю предлагали «сотрудничество» во имя его же «выгоды», сулили всякие блага. Решительный отказ Рудольфа Ивановича бесил агентов, и тогда с их стороны последовал демарш: 7 августа 1957 года ему предъявили еще один ордер на арест и сообщили, что по его делу подготовлен обвинительный акт. Правда, этот документ Абелю так и не показали, причем не случайно: в нем не было никаких конкретных улик ни по первому, ни по второму пункту (из трех), вменяемых Абелю в вину. Выглядела резолютивная часть акта так: 1) заговор с целью передачи Советской России атомной и военной информации; 2) заговор с целью сбора такой информации; 3) пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте.

Что сие означало по американской шкале мер наказания? Рудольф Иванович Абель пояснил:

— По первому пункту — смертный приговор. По второму — десять лет тюрьмы. По третьему — пять лет заключения. После того как мне это разъяснили, я познакомился с адвокатом. Им стал Джеймс Бритт Донован.

14 октября 1957 года в федеральном суде Восточного округа Нью-Йорка началось слушание дела № 45094 «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». Абеля известили, что председательствовать будет окружной судья Байерс, перечислили состав обвинения и защиты.

Абель был осведомлен о том, что в ходе всего предварительного следствия вокруг его дела агентами ФБР, иммиграционными властями, персоналом тюрем, наконец, судебными органами чинились беззакония. «Наша величайшая трудность, — признавал потом Донован, — бесспорно состояла в том, что речь шла не об обычном гражданине, арестованном у себя дома. Дело касалось полковника Рудольфа Ивановича Абеля. И все же правовой вопрос был абсолютно одинаковым — по конституции Абель обладал точно такими же правами, что и я». Иными словами, Донован, сам будучи американцем, рассуждал о равенстве всех и каждого перед законом, но фактически признавал, что это было в какой-то мере фикцией.

Обратите внимание: первыми в гостиничный номер Рудольфа Абеля проникли агенты ФБР. Тогда это ведомство находилось в руках Эдгара Гувера. Он считался одной из наиболее влиятельных фигур в американской системе государственной власти. Иногда задаются вопросом: каким образом Гуверу удалось «пересидеть» в своем кресле семерых президентов? Секрет прост: в правила его игры входил беспроегрышный прием — пальцем не трогать элитарные эшелоны, а также гангстеров, мафию. С простыми смертными же, а тем более с иностранцами, он не церемонился. Факт остается фактом: ФБР вело и продолжает вести наступление на гражданские права американцев.

Вновь процитируем Дж. Донована, который, оценивая показания Хейханнена, писал: «Его утверждения были расплывчаты и не подкреплялись твердыми данными — датами, указанием времени, точного местонахождения и конкретных лиц». Фактически сбивчивые показания осведомителя подтвердили, и то лишь частично, третий пункт обвинительного акта. Не лучше выглядели и другие свидетели. И все же тучи над Абелем сгущались. Судья Байерс, обвинитель Томпинкс прилагали максимум

усилий, дабы в нужном им направлении обойти все острые углы дела № 45094, манипулируя статьями конституции и кодексов. Дело доходило до трюкачества. Томпинкс, например, воздев к потолку руку с батареей от карманного фонаря («вещественное доказательство», скорее всего приобретенное агентами ФБР в ближайшем табачном киоске), патетически воскликнул: «Это не игрушка для развлечения, леди и джентльмены, это орудие разрушения, орудие уничтожения нашей страны!» Примеров таких фокусов с «вещественными доказательствами» можно было бы привести немало.

Много лет спустя, когда однажды мы весенним воскресным днем прогуливались с Рудольфом Ивановичем по тихим арбатским переулкам, он вдруг остановился, запрокинул голову и через линзы своих очков взглянул на затянутое сиреневой дымкой небо.

— А ведь сейчас, пожалуй, хлынет первый весенний дождь, — заметил он и продолжал: — Помню, как этого ублюдка Хейханнена на суде мой адвокат озадачил, попросив уточнить время одного вымышленного им эпизода. Хейханнен ответил, что это, дескать, произошло весной, а для пущей важности пояснил: «Ибо шел дождь». Спустя секунду-другую выпалил: «Впрочем, это могло быть и осенью», так как осенью «тоже идет дождь». Вот так! — Рудольф Иванович улыбнулся: — А нам нужно возвращаться. Во-первых, потому, что скоро действительно разразится весенний дождь, а во-вторых, потому, что мне еще предстоит сегодня поработать. Воскресенье — это для вас, молодых...

Абель любил на досуге порассуждать на тему о человеческом возрасте. По его мнению, здоровье определяется резервами организма человеческой особи, запасом прочности органов. А прочность достигается их тренировкой. Однако любой «прочности» может прийти конец (стальные мосты и те рушатся!). С годами организм изнашивается, и конец фатален. Однако Абель отвергал сугубо пессимистические воззрения на проблему старения. Он признавал, что «убежать» от старости никому еще не удавалось, а вот «отодвинуть» ее елико возможно дальше — можно... Способы? Ну, они разные, это — особая тема для разговора. Тут нужно принимать во внимание обстоятельства места, времени действия «героя», его работу, отшучивался он, видимо, имея в виду свою собственную профессию.

Однако давайте мысленно вернемся в зал федерального суда, в Нью-Йорк. Выносится вердикт присяжных:

Абель виновен. А затем судья приговаривает Абеля к 30 годам тюремного заключения. Американская фемида добила своего. Но мужество и стойкость советского человека буквально потрясли американскую общественность. Вот что писал о Рудольфе Ивановиче американский публицист И. Естен в книге «Как работает американская секретная служба»: «...В течение трех недель Абеля пытались перевербовать, обещая ему все блага жизни... Когда это не удалось, его начали пугать электрическим стулом... Но и это не сделало русского более податливым. На вопрос судьи, признает ли Абель себя виновным, он, не колеблясь, отвечал: «Нет».

Добавим: от дачи показаний Абель заранее отказался.

«Вынесение приговора, — писал Донован, — заняло всего 16 минут. Приговор был объявлен, и Абеля вывели из зала суда. Я смотрел ему вслед и думал... для человека в 55 лет 30 лет тюремного заключения означали пожизненное заключение... Прощаясь, он протянул мне руку, и я пожал ее. Для человека, готовящегося отбывать тридцатилетний срок заключения в иностранной тюрьме, полковник Абель обладал поразительным спокойствием».

Однажды мы спросили Рудольфа Ивановича:

— О вас слывет молва, что вы совмещаете в себе мастерство художника с прекрасными знаниями математики и криптографии. Существует ли связь между искусством и точными науками?

Он немного задержался с ответом, на какую-то долю секунды прикрыл веками свои серые пронзительные глаза и четко ответил:

— Если угодно — да, существует. В криптографии, в математике, в живописи можно обнаружить общее явление: процесс кодирования. Шифровать — значит кодировать. Математическая формула есть код, то есть предельная сжатость информации. А возьмите древних художников, которые создавали наскальные росписи где-нибудь в Китае или на Цейлоне. Если всмотреться в линии контуров людей, животных, начертанных живописцами на стенах примитивных храмов, жилищ, то ведь это также переданное в спрессованной форме видение того или иного предмета. Иными словами — кодирование. Вообще контур, мне думается, и в современной живописи, рисунке — это как бы выделение, выпячивание основного элемента сюжета на холсте или картоне. Техника оконтуривания помогает зрителю ухватить главное. К ней прибегали художники эпохи классицизма, ее не чуждаются и деятели

современного искусства. А что такое шифр, код? Повторю: передача информации в сжатом виде. Код облегчает читающему задачу не расплываться «мыслью по древу», а быстро схватывать существо вопроса. Хотя, разумеется, шифровальщик существует еще и для того, чтобы посланное им донесение смог прочитать лишь тот, кто знает ключ для его расшифровки. Вы согласны с этим? — приподнял брови Абель.

«Полковник был на редкость своеобразной личностью, — вспоминает адвокат Донован. — Его снедала постоянная потребность в духовной пище, свойственная каждому образованному человеку. Он жаждал общения с людьми и обмена мыслями».

А теперь попробуем сопоставить некоторые события, происходившие в США до, во время и после ареста Абеля. Попытаемся, так сказать, спроецировать их на действия американской администрации.

В конце февраля 1956 года в северо-западном районе Вашингтона, в рабочем кабинете шефа Центрального разведывательного управления Аллена Даллеса состоялось срочное заседание. Помимо хозяина на нем присутствовали начальник штаба ВВС генерал Натан Туайнинг, представитель исследовательского института ВВС подполковник Хемлок и член экспертного совета национального космического агентства НАСА полковник Превитт. Даллес, окинув всех быстрым взглядом, бросил: «Разведка, которую мы вели над территорией восточного блока с помощью воздушных шаров, провалилась, господа. Нужны новые средства. Предоставляю слово полковнику Превитту».

Превитт поднялся, достал из вместительного саквояжа фотографии и чертежи самолета, которого никто из присутствовавших прежде не видел. Конспективно пояснив технические данные новой машины, полковник подчеркнул: «Этот самолет сможет подниматься выше 21 километра. На такой высоте он будет неуязвим для русских ракет, а тем более истребителей. Автор проекта — главный конструктор фирмы «Локхид» Кларенс Джонсон. Опытный образец изготовлен на заводах этой корпорации».

Слово снова взял Даллес: «Необходимо тщательно координировать наши усилия. В рамках ЦРУ подготовкой серии разведывательных полетов будет заниматься отдел 10-10. Самолет уже имеет кодовое название У-2».

Аллен Даллес нервничал: как сохранить секретность, как уйти от утечки информации об истинных целях, для которых предназначался новый самолет? В редакции газет из кабинетов ЦРУ полетела направленная дезинформация: появился, мол, самолет с высокими техническими данными для метеонаблюдений, а также для измерения радиоактивности высших слоев атмосферы и исследования инфракрасного излучения... Но позже, когда несколько машин У-2 в разных регионах потерпели аварии, один из японских журналистов с предельной осторожностью отметил: «Конечно, это самолет для метеоисследований. Но вместе с тем было бы нелепо полагать, что его нельзя использовать и для разведывательных целей...»

Принимая во внимание, что в октябре 1957 года в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли, и сознавая в этой связи, на каком уровне находится советская наука и техника в области создания космических кораблей, в Вашингтоне еще в большей степени стали раскручивать маховик антисоветской истерии. А к тому дню, когда Абелю был вынесен приговор, психоз шпиономании в США дошел до грани истерии, в том числе в верхних эшелонах власти.

Наступил март 1958 года. Незадолго до этого апелляционная жалоба Абеля, пройдя сквозь преднамеренно жесткое бюрократическое сито, наконец попала в апелляционный суд второго округа Нью-Йорка.

Особенно тяжело Рудольф Иванович, по его словам, переживал в те дни запрет на переписку с семьей. И тогда Донован предложил ему переговорить по данному поводу лично с Алленом Даллесом. Он встретился с ним в штаб-квартире ЦРУ Лэнгли. Не станем пересказывать затянувшуюся беседу. Приведем лишь одно высказывание шефа ЦРУ. Обращаясь к Доновану, он сказал: «Я хотел бы, чтобы мы имели таких трех-четырех человек, как Абель, в Москве...» Переписку Абелю разрешили, но поставили ее под строжайшую цензуру. Еще при обыске в номере гостиницы были обнаружены шесть микрофильмов с письмами Абелю от его жены и дочери. Донован приводит некоторые. Он пишет:

«Обвинение приняло решение зачитать отрывок из одного письма, стремясь доказать, что полковник приезжал домой осенью 1955 года. Это позволило нам, в свою очередь, огласить все письма. И хотя обвинение протестовало против ознакомления присяжных с «письмами личного характера, не имеющими отношения к содержанию обви-

нительного акта», судья Байерс отклонил это возражение

Письма были очень теплыми и гораздо лучше, чем могла бы сделать это защита, рассказали о том, каким преданным мужем и отцом был человек по имени Рудольф Абель. За исключением одного, все письма дочери Эвелины были написаны по-английски, а жены Абеля Эли (или Елены, как она подписывала некоторые письма) — по-русски.

Некоторые журналисты в своих статьях отметили, что у Абеля вспыхнуло лицо, когда зачитывались эти письма, значившие для него так много, что он не решился их уничтожить. Представитель одного журнала, освещавший процесс, писал: «В то время как адвокаты монотонно читали письма, стальная броня самодисциплины Абеля дала трещину. Его лицо покраснело, в пронизательных глазах блеснула предательская влага».

Однако были и такие люди, которые полагали, что письма являются шифровками. (Через несколько лет ФБР признало, что после тщательного исследования письма признаны подлинными и не содержащими каких-либо секретных инструкций.)

Дебевойс (юрист, помощник Донована.— *Прим. авт.*) зачитал присяжным два последних письма от дочери Абеля. Он сказал впоследствии, что, как ему показалось, у одной или двух женщин-присяжных на глазах были слезы, добавив: «Впрочем, так же, как и в моем голосе».

Вот эти письма.

«Дорогой папа, я была очень рада получить от тебя весточку и теперь знаю, что наше письмо наконец до тебя дошло, хотя только одно, первое. Мы получили твою посылку в мае, большое тебе спасибо... Мы посадили уцелевшие гиацинты, и три из них уже дали ростки...

Так хочется, чтобы ты был с нами. Тогда все было бы намного легче. Я так скучаю по тебе. Сначала я думала, что мой муж в какой-то мере сможет заменить тебя, но теперь вижу, что ошибалась...

Любящая тебя Эвелина».

«Дорогой папа, поздравляю тебя с днем рождения. Огромное спасибо за посылку, которую ты нам прислал. Все это так хорошо нам подошло. Папа, дорогой, как мне тебя не хватает. Ты не можешь себе представить, как ты мне нужен.

Вот уже примерно четыре месяца я замужем, а кажется, что прошла вечность... В общем, он хороший парень, но он не ты, и даже отдаленно на тебя не похож. А я уже

привыкла к мысли, что все люди должны в чем-то напоминать мне тебя...»

Семья всегда отмечала день рождения Абеля, хотя он был далеко от родных. Но как-то Эли Абель не упомянула в своей весточке об этом дне, и полковник в письме спросил, как семья провела 2 июля. Жена ответила: «Ты хотел бы знать, как мы отметили твой день рождения. Испекла пирог с черной смородиной и кремом, который ты любишь. Лилия (Эвелина) принесла бутылку хорошего рислинга, и мы подняли бокалы за твое здоровье и нашу встречу. В тот день все мои помыслы были с тобой».

Письмо Эли Абель, написанное 21 июня, содержало поздравления ко дню рождения. Она не могла знать, что это письмо станет судебным документом и будет оглашено в газетах для тысяч американцев:

«Мой дорогой,

наконец мы получили твою маленькую посылку. Все доставило нам большую радость: как обычно, все, за что ты берешься, ты делаешь прекрасно, с заботой и вниманием.

Спасибо тебе, мой хороший. Мы были также очень рады узнать, что у тебя все хорошо. Очень жаль, что ты так долго не получал от нас писем. Я их послала тебе несколько. (По очевидным причинам, доставка писем Абелю задерживалась. Нужно было сделать микрофильм и затем передавать письма от курьера курьеру, пока они не попадали в «тайник» где-то в Бронксе.)

Поздравляем тебя в твой день рождения. Помни, в этот день мы поднимем тост за твое благополучие и за обещанное скорое возвращение домой».

Когда чтение писем закончилось, в зале суда воцарилась тишина, как если бы сцену закрыл тяжелый занавес.

Из речи Дж. Б. Донована в суде 24 октября 1957 года:

«Многоуважаемый суд, дамы и господа присяжные.

Как вы помните, в начале процесса я говорил о высокой ответственности присяжных. Долг вашей совести — определить, виновен ли на основе представленных доказательств этот человек по имени Абель в совершении конкретных действий, в которых он обвиняется судом.

Теперь вы ознакомились со всеми доказательствами обвинения, вы слышали всех свидетелей. Давайте предположим, что этот человек является именно тем, кем его считает правительство. Это означает, что, служа интересам своей страны, он выполнял чрезвычайно опасную задачу. В вооруженных силах нашей страны мы посылаем с таки-

ми заданиями только самых храбрых и умных людей. Вы слышали, как каждый американец, знакомый с Абелем, невольно давал высокую оценку моральных качеств подсудимого, хотя и был вызван с иной целью.

Вчера вам зачитали письма от родных этого человека. Вы могли составить свое мнение об этих посланиях. Совершенно очевидно, что они рисуют образ преданного мужа, любящего отца. Короче говоря, прекрасного семьянина, подобного тем, какие есть у нас в Соединенных Штатах.

Таким образом, с одной стороны, считая, что все сказанное здесь правда, нельзя не сделать вывод, что перед вами очень мужественный человек, выполнявший чрезвычайно опасную военную задачу в интересах своей страны, который все эти годы мирно жил среди нас. С другой стороны, вы слышали, как два других человека выступали в качестве главных его обвинителей.

Хейханнен — ренегат с любой точки зрения. Первоначально о нем говорили как о человеке, который «остался на Западе». Можно было представить себе человека с высокими идеалами, который «выбрал свободу» и так далее. Но вы видели, что он собой представляет: ни на что не годный тип, предатель, лжец, вор.

За ним последовал человек, который, насколько мне известно, стал единственным солдатом в истории Америки, признавшим, что продавал свою страну за деньги. (Речь идет о втором свидетеле обвинения — сержанте Роудсе, работавшем ранее в Москве в американском посольстве. — *Прим. авт.*)

Вернемся к Хейханнену. Обвинитель скажет вам, что для того, чтобы обвинять таких людей, нужно использовать именно таких свидетелей. Однако я хотел бы, чтобы вы, оценивая показания этого человека, спрашивали себя: говорит ли он правду или лжет и готов лгать сколько угодно, лишь бы спасти собственную шкуру.

Если этот человек шпион, то история, несомненно, обогатится еще одним рекордом, потому что он — самый ленивый, самый неумелый и незадачливый агент, которому когда-либо поручали задания.

Каковы же остальные свидетельские показания?

Появился сержант Роудс. Все вы видели, что это за человек: распушенный пьяница, предатель своей страны. Поистине трудно представить глубину падения этого человека.

Вспомните: Роудс утверждал, что никогда не встречался с Хейханненом, никогда не слышал о нем. Он никогда

не встречался и с подсудимым. В то же самое время он подробно рассказал нам о своей жизни в Москве, о том, что всех нас продавал за деньги. А какое это имеет отношение к подсудимому? Эти события в Москве произошли за два года до того, как, по утверждению Хейханнена, Абель послал его, чтобы найти человека по фамилии Роудс.

И вот на основе такого рода свидетельских показаний вам предлагают вынести в отношении этого человека обвинительное заключение. Возможно, отправить его в камеру смертников...

Прошу вас помнить об этом, когда вы будете обдумывать ваш вердикт. Дамы и господа присяжные, если вы решите это дело, пользуясь критериями высшей истины, с тем чтобы покинуть здание суда с чистой совестью, вы, без сомнения, вынесете по первому и второму пункту обвинения вердикт «не виновен».

Благодарю вас».

...1 мая 1960 года в 4.30 по московскому времени Фрэнсис Гэри Пауэрс, 30-летний американский летчик, уроженец города Паунд, штат Виргиния, поднял в воздух самолет У-2 с аэродрома Пешавара в Пакистане и взял курс на советскую границу. Пауэрс уже сделал на этом самолете 27 вылетов, пробыв в воздухе 500 часов, но перед перелетом через территорию Советского Союза, как Пауэрс признал позже, он нервничал, ему было страшно.

Находясь в 20 милях к юго-востоку от Свердловска, он изменил курс, сделав поворот на 90 градусов влево. В это мгновение он услышал какой-то шум, увидел вспышку, и самолет, клюнув носом, стал падать. Пауэрс выбросился, не попытавшись взорвать самолет (соответствующая кнопка была рядом с креслом) и не воспользовавшись препаратом для самоуничтожения (который ему предоставили, хотя жестких указаний на этот счет не было). После приземления на парашюте на советскую землю Пауэрс был схвачен и через несколько часов доставлен на допрос в Москву.

В ответ на советские обвинения в том, что Соединенные Штаты намеренно осуществляют шпионские действия, посылая самолеты-разведчики У-2 в полеты над советской территорией, президент Эйзенхауэр на пресс-конференции посоветовал русским вспомнить дело Рудольфа Ивановича Абеля.

Фотографии Абеля и статьи о нем вновь появились в газетах по всей стране. Через шесть недель после того,

как Верховный суд вроде бы поставил точку в этом деле, оно вернулось на первые страницы газет. В своей редакционной статье газета «Нью-Йорк дейли ньюс» предложила обменять Абеля на Пауэрса.

«Можно с уверенностью предположить, что для нашего правительства Абель не представляет больше ценности как источник информации о деятельности красных. (Он никогда им не был.) После того как Кремль выжмет из Пауэрса всю информацию, какую сможет... такой обмен был бы вполне естественным», — говорилось в статье.

Из воспоминаний Дж. Донована.

«...10 февраля 1962 года я проснулся в 5.30 утра и с трудом упаковал вещи. Шел восьмой день моего пребывания в Берлине, и, если все пройдет хорошо, день последний. После завтрака я отправился в американский военный лагерь. Из маленькой гауптвахты с усиленным караулом, где Абеля содержали в особо охраняемой камере, были удалены все арестованные.

Когда я вошел, Абель поднялся мне навстречу. Он улыбнулся, протянул руку и, к моему удивлению, сказал: «Здравствуйте, Джим». Ранее он всегда называл меня «мистер Донован». Он выглядел худым, усталым и сильно постаревшим. Однако он был, как всегда, любезен и предложил мне американскую сигарету, сказав с усмешкой: «Этого мне будет не хватать».

Нашу беседу ничто не стесняло. Я спросил, не возникает ли у него опасений в связи с возвращением домой, и он быстро ответил:

«Конечно нет. Я не сделал ничего бесчестного».

Мы проехали на автомобиле по безлюдным улицам Западного Берлина, направляясь к мосту Глиникер-брюкке, месту нашей встречи. И вот мы уже на «своей» стороне темно-зеленого стального моста, который ведет в оккупированную Советским Союзом Восточную Германию. На той стороне озера был Потсдам, справа на холме виднелся силуэт старого замка.

На другой стороне моста, названного в 1945 году американскими и русскими солдатами «Мостом свободы», виднелась группа людей в темных меховых шапках. Выделялась высокая фигура одного из советских официальных представителей в Восточном Берлине, с которым я вел переговоры об обмене заключенными. Теперь трем правительствам предстояло завершить этот обмен.

По нашей стороне Глиникер-брюкке прохаживались американские военные полицейские.

Позади остановились два автомобиля вооруженных сил США. Окруженный здоровенными охранниками, появился Рудольф Абель, изможденный и выглядевший старше своих лет. Пребывание в тюрьме в Америке оставило на нем заметный след. Теперь, в самый последний момент, он держался только благодаря выработанной им внутренней самодисциплине.

Рудольф Иванович Абель был полковником КГБ. Его считали «резидентом», который из своей художественной студии в Бруклине в течение 9 лет руководил советской разведывательной сетью в Северной Америке. Абеля задержали в июне 1957 года, полковника выдал его подчиненный Хейханнен, аморальная личность. ФБР арестовало Абеля, предъявив ему обвинения в заговоре с целью сбора атомной и военной информации, что могло грозить смертной казнью.

В августе 1957 года Абель попросил «назначить ему защитника по усмотрению ассоциации адвокатов». Выбор пал на меня. На процессе 15 ноября 1957 года я просил судью не прибегать к смертной казни, поскольку помимо прочих причин «вполне возможно, что в обозримом будущем американец подобного ранга будет схвачен в Советской России или в союзной ей стране; в этом случае обмен заключенными, организованный по дипломатическим каналам, мог быть признан соответствующим национальным интересам Соединенных Штатов».

И теперь на Глиникер-брюкке должен был состояться именно такой обмен во исполнение договоренности, достигнутой «после того, как дипломатические усилия оказались бесплодными», как написал мне президент Кеннеди.

На другой стороне моста находился пилот американского самолета У-2 Фрэнсис Гэри Пауэрс. В другом районе Берлина, у контрольно-пропускного пункта «Черли», должны были освободить Фредерика Прайора, американского студента из Йеля, арестованного за шпионаж в Восточном Берлине в августе 1961 года. Последней фигурой в соглашении об обмене был молодой американец Марвин Макинен из Пенсильванского университета. Он находился в советской тюрьме в Киеве, отбывая 8-летний срок заключения за шпионаж, и даже не подозревал, что в скором времени его освободят.

Когда я дошел до середины Глиникер-брюкке и завершил заранее обговоренную процедуру, можно было наконец сказать, что долгий путь завершен. Для адвоката,

занимающегося частной практикой, это было больше чем судебное дело — это был вопрос престижа.

Я был единственным посетителем и корреспондентом Абеля в США в течение всего 5-летнего пребывания его в заключении. Полковник был выдающейся личностью, его отличали блестящий ум, любознательность и ненасытная жажда познания. Он был общительным человеком и охотно поддерживал разговор. Когда Абель находился в федеральной тюрьме Нью-Йорка, он взялся учить французскому языку своего соседа по камере — полуграмотного мафиози, главаря рэкетиров.

Приближалось время расставания. Он пожал мне руку и искренне сказал:

«Я никогда не смогу полностью выразить вам мою благодарность за вашу напряженную работу, и прежде всего за вашу честность. Я знаю, что ваше хобби — собирание редких книг. В моей стране такие сокровища культуры являются собственностью государства. Однако я постараюсь все же сделать так, чтобы вы получили, не позже следующего года, соответствующее выражение моей благодарности».

...Во второй половине 1962 года по моему адресу в Нью-Йорке на Уильям-стрит были доставлены конверт и пакет. В конверт было вложено следующее письмо:

«Дорогой Джим!

Хотя я не коллекционер старых книг и не юрист, я полагаю, что две старые, напечатанные в XVI веке книги по вопросам права, которые мне удалось найти, достаточно редки, чтобы явиться ценным дополнением к вашей коллекции. Примите их, пожалуйста, в знак признательности за все, что вы для меня сделали.

Надеюсь, что ваше здоровье не пострадает от чрезмерной загруженности работой.

Искренне ваш Рудольф».

К письму были приложены два редких издания «Комментариев к кодексу Юстиниана» на латинском языке.

— Однажды, — вспоминал Рудольф Абель, — Донован разоткровенничался со мной в тюрьме и показал отпечатанную на машинке свою лекцию-исследование об американской разведке. Один из разделов материала посвящался вопросам оценки информации. Попросил, чтобы я высказал свое мнение. И я высказал. Раскритиковал. В письменном виде.

— Если можно, немного подробнее об этом...

— Будьте любезны: «Вам, как юристу, известно, насколько тяжело составить подлинное представление о событиях на основе свидетельств этих событий. Насколько же труднее должна быть задача оценки политических событий, когда источниками информации являются люди, политические взгляды которых накладывают определенный отпечаток на то, что они говорят. Одна из опасностей в деле оценки информации заключается в том, что сами люди, занимающиеся этой оценкой, могут истолковывать ее в соответствии с собственными взглядами и предубеждениями».

...Рудольф Иванович вспоминал, что в начале мая 1960 года он, по стечению обстоятельств, оказался на несколько дней в тюрьме г. Льюисберга (штат Пенсильвания). 7 мая в субботу кто-то просунул через маленькое окошечко в двери камеры свернутую трубочкой газету. Первое, что бросилось в глаза, — это набранный огромными буквами заголовок: «Над Свердловском, СССР, сбит самолет У-2». Ниже, помельче, было напечатано: «Г. Пауэрс, пилот, схвачен русскими. Ему грозит суд как шпиону».

Конечно же Абель в тот момент не мог даже и предположить, что минует еще какое-то время, его обменяют на американца Пауэрса и настанет долгожданный день возвращения на Родину, к своей семье.

Мы говорим Рудольфу Ивановичу, что сами явились свидетелями судебного процесса, который проходил в Колонном зале Дома союзов в Москве 17 августа 1960 года, где слушалось дело Пауэрса под председательством генерал-лейтенанта Борисоглебского. Шпиону грозила смертная казнь, но советский суд ограничился сравнительно мягким приговором — десятью годами лишения свободы. А через полгода Пауэрс получил помилование.

Беседы с полковником Абелем запомнились нам навсегда.

Тяжело сознавать, что Рудольфа Ивановича, обаятельного и мудрого, которого уважали и которым восхищались даже недруги, нет больше с нами. Он ушел от нас в 1971 году на 69 году жизни. Но у нас остались записи разговоров с ним, наспех сделанные заметки о проведенном вместе времени. Они и послужили канвой для нашего рассказа. Сегодня слова Абеля звучат как завещание.

— Самоотверженность предполагает высокую сознательность человека, чувство долга и ответственности не-

ред обществом за свои действия. Храбрость — это способность преодолевать страх. Однако храбрость бывает разная. Случается безрассудная, показная. Но есть храбрость и отвага, основанные на чувстве долга, на трезвом учете обстановки и возможного риска. Чувство долга, умение правильно оценить обстановку — качества, которые также воспитуемы, и каждый человек может в повседневной жизни найти возможности проявлять эти качества и закалять их в себе...

Храбрость и отвага требуются от работников самых разных профессий. Эти качества необходимы и верхолазу, и альпинисту, летчикам, космонавтам, цирковым артистам, пожарным, охотникам и многим, многим другим. Никто из людей, работа которых связана с определенной опасностью, не пойдет на риск, если в этом нет необходимости. Это было бы безрассудством, а иногда даже преступлением. Для таких профессий опасность является «нормальным компонентом» работы, и каждый профессионал приучает себя к разумному поведению и принимает нужные меры, чтобы свести риск до минимума.

Усилием воли можно подавить в себе страх, приучить себя выполнять работу, связанную с определенной опасностью. Развить и укрепить свою волю может каждый человек путем настойчивой работы над собой.

И, наконец, на первый взгляд чисто профессиональный вопрос, — продолжал Рудольф Иванович. — Мы живем на планете в соседстве не только с нашими друзьями, но и с идейными противниками. Спецслужбы многих иностранных держав ведут против Советского Союза, других социалистических стран подрывную работу. В этой связи необходимо все время помнить о бдительности. Она нужна не только профессионалу, но и вообще любому советскому человеку. Разве это не так?

Работа разведчика, — размышлял далее Рудольф Иванович, — изобилует моментами, когда ему приходится проявлять находчивость, инициативу, смекалку. Под бдительностью мы понимаем довольно сложный комплекс. Он включает в себя постоянное изучение обстановки, в которой работаешь, наблюдательность, самокритичность по отношению к своим поступкам и словам, тщательное продумывание всех своих действий, относящихся не только к работе, но и ко всему, что связано с окружением, обычаями и нравами людей.

Однажды в США я навестил одного знакомого бруклинского художника. Был он очень беден и, хотя живопи-

сец был неплехой, никак не мог продать свои картины. В момент моего прихода у него оказалось несколько его друзей, а сам хозяин с повязанным вокруг головы шарфом маялся от зубной боли. Выяснилось, что у него несколько дней болит зуб, а к врачу он пойти не может: нет денег. Я тут же вытащил бумажник и вручил ему двадцать долларов, посоветовав немедленно идти к стоматологу.

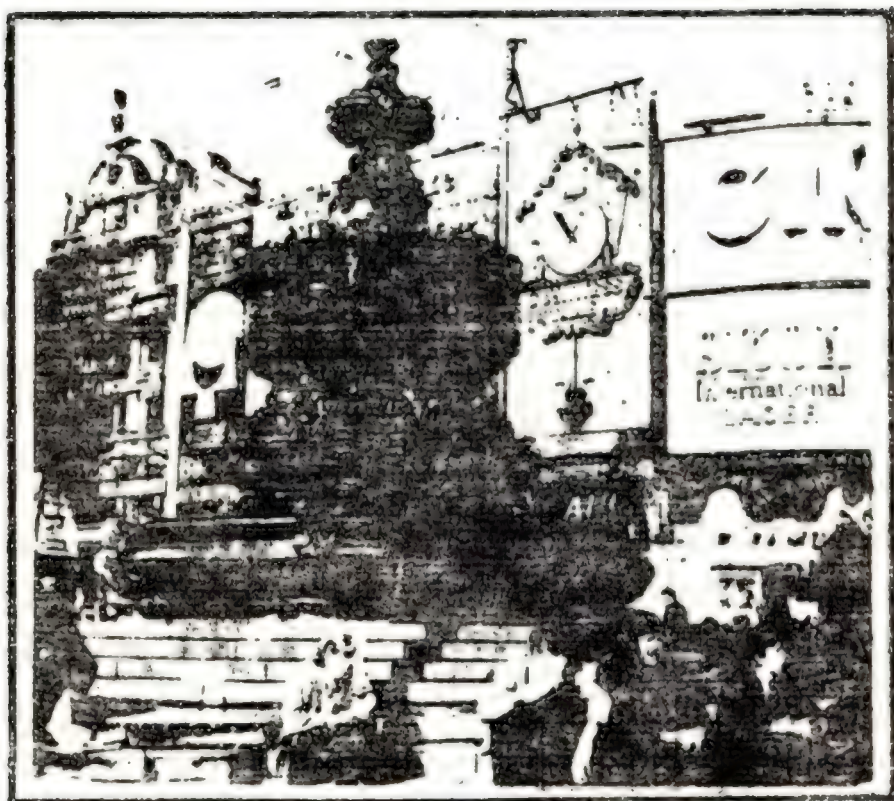
Казалось бы, что в этом поступке особенного? Но в действительности он вызвал большое недоумение у друзей моего знакомого, да и у него самого. Среди большинства американцев не принято предлагать деньги, если тебя прямо об этом не просят, да еще без расписки и не оговорив сроки возврата. Такая, казалось бы, мелочь может кончиться для разведчика плачевно. К счастью, в данном случае все обошлось благополучно, если не считать, что в дальнейшем мне пришлось немало потрудиться, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление от своего промаха.

Или вот другой случай, происшедший со мной в самом начале войны. Дело было в конце августа 1941 года. Я выезжал по делам за город и на электричке возвращался в Москву. Вагоны были переполнены, а на каждой остановке вливались новые пассажиры. После очередной станции меня оттеснили к двум ничем не примечательным молодым людям. До Москвы оставалось остановки три-четыре. И вдруг я услышал, как один из этих парней сказал другому: «Давай выйдем на следующей станции, а то как бы не проехать Москву». Выражение очень странное. Как известно, через Москву «транзитом» электропоезда не ходили. А вот в Берлине, и я это хорошо знал, пригородные поезда проходят через весь город и следуют дальше в другом направлении. Все-таки эти молодые люди доехали до Ярославского вокзала, где я попросил комендантский патруль проверить у них документы. Он задержал обоих. Впоследствии я узнал, что они оказались немецкими лазутчиками, заброшенными в наш тыл.

Оба эти случая лишь отдельные штрихи. В целом наша работа имеет мало общего с представлениями, которые складываются у читателей расхожей детективной литературы о разведчиках. Наша работа чаще бывает однообразной, она складывается из целой цепочки мелких, прозаических, малоинтересных, но требующих зачастую кропотливого труда элементов, которые только в совокупности дают нужный результат...

Да, Рудольфа Абеля больше нет среди нас. Но мы частенько вспоминаем ту профессорскую подмосковную дачу, где до сих пор висит скопированный с его открытки зимний пейзаж: заснеженная бугристая опушка, ветла с давно облетевшими листьями. На втором плане чернеет еловый лес, на фоне которого четко, контурно смотрится избушка в три окна (помните рассуждение Рудольфа Ивановича о связи искусства с точными науками?). Эту рождественскую открытку Абель изготовил в американской тюрьме. Ему разрешили рисовать в заключении, но не бескорыстно, поручив к Рождеству изготовить для заключенных более двух тысяч открыток... Сюжет «Родное Подмосковье» — одна из них.

— Моя увлеченность искусством и математикой в огромной степени помогали мне переносить все тяготы тюремной жизни, — любил повторять Абель. — Но самое большое, самое высокое чувство, которое я пронес через годы борьбы, труда и невзгод, — это чувство любви к Родине. С ним я никогда и нигде не расставался. Оно дало мне силы преодолеть многое на нелегком жизненном пути далеко от границ России. Это святое чувство. Его должны ценить и стар и млад.

Вадим
Кассис,
Леонид
Колосов

ХРИЗАНТЕМЫ У ТЮРЕМНОЙ СТЕНЫ

Стрелки часов знаменитого лондонского Биг-Бена только что перевалили за цифру шесть. Низкие тучи низвергали на притихшие улицы многомиллионного города потоки воды. Субботний день сдался, оставив попытки продолжать борьбу с ранними осенними сумерками. В трех шагах трудно было разобрать лица редких прохожих. Люди мало выходят в такое время, да еще в непогоду на улицу. Куда приятнее сидеть в мягком кресле возле камина и вести непринужденную беседу о скачках или просто находиться в кругу семьи. Разве только чрезвычайные обстоятельства могут принудить человека сменить домашний уют на уличное ненастье.

В тот сумеречный час 22 октября 1966 года в один из лондонских госпиталей направлялись немногочисленные посетители. И было похоже, что человек, который прохаживался около машины, припаркованной на противоположной стороне улицы у краснокирпичной стены, тоже приехал навестить больного. В руках он держал букет хризантем — так ведь принято в подобных случаях.

Даже то обстоятельство, что тут же рядом, напротив госпиталя, за высокими кирпичными стенами лондонской тюрьмы «Вормвуд скрабз» томились полторы тысячи заключенных, не могло изменить ход мыслей людей под черными зонтиками. Никому и в голову тогда не могло прийти, что рядом... Впрочем, обо всем стало известно уже два с половиной часа спустя, когда во всех пяти тюремных корпусах, окруженных высокими стенами со сторожевыми вышками по углам, зазвучал сигнал тревоги.

В специальном корпусе особого режима надзиратели недосчитались одного заключенного. Расплескивая субботнюю дрему лондонских улиц, в разные концы понеслись на машинах полицейские. В государственных и частных сыскных агентствах беспрерывно звонили телефонные аппараты. На ноги были поставлены все специальные службы, которые имели отношение к розыску. Были перекрыты аэродромы, вокзалы и порты. Казалось совершенно невероятным, что узнику удалось усыпить бдительность надзирателей, охраны, преодолеть множество препон и, покинув пределы тюрьмы, раствориться в восьмимиллионной английской столице. Даже много повидавшие газетные репортеры из отделов полицейской хроники поначалу усомнились в том, что произошло. «Небывалый побег!», «Немыслимо!» — восклицали они. А тут еще этот трогательный букетик розовых хризантем, который обнаружили возле тюремной стены — в том самом месте, где со стены сиротливо свисал край веревочной лестницы.

«Красивый побег!» — не скрывая восхищения, продолжали развивать тему репортеры. Тюремное начальство имело на сей счет свое мнение, ожидая от властей после расследования обстоятельств побега «больших перемен и перемещений по службе», причем, естественно, в одном направлении — вниз. А сам беглец? Раскроем секрет. Он в это время сидел у традиционного лондонского камина перед телевизором и спокойно наблюдал за голубым экраном, на который полиция уже успела выплеснуть первые подробности его исчезновения из «Вормвуд скрабз». В тот вечер он не отказался и от рюмки доброго коньяка. Тем более что чувствовал себя достаточно усталым после всех перипетий этого дня.

Теперь, когда герой нашего повествования давно на свободе, когда ему уже ничто не угрожает, представим его читателю: Джордж Блейк — советский разведчик.

Он сидит перед нами — худощавый, подтянутый. Темно-серый костюм ладно облегает его спортивную фигуру. Выглядит он удивительно моложаво. Гладко зачесанные назад темные волосы слегка отсвечивают рыжиной, оттеняя здоровый цвет лица. Прищур умных глаз. Когда он улыбается, от них к вискам разбегаются мелкие лучики. Очень точная, выверенная речь. Говорит по-русски почти без грамматических и лексических ошибок.

Блейк родился в Голландии. Его мать — голландка, отец — гражданин Великобритании. Джордж унаследовал от отца любовь к меткому, острому слову. Отвечая на наш

вопрос, к скольким годам тюрьмы он был приговорен, Блейк с улыбкой замечает:

— К сорока двум. Но с первой минуты я знал, что этот срок нереальный. Они явно перестарались. Я не мог себе позволить потратить без всякой пользы так много лет в камере. Жизнь человека и так коротка...

— Откуда же возникла столь значительная сумма лет приговора?

— О, не удивляйтесь! Английская фемида умудрилась насчитать мне поначалу даже больше. И только после всякого рода калькуляций на юридической кухне она установилась на сорока двух. Кстати, это, если не ошибаюсь, самый высокий срок наказания, когда-либо выносившийся в Англии...

— Но ведь для такого приговора необходимы столь же веские основания?!

Джордж смеется:

— На этот вопрос я отвечу словами главного судьи Англии лорда Паркера: «Блейк практически свел на нет большинство усилий английского правительства за последнее время».

Какие такие «усилия» имел в виду главный судья? О чем он не отважился сказать яснее, не решился назвать вещи своими именами? Полагаем, что дальнейшая беседа с Блейком поможет читателю уяснить существо этих «усилий английского правительства», а пока попросим советского разведчика рассказать о ранних годах своей жизни.

— Моя юность,— вспоминает Блейк,— связана со второй мировой войной, с ужасами немецкой оккупации. Мы жили тогда на старинной улочке со смешным названием Ботерслоот (Масляная канава) в Роттердаме. У меня не было каких-то особых склонностей, я ничем не отличался от своих сверстников, разве что выглядел слишком уж юным. Несмотря на свои семнадцать, я казался мальчиком. Это обстоятельство поначалу ранило мое самолюбие, а потом неоднократно выручало меня...

Джорджу Блейку исполнилось семнадцать, когда в Голландию вторглись немецко-фашистские войска. Это произошло 10 мая 1940 года. Малочисленная, плохо вооруженная голландская армия быстро откатывалась от границ под напором превосходящих сил гитлеровцев. Немецкая авиация подвергла варварской бомбардировке Роттердам.

— Картина была жуткая,— говорит Джордж.— Город продолжал гореть и дымиться еще несколько дней. Над

Роттердамом не умолкал детский плач, матери и старики ползали на коленях по развалинам, пытаюсь отыскать под обломками домов — а их было разрушено более тридцати тысяч — хоть что-то из одежды, домашней утвари. Старинная улочка Ботерслоот больше не существовала...

Зверская расправа над ни в чем не повинным населением Роттердама оставила глубокий след в душе юноши.

— Подавляющее большинство населения Голландии, — продолжает Блейк, — очень враждебно относилось к захватчикам. Это и явилось основой для формирования движения Сопротивления. Его участники срывали преступные планы оккупантов, пытавшихся угонять рабочих на военные заводы в фатерлянд. Я восхищался отчаянными схватками мужественных людей с бандами голландских прихвостней гитлеровцев. Это были настоящие герои! И без колебаний решил присоединиться к движению Сопротивления.

Блейк умолкает, делает жест рукой и, прищурив глаза, говорит:

— Помните, я в начале нашей беседы подчеркнул, что был щуплым пареньком. Немцы считали меня школьником. Мне удавалось без помех проникать в такие районы, где у любого взрослого человека требовали документы. Для роли связного я подходил как нельзя лучше. Скажу больше: мне поручали доставлять из города в город антифашистские листовки, брошюры... Помню, однажды я получил задание отвезти в соседний городок очередную партию подпольной литературы. Набил до отказа школьный ранец брошюрами, оставшуюся часть сунул под свитер и стремглав бросился на остановку трамвая: надо было успеть на поезд. И вдруг на бегу из-под свитера посыпались брошюры. Я стал лихорадочно их подбирать. Стоявший на остановке немец в офицерской форме спросил: «Спешишь в школу?» Я промямлил что-то неопределенное, похолодев от мысли, что попался. А немец то ли захотел показать перед публикой свою «галантность», то ли еще по каким причинам взялся помогать запыхавшемуся «школьнику» собрать книги...

Шли дни, месяцы. Война продолжалась. Гитлеровцы свирепствовали на оккупированных землях. А где-то там, за водной преградой Ла-Манша, лежал Лондон с зеленым Грин-парком, зданием Королевской академии художеств, сложенном из портландского камня, помрачневший, без вечерних огней Пикадилли и аскетически строгим Биг-Беном. Но, пожалуй, не эти далекие маячки островной

столицы, да и не сыновняя привязанность тянула меня в Лондон. Молодые люди моего возраста искали способы применить свои силы в борьбе с немецкими фашистами. Лично я полагал, что это лучше всего можно сделать в Англии, вступив в ее вооруженные силы. Мы часто слушали радио, внимательно следили за борьбой союзников, и я мечтал: став в Англии военным, в один прекрасный день смогу вернуться в Голландию в качестве освободителя.

Люди, встречаясь, полусеансом говорили о наступлении Красной Армии, смелых акциях Сопротивления, об английском генерале Бернарде Лоу Монтгомери, кому больше других сопутствовала удача. Личность храброго генерала очень заинтересовала меня.

Шел август 1942 года. Обстановка в Северной Африке складывалась для Англии прямо-таки катастрофически — немцы теснили английские войска. Своими танками генерал Роммель предпринимал молниеносные и неожиданные удары в пустыне. Нужно было срочно найти опытного генерала для 8-й армии, который сумел бы противостоять фашистским войскам, действовавшим совместно с итальянцами.

Раздраженный и обеспокоенный неудачами, Черчилль прибывает в Каир, с тем чтобы на месте принять срочные меры. На пост командующего 8-й армией он назначает 55-летнего Монтгомери.

Сухопарый, белобрысый, небольшого роста, с жесткой щетиной усов и светло-голубыми глазами, генерал Монтгомери выслушал Черчилля молча. Затем сухо ответил, что примет решение, только ознакомившись с положением дел. На этом они холодно расстались... В конце концов согласие свое Монтгомери дал. Вскоре доведенные до отчаяния, разуверившиеся в возможности победы солдаты поняли, что этот маленький человек знает свое дело. Он воодушевляет их, обещает верную победу, одерживает первый успех уже тем, что в течение двух месяцев избегает боев, проводит реорганизацию, подвергает хлесткой критике бездарных офицеров, налаживает связь — словом, очень основательно готовится перейти в контрнаступление. Так спустя 46 лет напишет о былых событиях миланский ежемесячник «Сторна иллюстрата».

Надо заметить, что сведения о боях английских войск с частями Роммеля так или иначе все же доходили до Англии и стран, оккупированных гитлеровцами. Их жадно воспринимали все те, кто верил в победу над нацизмом,

кто сам хотел приблизить ее. Среди патриотов-антифашистов был и Блейк.

А теперь давайте снова раскроем итальянский журнал и с его помощью вспомним, какая еще информация доходила до европейцев из Африки:

23 октября англичане начинают наступление на позиции стран «оси»: артподготовка сокрушительна, ее удар мощнее авиационного (американцы потом будут говорить: «Монтгомери молотом колет орехи»). Поведение Монти — так теперь солдаты называют командующего 8-й армией — на поле боя и рискованно, и достойно похвалы одновременно. Он появляется всюду и держит в своих руках положение в каждом секторе боя. Не впадает в панику при отчаянных попытках Роммеля перейти в контратаку. 4 ноября войска Роммеля вынуждены капитулировать. Итало-немецкие войска потерпели сокрушительное поражение.

Как радовала население захваченных фашистами стран Европы эта победа. Ведь она была одержана в дни, когда под Сталинградом шли тяжелейшие бои и исход их был еще неясен.

Бернарду Лоу Монтгомери после триумфа в Африке дают новое задание: осуществить наступление в Южной Италии. В операции по вторжению на Апеннинский полуостров он вновь подтвердил свои способности организатора и тактика во главе теперь уже знаменитой 8-й армии, которая стала называться «армией Монти». Победа следует за победой. Вскоре Монтгомери получает новое ответственное задание. Его ждет «операция Оверлорд» — высадка в Нормандии.

Блейк и его друзья тогда еще не знали, что после окончания войны маршал Монтгомери получит от короля Георга VI титул лорда Эль-Аламейнского (в честь битвы при Эль-Аламейне). Не предполагали, что в майские дни победы советский маршал К. К. Рокоссовский будет непринужденно, по-дружески беседовать о минувших сражениях с фельдмаршалом Монти... Восхищаясь Монтгомери, они даже не хотели подражать ему, а просто стремились стать солдатами, чтобы бить, уничтожать гитлеровцев.

Джордж Блейк рассказывает о перипетиях, которые ему пришлось испытать на сложнейшем пути из Роттердама в Лондон. С паспортами на чужие имена, рискуя каждую минуту, он пробрался через оккупированную гитлеровцами Францию и все же был арестован при переходе

через границу Испании и брошен в тюрьму. Оттуда перемещен в концлагерь «Миранда дель Эбро», где в самых тяжелых условиях содержались представители 26 национальностей из стран оккупированной фашистами Европы.

— Особенно много там было поляков. Они молодцы, выступали в роли застрельщиков протеста против зверств охраны и организаторов борьбы. Однажды такой протест вылился в длительную голодовку, которая во многом решила мою судьбу и судьбу многих других заключенных. Испанские власти выпущены были пойти на уступки и освободить меня как британского подданного.

Надо было двигаться дальше. Но как? Путь лежал через Францию. Нелегальных маршрутов было несколько, и каждый из них разбивался на ряд коротких участков, на которых действовали добровольцы, обеспечивая более или менее безопасный проход беглецов от одного конечного пункта участка к другому. Человек, обслуживавший определенный отрезок пути, забирал людей, допустим, в подвале дома и вел их до автобусной станции, расположенной километрах в тридцати. Там он передавал их другому проводнику, обслуживавшему соседний участок, и так далее. Несмотря на то что разбивка маршрута на короткие этапы неизбежно вела к излишним задержкам, прибегать к этому вынуждало весьма серьезное соображение: когда гестапо удавалось схватить кого-нибудь из работавших на маршруте и с помощью зверских пыток заставить заговорить, он мог выдать только два звена цепи — человека, у которого он принял беглецов, и человека, которому их передал.

Один из самых важных маршрутов, проходивших по территории оккупированной Франции, обслуживался священнослужителями монастырей. Они не только охотно укрывали в своих кельях бежавших, но и облачали их в монашеские одеяния. Под видом монахов люди шли по французской земле от монастыря к монастырю, на юг. А ведь священнослужители знали, что содействие побегу в Англию каралось смертной казнью.

...Лондон встретил Блейка в январе 1943-го довольно неприветливо: последовали бесконечные расспросы. Спецслужбы занимались вопросами «просвечивания» голландских граждан, либо уже проживавших на территории Англии, либо недавних беженцев.

Еще в 1941 году в Вандсворте была создана так называемая Королевская викторианская патриотическая шко-

ла. Все беженцы, прибывавшие в Англию из Европы, в том числе и из Голландии, независимо от пола и возраста направлялись в эту «школу». Там, находясь фактически под стражей, они получали медицинскую помощь и проходили тщательный врачебный осмотр. Люди, которым пришлось пройти сотни и сотни километров, ночевать в сырых подвалах или сараях, голодать и постоянно пребывать в состоянии крайнего нервного напряжения, могли, естественно, принести с собой самые острозаразные заболевания.

После тщательного осмотра прибывших с пристрастием проверяла английская контрразведка, выискивая среди них подозрительных лиц. Затем, «чистых», направляли к иммиграционным властям, где они оформляли надлежащие документы и получали продовольственные талоны. Все время, пока шла проверка, беженцы находились под стражей. Им было запрещено даже получать письма или передачи от родственников или друзей, обосновавшихся здесь ранее. И лишь после этой процедуры беженцев оставляли в покое и те начинали устраивать свою жизнь на чужой земле.

На первый взгляд такое отношение к беженцам-иностранцам может показаться странным: ведь эти люди, вместо того чтобы безропотно покориться немецким фашистам и жить у них под пятой, пожертвовав всем и рискуя жизнью, бежали в единственную страну Западной Европы, где велась настоящая борьба за свободу. Однако надо учесть, что среди каждой сотни беженцев вполне мог оказаться шпион или предатель. Поэтому-то каждого вновь прибывшего властям и приходилось считать потенциально опасным, пока ему не удавалось доказать обратное.

Так, война против немецкого фашизма потребовала отказаться от одного из основных принципов британского права, возлагающего всю тяжесть доказательства вины на обвиняющую сторону. И вот люди, оказавшиеся тогда под подозрением, были вынуждены нести бремя доказательства своей невиновности.

Однако вернемся к Блейку. До того как он в январе 1943 года попал в Лондон, двадцатилетний парень успел пройти достаточно суровую школу жизни и проявил завидную выдержку. У него была одна мысль — попасть в армию и вернуться на родину, чтобы продолжать борьбу с фашизмом. Успешно закончив военно-морское училище, Блейк направляется в распоряжение Главного управления подводной службы. Там готовились специалисты по ди-

версионным операциям, которых забрасывали в расположение противника на так называемых «одноместных подлодках». Однажды во время занятий под водой Блейк, не выдержав перегрузок, внезапно потерял сознание. Комиссия сделала беспощадный вывод: для спецслужбы подводников не годен. Однако, учитывая совершенное знание голландского языка, его переводят в августе 1944 года в голландскую секцию спецслужбы Секрет интеллидженс сервис (СИС).

— У нас были тесные связи с голландской контрразведкой, — вспоминает Блейк. — Работа строилась довольно примитивно, но эффект зачастую превосходил все ожидания. Я получал кодированные телеграммы с указанием на такой-то день и час особо важных целей (включая, например, сообщения о местонахождении того или иного крупного нацистского генерала на территории Голландии), расшифровывал их и передавал координаты штабу британских ВВС. Дальнейшее, думаю, не требует особых пояснений...

Разгром гитлеровской Германии принес свободу народам Европы. Гитлеровцы капитулировали в Голландии 4 мая 1945 года. Блейк вместе с другими сотрудниками СИС выезжает в Голландию с оперативными заданиями по восстановлению контактов с заброшенными туда ранее агентами. Затем СИС направляет его в Гамбург. Именно там вскоре после окончания второй мировой войны стали появляться различные организации недобитых нацистских офицеров, в частности поговаривали о возможности возникновения некоего союза бывших командиров подводных лодок.

— В Англии их особенно боялись, — замечает Блейк. — Они считались самыми яркими носителями гитлеровских идей. В мою задачу входило вести тщательное наблюдение за ними, регулярно докладывать, чем они дышат. А потом прозвучала известная речь Черчилля в Фултоне. Она положила начало периоду «холодной войны» и резко повернула всю деятельность СИС. Спецслужбы Лондона и Вашингтона направили свою подрывную работу против Советского Союза, Болгарии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии. Мне поручили собирать сведения о советских войсках, дислоцированных на территории ГДР, изучать отдельных советских офицеров с целью их последующей вербовки.

Еще до направления в Гамбург Блейк свободно владел голландским, английским, немецким и французским язы-

ками. В ФРГ он начинает заниматься русским языком. Кстати, в дальнейшем Блейк изучит и арабский.

Как-то по служебным делам его квартиру в Гамбурге посетил один высокопоставленный работник из лондонской штаб-квартиры СИС. Заметил на ночном столике Блейка потрепанный учебник русского языка. «Изучаете? — поинтересовался он. — Похвально. Но самодеятельность — это еще не искусство». Этот эпизод повлек за собой в дальнейшем решение руководства СИС направить Блейка на курсы русского языка.

— Не удивляйтесь, если я скажу, что в определенной степени благодарю судьбу за то, что она послала тогда в мою резиденцию этого человека. Русский язык позволил мне познакомиться с русской литературой, лучше узнать советский народ, так много переживший в годы войны. Меня с каждым днем все больше волновал вопрос: если кое-кто в Лондоне и Вашингтоне смотрит сквозь пальцы на то, как Западная Германия наращивает военный потенциал, стало быть, все те огромные жертвы, которые принесли в борьбе с немецким фашизмом Советский Союз и другие страны, могут оказаться напрасными! Значит, в один прекрасный день все может повториться вновь. Нет, этому надо помешать, любыми средствами предотвратить возрастающую опасность реваншизма, угрозу новой войны.

В этой мысли Джордж Блейк день ото дня укреплялся. Так пришло решение стать советским разведчиком.

Блейк посвятил себя делу борьбы с подрывной деятельностью империалистических спецслужб против Советского Союза и стран социалистического содружества. Он выполнил десятки ответственных заданий, предотвратил многие готовившиеся диверсии и провокации, направленные против первого в мире социалистического государства. Положение советского разведчика Блейка в системе английской Интеллидженс сервис позволяло ему внимательно следить за многими подрывными акциями СИС, а также ЦРУ. Блейк был хорошо информирован о некоторых замыслах английской разведки и путях и методах их осуществления.

В 1948 году Блейк, как один из немногих сотрудников английской разведки изучивший русский язык, назначается резидентом СИС «под крышей» вице-консула английского посольства в Сеуле. Блейку поручалось собирать разведывательные данные о Владивостоке, Приморском крае, Восточной Сибири, Маньчжурии.

Вообще, решение руководства СИС о создании резидентуры в Сеуле для работы против СССР не отличалось большой прозорливостью.

— Но отказываться я не стал,— вспоминает разведчик.— И это решение вскоре помогло мне увидеть еще одну войну, которую вели наши союзники: агрессию в Корею. Новая война... Я видел, как гигантские «летающие крепости» бомбили лачуги корейских крестьян, превращая цветущий край в «выжженную землю». Корейский народ вел войну в защиту суверенитета своей родины.

Так я всего за десять лет стал очевидцем и в какой-то степени участником двух войн.

Я удовлетворен тем, что по мере сил способствовал разоблачению и пресечению опасных акций милитаристских сил, что мне удалось внести свою крупицу в борьбу за мир.

После подписания перемирия в Корее 27 июля 1953 года Блейк возвратился в Лондон. Руководство английской разведки назначает Блейка на пост заместителя начальника отдела технических операций СИС.

Мы просим Джорджа пояснить, какие цели ставились перед его отделом.

— Эта служба,— говорит Блейк,— занимается операциями по секретному подслушиванию за рубежом. В первую очередь СИС пытается организовать подслушивание представительств СССР и других социалистических стран в разных странах мира, а также частных квартир работников этих учреждений. Надо сказать, что инициатором наиболее значительных операций по подслушиванию долгое время являлся английский разведчик, бывший резидент СИС в Вене, а затем Западном Берлине Питер Ланн. Вообще, операции по подслушиванию развернуты СИС в большом масштабе, на них тратятся колоссальные средства. Часть этих операций проводилась совместно с ЦРУ.

В СИС имелся также небольшой отдел под кодовым названием «Н». Он занимался тайным вскрытием вализ (мешков) с дипломатической почтой других государств. Вначале была идея возложить на этот отдел обработку материалов, полученных в результате проведения операций по подслушиванию, но затем решили создать самостоятельный отдел технических операций, получивший кодовое наименование «У», заместителем начальника которого я и был назначен. Сейчас по памяти я могу назвать несколько операций по подслушиванию. С помощью операции «Контрари-А» осуществлялось, например, подслу-

шивание польского торгового представительства в Брюсселе. Операция «Контрари-С» означала установку микрофона в номере гостиницы «Астория» в Брюсселе, который специально предназначался для лиц, приезжающих из социалистических стран. Микрофон был вмонтирован также в квартире торгового атташе посольства СССР в Копенгагене. Эта операция носила звучное название «Фантастик», видимо, потому, что ее результаты были фантастично ничтожны,— с иронией добавляет Блейк.— Подслушивались разговоры в квартирах чешского представителя по экспорту в Каире, третьего секретаря болгарской миссии в Лондоне...

— Можете ли вы в этой связи рассказать что-либо о провалах «технических операций» СИС?

— По вполне теперь уже, надеюсь, вам понятным причинам многие операции кончались провалом. В частности, вышеперечисленные. Наиболее крупной «технической операцией», которую длительное время разрабатывали и подготавливали разведчики США и Англии, была известная операция с берлинским туннелем, имевшая кодовое название «Голд» («Золото»).

В один из декабрьских дней 1953 года в Лондоне проходило совершенно секретное совещание представителей Центрального разведывательного управления США и Секрет интеллидженс сервис Великобритании. Совещание выработало решение о прокладке туннеля к линиям связи советских войск и линиям связи Германской Демократической Республики. Предприятие финансировали американцы; сложнейшее оборудование обязалась поставить английская сторона.

Этот шпионский лаз официально был обнаружен связистами Группы советских войск в ГДР 22 апреля 1956 года. Советское правительство направило по официальным каналам соответствующие ноты протеста, в газетах появились неопровержимые фотодокументы и материалы, разоблачающие действия диверсантов. Неподалеку от Шенфельдского шоссе, где пролегает граница американского сектора Берлина (район Альт-Глинике), американские военные власти возвели корпуса станции подслушивания. От них и был прорыт шестисотметровый туннель, оборудованный по последнему слову техники, для подключения подслушивающей, усилительной и прочей шпионской техники к телефонным кабелям на территории ГДР.

После скандального разоблачения, когда все улики были налицо и играть в прятки отпала нужда, высокопостав-

ленные деятели из ЦРУ пытались заявлять, что, мол, эта операция является самой успешной, «самой» результативной за последние годы. (Надо же было хоть как-то оправдать колоссальные расходы, связанные с прокладкой туннеля!) Но тогда еще ни в Вашингтоне, ни в Лондоне не могли даже предположить о главном — их акция оказалась обреченной еще до того, как были составлены чертежи этого «предприятия».

В качестве заместителя начальника отдела «У» Джордж Блейк принимал личное участие в лондонском совещании специалистов-разведчиков СИС и ЦРУ по этой операции. Он внимательно читал протоколы совещания, принимал меры, чтобы ни одна деталь, ни одно указание по этому делу из Лондона не были упущены.

— Однако быть осведомленным — это еще полдела. Важно, чтобы сведения своевременно были переданы в Москву, — продолжал Блейк. — Кроме того, были и другие причины, почему я решил вызвать своего коллегу, который обеспечивал связь с Москвой, на экстренную встречу.

Проведение встреч с коллегами, или «выход на связь», как мы, профессионалы, говорим, — замечает Блейк, — всегда один из самых опасных моментов в работе разведчика. Любой, даже весьма тщательно подготовленный выход на связь несет в себе потенциальный риск. А ведь иногда нужно принимать решение сразу же, на месте...

Так было и тогда, в 1953 году... Уже на подходе к обусловленному месту опытный взгляд отметил полицейскую машину, подозрительных людей на углу. Как быть? Повернуть назад? Отказаться от встречи? А что подумают товарищи? Они ведь будут беспокоиться, не зная, что случилось. Но все обошлось благополучно. Блейку удалось установить, что полиция разыскивает уголовного преступника. Важная встреча состоялась.

— В Секрет интеллидженс сервис и в ЦРУ, — улыбается Блейк, — многие сделали себе карьеру на этом пресловутом туннеле. Разведка собрала здесь такое количество «информации», что потребовался солидный аппарат специалистов для ее обработки...

После работы в Лондоне Блейк направляется в резидентуру СИС в Западный Берлин. Блейк работает там несколько лет и входит в группу сотрудников Интеллидженс сервис, непосредственно занимающуюся работой против Советского Союза.

— Не могли бы вы, Джордж, в связи с этим привести несколько примеров подрывной деятельности английской

разведки против Советского Союза, других социалистических стран и их граждан?

— Охотно. Большая часть деятельности СИС направлена против Советского Союза и социалистических стран.

Рассказывать об организации работы английской разведки против СССР можно очень много. В 1955 году, например, после совещания в СИС было создано специальное подразделение «Русская оперативная секция». В ее задачу входило: усилить работу против советских граждан, находящихся за границей, в том числе в Лондоне, использовать поездки представителей Запада в Советский Союз, забрасывать агентуру на территорию СССР, активизировать мероприятия против дипломатических и других представительств СССР за рубежом.

Вероятно, об этом еще придется говорить, но вот сейчас я вспомнил одну операцию СИС в Западном Берлине. Этот город с самого начала рассматривался в кругах английской и американской разведок как форпост шпионской деятельности против русских. И вот СИС организовала неподалеку от границы советского сектора специальный магазин. По замыслу английской разведки, эта лавочка должна была использоваться для установления контактов с советскими людьми, для вовлечения их в различные коммерческие сделки и как итог — вербовка. Хозяином магазина являлся агент английской разведки, немец по происхождению. Предусматривалось, что, как только в магазине появится первый русский, его надо убедить сделать заказы на дефицитные товары и договориться, чтобы он пришел еще. Больше того, магазин предоставляет покупателю определенные льготы. В подходящий момент русского заказчика под соответствующим предлогом должны познакомить с представителем британской разведки, который и займется его дальнейшей обработкой.

Расскажу об одном забавном случае, связанном с этим магазином. Как-то днем, дежуря по резидентуре СИС, я получил условный сигнал от хозяина магазина: «Появилась русская». В магазин пришлось выехать мне. Там я должен был войти в контакт с покупательницей. С первых минут этот контакт развивался удивительно легко и просто. Женщина назвала себя Ниной, заявила, что она работает инспектором на коммутаторе штаб-квартиры советских войск в Карлсхорсте, и проявила недвусмысленную заинтересованность в продолжении контактов со мной. Дальнейшая более тщательная проверка показала, что Нина вовсе не является Ниной, что она никакая не рус-

ская, а работает в Западном Берлине у одного американца — сотрудника Центрального разведывательного управления... Ну а что касается магазина, то его пришлось через некоторое время закрыть, как «исключительно нерентабельную точку». Вам, вероятно, понятно почему?

Вместе с тем,— добавил Блейк,— мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось неправильное понимание о взаимоотношениях СИС и ЦРУ.

О том, что специальные службы империалистических государств в той или иной мере координируют свою деятельность и даже проводят совместные операции, направленные против Советского Союза и других социалистических стран, против международного коммунистического движения, против прогрессивных организаций, известно.

Большой интерес, по-моему, представляет вопрос о том, какую работу разведки западных государств ведут друг против друга. Так, например, английская разведка постоянно занималась активным изучением французских разведывательных и контрразведывательных служб. В Западном Берлине резидентура СИС составляла подробные характеристики и имела картотеку на работников французских спецслужб. Велось их активное изучение с целью установить, кто из них мог быть использован СИС.

Или, например, деятельность резидентуры СИС в Париже: требовалось добывать секретные данные о новых изобретениях в области военного снабжения и оружия, о научно-исследовательских работах, которые могут сделать Францию независимой с точки зрения военного потенциала, сведения о французской программе развития в области атомной энергии и тому подобные вещи.

Кстати, другие резидентуры СИС в капиталистических странах, включая страны — союзницы по НАТО, также занимаются подобной деятельностью. Резидентура СИС в Швеции ведет шпионаж с целью получения секретных сведений о планах совместной противовоздушной обороны Скандинавии, добыче радиоактивных руд, о работах по усовершенствованию управляемых снарядов и об аэродромах в Северной и Восточной Швеции.

К 1955 году английская разведка имела неплохую агентуру в министерстве иностранных дел ФРГ. Но она все время изыскивала возможности пополнения своей агентурной сети. Так, в 1956 году западноберлинская резидентура СИС проводила операцию по внедрению своего агента в МИД ФРГ. Вообще говоря, во многих звеньях государственного аппарата ФРГ имелись агенты СИС.

Английские разведчики и их агенты также вели активную работу по обработке японских дипломатов за границей. Дело в том, что СИС в силу языкового барьера, социальных условностей и некоторых иных причин испытывала трудности в установлении контактов с японскими должностными лицами в самой Японии. Поэтому было решено организовать работу с дипломатическими представителями Японии в третьих странах. При этом, в частности, рекомендовалось использовать повышенное чувство одиночества, испытываемое японцами за границей.

— Вы многие годы работали в английской разведке и, видимо, можете пролить свет на то, какие средства использует СИС в подрывной деятельности против Советского Союза и других стран социалистического содружества.

— В прессе уже публиковались материалы о том, как СИС в своих целях использует радиокорпорации и журналистов газет и журналов, специализирующихся на организации антисоветских кампаний и провокационных измышлениях против социалистических стран. Это так и есть, хотя журналисты — всего лишь одна из категорий используемых разведкой лиц. СИС охотно обращает «в свою веру» представителей различных экспортно-импортных фирм. Хорошо известно в этом плане дело английского «бизнесмена» Гревилла Винна. Разведка пытается также вербовать агентуру среди туристов, направляющихся в социалистические страны. И что примечательно, СИС привлекает для своей работы людей без каких-либо согласований с другими государственными ведомствами. Однако использование английской разведкой таких лиц, как, например, дипломаты различных рангов, английские сотрудники ООН, требует в соответствии с директивами СИС согласования с МИД Великобритании, хотя, как правило, оно носит чисто формальный характер. Вообще порядок вербовки или использования перечисленных мною официальных лиц, а также граждан Канады, Индии, Пакистана и других стран, входящих в британское Содружество наций, пунктуально определен в инструкциях Интеллидженс сервис, в частности в инструкции, которая носит название «Одербук».

Деятельность Блейка позволила, как правильно оценивал главный судья Англии Паркер, свести на нет многие операции психологической войны и шпионажа против СССР и социалистических стран. Это и были те «усилия английского правительства», о которых вел речь лорд Паркер.

— Что вы пережили, Джордж, как вы себя чувствовали в тюрьме?

Блейк задумывается и не спеша говорит:

— Работа разведчика всегда риск. Я знал, на что иду и во имя чего. Я до конца был убежден в правильности выбора. Это придавало мне силы и в камере лондонской тюрьмы. Прежде всего я поставил перед собой задачу сохранить умственное и физическое здоровье, чтобы в конце концов совершить побег и продолжать бороться. Я добился разрешения тюремных властей совершенствовать арабский язык, занимался физическими упражнениями по системе йогов...

Будучи за решеткой, — продолжает он, — я всегда твердо знал, что друзья не забудут меня. В первую очередь, конечно, моя мать. Она, как и прежде, осталась для меня самым близким и дорогим другом. Когда меня арестовали и объявили приговор — сорок два года, она отдала в химчистку мои костюмы, потом пронафталинила их и сложила в гардероб. «Пусть вещи ждут своего хозяина, — часенько говорила она друзьям. — Джордж вернется на свободу!» Неунывающая, крепкая духом женщина.

Я впервые за всю свою жизнь даю интервью журналистам, — признается Блейк. — Да это и понятно. О трудной и вместе с тем интересной работе разведчика люди узнают много лет спустя, да и то не всегда...

Самоотверженная деятельность товарища Дж. Блейка была отмечена высокими правительственными наградами — орденами Ленина и Красного Знамени, другими орденами и медалями.

Мы подумали тогда, что это, видимо, далеко не последнее интервью Блейка.

И не ошиблись. Как-то в одной вечерней телепередаче весной 1988 года мы увидели знакомое лицо, все ту же подтянутую фигуру, слышали присущие этому человеку специфические интонации русского языка. Джордж Блейк смотрелся с экрана ТВ удивительно молодо, щурясь под софитами, непринужденно, уверенно отвечал на вопросы ведущего, лукаво улыбался.

Вызвало недоумение в этой интересной, поучительной передаче голубого экрана лишь одно обстоятельство: ведущий безапелляционно заверил зрителей, что он, дескать, только что впервые узнал о житье-бытье Джорджа Блейка из... «западных источников», не удосужившись, как говорится, заглянуть в святцы. Ну что ж, молодому коллеге подобную неосведомленность можно и простить.

А неделей позже мы оказались в очередной служебной командировке на родине Блейка в Роттердаме — крупнейшем порту современного мира. Мы совершили традиционную воскресную прогулку на катере по северному рукаву дельты Рейна, бродили по улицам города. Следов минувшей войны как не бывало. Спрашиваем у сопровождавших нас соотечественников из общества «Родина», где находится улица Ботерслоот. Один из участников голландского движения Сопротивления, носящий на лацкане пиджака юбилейную медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Лангефельд растерянно пожимает плечами:

— Была такая, помню с детства. Но ведь гитлеровцы варварски бомбили наш город. От нее ничего не осталось...

Ничего не осталось... Но остались живы люди, которые помнят, кто принес горе и страдания миллионам, кто в ответе за злодеяния. И доброй памятью одаряют тех, кто в тяжелую годину боролся с фашистами, склоняют головы перед павшими героями и воздают честь и славу ныне живущим патриотам. Джордж Блейк среди них.

СОДЕРЖАНИЕ

Помнить о подвигах советских разведчиков	5
<i>Михаил Колесников. За солдатами на Лемнос. Несколько дней из жизни Константина Макошина</i>	13
<i>Александра Анисимова. В январе сорок пятого...</i>	64
<i>Николай Пономарев. Испытание мужеством</i>	102
<i>Михаил Кореневский, Александр Сгибнев. «Прошу пригласить свидетеля Аганина!»</i>	129
<i>Иван Василевич. Когда провалены явки</i>	180
<i>Александр Сгибнев. Ее звали Танка</i>	232
<i>Анатолий Семенов, Александр Андреев. Последний приказ</i>	254
<i>Вадим Кассис, Леонид Колосов. Трудные дороги</i>	280
<i>Вадим Кассис, Леонид Колосов. Хризантемы у тюремной стены</i>	318

ПОДВИГ ЖИВЕТ ВЕЧНО

Рассказы о разведчиках

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редактор *О. В. Вадеев*

Младший редактор *В. А. Зотова*

Художник *В. Г. Фескин*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Н. А. Шавкунова*

ИБ № 7953

Сдано в набор 23.02.90. Подписано в печать 25.05.90. А00864. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,06. Усл. кр.-отт. 19,95. Уч.-изд. л. 19,58. Тираж 200 000 экз. Заказ № 2361. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени

типография издательства «Звезда».

614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Издательство
политической
литературы

ПОДВЯЖИТЕ СЕБЕ